

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

Е. А. БУДИЛОВА

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

очерки истории
русской психологии
конца XIX—начала XX века

Annotation

Издание подготовлено к 110-летию со дня рождения крупного методолога и историка психологии Елены Александровны Будиловой. В него включены монография «Социально-психологические проблемы в русской науке» (1983), избранные статьи по истории российской психологии на рубеже XIX–XX вв., а также материалы к биографии (интервью, воспоминания, библиография трудов Е. А. Будиловой, поздравительные стихи к ее юбилеям, редкие фотографии).

- [Елена Будилова](#)
  -
  - [Е. А. Будилова как историк и методолог психологии](#)
    - [Краткие биографические сведения](#)
    - [Вклад в разработку философских и методологических проблем психологии](#)
    - [Научное наследие](#)
    - [Литература](#)
  - [Социально-психологические проблемы в русской науке](#)
    - [Введение](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Заключение](#)

- [Литература](#)
- [Избранные статьи Е. А. Будиловой](#)
  - [Проблема личности в русской психологии второй половины XIX-начала XX в.\[9\]](#)
    - [Категория личности в русской идеалистической психологии](#)
    - [Проблема личности в сеченовской материалистической психологии](#)
    - [Полемика о свободе воли](#)
    - [Изучение личности в педагогической психологии](#)
    - [Развитие экспериментальных исследований личности и их теоретическое обобщение](#)
    - [Литература](#)
  - [100-летие первой русской экспериментальной психологической лаборатории\[13\]](#)
    - [Литература](#)
  - [Полемика о психологическом эксперименте на всероссийских съездах по педагогической психологии\[17\]](#)
    - [Литература](#)
  - [На рубеже двух веков \(к 100-летию журнала «Вопросы философии и психологии»\)\[18\]](#)
    - [Литература](#)
- [Материалы к биографии](#)
  - [Годы учения у С. Л. Рубинштейна\[19\]](#)
  - [К 80-летию Елены Александровны Будиловой \(интервью\)\[20\]](#)
  - [Интервью с Людмилой Ивановной Анцыферовой\[22\]](#)

- [Библиография печатных трудов Е. А. Будиловой](#)
  - [Моя мать\[23\]](#)
  - [Стихотворные поздравления с юбилеями\[25\]](#)
    - [Ода Е. А. Будиловой](#)
    - [Елене Мудрой и Прекрасной\[26\]](#)
  - [Фотографии](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
    - [21](#)
    - [22](#)
    - [23](#)
    - [24](#)
    - [25](#)
    - [26](#)
-

Елена Будилова **На рубеже веков. Очерки** **истории русской психологии** **конца XIX — начала XX века**

Российская академия наук
Институт психологии

Под общей редакцией
Виктора Исаевича Белопольского, Анатолия
Лактионовича Журавлева

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2019

**Е. А. Будилова как историк и
методолог психологии**
Т. И. Артемьева,
А. Л. Журавлев,
В. А. Кольцова,
О. В. Шапошникова

В серии «Выдающиеся ученые Института психологии РАН» выходит книга Елены Александровны Будиловой «На рубеже веков: Очерки истории русской психологии конца XIX — начала XX века». Эта книга, объединяющая избранные труды последних лет жизни Е. А. Будиловой, посвящена 110-летию со дня ее рождения.

Краткие биографические сведения

Елена Александровна Будилова (1909–1991) является одним из наиболее крупных и авторитетных специалистов в области изучения истории отечественной психологической науки. Елена Александровна родилась 12 марта 1909 г. в Москве. В 1926 г. она поступила на историко-философский факультет Московского государственного университета. Две области знания — история и философия — определили направления научной деятельности Елены Александровны. Завершив обучение в университете в 1930 г., она получила диплом по специальности «этнограф». С 1929 по 1941 г. работала литературным редактором в ряде журналов («Антирелигиозник», «Безбожник»), в Сельхозгизе. С 1943 по 1947 г. была редактором отдела агитации и пропаганды Всесоюзного Радио.

Следующий этап биографии Елены Александровны — учеба в аспирантуре Института философии Академии наук СССР (1947–1950). Елена Александровна вспоминала об этом периоде: «Сектор психологии Института философии АН СССР в 1947 г. объявил прием в аспирантуру по психологии. Тогда я и стала аспиранткой С. Л. Рубинштейна. В тот год все мы, поступавшие в аспирантуру, не имели специальной психологической подготовки. Только потом я поняла, на какой огромный труд обрекал себя руководитель сектора, взявшись за наше обучение, и как велико было его стремление помочь психологической науке.

Мне предстояло определить направление моей работы. У меня не было опыта психологических исследований, и я, испытывая почтение перед экспериментальной психологией, в то же время не

решалась заниматься экспериментами, хотела углубить свои знания и обратилась к истории» (Будилова, 1989, с. 152). На научную деятельность Елены Александровны Сергей Леонидович Рубинштейн оказал большое влияние, под его руководством она написала и успешно защитила кандидатскую диссертацию (1950).

В 1950–1956 гг. Е. А. Будилова по направлению аспирантуры работала в научно-методическом отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. В эти годы она опубликовала несколько научно-популярных статей и брошюр, посвященных научному объяснению психических явлений, религиозных верований и т. п. (Будилова, 1951а, б, 1954; Левина, Будилова, 1954).

В 1956 г. Елена Александровна стала сотрудником сектора философских проблем психологии Института философии АН СССР, в составе которого она перешла в 1972 г. во вновь организованный Институт психологии АН СССР (в настоящее время — Институт психологии РАН). Центральное место в работе коллектива сектора (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, Е. В. Шорохова, М. Г. Ярошевский и др.) занимало исследование философских, методологических и теоретических проблем психологии. В работах Е. А. Будиловой эти проблемы рассматривались в историческом аспекте.

В течение всего периода деятельности в Институте Е. А. Будилова вела большую научно-организационную и консультативную работу: занималась подготовкой и проведением симпозиумов по истории психологии на VI, VII съездах психологов, участвовала в организации и проведении юбилейной конференции, посвященной 100-летию С. Л. Рубинштейна (1988, 1989), принимала участие в составлении проекта серии «Психологическое наследие», была членом бюро Научного совета по теории и истории развития психологии при АПН, председателем конкурсных комиссий Института

психологии, была профоргом, выполняла обязанности ученого секретаря специализированного совета по защите докторских диссертаций, участвовала во всех психологических форумах и совещаниях. В последние годы стала профессором-консультантом Института психологии Академии наук СССР.

Научный вклад Елены Александровны был высоко оценен ее коллегами в связи с празднованием ее 80-летия: «Ваши книги стали настольными книгами для всех, кто вступает на путь научных исканий; они являются подлинной энциклопедией истории нашей науки, помогают понять глубокую преемственность традиций отечественной психологической науки, по достоинству оценить ее оригинальность и самобытность» (Научный архив ИП РАН. Оп. 4.2.2. Д. № 1. Л. 15).

Вклад в разработку философских и методологических проблем психологии

Научные позиции Елены Александровны формировались под влиянием идеологии советского общества, что во многом определило характер ее научных взглядов. Официальной идеологической базой советской науки был марксизм-ленинизм, и непреложное следование его принципам являлось общепринятой нормой научной мысли. Вместе с тем следует отметить, что именно в советский период в качестве важнейшей задачи выдвигается создание теоретико-методологических основ психологии, центральное место в системе психологической науки занимает разработка методологических проблем, соответствующих как логике науки, так и запросам практики. Идеи марксистской философии творчески осмысливались учеными и выступали в качестве конструктивных общеметодологических оснований развития разных отраслей психологии, в том числе истории психологии.

Разработка методологических проблем велась Еленой Александровной в двух направлениях: в русле методологии истории психологии и истории методологии отечественной психологии в целом. Ее работы имеют большое научное значение, воплощая в себе лучшие традиции отечественной психологии и историографии XX в. Она существенно обогатила психологическую науку обширной фактологией, открыв много неизвестных ранее научной общественности имен и представив широкую панораму развития отечественной психологии на разных этапах ее истории.

Стиль научной деятельности Елены Александровны отличается строгой доказательностью и логической

обоснованностью положений и выводов; фактуальностью и глубиной методологической проработки исследуемых проблем; системностью и комплексностью их анализа. И именно в силу этого, несмотря на происходящие в последние десятилетия серьезные изменения идейных оснований нашей науки, отказ от многих традиционных исходных постулатов и поиск новых методологических принципов, они сохраняют научную значимость и актуальность для современного историко-психологического знания. Имплицитные методологические положения, лежащие в основе ее исследовательской деятельности, а также отрефлексированные ею принципы историко-психологического анализа представляют большую ценность для разработки конкретных проблем истории психологии и ее методологии.

Елену Александровну отличали новаторский подход к решению научных задач, умение вычленять и исследовать новые и важные аспекты в изучении психологического познания. Именно она впервые обратилась к исследованию психологического наследия И. М. Сеченова, положив тем самым начало целому циклу работ по истории психологии, направленному на изучение вклада ученого в развитие объективного подхода в психологии, его роли в становлении психологии в нашей стране как самостоятельной науки. Елена Александровна рассказывала, как заинтересованно следил Сергей Леонидович Рубинштейн за ходом ее исследования, высоко оценивая полученный результат.

Основное место в творчестве Елены Александровны занимает разработка методологических проблем отечественной психологии, чему посвящены ее монографии «Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке» и «Философские

проблемы в советской психологии», а также ряд других работ.

Показано, что центром идейной борьбы в русской психологической науке на всех этапах ее развития были дискуссии по философским проблемам психологии — о природе психического, предмете и методе психологии, особенностях чувственного познания и мышления, «свободе воли», о соотношении теории и эксперимента.

Анализируя историю русской дореволюционной мысли, Елена Александровна впервые раскрыла целостную картину развития психологии на этом этапе, выделила и охарактеризовала все основные ее направления. Являясь последовательным сторонником материалистического подхода, она тем не менее не оставила без внимания ни одну значимую персоналию, представляющую идеалистическое течение в психологии, введя это направление в историю и обеспечив его последующее содержательное исследование. Встречающиеся в ее работах чрезмерно резкие оценки отдельных ученых этого направления («реакционер» и т. д.) не являлись отражением только требований времени, но были продиктованы, как представляется, также ее искренним убеждением в продуктивности и исторической перспективности диалектико-материалистической методологии.

Исходным постулатом Елены Александровны было представление о том, что решение философских проблем психологии непосредственно влияет на построение психологической теории и имеет методологическое значение для анализа истории развития психологической науки. Каждая теория связана с определенным решением философских проблем психологии, поэтому анализ философских оснований психологических теорий позволяет глубже исследовать их научное содержание; раскрывать методологические принципы, определяющие способ

получения фактов, их обобщение, решение как общих, так и частных вопросов научного исследования; рассматривать взаимоотношение теорий и видеть за их внешним сходством коренные отличия друг от друга или, наоборот, выявлять общую линию их развития, скрывающуюся за внешней противоположностью.

В разные исторические периоды научная мысль в качестве предмета изучения выделяет то одну, то другую сторону познаваемого объекта, что, по мнению Елены Александровны, определяется и условиями общественной жизни, и логикой развития науки, которая в конечном счете детерминируется ее объектом, преломляемым в процессе познания в научные понятия. Соответственно в результате анализа психологических теорий возникает возможность проследить реальную диалектику развития психологической мысли.

Для того чтобы в полном объеме представить проблемы методологии истории психологии, необходимо, как считала Елена Александровна, проследить весь ход научных событий, в конкретно-историческом анализе борьбы идей и взаимодействия теорий раскрыть взаимоотношение основных факторов научного познания. Одной из особенностей ее научного подхода является то, что анализ философских проблем приобретает в ее работах *роль методологического принципа*.

В круг методологических проблем Елена Александровна вводит прежде всего вопрос о природе психического, что, в свою очередь, предполагает рассмотрение соотношения психики с окружающим миром, психических процессов — с физиологическими, исследование детерминации психики, активности сознания и его связи с деятельностью человека. Вопрос о природе психического оценивается ею как фундаментальный, имеющий основополагающее методологическое значение для изучения сложного и

противоречивого пути развития психологической науки, воссоздания адекватной картины ее исторического прошлого.

Научное наследие

Елена Александровна опубликовала около ста научных работ, среди них четыре фундаментальные монографии («Учение И. М. Сеченова об ощущении и мышлении», 1954; «Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке», 1960; «Философские проблемы в советской психологии», 1972; «Социально-психологические проблемы в русской науке», 1983), разделы в ряде коллективных монографий и статьи по разным проблемам истории психологии. Ее работы и сегодня являются настольными книгами для историков психологии.

Вершиной научного творчества Елены Александровны стала монография «Философские проблемы в советской психологии» (1972). Книга посвящена основным этапам развития советской психологии, выделены их философско-методологические основания, прослежена история разработки ключевых проблем психологии: развития психики, сознания и деятельности, рефлексорной теории психики, ее детерминации и др. Елена Александровна убедительно доказывает, что введение марксистского учения в психологию определялось не только идеологическими требованиями и субъективным принятием этой философской парадигмы, но и состоянием психологии, уровнем научной рефлексии и разработки ее теоретических проблем, возможностями использования методологических положений диалектического материализма для обоснования конкретно-научных методологических принципов, учитывающих особенности исследуемого объекта и закономерности внутренней логики развития психологической науки.

В книге были выделены и охарактеризованы ведущие философско-теоретические проблемы для каждого из трех периодов развития советской психологии: начального (1917–1931), становления марксистской психологии (1931–1945) и послевоенного. Показано, как благодаря творческим усилиям советских ученых в острых научных дискуссиях рождалось и утверждалось современное представление о природе психического и разных его характеристиках, проявляющихся в многообразии отношений с миром, и как на этой основе формировалась система методологических принципов психологической науки.

Елена Александровна подчеркивает, что реализация положений марксистской философии в психологии происходит в процессе непрерывного развития самой науки, которая по мере своего роста и обогащения новыми фактами ставит новые методологические проблемы, требующие, в свою очередь, дальнейшего развития. Согласно ее мнению, изучение исторического пути советской психологии со всей очевидностью демонстрирует решающее значение диалектического метода в развитии методологии науки.

Монография «Философские проблемы в советской психологии» в 1973 г. была защищена Е. А. Будиловой в качестве диссертации на степень доктора психологических наук (Научный архив ИП РАН, Ф. 20. Оп. 3.2. Д. 1. Л. 125).

Значительное место в работах Е. А. Будиловой занимает рассмотрение собственно системы принципов истории психологии — принципа развития, единства логического и исторического, системного анализа.

Специальное внимание в русле разработки методологических вопросов истории психологии Е. А. Будилова уделяет анализу принципа соотношении логического и исторического. Указанный принцип ориентирует исследователя на поиск фундаментальных

оснований развития научного знания, на то, чтобы «в сложной и конкретной исторической действительности найти основную логическую нить развития науки, которая выражает закономерность этого развития» (Будилова, 1988, с. 233). Реализация данного принципа определяет изучение истории психологии в различных аспектах: тех конкретных исторических условий, в которых наука включалась в общественную жизнь; логических теоретических связей, в которых строились психологические знания каждого этапа, с одной стороны, и того соотношения, в котором они находятся в современной психологической науке — с другой. Исследование применения категорий исторического и логического в психологической науке, таким образом, привело к разработке методологической проблемы взаимосвязи этих категорий, реализации принципа единства исторического и логического в изучении истории отечественной психологии и определении актуальных задач современных историко-теоретических исследований.

В статье «Взаимосвязь теории и истории», опубликованной в коллективном труде «Теоретические и методологические проблемы психологии» (Будилова, 1969), ставится вопрос о соотношении проблем исторического исследования с современной психологической теорией, выдвигается и обосновывается мысль о методологическом значении философских основ психологии в оценке историко-психологических явлений.

Е. А. Будилова предлагает методологические подходы к решению проблемы периодизации истории психологии. На основании обобщения историко-теоретических работ ею была разработана периодизация отечественной истории психологии дореволюционного периода (со времени ее выделения из философских наук) и советского времени.

Критериями периодизации названы: связь психологии с практикой, выражающаяся в развитии отраслевых психологических дисциплин, а также ее взаимодействие с рядом других наук. Специального внимания, по мнению Е. А. Будиловой, требует рассмотрение вопроса о соотношении периодизации истории психологической мысли, обусловленной внутренней логикой ее развития, и периодизации общей истории, философии и истории естествознания (Будилова, 1976).

Рассматривая вопрос о взаимоотношении истории и теории, Елена Александровна указывает на их диалектическую связь. «Теория благодаря истории пополняется новыми знаниями и поднимается на новые ступени в своем приближении к все более полному познанию изучаемой области действительности. В свою очередь, поднявшись на новую ступень научного познания, теоретическая мысль обращается к истории и с новой точки зрения оценивает все прошлые знания» (Будилова, 1988, с. 232).

* * *

В данном издании публикуется последняя по дате публикации, но не по ее значимости монография Е. А. Будиловой «Социально-психологические проблемы в русской науке», вышедшая в свет в 1983 г. небольшим тиражом и давно уже ставшая библиографической редкостью, а также ряд ее статей, объединенных общей темой — российская психология на рубеже XIX–XX вв.

В публикуемой книге впервые рассмотрены истоки отечественной социально-психологической мысли, формирующейся в разных отраслях научного знания и сферах практики конца XIX — начала XX в. В ней глубоко на большом конкретном материале обоснованы положения о детерминации психологического знания

потребностями и запросами практики, о роли обыденного знания в развитии психологической науки, о вкладе специалистов-практиков в изучение ее различных аспектов.

Само становление и развитие социальной психологии проходило в идеологической борьбе, что отразилось в острых дискуссиях, развернувшихся по поводу ряда положений. Е. А. Будилова воссоздавала в своих работах суть разногласий оппонентов, отмечала сильные и слабые стороны их позиций. Кроме того, она подчеркивала сложность предмета социальной психологии, его многоаспектность. Разработка социальной тематики осуществляется многими отраслями психологии (военной, авиационной, юридической, этнической), социальные вопросы по-своему рассматриваются в ряде наук — социологии, истории, языкознании. Однако социальная психология решает эти проблемы на качественно ином уровне. Книга построена по принципу объединения проблем социальной психологии по мере их возникновения и развития. Как существенная особенность социальной психологии отмечается ее конкретность, связь с практикой, с экспериментом. Раскрываются основные проблемы науки: психологические особенности общности людей, проявляющиеся в их совместной деятельности и общении, взаимодействие личности и группы, действия толпы, управление массами, власть и подчинение, потребность человека в коллективной деятельности, в общении и др. Отдельные главы книги посвящены юридической, военной, этнической психологии, психиатрии, проблемам взаимодействия социальной психологии и православной церкви.

В статье 1974 г. «Проблема личности в русской психологии второй половины XIX — начала XX века» Е. А. Будилова рассматривает значение проблемы личности для развития психологии того времени, место

в борьбе двух направлений — идеалистического и материалистического, связь ее разработки с решением методологических вопросов. Приводятся данные о первых экспериментальных исследованиях личности и о методах такого исследования. В трудах русского психолога А. Ф. Лазурского Е. А. Будилова находит истоки некоторых современных идей и тенденций в разработке психологии личности.

В статье «100-летие первой русской экспериментальной психологической лаборатории» (1985) изложено понимание психологии, сформулированное И. М. Сеченовым, который впервые выдвинул задачу развития психологической науки как самостоятельной отрасли знания, опирающейся на экспериментальные методы исследования. Успехи, достигнутые естествознанием в XIX в., прежде всего, в изучении физиологии органов чувств и психофизики, способствовали возникновению экспериментальной психологии. Е. А. Будилова раскрывает роль основателя первой российской психологической лаборатории В. М. Бехтерева и других отечественных ученых в решении этой задачи.

В статье «Полемика о психологическом эксперименте на всероссийских съездах по педагогической психологии» (1988) речь идет о столкновении разных взглядов на роль эксперимента в психологической науке, на соотношение теории и эксперимента, на экспериментальные методы — объективный и субъективный. Приводятся точки зрения на этот предмет ведущих российских ученых (В. М. Бехтерева, А. П. Нечаева, Н. Е. Румянцева, Л. И. Введенского, Г. И. Челпанова, Н. Н. Ланге, А. Ф. Лазурского), изложенные на первых Всероссийских психологических съездах. В ходе этих дискуссий происходило организационное укрепление экспериментальной психологии.

Статья «На рубеже двух веков» написана в 1989 г. в связи со 100-летием журнала «Вопросы философии и психологии». Е. А. Будилова прослеживает процесс становления психологии как самостоятельной науки в России. В 1885 г. было основано Психологическое общество при Московском университете, а в 1889 г. начал выходить журнал «Вопросы философии и психологии», освещавший основные вехи развития психологии. На страницах этого журнала, с одной стороны, провозглашались идеи позитивизма, постепенно вытесняемые новыми принципами энергетизма, а с другой — всесторонне обсуждалось и набирало силу экспериментально-психологическое направление исследований. Автор подчеркивает, что к началу XX в. в российской психологии сложились две основные линии исследований: блок интроспективной психологии на основе идеалистической философии под влиянием неокантианства и экспериментально-психологическое движение, находящееся под влиянием теории Сеченова, представленное, в частности, школой Бехтерева. Новый период психологической науки начался с построения марксистской советской психологии и отрицания научного наследия прошлого.

Мы искренне убеждены, что труды Е. А. Будиловой и сегодня не потеряли свою актуальность, являясь источником ценнейшего исторического материала по истории отечественной психологии и примером строгого научного анализа и интерпретации исторических фактов. Настоящее издание избранных работ Е. А. Будиловой сделает это богатое наследие более доступным и для современных психологов, интересующихся историей этой науки.

Литература

Будилова Е. А. Марксизм-ленинизм о религии и путях ее преодоления // Библиотекарь. 1951а. № 4.

Будилова Е. А. Великий русский ученый И. П. Павлов // Пропаганда естественно-научных знаний. М.: Госкультпросветиздат, 1951б.

Будилова Е. А. Что читать по вопросам научно-атеистической пропаганды // Партийная жизнь. 1954. № 12.

Будилова Е. А. Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1960.

Будилова Е. А. О некоторых методологических вопросах истории психологии // Доклад на XVIII Международном психологическом конгрессе в Москве. М., 1966.

Будилова Е. А. Взаимосвязь теории и истории // Теоретические и методологические проблемы психологии. М., 1969.

Будилова Е. А. Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.

Будилова Е. А. О периодизации истории психологии в СССР // Актуальные проблемы истории и теории психологии. Ереван, 1976.

Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.

Будилова Е. А. Категории исторического и логического в методологии истории науки // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988.

Будилова Е. А. Интервью к 80-летию // Психологический журнал. 1989. № 2. С. 152–155.

Левина С. С., Будилова Е. А. Как наука объясняет психическую деятельность человека. М.:

Государственная библиотека им. В. И. Ленина, 1954.

Научный архив ИП РАН. Личный фонд
Е. А. Будиловой. Оп. 4.2.2. Д. № 1. Л. 15.

Российский государственный архив социально-
политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 146.
Л. 50.

Социально-психологические проблемы в русской науке

Первое издание: М.: Наука, 1983.

Введение

Методологические установки системного подхода в применении к историко-психологическому исследованию требуют многопланового изучения исторического процесса создания науки, поскольку исторические закономерности не могут быть сведены к однозначной детерминации, хотя всегда можно выделить ведущую детерминацию. Действие тех или иных факторов зависит как от внутренних условий развития науки, ее собственной логики, так и от внешних условий, общей исторической обстановки, вопросов общественной практики. Исследование конкретных исторических условий роста науки дает возможность раскрыть совокупность всех действующих в ней детерминант.

Системный подход, распространенный на анализ процесса развития психологической науки, предполагает всестороннее изучение ее истории, ее множественных связей с общественно-историческими условиями, а также связей с другими науками. Он означает изучение того, как шло познание различных качеств психического в разных теориях и областях практики, в широком диапазоне — от психофизиологических явлений до положения человека в обществе, до его совместной деятельности с другими людьми, его поведения и психического состояния в коллективе, до социально-психологической жизни людей. Расширение тематики исторических работ открывает новые линии, по которым шло развитие психологии в России, а это позволяет вести разработку новых пластов исторической действительности, ставит перед историками науки новые задачи.

Многостороннее изучение истории психологической науки требует выяснения тех исторических конкретных

условий, в которых она включалась в общественную жизнь. Вместе с тем особенностью исторического познания является то, что в нем представлены два времени: время, которое познается, и время осуществления исследования. Принцип единства логического и исторического позволяет найти основную логическую нить, которая выражает закономерность развития науки.

Последовательность разработки истории отечественной психологии такова, что в первую очередь исследованию подверглась главная линия ее развития — материалистическое направление психологии со времени ее самоопределения в 60-х годах прошлого века и до Великой Октябрьской социалистической революции. Борьба за утверждение материалистического направления выдвинула на первый план философские проблемы психологии. Изучению подверглись те вопросы, по которым в свое время шли дискуссии между материалистическим и идеалистическим направлениями.

Психологическое учение И. М. Сеченова давало общие исходные принципы материалистической психологической теории, достаточно широкие, чтобы они стали основанием для материалистического детерминизма в объяснении психики — ее отражательной и регулирующей функции в деятельности человека, ее природной сущности. И в то же время эти принципы были узки, недостаточны для объяснения общественной сущности человека, хотя ни в какой мере не противостояли, а наоборот, предполагали ее. Сам Сеченов настойчиво подчеркивал, что в его теории развитие человека ставится в зависимость от обстоятельств его жизни.

Исследование борьбы двух основных направлений — материалистического и идеалистического — в русской психологической науке досоветского периода открыло

связь многих событий в ее истории и позволило оценить значение для нее сеченовской психологической теории и его программы разработки психологии. Ряд историко-теоретических трудов был посвящен психологическому наследию И. М. Сеченова и проблеме детерминизма в истории психологии.

В последовательности историко-теоретических исследований существенна их связь с современной наукой — именно она определяет актуализацию тех или иных проблем. Для современной советской психологической науки характерны усиление связей с общественной практикой и развитие прикладных психологических дисциплин, поэтому не случайно большинство историко-психологических работ последних лет посвящено военной, авиационной, юридической и другим отраслям психологии. Для современной социальной психологии, занявшей столь видное место среди психологических дисциплин и находящейся в связи с рядом разделов общей психологии, важно, чтобы ее прошлое было восстановлено возможно полнее.

Социально-психологические проблемы до сих пор оставались за пределами историко-теоретических исследований. Предпринятое их изучение в историческом аспекте показало, что эти проблемы возникали в разных сферах общественной практики, и требование практического применения социально-психологических знаний направляло развитие социальной психологии, начиная с первых описаний социально-психологических явлений, связанных с теми или иными сторонами жизни общества.

Историческая обстановка в России во второй половине XIX в. обусловила особенности становления отечественной социальной психологии. Социально-психологические проблемы вплетались в общественную жизнь страны, привлекали к себе внимание тех, кто по

роду своих занятий соприкасался с ними, работая в разных областях практики или занимаясь исследованиями в разных областях науки о человеке. Особенности психических состояний людей при совместной деятельности и общении между собой, поведение людей в толпе, разного рода общности — большие и малые группы, постоянные коллективы и случайные сборища — становятся предметом изучения. Речь идет о психологии социальных отношений — правовых, бытовых, о власти и подчинении, об управлении массами. Привлекают внимание социальные нормы — принятие их группами и индивидами, нормы поведения больших и малых групп в тех или иных этнических общностях.

Предмет, методы и задачи социальной психологии были определены значительно позже, чем появились описания и исследования социально-психологических явлений. Первым в русской психологии определение предмета, задач и методов социальной психологии дал в 1910 г. В. М. Бехтерев. Обособление социальной психологии как особой психологической дисциплины произошло позже, чем фактически совершилось рождение новой отрасли психологии.

Особенностью формирования социальной психологии явилось то, что ее проблемы были присущи многим отраслям психологии, которые зарождались одновременно с самоопределением психологии. И вместе с тем эти проблемы обнаруживали качественное различие в своих проявлениях, детерминированное родом общественной деятельности, в которой они возникали. Проблемы социальной психологии по-своему ставились и по-своему решались и в специальных отраслях психологии — военной, юридической, этнической, и в таких науках, как социология, история, языкознание и другие, в которых мы встречаемся с попытками специального изучения социально-

психологических проблем и сбора эмпирического материала.

На развитие социальной психологии в России повлиял тот факт, что решение вопроса о кадрах психологов-специалистов отразило острую идеологическую борьбу, в процессе которой происходило выделение психологии в самостоятельную науку. Вопрос «Кому и как разрабатывать психологию?», поставленный Сеченовым в его программной статье, носящей это заглавие, оставался злободневным в течение всего досоветского периода психологической науки. После смерти И. М. Сеченова его противник Г. И. Челпанов возвращался к этому вопросу в 1906 г. на I Всероссийском съезде по педагогической психологии, а потом на вступительной лекции по курсу психологии в Московском университете.

Характерной чертой отраслевой психологии оставалось то, что ее развивали специалисты разных областей науки и практики. Соответственно они и подходили к проблемам социальной психологии. Отсюда соотношение психологической теории и наблюдаемых социально-психологических явлений: беспомощность в теоретических вопросах и обилие жизненных наблюдений. Отличие постановки социально-психологических проблем заключалось в их конкретности, это ни в какой мере не были абстрактные рассуждения, оторванные от жизни. Стремление к конкретному социально-психологическому исследованию проявлялось по-разному: обследование по программам, заполнение анкет, наблюдение, включение в жизнь обследуемой группы на правах ее члена, психологический анализ статистических данных, лабораторный эксперимент. Во всех случаях эти первые конкретные социально-психологические исследования были связаны с практикой.

Перед историко-психологическим исследованием встала особенная задача: выделить социально-психологические проблемы не только внутри отраслей психологии, история которых лишь в настоящее время становится предметом изучения, но и в других науках, обращавшихся к вопросам социальной психологии. Таким путем представляется возможность проследить возникновение новой психологической дисциплины — социальной психологии — и пути ее развития в сложившейся исторической обстановке. Трудность изучения социально-психологической проблематики в ее исторически сложившихся многообразных связях заключается в том, что проблемы эти нужно рассмотреть, выделив черты, связанные со спецификой данной отрасли.

Значение социально-психологических проблем в идейной борьбе в пореформенной России, их связь с практикой через специальные отрасли психологии и другие дисциплины, а также признание психологии основополагающей наукой для гуманитарных дисциплин определили то положение, которое заняли эти проблемы. Психология к концу прошлого века завоевала себе как новая «положительная» наука престижное место. В ней надеялись найти объяснение свойств человека, его поступков, его взаимоотношений с другими людьми. Место психологического фактора в структуре социальных отношений вызывало многостороннее обсуждение. В психологии тогда усматривали причину многих общественных явлений. Следствием этого было стремление ряда научных дисциплин опереться на нее в своих построениях — рождаются психологические научные школы в юриспруденции, социологии, истории, литературоведении. Такая психологизация оборачивалась идеалистическими концепциями, которые вступали в борьбу с материалистическими воззрениями.

Для истории психологической науки в нашей стране существенно то обстоятельство, что общественно-историческая детерминация психики как самостоятельная проблема не была выделена в русской дореволюционной общей психологии и вопрос о социальной обусловленности психики сплетался с проблемами социальной психологии.

Изучение социально-психологической проблематики открывает ту сторону истории русской психологической науки, которая в дореволюционный период раньше всех пришла в соприкосновение с марксизмом.

Вопрос об общественно-исторической обусловленности психики был поднят в конце прошлого века марксизмом, укоренявшимся в России по мере роста рабочего революционного движения. Утверждение марксизмом материалистического понимания исторического хода общественного развития и объяснение социально-психологических явлений совокупностью многих причин, восходящих к состоянию производительных сил общества, производственным отношениям и существующим в нем классовым противоречиям, вводило социально-психологическую проблематику не только в идейную борьбу, которая развернулась на рубеже двух веков, но и в практику революционного движения. Социально-психологический анализ входит в арсенал средств руководства действиями революционных масс в первой русской революции, партийной работы большевиков в годы реакции и подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Социально-психологические взгляды В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, полемика марксистов с Н. К. Михайловским, полемика Г. В. Плеханова с Н. И. Кареевым, уничтожающая ленинская критика легальных марксистов раскрываются в новом контексте общего развития социально-психологических воззрений в русской научной мысли.

Социально-психологические проблемы, в том числе проблемы сознательности масс, психологии массового движения, классовой принадлежности, находили теоретическое решение в трудах Г. В. Плеханова и В. И. Ленина. В революционной практике марксисты придавали важное значение анализу психологии рабочих и крестьянских масс, реализуя тем самым теоретические выводы на деле.

Выделение психологии в самостоятельную науку в середине XIX в. составляет исходный рубеж периодизации истории психологии. Советская психологическая наука, развивающаяся на основе диалектического материализма, открыла новый период истории отечественной науки. Однако в процессе научного познания одно событие подготавливает другое и новое, зарождаясь, завоевывает себе место в борьбе со старым. Поэтому некоторые события, о которых идет речь в данной книге, выходят за рамки избранного периода: они совершались несколько раньше или позже. Так, с одной стороны, социально-психологические исследования, предпринятые по программе Русского географического общества, были начаты еще в конце 1840-х годов и замыслы создания «психической этнографии» владели Н. И. Надеждиным и К. Д. Кавелиным прежде, чем психология приобрела положение самостоятельной науки. С другой стороны, в советский период В. М. Бехтерев продолжал работу над коллективной рефлексологией, начатую в предреволюционные годы, так же и М. А. Рейснер продолжал работу по социальной психологии, которой начал заниматься в дореволюционное время. Вряд ли следовало оборвать изложение взглядов В. М. Бехтерева и М. А. Рейснера на досоветском периоде. В первом послереволюционном десятилетии в психологической науке предстают еще многие теории, концепции, взгляды, выросшие вне марксизма, а их сторонники

определяют свое отношение к марксистским методологическим принципам.

Что касается построения книги, то оно подчинено главной задаче — объединить проблемы социальной психологии в той исторической связи, в которой они возникали и развивались. Исследование показало, что важнейшей детерминантой развития социальной психологии явились требования общественной практики, имевшие конкретное выражение в разных ее сферах и обуславливающие многообразие наблюдаемых социально-психологических явлений. Историческое становление социальной психологии как научной дисциплины опиралось на конкретные социально-психологические проблемы, в конечном итоге единые по своему общему содержанию, но включенные в разнородные области знания и общественной практики. Поэтому в книге после первой главы, характеризующей расстановку сил и идейную борьбу в психологической науке, следуют главы, отражающие связь социально-психологических проблем с юридической, военной, врачебной, революционной практикой. В отдельную главу выделен социально-психологический аспект деятельности православной церкви.

Вместе с тем через все главы проходят общие вопросы: психологические особенности общностей людей, проявляющиеся в их совместной деятельности и общении, во взаимодействии личности и группы, обнаруживающиеся у человека как «сочлена человеческого общежития». Общим становится вопрос о толпе и ее действиях, об управлении массами, о власти и подчинении. Жизненные факты заставляли отмечать потребность человека в коллективной деятельности, в «общежитии», в общении. Особенно остро эти потребности выявляются в таких экстремальных условиях, как боевая деятельность, тюремное

заклучение. Факты настойчиво подводили к мысли о социальной обусловленности психики человека.

Необходимо иметь в виду, что система понятий, связанных с социально-психологическими проблемами, не была еще определена. Можно видеть попытки формирования новых понятий для этой новой области знания, так же как и привлечения понятий из общей психологии, двух ее направлений, боровшихся в русской науке, заимствования понятий из тех областей знания, которые сталкивались с социально-психологическими явлениями, и из тех сфер социальной жизни, в которых социально-психологические явления рождались.

Все изложенные исторические особенности возникновения социальной психологии в России и ее первых шагов обусловили источники, к которым можно было обратиться, чтобы воссоздать начальный период ее становления и получить возможность познакомиться с историей рождения новой дисциплины в науке, современное развитие которой нам известно, а будущее можно предполагать с достаточной уверенностью. Предстояло вернуться к трудам известных деятелей отечественной психологии и выяснить их отношение к проблемам социальной психологии. К этому добавлялись специальные работы по отраслям психологии и труды в тех областях науки, которые затрагивали социально-психологическую проблематику: правоведение, языкознание, этнография, социология, психиатрия. Обследованию подлежали разного рода источники — от специальных монографий до журналистских очерков, от теоретических работ до записей личных наблюдений в практике судебных, военных деятелей, врачей, от сводных трудов, опирающихся на кропотливый статистический анализ множества судебных дел, до описания единичных фактов судебно-медицинской экспертизы и клинических исследований, от материалов научных обществ до дневников офицеров, от протоколов

лабораторных экспериментов до впечатлений политических ссыльных в Сибири или записей этнографа в Новой Гвинее. К такому широкому поиску побуждало убеждение в необходимости создания возможно полной картины проникновения психологии в жизнь общества во всех ее проявлениях, с одной стороны, и выявление значения общественной практики в рождении новой научной дисциплины, какой являлась социальная психология, — с другой. При таком изучении новыми данными пополнялись историко-теоретические знания и открывались новые стороны уже известных фактов, концепций, теорий.

Вполне понятно, что столь разные источники содержат разного рода данные, по-разному сообщают факты и обладают разными уровнями обобщения. Чтобы сохранились непосредственность привлеченного материала, неповторимость впечатлений участников событий, своеобразие первых конкретных социально-психологических исследований, проведенных в нашей стране сто и более лет назад, в книге подробно изложены впервые собранные воедино социально-психологические факты, приведены многочисленные выдержки из исторических источников. Помимо указанных побуждений, сказавшихся на построении книги, существенно то обстоятельство, что использованные источники находятся в забытых, малодоступных изданиях, и было целесообразно подробнее ознакомить с ними читателей.

Вне нашего исследования остался один род источников — письма, публицистика и художественные произведения русских писателей. В них содержится богатый материал, подлежащий разработке. Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова, Г. И. Успенского и других писателей глубоко волновали проблемы социальной психологии, у них мы находим отклики на

психологические дискуссии, суждения о социальном значении сеченовского учения. Проблемы эти ждут не только историко-психологического, но и литературоведческого исследования.

Глава 1

Два лагеря в русской психологической науке и проблемы социальной психологии

В 1873 г. в «Вестнике Европы» была помещена статья Н. М. Сеченова «Кому и как разрабатывать психологию?», в которой излагалась программа создания психологической науки как самостоятельной отрасли знания, высказывались взгляды на предмет, метод и задачи психологии. Теоретической основой этой программы было материалистическое учение о психике, составившее содержание трактата И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», опубликованного в 1863 г.

Понять роль и значение психологической теории И. М. Сеченова и его программы построения психологической науки можно только в соотношении с состоянием науки в годы ее самоопределения.

До середины прошлого века психологическая теория входила в круг философских наук. Особенностью же философии в России того времени являлось то, что она была подведомственна православной церкви. Успехи естествознания рождали стремление применить в психологии методы естественных наук и сделать психологию, как тогда писали, положительной наукой. Когда психологическая наука определилась как самостоятельная научная дисциплина, были созданы две программы ее развития. Обе предполагали внести в нее новые начала и объявляли о союзе с естествознанием. Одна из них — позитивистская — была развернута в своей теоретической части английской ассоциативной школой и в экспериментальной — вундтовской школой.

Другая — материалистическая — была развита И. М. Сеченовым.

Английские философы-позитивисты Д. С. Милль, А. Бэн и Г. Спенсер, заявившие о необходимости выделения психологии из философии, призывали строить ее на опытных началах в союзе с естествознанием, обращаясь к принципам и методам естественных наук. Позитивистские положения о том, что наука сводится к описанию непосредственно наблюдаемых явлений, данных в опыте, ограничение научного исследования внешним описанием и классификацией наблюдаемых явлений, отрицание возможности проникать в сущность предметов, сочетаясь с субъективно-идеалистическими философскими взглядами и с интроспективной концепцией психики, приобрели следующий смысл в применении к психологии. Поскольку дух признавался особой субстанцией и психика считалась замкнутым в себе внутренним миром сознания, предметом психологии становилось описание проявлений духа в сознании путем интроспекции или внутреннего опыта, а опытное исследование в психологии сводилось к интроспекции. Субъективный метод утверждался как единственно возможный. Начатые В. Вундтом и его многочисленными учениками и последователями психологические эксперименты вели к сближению психологии с естествознанием, однако прежние методологические принципы сохранялись. Сознание рассматривалось само по себе, обособленно от материального мира и от деятельности в нем человека. Психология сознания реализовалась в разных вариантах разными научными школами, но в пределах, ограниченных общим взглядом на сознание.

В России программу развития психологии как «положительной» науки предложил К. Д. Кавелин, видный представитель русского либерализма,

профессор государственного права, который обосновал свое выступление тем, что «психология выдвинулась на первый план, и очень понятно, почему. Она — собственно центр, к которому теперь сходятся и который предполагает все науки, имеющие предметом человека» (Кавелин, 1899, с. 365).

Программа развития психологии, предложенная Сеченовым, строилась на принципиально новом подходе к психике. Ученый выступал против обособления психического от материального мира, или, говоря его словами, против «обособителей» психического. Никак не соглашаясь с «обособителями» психического, Сеченов рассматривал психику в связи с материальным миром и с деятельностью в нем человека. Связь эта представляла и как связь психики с мозгом, в которой психика выступала в качестве функции высших отделов нервной системы, и как связь с внешним миром путем его отражения, в которой проявлялась отражательная функция психики, и как связь, выражающаяся во взаимодействии человека с миром, обусловленная регулирующей функцией психики.

Значение сеченовского учения для психологии заключалось в том, что был открыт способ детерминации поведения человека объективным миром посредством психики, которая была поставлена в причинную связь с мозгом, внешним миром и с действиями человека. Преобразованная и принципиально измененная Сеченовым схема рефлекторной деятельности нервной системы включала психические компоненты, начиная от элементарных уровней чувствительности и кончая мышлением. Психика служит, по определению Сеченова, орудием различения условий действия и руководителем соответственных этим условиям целесообразных действий.

В соответствии с решением вопроса о природе психического сеченовская программа развития психологии требовала применения объективных методов исследования детерминации психики объективным миром и изучения внутренних факторов психического развития в их взаимосвязи с внешними воздействиями. Предметом психологического исследования становилось не интроспективное описание явлений сознания, обособленных от материального мира и замкнутых во внутреннем опыте, а изучение процесса возникновения и развития психических явлений как деятельности мозга, обусловленной внешними обстоятельствами жизни человека и его внутренними условиями. Речь шла об исследовании разных уровней психического как отражения объективного мира и согласования с ними разных уровней действий человека, начиная с произвольных движений и кончая поступками, наивысшими произвольными актами. В детерминацию психики таким путем включались общественные условия жизни человека. Сеченовская теория подводила к постановке вопроса об общественно-исторической обусловленности психики и к социально-психологическим проблемам.

В построении своей психологической теории И. М. Сеченов опирался на воззрения Н. Г. Чернышевского, который своеобразие положения психологии среди других наук видел в том, что она является звеном, соединяющим естествознание с философией и гуманитарными науками. Чернышевский вводил психологию в область нравственных наук и в то же время предлагал разрабатывать ее способами, принятыми точными науками, понимая под этим установление принципов объективной необходимости, закономерности и причинности. Он видел в психологии науку, которая должна определить условия формирования людей нового склада — волевых

личностей, действия которых регулируются высокими общественными моральными принципами революционного дела. Сеченов стал тем ученым, который воплотил идеи Чернышевского в материалистической психологии.

Когда в 1863 г. после ареста Н. Г. Чернышевского и заточения его в Петропавловскую крепость были напечатаны «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова, читатели увидели в этом произведении развитие взглядов революционной демократии. По словам самого Сеченова, он выступил против «строгих средневековых опекунов общественной мысли», подавлявших «брожение умов», поднял голос в защиту тех, «кому дорога истина», «за бескорыстных искателей будущих истин». К бескорыстным искателям относился и тот человек с идеально сильной волей, действующий во имя высокого нравственного принципа, горячо любящий правду, готовый идти из-за правды на муку, которого Сеченов ярко охарактеризовал в «Рефлексах головного мозга». Формирование волевой личности рассматривалось в связи с нравственной регуляцией ее поступков по отношению к другим людям. «Моя задача, — писал Сеченов, — заключается в самом деле в следующем: объяснить... деятельность человека... с идеально сильной волей, действующего во имя какого-либо высокого нравственного принципа и отдающего себе ясный отчет в каждом шаге, — одним словом, деятельность, представляющую высший тип произвольности» (Сеченов, 1947, с. 111).

Тип волевого человека, «не уклоняющегося от выбранного пути никакими ужасающими силами внешней природы», связывался читателями с теми «новыми людьми», о которых писал Чернышевский в своем романе «Что делать?», а также с автором романа, находившимся в Петропавловской крепости. Передовая русская общественность восприняла «Рефлексы

головного мозга» как естественнонаучное обоснование того, что высшие нравственные идеалы могут быть воспитаны у человека в определенных условиях жизни и стать регуляторами его поведения, его действий, движущими силами передовых людей в преобразовании общества. Сеченов нес читателям идеи, которые руководили героями романа Чернышевского.

Для царских чиновников имена Сеченова и Чернышевского также связывались между собой. Цензура запретила печатание «Рефлексов головного мозга» в журнале «Современник» — органе революционной демократии, которому эта статья предназначалась. В отзыве Совета по делам книгопечатания на «Рефлексы головного мозга» отмечалось, что статья развивает общие положения материалистической доктрины, ее содержание соотносилось с романом «Что делать?», где, как писал рецензент, «изложены главные основы этого исповедания веры». Совет нашел, что имеющееся в статье «рассуждение... направлено к отрицанию нравственных основ общества и потрясению догмата о бессмертии души и вообще религиозных начал» (Научное наследство, 1956, с. 59–60). Цензура, запрещая печатать «Рефлексы головного мозга» в «Современнике», определила теорию Сеченова как «крайне опасную». Трактат Сеченова было разрешено опубликовать в таком специальном издании, как «Медицинский вестник».

Когда в 1866 г. Сеченов выпустил «Рефлексы головного мозга» отдельным изданием, книга была арестована, против ее автора возбуждено судебное дело. Главное управление по делам печати так сообщало о причинах ареста книги: «Эта материалистическая теория. ниспровергает все понятия о нравственном добре и зле, о нравственных обязанностях, о вменяемости преступлений, отнимает у наших

поступков всякую заслугу и ответственность и, разрушая моральные основы общества в земной жизни, тем самым уничтожает религиозный догмат жизни будущей, она несогласна ни с христианским, ни с уголовно-юридическим воззрением и ведет положительно к развращению нравов. Поэтому книга г. Сеченова „Рефлексы головного мозга“ представляется направленной к развращению нравов и подлежит судебному преследованию. и уничтожению, как крайне опасная по своему влиянию на людей. Уничтожение книги г. Сеченова, как изложение самых крайних материалистических теорий, опирающихся, по-видимому, на авторитет науки, признано советом гл. управления по делам печати необходимым» (там же, с. 63).

В отношении к прокурору петербургского окружного суда цензурный комитет указывал статью Уложения о наказаниях, которую следовало применить для судебного преследования и уничтожения книги. В окружном суде дело затянулось. Известный адвокат В. Д. Спасович стал по поручению Сеченова хлопотать о снятии ареста с книги. Разбор этого дела в заседании окружного суда привлек столь многочисленную публику, что судебные чиновники побоялись начать суд над книгой и ее автором. Гласное обвинение Сеченова взволновало бы всю передовую общественность, еще более усилило бы интерес к книге. Дело передали в петербургскую судебную палату. Понимая, что судебный процесс может кончиться провалом, управляющий министерством юстиции князь Урусов писал министру внутренних дел П. А. Валуеву: «Гласное развитие материалистических теорий при судебном производстве этого дела может иметь последствием своим распространение этих теорий в обществе вследствие возбуждения особого интереса к содержанию этой книги... Поэтому... я полагал бы более осторожным не

давать дальнейшего хода возбужденному Цензурным комитетом преследованию книги...» (с. 71). Валуев согласился. Арест с книги был снят.

Психологическая теория Сеченова для его современников — и сторонников, и противников — имела социальный и социально-психологический смысл. Волна общественного подъема 1860-1870-х годов широко разнесла идеи революционной демократии и прочно связанное с ними психологическое учение И. М. Сеченова.

В первые годы после опубликования «Рефлексов головного мозга» идеологи самодержавия старались своим молчанием ослабить впечатление от этого труда. Когда «замолчать» учение Сеченова не удалось, противники его избрали иные формы борьбы. Поощряемые свыше, они стали выступать против материалистической теории и в печати, и с кафедр учебных заведений. Реакционные деятели нападали на нее, поддерживая, как они заявляли, «существующий порядок».

Один из «казенных» философов, профессор Варшавского университета Г. Струве в 1870 г. при защите в Московском университете своей диссертации «Самостоятельное начало душевных явлений» критическую часть направил против теории Сеченова. Диссертант откровенно заявил, что признание души дает основание религии и «общественному порядку», а отрицание души разрушает существующий порядок, церковь и государство. «От положительного или отрицательного решения этого вопроса зависит два разных мировоззрения, которые заключают в себе враждебные друг другу практические стремления во всех областях общественной жизни...» (Струве, 1870, с. 26-27). В полемике по поводу диссертации Струве отчетливо выявился классовый характер позиций его

защитников, объявлявших веру в душу одной из опор самодержавия.

Идею о самостоятельности души под защиту взял К. Д. Кавелин в книге «Задачи психологии». Учитывая требования времени, он стоял за самоопределение психологии, предлагая перестраивать психологию в духе позитивизма. При этом Кавелин отстаивал то представление о человеке, которое было нужно идеологам самодержавия, какими бы либеральными фразами они ни прикрывались. Кавелин прямо объявил о своей задаче: защитить идею самостоятельности души, а следовательно, и все то, что связывалось с ней, — систему взглядов на человека и его взаимоотношения с людьми, со всей иерархией власти, данной богом его помазаннику на земле — царю.

Сеченов ответил Кавелину тремя статьями, точно выразив суть споров в названии своей программной статьи «Кому и как разрабатывать психологию?». В «Задачах психологии», писал Сеченов, содержались нападки на его «психологическую веру». Уничтожающе критикуя идеалистическую психологию, он изложил принципы построения материалистической психологии. Кавелин возражал своему противнику, который вновь опроверг его доводы. Победу в дискуссии одержал Сеченов, это признали даже его враги.

Психологическое учение И. М. Сеченова завоевывало для науки новую область — область психической деятельности человека, разрушая религиозно-философские представления о человеке и его месте в мире. Речь шла о покушении на основы идеологии самодержавия, и в этом было социальное значение нового учения. Поэтому психологическая дискуссия Сеченова и Кавелина, имея социальные корни, вызвала столь большой общественный резонанс, свидетельствующий о социальном значении психологической науки. Представители

идеалистического направления, не считаясь со своими внутренними разногласиями, рьяно защищали постулат о самостоятельности души. Вопросы социальной психологии в этой борьбе, казалось бы, и не возникали. Ведь еще и сама психология только отстаивала право на существование как наука, обладающая собственным предметом исследования и своими задачами. И все же идейная борьба была связана с решением социально-психологических вопросов, подразумевала то или иное отношение к проблемам социальной психологии, хотя они как таковые не обозначались.

Всех защитников идеалистической психологии объединяла социальная установка, неизменно действовавшая в официальной русской дореволюционной психологической науке, предполагавшая за признанием бессмертия души социальную доктрину, утверждаемую христианством, — представление о человеке в его отношении к обществу, включающее отношение к богу, к земным властям, ко всей иерархии социальных отношений. Говоря словами современной социальной психологии, это была модель человека в эксплуататорском обществе, созданная православной церковью и русским самодержавием, предъявлявшая целый ряд социально-психологических требований к человеку. Православная церковь стала первой противницей самоопределения психологии, верно оценивая социальное значение психологической науки, и социально-психологические проблемы играли при этом немаловажную роль.

Для того направления, которое принимало сеченовскую программу развития психологической науки, существовали свой идеал человека, своя модель. То, что методологической основой психологической теории Сеченова было философское учение Чернышевского, означало принятие его общей концепции человека. Столкновение двух

противоположных концепций человека имело ярко выраженный политический характер, в нем отражалась борьба основных общественно-политических лагерей — революционно-демократического с реакционным и либеральным.

Самоопределение психологии и ее выход из круга философских дисциплин совершался в России в условиях острой борьбы двух направлений. Борьба эта прослеживается в сложном соотношении естественнонаучного и социального знания, во взаимодействии передовых и реакционных сил в разных областях практики пореформенной России (времени перехода страны к капиталистическому развитию, отмены крепостного права, военных, судебных и других реформ). Линия Сеченова в русском естествознании и психологии была слита с линией Чернышевского в социально-философском мировоззрении и их такое единство получило выражение в гуманистическом подходе к социально-психологическим проблемам передовых русских ученых — естествоиспытателей, врачей, этнографов, языковедов, юристов и др. Этой линии противостоял реакционный общественно-политический подход к психологической науке, выражавший идеологию самодержавия и опиравшийся на религиозные догмы православия. Идейная борьба получила выражение в ряде дискуссий по узловым вопросам психологической науки, научная и публицистическая полемика стала существенным звеном в борьбе с идеологией самодержавия. Участниками этих полемик, кроме представителей разных отраслей естествознания, были философы, богословы, врачи, юристы, педагоги, видные либеральные и реакционные публицисты, революционные демократы. Предметом дискуссий стали проблемы природы психического, метода и задач психологии, возможности и необходимости

психологического эксперимента. Борьба двух направлений — материалистического и господствующего идеалистического — определила развитие русской психологической науки вплоть до Великой Октябрьской революции.

В тех условиях, когда только закладывались основы научной психологии, Сеченов усмотрел вопросы, которые в наше время заняли важное место в общей психологической теории и в социально-психологических исследованиях, — проблемы общения и деятельности. Сеченов вводил общение людей в качестве детерминирующего фактора развития личности и связывал с ним возникновение моральных чувств, определяемых им как «тот комплекс соответственных душевных состояний, который рождается из общения людей друг с другом» (Сеченов, 1947, с. 315). По его убеждению, «моральное чувство составляет основу и регулятор всякого общежития» (там же). Воспитание этого чувства в человеке «требуется непременно наглядного обучения по образцам и практических упражнений» (там же, с. 315–316), т. е. формирование моральных, нравственных качеств человека происходит в его собственных действиях и поступках по отношению к другим людям.

К социальным отношениям обращается Сеченов и при рассмотрении развития психики ребенка в окружении близких ему людей, при овладении им словом, речью. С того момента, как ребенок овладел речью, происходит величайший перелом в его жизни, он обретает средство «умственного общения», что изменяет весь ход его жизни. Мысли Сеченова об общении людей и его роли в психическом развитии привлекали внимание не только к проблеме социальной обусловленности поведения, но и ко многим социально-психологическим вопросам.

К этим же проблемам подводит и решение Сеченовым проблемы детерминации воли — положение о несвободе воли. Его противники, поддерживавшие теорию свободы воли и связанный с ней взгляд на божий промысел, уверяли, что мысль о несвободе воли опасна, что она угрожает общественному порядку, так как человек получает тогда возможность безнаказанно совершать любые аморальные поступки. Протестуя против обвинения в пропаганде «безнравственных» взглядов, Сеченов резко возражал тем, кто заявлял, что материалистическое учение о воле разрушает устой общества. Отмечая особенную близость психологических вопросов к жизни, он писал, что «учение о несвободе воли, изменяя радикально угол зрения человека на поступки ближнего и его собственные действия, касается всех тех частных и общественных отношений, которые явно или скрыто построены на признании в человеке свободной воли» (там же, с. 309). Признание детерминации поступков человека условиями его жизни было выражено Сеченовым в краткой формуле — «какова почва, таковы и поступки» (с. 328). «Ненормальность почвы», указывал он, полагая, что читатель поймет мысль автора о социальных условиях, скрытую за этой фразой, ведет к дурным поступкам. Неверно приписывать воле, якобы стоящей вне законов земли, выбор действия. Снова и снова Сеченов доказывал «роковую зависимость человеческих поступков от условий внешней и внутренней среды» (с. 327).

Можно выделить три связанных с психологическим учением Сеченова социальных аспекта: во-первых, социальный смысл его учения; во-вторых, социально-психологические проблемы, связанные с деятельностью человека и его отношениями с людьми; в-третьих, общественно-историческая обусловленность психики. Если социальная роль психологии обозначилась сразу,

как только был поднят вопрос о ее выделении в самостоятельную науку, а социально-психологические проблемы возникали в условиях общественно-практической деятельности, то общественно-историческая обусловленность психики первоначально не выделяется в качестве специальной психологической проблемы. Лишь в 1880-х годах этот вопрос становится предметом обсуждения. Что касается проблем деятельности и общения, которые Сеченов выделил как важнейшие в формировании психики, то они получили новое развитие в тех областях общественной практики, в которых зарождалась социальная психология.

Психология в России приобретала все большее влияние, к ней обращались как к фундаментальной объяснительной науке другие отрасли знания, в которых возникали психологические течения в русле их собственных проблем. На стыке наук зарождались новые отрасли психологии: юридическая, военная, педагогическая. При этом происходило выделение социально-психологической проблематики, связывающей эти отрасли между собой и закладывающей основу специальной психологической науки — социальной психологии.

В условиях повышенного интереса к психологии начинается отделение университетской психологии от той, которая разрабатывалась в духовных учебных заведениях. К 1880-м годам кафедры философии пополнились молодыми учеными, которые после восстановления университетских кафедр философии (с 1863 г.) получали университетское, а не богословское образование. Многие из них, оставленные при кафедрах философии для подготовки к научной деятельности, специализировались в психологии. Имея общую философскую подготовку (конечно, в духе идеализма), молодые ученые защищали магистерские и докторские диссертации на психологические темы, устанавливали

личные связи с западноевропейскими психологами, познакомились с работой экспериментальной психологической лаборатории Вундта в Лейпциге. В Петербургском университете учениками М. И. Владиславлева, занимавшего кафедру философии и руководившего подготовкой психологов, были Н. Я. Грот, А. И. Введенский, Н. Н. Ланге, Я. Н. Колубовский и др. В Московском университете М. М. Троицкий также подготовил группу философов, читавших курсы психологии, — Л. М. Лопатин, С. Н. Трубецкой, Н. А. Зверев и др. Философски образованные молодые университетские ученые постепенно заменили в университетах и педагогических институтах профессоров-богословов.

Складывалось положение, при котором психология в университетах разрабатывалась на кафедрах философии историко-филологических факультетов и на медицинских факультетах, где в клиниках врачами создавались первые экспериментальные психологические лаборатории. Кафедры философии сохраняли верность идеалистической концепции в психологии, а врачи и студенты, работавшие в психологических лабораториях при клиниках, ориентировались на сеченовское учение.

По отношению к социально-психологическим проблемам дело обстояло так, что эти проблемы привлекли к себе внимание ведущих психологов и в том, и в другом направлении. Среди профессоров философских кафедр, занимавшихся психологией, к социально-психологическим проблемам обратился М. М. Троицкий. Социальная психология становится предметом специального изучения В. М. Бехтерева — создателя первой в России экспериментальной психологической лаборатории, невропатолога, психиатра, профессора Казанского университета, а потом Петербургской военно-медицинской академии.

М. М. Троицкий, занимавший кафедру философии в Московском университете, организатор и председатель Московского психологического общества, был представителем того течения в русской психологии, которое соединяло позитивистские установки с религиозно-философским учением православной церкви. Докторская его диссертация, первая русская историко-психологическая работа (Троицкий, 1867), была посвящена критике немецкой школы в психологии и изложению взглядов английской ассоциативной школы, горячим сторонником которой он оставался до конца своей жизни.

Психологическая теория Троицкого изложена в его главном обширном труде «Наука о духе» (Троицкий, 1882). Интересно мнение о книге М. М. Троицкого такого замечательного русского психолога, каким был Н. Н. Ланге, профессор Новороссийского университета в Одессе. В найденной в архиве Ланге рукописи «Непонятый русский психолог», в которой дается анализ книги Троицкого, написано: «Если где, так именно у нас книги имеют своеобразную судьбу. Прилив выносит на наш берег почти исключительно легкие, плавающие и малосодержательные продукты, которые и составляют обыденную нашу умственную пищу. Книги же истинно своеобразные, глубоко продуманные моментально тонут на дно и становятся доступными лишь опытным водолазам, приучившимся выдерживать высокое давление в скафандре. К числу таких потонувших вследствие тяжелого удельного веса или ценности книг мы смело относим вышедшее в 1882 году сочинение проф. М. М. Троицкого „Наука о духе. Общие свойства и законы человеческого духа“. Если бы такая работа явилась как-нибудь в ином месте и в других исторических условиях, она несомненно была бы причислена к замечательным явлениям философской литературы и оказала бы, может быть, не меньшее

влияние, чем, например, „Система логики“ Милля или психологический трактат Бинэ, ибо по важности поднятых в ней вопросов, по глубине и научности их решения она смело может быть поставлена наряду с вышеуказанными знаменитыми творениями. Но, явившись у нас и притом в столь мало благоприятное время, она, как сказано, моментально потонула и не оказала, можно сказать, никакого влияния» (цит. по: Драголи, 1968, с. 105).

Предметом психологии Троицкий считал явления духа и находил возможным их научное исследование, в то время как сущность духа объявлял непостижимой для науки и относил к области веры. «Психология, как наука о духе, должна быть отличаема от метафизики духа, или учений о нефеноменальной сущности души и ее существовании вне связи с телом» (Троицкий, 1888, с. 77). Дух познает себя в различных формах своего существования. Он может быть предметом собственного наблюдения, и в это время он именно то, что называется психическими явлениями.

Отказываясь от рассмотрения сущности души, Троицкий, по его убеждению, превращал психологию в положительную науку, поскольку ограничивал область познаваемого пределами опыта (под опытом разумелся, конечно, внутренний опыт). Что касается метода, то положительным методом он считал индуктивный метод и с его помощью предлагал производить субъективный анализ духа, т. е. интроспективное наблюдение явлений сознания. Позитивистские установки позволили ему отвести место в своей теории проблеме личности и сопряженным с ней социально-психологическим вопросам, формулируемым как отношение личности и общественности, поставить вопрос об общественных отношениях людей. Однако принятые им методологические требования и общие положения

развиваемой на их основе теории жестко ограничивали возможность рассмотрения этих вопросов.

К общим свойствам духа, выражающимся в явлениях сознания, Троицкий относил условность, относительность и рефлексивность. Под условностью он понимал образование психических фактов и выделял три рода условностей или зависимостей, действующих в психической жизни, — внутреннюю, внешнюю и органическую. Внутренняя условность — история индивидуального развития; внешняя условность — общественно-историческая; наконец, органическая, или биологическая, условность — история развития человека как организма. Понятие личности он связывал с внутренней условностью и считал коррелятивным вводимому им понятию общественности, которое связывал с внешними условиями, заключающимися в общественных отношениях. Третья условность — органическая — не имеет характера ни личностного, ни общественного. Психические факты, обусловленные этой зависимостью, Троицкий называет нейтральными. К ним он относил родовые явления, связанные с темпераментом человека.

Определяя двоякую зависимость психических фактов от «внутренней условности психического образования человека» и от «общественно-исторической условности», автор указывал, что для него факты индивидуальных психических отношений в их зависимости от внутренних условий — факты или явления личности. Те же факты в их зависимости от внешних условий — факты или явления общественности.

Сама постановка Троицким проблемы личности и общественно-исторических условий ее развития примечательна тем, что она была вызвана той актуальностью, которую приобрели во второй половине XIX в. вопросы о закономерностях общественного развития, о личности и ее роли в истории, о

детерминации действий человека и о свободе воли. Эти вопросы рождали споры в разных областях знания. Автор «Науки о духе», коль скоро он брался за проблему личности, не мог обойти вопроса об ее общественных связях. Не так-то просто было подойти к этим вопросам Троицкому. Противоречия возникали сразу, как только делались попытки научного объяснения личности. Личность Троицкий понимал так же, как и другие русские психологи идеалистического направления. Обычно обозначавшаяся как Я, личность считалась носителем души, независимой от законов материального мира, выражающей себя в психических явлениях и управляющей человеческими действиями. Она была проявлением бессмертной души, данной богом. Такое понимание личности выводило ее за пределы науки и относило всю проблему к области религиозных учений. Когда Троицкий переносил вопрос о личности в феноменологический план, он рассматривал личность как «определенное, индивидуальное последствие определенной суммы условий и причин, данных в психических фактах собственного существования каждого человека» (Троицкий, 1882, т. 1, с. 86).

В соотнесении с определением личности, принимаемым Троицким для психологической науки, в котором подчеркивалась индивидуальность, самостоятельность, общественность понималась как психическая зависимость людей друг от друга, от их объединения. Понятие общественности Троицкий считал связанным с понятием личности и в то же время противопоставлял ему: «Общественность и личность людей суть два вида их психического существования, прямо противоположные друг другу или взаимно исключают: насколько в нем содержится общественности, настолько же нет личности, и наоборот» (там же, с. 39). Личность заключает психическую самостоятельность человека, живущего в

обществе, его индивидуальную психическую свободу относительно последнего. Общественность как известная внешняя психическая зависимость людей есть отрицание некоторой доли их психической самостоятельности, психическая связанность их. Отсюда вытекает необходимость или обязательность некоторых психических отношений. Соотнесенность личности и общества Троицкий определяет следующим образом: «Люди суть лица, поскольку они, составляя общество, сохраняют известную индивидуальную психическую самостоятельность; и суть общества или члены общества, насколько они находятся в известной психической зависимости друг от друга» (с. 40).

Что же Троицкий называет общественностью? «Общественность людей есть совокупность свойств так называемого общества людей. Обществом же мы называем союз людей с какою-нибудь целью, достигаемой их общими усилиями и по установленному плану или в установленном порядке» (с. 39). Он ищет корни общественности и «в последнем анализе» определяет их следующим образом: «Общественность людей означает их психическую зависимость друг от друга, наблюдаемую в их обществах, или связывающую людей в общества. Явления общественности или называемой этим именем психической зависимости суть общественные или социальные явления, в строгом смысле этого выражения. Законы общественности или ее явлений суть общественные или социальные законы в собственном смысле» (с. 46-47). Троицкий поясняет: «Так как общественность людей заключается в известного рода внешней психической зависимости их друг от друга, то ясно, что последними условиями общественности служат психические влияния людей друг на друга» (с. 41).

Таким образом общественная зависимость сводится Троицким к зависимости индивидуального сознания от

психических влияний тех общностей людей, в которые входит индивид. Она рождается в общественных отношениях и следует их законам. Вводя понятие общественности, Троицкий переводит общественные отношения в социально-психологический план. Согласно статусу науки о духе, принятому Троицким, общественное бытие человека не подлежит рассмотрению, исследование ограничено пределами сознания. Тут Троицкий делает любопытное разъяснение того, как он приходит к «последним условиям общественности», или, иначе говоря, переводит общественные отношения в психологический план. Внешние психические влияния оказываются последними условиями общественности, но сами первоначально не входят в ее сферу, или бывают явлениями личности. Элементами общественности эти влияния становятся только тогда, когда делаются явлениями внешней психической зависимости людей друг от друга, связывающей их в один союз или в одно общество (с. 44).

Анализ взглядов Троицкого, как, впрочем, и других психологов рассматриваемого периода, на проблемы социальной психологии затруднен тем обстоятельством, что социальная психология как самостоятельная дисциплина тогда не существовала, сфера ее действия не была определена, не были еще выделены явления действительности, которые стали для нее предметом исследования. Поэтому, обращаясь к прошлому с нашими современными понятиями, мы оказываемся в трудном положении, не имея возможности приложить установившиеся понятия к тем воззрениям, которые касались проблем социальной психологии. За принятой Троицким терминологией мы обнаруживаем мысли о детерминации психики социальными условиями жизни, заключающимися, по его определению, в общественных явлениях и их законах, о соотношении индивидуального

и общественного сознания, о связях индивидуальных сознаний, об общении, о коллективах и коллективной деятельности, о значении языка и символики, ритуалов и обычаев в общественной психологии, о регулирующей роли общественных норм в психической жизни индивида. Он поднял вопрос об активности сознания и о связи его с реальной деятельностью человека, последовательно выделял деятельные свойства сознания и соотносил деятельные психические отношения с реальными действиями человека.

Взаимоотношения личности и общественности, если раскрыть мысли Троицкого, понимаются, во-первых, как взаимодействие индивидуальных сознаний между собой — общение; во-вторых, как взаимодействие индивидуального и общественного сознания в разных формах исторических образований; в-третьих, как психические влияния людей друг на друга. В этом взаимодействии сознаний происходит ограничение психической самостоятельности индивида его зависимостью от общественности в том ее понимании, которое мы встречаем у Троицкого.

Психические влияния людей друг на друга осуществляются посредством особых форм психических отношений, отличающих человека от животных. Эти специальные формы человеческого духа обязаны своим происхождением истории общественности и являются культурными формами человеческого духа. Первое место в образовании таких форм принадлежит общественной символике, к которой относится прежде всего язык, затем обычаи, обряды, игры и разные символические действия. Психологический анализ приводит Троицкого к выводам о том, что развитие символизма ведет к существенным переменам во всех классах психических фактов: речь идет о культурных формах человеческого мышления, об образовании новых

порядков идей и формировании культуры умственных операций и т. д.

Внутреннюю, личную условность Троицкий считал первичной, общественную — вторичной. Поэтому он различает первичные и вторичные закономерности психического существования. В борьбе этих закономерностей происходит развитие и личности, и общественности. «Мы сказали, — пишет Троицкий, — что развитие личности и ее борьба с вторичными законами общественности ведут к отмене и преобразованию таких законов, которые находятся в противоречии с требованиями личности. С другой стороны, развитие общественности человека и ее борьба с его личностью ведут к культуре личности согласно с принципом сохранения общественности, — культуре, достигаемой именно образованием специальных форм и законов человеческого духа. Потому что все специальные формы и законы человеческого духа, несмотря на величайшую разницу между ними, поразительно сходны в одной черте: все они благоприятствуют общественности или устроены по принципу ее сохранения» (там же, с. 53).

Троицкий отличает от общественности коллективные факты психического существования — наличие у ряда людей одинаковых, сходных психических явлений, получаемых от одних и тех же причин. Он отмечает, что психическое явление не нуждается в коллективности, чтобы быть общественным. «Факты одинокие могут быть точно также общественными и всегда бывают такими, как скоро бывают фактами общественной зависимости людей» (с. 50).

Психические влияния людей друг на друга ведут к соглашению в целях, а значит, и к объединению в ассоциации. Общественные группы людей, как малые, так и большие, опираются в своем возникновении и существовании на какие-либо общие цели. Цели объединяют людей в ассоциации: супружества,

семейства, родства, товарищества, дружбы. Существуют ассоциации профессиональные (земледельческие, промышленные, торговые и др.), религиозные, политические. Определение порядка осуществления целей приводит к разделению общественного труда. Троицкий рассматривал личностные изменения, или, как обычно писал он, «превращения личности», в связи с изменением отношения индивида к другим людям, отношения к общественным переменам. Речь идет о социальном положении человека и динамике его отношений в семье, среди родственников, среди членов той или иной корпорации. Принадлежность к общественным группам определяет развитие общественности человека, которая, в свою очередь, влияет на развитие его чувств — чувства долга, симпатических чувств. Общественные чувства становятся мотивами действий человека.

Общественные группы, или, по терминологии Троицкого, «общества», оказывают на своих членов производительное или творческое и просто деятельное влияние. Производительными или творческими влияниями Троицкий называет влияния, которые создают в других вторичные законы их психического существования. Напомним, что первичные законы он связывал с внутренней условностью — личностью, а вторичные с внешней — общественностью. К производительным влияниям относятся знания, навыки, свойства, способности. Они входят в состав воспитания и обучения, приобретаются в той общности, к которой принадлежит человек.

Деятельные психические влияния — действия вызова и подавления в других людях психических явлений их существования: чувств, идей, готовностей, действий. Троицкий приводит целый ряд примеров вызова и подавления в других людях психических явлений.

Законы общественных явлений как психических фактов Троицкий делит на первичные общие законы человеческого духа, прежде всего законы ассоциации, и частные — законы различных разделов психических фактов: чувств, мышления и т. д. Вторичные законы — установившиеся постоянства самих общественных явлений. К ним относятся исторические формы общественности, сохраняющиеся при смене ее индивидуальных представителей, традиционные формы всякого рода ассоциаций. В то время как первичные законы психического существования неизменны и вечны, вторичные изменяются и вовсе отменяются. Причины преобразования и отмены установившихся общественных отношений в конечном счете лежат в изменениях личных отношений, что отражается на общественных и ведет к преобразованию вторичных, общественных законов. Мы видим последовательность Троицкого — в двух порядках зависимостей ведущей является личностная, или внутренняя, условность, индивидуальность, а не общественность — внешняя условность. Личностные законы первичны. И вместе с тем движущими силами развития личности и общественности является их взаимодействие.

Высшие формы человеческого духа, как, например, культурные формы человеческого мышления, становятся могущественным органом внешнего психического влияния, т. е. общественности. «Понятия людей, связанные с знаками, например, словами, составляют специальный орган внешнего психического влияния, — орган до того покорный, что реагент почти не чувствует, как другие пользуются его психическим аппаратом, обращаясь к нему с речью, и до того тонкий, что при помощи его говорящий или пишущий способен сделать свое психическое существование как бы предметом непосредственного наблюдения для слушателей или читателей. Таким образом, понятия, составляющие

культурную форму человеческого мышления, являются могущественнейшим органом общественных отношений» (там же, с. 62).

Культура человеческой чувствительности приводит к образованию новых специальных форм чувствительности и к преобразованию общих форм в специальные. К новым чисто гуманным формам чувствительности человека относятся связанные с общественностью симпатические чувства. «В чувствах симпатии человек входит из области личных чувств в область чувств и интересов окружающего его общества; симпатия есть сочувствие чужому счастью и несчастью, чужой радости и горю, чужим удовольствиям и страданиям» (с. 66). Симпатические чувства сопровождают семейную и родственную любовь, чувство дружбы и товарищества, патриотизма.

Другим последствием культуры человеческой чувствительности, связанной с историей общественности, является факт оценки или критики влияний. К высшим критическим чувствам принадлежат высшие эстетические чувства — чувство художественной красоты, чувство смеха; высшие теоретические чувства — истины и лжи; высшие практические чувства — правды, долга, нравственности. Все эти чувства имеют общественное значение.

Во-первых, преобразование общих чувств под влиянием культуры расширяет способности внешнего психического влияния, обогащает условия общественности; во-вторых, сами общие чувства получают меру, отвечающую симпатическим и высшим критическим чувствам, т. е. общественным чувствам.

Таким образом, историческая культура обнаруживается двояко: образованием новых специальных форм психических фактов и преобразованием общих форм в специальные. В конечном счете все высшие свойства человеческой

личности — это внутренние условия культурного порядка.

У Троицкого вопрос социальной обусловленности психики был слит с вопросами социальной психологии. Вернее сказать, проблема социальной обусловленности психики была сведена к социальнопсихологической проблеме, поскольку общественность раскрывалась как психическое взаимодействие, как взаимодействие сознаний. Идеалистическое понимание общественных отношений ограничивало возможность научного исследования этих действительно определяющих личность отношений. Общественное раскрывается только как психическое взаимодействие. И понятна безуспешность его попыток подойти к решению проблемы социальной обусловленности психического, несостоятельность непосредственного соотнесения психического с социальностью, выступающей для него лишь в пределах общения людей, вне материального бытия общества. Однако поднятые им вопросы о социальной характеристике личности, о значении общения человека с другими людьми, об их совместной деятельности для достижения целей, об историко-культурном развитии были теми вопросами, на которые предстояло ответить психологии при решении и проблемы личности в ее психологическом аспекте, и социальной психологии. В психическом влиянии людей друг на друга, в формах этого влияния Троицкий — конечно, в пределах его философских взглядов — намечал вопросы, которые только в современной психологической науке завоевывают свое место.

Если в трудах М. М. Троицкого была сделана попытка подойти к проблемам социальной психологии и социальной обусловленности психики с помощью субъективного анализа духа, то В. М. Бехтерев стоял на противоположной точке зрения — главным для него было создание объективной психологии, введение

объективного метода и применение его ко всем разделам психологии, в том числе и к социальной психологии.

В. М. Бехтерев вошел в науку как сторонник сеченовского учения, зачинатель экспериментальных психологических исследований. Особенность научного творчества Бехтерева, большого ученого, безудержно и страстно хотевшего познать человека в целом и людей в их совместной жизни, заключалась в постановке комплексных исследований — неврологических, психиатрических, психологических и социально-психологических. Он стремился к всестороннему изучению человека в совокупности всех проявлений его жизнедеятельности. Этот смелый замысел, столь близкий современной науке, владел Бехтеревым с самого начала его научной деятельности.

Создавая в 1885 г. первую в России экспериментальную психологическую лабораторию при клинике душевных и нервных болезней Казанского университета, Бехтерев изучение психики считал частью намеченных им работ по изучению строения и функций мозга. Комплексные исследования он вместе со своими сотрудниками вел в психологической лаборатории Военно-медицинской академии. Они включали психологию личности и касались социально-психологических проблем. Затем в созданном им в Петербурге Психоневрологическом институте Бехтерев разрабатывает программу развития общественной психологии — ее теоретические основы и экспериментальные методы. В 1918 г. в организованном им Государственном рефлексологическом институте по изучению мозга была открыта лаборатория коллективной рефлексологии, целью которой стали экспериментальные социально-психологические исследования.

Начало исследований В. М. Бехтерева в области социальной психологии было положено в 1897 г. В тот год ему поручили произнести речь на торжественном актовом годовом собрании Петербургской Военно-медицинской академии, где он возглавлял кафедру психиатрии. Свою речь он посвятил роли внушения в общественной жизни (Бехтерев, 1898). Обычно для таких выступлений избиралась актуальная общая проблема, связанная со специальностью выступавшего. Сам факт выбора Бехтеревым социально-психологической проблемы свидетельствовал об его отношении к новой, тогда только нарождавшейся области науки.

Бехтерев выделил как актуальный и важный вопрос о психическом влиянии людей друг на друга, тот вопрос, который заставил Троицкого задуматься над социально-психологическими проблемами. У Бехтерева речь шла о внушении как особом виде общения, как одной из форм психического влияния людей друг на друга.

Внушение, в те годы новое научное понятие, возбуждало интерес психиатров. В. М. Бехтерев привел и разобрал многие факты массовых психозов, известных в истории и наблюдавшихся в русских деревнях, объясняя их внушением и самовнушением. Внушением он объяснял и случаи «чудесного» исцеления при посещении «святых» источников, успешного действия знахарских заговоров и т. д. Рассматривая психическое влияние людей друг на друга как особый вид общения людей, он вышел за пределы психиатрии в область социальной психологии. «Мне представляется не только современным, но и небезынтересным остановиться на этом предмете, полном глубокого значения как в повседневной жизни отдельных лиц, так и в социальной жизни народов», — сказал он (там же, № 1, с. 1).

Внушение как один из способов воздействия одних лиц на другие заставляло выяснять, что собой

представляют психические влияния в целом. Психическое влияние, как мы видели, легло в основу понятия общественности у Троицкого. Это же явление привело Бехтерева к социальной психологии. Он выделяет и разбирает вопрос о взаимовлиянии людей, об особенностях психической деятельности групп людей и приходит к общему выводу о роли и значении общения людей.

Внушение Бехтерев связывал с бессознательной сферой психической деятельности. Эта область была тогда для психологической науки совсем новой, и Бехтерев придавал ей большое значение не только в индивидуальной, но и в социальной психологии. «В нашу психическую сферу могут входить разнородные впечатления и влияния помимо нашего личного сознания и, следовательно, помимо нашего Я. Они проникают в нашу психическую сферу уже не с парадного хода, а, если можно так выразиться, с заднего крыльца, ведущего непосредственно во внутренние покои нашей души. Это и есть то, что мы называем внушением. Таким образом, внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому, прививанию, происходящему без участия воли воспринимающего лица, нередко даже без ясного с его стороны сознания» (там же, с. 3). В этом Бехтерев видел существенное отличие внушения от такого способа психического воздействия, как логическое убеждение.

Первоначально понятие внушения относилось к психиатрии и связывалось с гипнозом. Затем это понятие приобрело психологическое значение и стало применяться при характеристике податливости личности к психическому воздействию, а далее его объем расширяется, захватив социальные воздействия, и включает частично явления, обозначаемые современным термином конформности.

Выступление Бехтерева перед профессорско-преподавательским составом Военно-медицинской академии и ее выпускниками, будущими военными врачами, которым предстояло иметь дело с солдатскими массами, касалось социально-психологических вопросов воздействия на группы людей, управления массовыми действиями. Для выступавшего и для слушателей это были не праздные вопросы — народные массы России, приведенные в движение, оказывались пробуждающейся грозной революционной силой. Недаром Бехтерев, известный своими демократическими взглядами, говорил о «простом классе населения», «простолюдинах», и о способах воздействия на них, о руководителях массового движения, об общении людей в толпе и об особенностях общения с толпой.

Внушение может происходить как намеренно, так и ненамеренно со стороны влияющего лица, может осознаваться воспринимающим лицом, а может и не осознаваться и вызывать совершенно безотчетные действия. «Внушение действует путем непосредственного прививания психических состояний, т. е. идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике», — отмечал Бехтерев (там же). Некоторые формы общения, например, приказания, совмещают два рода психического воздействия — убеждение и внушение. Внушение представляет собой нередко более могущественный способ влияния на людей, чем убеждение, поскольку действует и на лиц, не обладающих достаточной логикой, как, например, дети и «простолюдины». При этом речь может идти о «психических прививках» — о передаче тому или иному лицу готовых продуктов умственной работы других лиц. Такая особенность внушения имеет общественное значение, полагал Бехтерев. «В простом классе населения внушение или прививка идей играет гораздо

более видную роль, нежели логическое убеждение. Всякий, общавшийся с народом, знает это хорошо по собственному опыту и знает цену логических убеждений, которые, если и имеют иногда успех, то лишь временный, тогда как внушение или приказание здесь почти всегда действуют верно» (с. 4).

Внушение происходит при обычном общении одного человека с другим. Таким путем совершается «естественное прививание психических состояний от одних лиц к другим», как отмечал Бехтерев, называя это состояние невольным внушением. Действие невольного внушения и взаимовнушения гораздо шире, чем можно было бы думать с самого начала, поскольку затрагивает всех и каждого при всевозможных условиях.

«Невольное внушение и взаимовнушение. как мы его понимаем, есть явление более или менее всеобщее» (с. 9). Таким путем происходит «психический взаимообмен». Особенно благоприятными условиями психического влияния являются господствующие в сознании многих лиц идеи одного и того же рода и одинаковые по характеру аффекты и настроения.

Массовым внушением Бехтерев объяснял явления паники. «Эта психическая эпидемия развивается в народных собраниях, когда вследствие тех или других условий к сознанию масс прививается идея о неминуемой смертельной опасности», — писал он (Бехтерев, 1898, № 3, с. 170). Он следующим образом характеризовал панику: «Это есть нечто такое, что охватывает, подобно острейшей заразе, почти внезапно целую массу лиц чувством неминуемой опасности, против которой совершенно бессильно убеждение и которое получает объяснение только по внушению этой идеи, путем ли неожиданных зрительных впечатлений (внезапное появление пожара, неприятельских войск и пр.) или путем слова, злонамеренно или случайно брошенного в толпу» (там же).

Значение внушения в социальной жизни народов Бехтерев видел в том, что оно представляет важное условие объединения отдельных лиц в большие сообщества, усиливает чувства и стремления, поднимает активность народных масс. Последнее может быть и губительно для народа, и увлечь его к величайшим подвигам — все зависит от направляющей силы, и дело руководителей народных масс, вожаков, направлять чувства и мысли народа к возвышенным целям и благородным стремлениям. «Отсюда очевидно, что внушение является важным социальным фактором, который играет видную роль не только в жизни каждого отдельного лица и в его воспитании, но и в жизни народов, — утверждал Бехтерев и продолжал, — ввиду этого я полагаю, что внушение как фактор заслуживает самого внимательного изучения для историка и социолога, иначе целый ряд исторических и социальных явлений получает неполное, недостаточное и, быть может, даже несоответствующее объяснение» (с. 177).

Заключая свое выступление, Бехтерев связал его с дискуссиями о роли личности в истории, со спорами о героях и толпе, которые происходили в те годы. Он был против теории Н. К. Михайловского о героях и толпе, но возражал и тем, кто отрицал роль личности в ходе исторических событий. «Время не позволяет мне остановиться на одном в высшей степени важном вопросе, о котором так много было споров еще в самое последнее время. Я говорю о роли отдельных личностей в истории. Как известно, многие были склонны отрицать совершенно роль личности в ходе исторических событий. По ним личность является лишь выразителем взглядов массы, как бы высшим олицетворением данной эпохи, и потому она сама по себе и не может иметь активного влияния на ход исторических событий. Последние силою вещей выдвигают ту или другую личность поверх толпы, сами же события идут своей

чредой вне всякой зависимости от влияния на них отдельных личностей. При этом, однако, забывают о внушении, этой важной силе, которая служит особенно могучим орудием в руках счастливо одаренных от природы натур, как бы созданных быть руководителями народных масс. Нельзя, конечно, отрицать, что личность сама по себе является отражением данной среды и эпохи, нельзя также отрицать и того, что ни одно историческое событие не может осуществляться, коль скоро не имеется для него достаточно подготовленной почвы и благоприятствующих условий, но также несомненно и то, что в руках блестящих ораторов, в руках известных демагогов и любимцев народа, в руках знаменитых полководцев и великих правителей, наконец, в руках известных публицистов имеется та могучая сила, которая может объединить народные массы для одной общей цели и которая способна увлечь их на подвиг и повести к событиям, последствия которых отражаются на ряде грядущих поколений» (там же).

К вопросу о личности и массе Бехтерев возвращался не раз. В речи на втором съезде отечественных психиатров в год первой русской революции он говорил о силе народных масс: «Нельзя забывать, что, как ни велика сила в отдельно взятой активной личности, способной увлечь за собой массы, но великие события оказываются возможными лишь при общей солидарности масс. Последние в этом случае являются такою силой, пред которой меркнет и ступшевывается сила отдельных личностей» (Бехтерев, 1905, с. 40). Позже Бехтерев писал о том, что место отдельных личностей в общественном развитии определяется тем, в какой мере они могут уловить «пульс народной жизни и направление исторического процесса и тем самым приложить свою энергию на путь, соответствующий развитию народных масс» (Бехтерев, 1921б, с. 322).

Общественная психология рассматривалась Бехтеревым как часть его учения, которое он называл объективной психологией. В первом выпуске задуманного им обширного труда «Объективная психология» Бехтерев, намечая пути развития общественной психологии, писал: «Дело идет не об изучении только индивидуальной психической жизни, но и психической жизни отдельных групп лиц (например, толпы, общества, народов и пр.)... Отсюда деление психологии на индивидуальную, общественную, сравнительную психологию народов и так называемую зоопсихологию» (Бехтерев, 1907, с. 7).

В 1910 г. Бехтерев в программном докладе, сделанном на открытии психологической секции совета Психоневрологического института, первый в русской психологической науке определил предмет и задачи общественной психологии. Он употреблял это название, не делая, впрочем, различия между терминами «общественная психология» или «социальная психология». Вскоре доклад этот был опубликован (Бехтерев, 1911а). Бехтерев считал, что общественная психология должна изучать психологию разного рода социальных групп и социальную сферу личности. «Предметом общественной психологии является изучение психологической деятельности собраний и сборищ, составляемых из массы лиц, проявляющих свою нервно-психическую деятельность как целое, благодаря общению их друг с другом. Безразлично, будет ли это случайная толпа, или общественный митинг, или правительственное собрание — везде проявляются общее настроение, соборное умственное творчество и коллективные действия многих лиц, связанных друг с другом теми или другими условиями» (там же, с. 8). Социальные группы могут быть партийного, правового, религиозного, служебного, профессионального или семейного характера. Продукты их деятельности

рассматриваются в связи с внешними текущими и прошедшими условиями, которые в них отражаются.

Бехтерев полагал, что общественная психология должна изучать те же стороны психической деятельности, какие изучает индивидуальная психология с той лишь разницей, что она исследует деятельность массы лиц, связанных между собой общностью условий. Общественная психология имеет дело также с проявлениями психической сферы отдельных лиц, но лица эти, связанные между собой общими интересами, в условиях общественной деятельности проявляют собирательную психическую деятельность. Такие явления индивидуальной психологии, как чувство, ум и воля, в общественной психологии будут выражаться как проявления общественных аффективных состояний, общественной впечатлительности, общественного творчества и общественных решений и действий.

В социальной группе между ее членами устанавливается известное психическое взаимоотношение, выражаемое в общении, большее или меньшее согласование тех или иных сторон их психической деятельности, что делает возможной их совместную социальную деятельность. Предметом общественной психологии должны служить особенности социальной нервно-психической деятельности, условия и законы ее развития. Это будут ее проявления в разнообразных общественных группах, начиная с простой толпы. Соответственно, «в задачи общественной психологии должно входить выяснение того, как в массе лиц, составляющих одно общество, проявляется эмотивный элемент, т. е. настроения и аффекты, а равно и общественная впечатлительность, как проявляется ассоциативная и интеллектуальная деятельность массы лиц, соединенных в одно

сообщество, и в каких формах обнаруживается действие массы тех же лиц» (с. 9).

Общественная психология исследует сообщества как собирательную личность, которая имеет свою индивидуальность, зависящую от умственного уровня его членов, от их профессии, служебного положения, племенных особенностей. Членами общества унаследуются сложившиеся формы общественной деятельности путем воспитания и преемственности — язык, обычаи, предания, общий уклад общественной жизни. Методом общественной психологии должен и может быть только объективный метод, позволяющий наблюдать и регистрировать внешнюю сторону проявления психической деятельности массы лиц, устанавливая ее соотношение с внешними влияниями, послужившими причиной массовой деятельности. Применение эксперимента позволит выяснить особенности коллективной психической деятельности вообще и избранных групп в частности.

В общественной психологии исследованию подлежит и взаимоотношение личности и коллектива. Она изучает «психологический механизм развития общественных явлений, их психологическую подготовку и изучает условия, при которых нервно-психические явления, развивающиеся в ряде индивидов, становятся социально-психологическими явлениями» (с. 7).

Бехтерев критиковал современные ему социально-психологические теории, считая, что все они основаны на субъективном толковании фактов: его критика относится и к построениям Штейнталя и Лацаруса, и к психологии народов Вундта, и к теориям Тарда, Мак Дауголла и др. Главной их ошибкой он считал стремление подчинить исследование какому-либо одному принципу. Тард находил этот принцип в подражании, Мак Дауголл — в инстинктах человека, Вундт считал достаточным основанием для создания

психологии народов изучение мифов, обычаев, языка. Односторонность западноевропейских психологов Бехтерев видел в том, что большинство из них занималось толпой, не дифференцируя ее, не говоря о том, что характеристика толпы давалась с субъективной точки зрения. Одни видят в толпе только склонность к преступлениям, не замечая того, что толпа бывает в полном смысле героической. Другие недостаточно различают особенности уличной толпы и разного рода организованных собраний. В числе свойств толпы иногда авторы указывают на импульсивность, раздражительность, недостаток рассуждений и критики, преувеличенную чувствительность, необычную внушаемость и т. п. Однако то, что относится к неорганизованной толпе, нельзя переносить на организованные собрания, где взвешиваются разнородные взгляды и скрещиваются различные доводы. Бехтерев полемизировал с Лебоном, утверждавшим, что в воздействии на толпу рассудок не может играть роли, а скорее имеет отрицательное значение. Спокойная толпа, утверждал Бехтерев, выслушает доводы, но они должны быть просты, ясны и убедительны. Эмоциональная окраска важнее там, где нужно побудить толпу к действию.

В стремлении объединить комплексные исследования единым объективным методом Бехтерев в качестве такого универсального метода, действительно для исследования физиологических, психических и социально-психологических явлений, равно приложимого к исследованию личности и коллектива, принял метод сочетательно-двигательных рефлексов. Этот метод опирался на обнаруженное в бехтеревских лабораториях явление сочетательных рефлексов, — явление, которое было открыто тогда же и в павловских лабораториях, получив там название условного рефлекса. Что касается проблем социальной

психологии, то здесь возникли особенно большие трудности, которые обусловили сложную и полную противоречий деятельность Бехтерева в этой области. Поставив своей целью изучение психики объективным методом, Бехтерев увидел, что надо определить область объективного изучения. Он подошел к решению задачи, исходя из двух положений: во-первых, из того, что рефлекс головного мозга «сводятся» к движению, и, во-вторых, из того, что психические явления как непосредственно данные сознанию доступны лишь субъективному методу и не могут быть изучены объективным методом, поскольку он считал, что изучению могут подлежать только непосредственно данные явления. Поэтому он декларировал отказ от изучения психических процессов. Ход его мысли был таков: предметом изучения психологии до последнего времени являлся так называемый внутренний мир, доступный только самонаблюдению, поэтому самонаблюдение представляло собой основной метод психологии. Если же принять за исходное положение, что психическая деятельность возникает благодаря внешним импульсам и выражается не только субъективно, но и объективно в деятельности человека, то надо заключить, что объективному исследованию подлежит изучение не внутренних закономерностей психики, а внешних форм ее проявления — двигательных реакций. «Объективная психология, — писал Бехтерев, — ставит целью выяснить лишь объективные проявления психики и те соотношения, которые благодаря внутренней переработке устанавливаются в различных случаях между внешними воздействиями и теми внешними проявлениями, которые за ними следуют и которые обусловлены деятельностью высших центров мозга» (Бехтерев, 1907, с. 14). Задача сводится, следовательно, к тому, чтобы изучать внешние проявления рефлекторной деятельности и выяснять

соотношение движений с раздражениями, минуя собственно психические процессы. Таким образом, из исследования сразу исключался вопрос о внутренней переработке внешних воздействий, получавших выражение в психических явлениях. Во внешних реакциях, в деятельности Бехтерев не видел возможности опосредованного наблюдения, «мы их принимаем самих по себе, независимо от субъективных переживаний, их сопровождающих и им предшествующих» (Бехтерев, 1909, с. 5).

Полагая, что психические явления не играют никакой роли в рефлекторной деятельности мозга, Бехтерев отходил от сеченовского ее понимания. Он расходился с Сеченовым в самых существенных отношениях. У Бехтерева исчезала характеристика психического как отражательной функции мозга, составляющая ядро сеченовского учения, и вместе с тем отпадала и регуляторная роль психики в рефлекторных актах, в которой Сеченов видел ее назначение. Как только Бехтерев нарушил связь между психическими явлениями и действиями, он был вынужден снять задачу познания психики объективным методом и предметом исследования сделать поведение. Хотя Бехтерев объявлял, что собирается изучать человека как деятеля, в действительности он рассматривал его как пассивное звено в переключении внешних стимулов на двигательную реакцию. Человеческая деятельность лишалась своей сущности — сознательности — и сводилась к двигательным рефлекторным ответам.

Свое учение, опиравшееся на рефлекторную теорию работы мозга и признававшее объективный метод единственно возможным в психологии, Бехтерев первоначально называл объективной психологией. Позднее он стал называть его рефлексологией. Изменение названия имело принципиальное значение, за ним скрывались существенные перемены во взглядах

ученого — его переход к поведенчеству. Называя свою теорию рефлексологией, Бехтерев подчеркивал отход от психологии, под которой он разумел интроспективную психологию сознания. Чем дальше, тем больше для Бехтерева психология связывается с субъективным методом. Дисциплина, принимающая объективный метод, должна строиться вне психологии, полагал Бехтерев, и поскольку рефлексология исключала какой бы то ни было субъективизм в изучении личности, ею следовало заменить и социальную или общественную психологию. Чтобы подчеркнуть свои методологические позиции, отрасль рефлексологии, призванную решать проблемы социальной психологии, Бехтерев назвал коллективной рефлексологией. Подобно общей рефлексологии, коллективная рефлексология отказывалась от психологических понятий, считая их чуждыми объективной науке. На место понятия психической деятельности ставилось понятие соотносительной деятельности. Такая подстановка имела принципиальное значение. «Для коллективной рефлексологии не должно существовать субъективной терминологии, — писал Бехтерев, — наподобие общественного сознания, общественных чувств, общественного внимания, воли и пр., а она должна быть заменена объективной терминологией» (Бехтерев, 1921а, с. 40).

В «Общих основах рефлексологии человека» (первое издание было выпущено в 1917 г.) Бехтерев изложил свою рефлексологическую теорию как науку, опирающуюся на объективный метод и потому противостоящую интроспективной психологии в познании человека. Общественную психологию он стал рассматривать как отрасль рефлексологии человека, коллективную рефлексологию.

В 1921 г. вышла в свет книга В. М. Бехтерева «Коллективная рефлексология». Обращаясь к читателю

на первых страницах «Коллективной рефлексологии», Бехтерев оговаривал, что общие основы предлагаемого им сочинения были намечены в работе «Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки», текст ее вошел в новую книгу, но с необходимыми исправлениями. Коллективная рефлексология должна была изучать закономерности поведения людей в разных общественных группах. Автор заявлял о своем намерении обойтись без изучения психики на том основании, что она недоступна непосредственному наблюдению с помощью объективного метода. Мысль о возможности опосредованного изучения психической деятельности была чужда Бехтереву. Однако, как только ученый пытался осуществить свое требование — обойтись без изучения психики, как только он сводил деятельность социальных групп и отдельных лиц к поведению, понимаемому как совокупность внешних реакций на внешние стимулы, обнаруживалась несостоятельность поведенчества.

Ограничения, которые налагал на себя Бехтерев в отношении к психологии, так были жестки и так ему мешали, что он сам преступал их, пытаясь овладеть тем материалом, которым располагал и как психолог, поскольку психологические проблемы интересовали его на протяжении всей жизни, и как врач-психиатр, наблюдающий многих и многих людей, сталкивавшийся с условиями их жизни и работы. Наблюдения и экспериментальные данные самого Бехтерева, а также материалы его сотрудников никак не укладывались в рамки принятой теоретической схемы, противоречили ей и рождали противоречивость всей книги. Как ни старался ее автор не обращаться к психологическим характеристикам и психологической терминологии в области индивидуальной и социальной психологии, ему это мало удавалось. Он говорил о психологических

особенностях коллектива как целого, об общении, о коллективном труде, о настроении коллектива, о взаимоотношении личности и коллектива.

В первой части «Коллективной рефлексологии» было развито учение о коллективах, дана характеристика разных социальных групп и их психологических особенностей, предложена классификация коллективов. Толпа — неорганизованный коллектив, скопление лиц, вызываемое временно возникшим поводом и объединяемое общим настроением. Она может быть подчинена одному вожаку или нескольким руководителям. Активность толпы выражается в принятии вожака. Публика — скопление лиц с определенной целью, организованных по отношению к данной цели общим наблюдением, но не связанных между собой и пассивных. Например, зрители в театре, молящиеся в церквях. Собрания — скопление лиц, объединенных для выражения отношений к предмету объединения — общему обсуждению. Постоянные коллективы — социальные группы с согласованной общей деятельностью, общим трудом. Учебные коллективы — школьные, студенческие, спортивные, музыкальные. Особая форма коллективов — семейные коллективы. Разные роды коллективов предполагают разные формы общения — непосредственное общение, через представительство, через печать или письма. Общность интересов и задач, предполагающую единство цели, обуславливает связь членов коллектива, побуждает их к единству действий, придает смысл существованию коллектива.

Представляя свою классификацию коллективов, Бехтерев возражал против того, чтобы понятием толпы обозначать различные коллективы, возражал против неправомерного расширения этого понятия Тардом, Лебоном, Михайловским и другими социологами.

Постоянным коллективам Бехтерев уделял наибольшее внимание. Главным признаком их он считает объединение единой целью для совместной деятельности. Вокруг общей цели «осуществляется организация в каждом вообще коллективе в целях сплочения его частей для общей деятельности» (там же, с. 346). Такой общей деятельностью является прежде всего труд. «Всякий нарождающийся самостоятельный коллектив начинает свою жизнь с самоопределения, иначе говоря, он устанавливает и выясняет свои собственные задачи и цели, отмежевывая их от задач и целей других коллективов. Только после этого устанавливаются определенные отношения такого коллектива к другим» (с. 415). Объединяющими факторами в коллективе являются взаимовнушение, взаимоподражание и индукция. В обществе путем подражания, внушения и убеждения члены коллектива воспринимают общие свойства коллектива, одновременно достижения одного члена делаются общими достижениями. Подражание является, с одной стороны, стимулом к социальной жизни, с другой — неизбежным следствием общения двух и более индивидов. С его помощью осуществляется коллективное действие, всегда требующее известной согласованности. При создании коллектива действует еще один фактор — социальный отбор, обеспечивающий поддержку наиболее приспособленному к коллективу индивиду. При этом отбираются наиболее сильные в социальном отношении, хотя, может быть, слабые физически.

Развитие коллектива определяется как внутренними, так и внешними условиями. Сила и значение внешнего воздействия на коллектив зависит от его состояния, которое определяется внутренними условиями, поэтому сильное воздействие извне может вызывать слабую реакцию, и наоборот.

Объединение в коллективы происходит прежде всего в общей трудовой деятельности. Труд требует согласованного коллективного действия. «Когда мы имеем общую работу, например, коллективный труд, — пишет Бехтерев, — то вначале, по крайней мере, у людей непривычных, мы не имеем достаточной согласованности в работе, часто даже работа одного мешает работе другого, но мало-помалу работа многих людей достигает полной правильности и согласованности и тем самым сближает друг с другом участников общего труда» (Бехтерев, 1923, с. 363). В коллективной трудовой деятельности Бехтерев выделяет роль морального элемента — результаты труда будут разными в зависимости от того, будут ли люди трудиться по принуждению или по доброй воле. Известна роль настроения и интереса для трудовой деятельности. Неуверенность в успехе труда понижает его производительность. Бехтерев поднимает вопрос о значении общественного мнения и соревнования в трудовой деятельности. «Мне представляется чрезвычайно существенным для целей коллективной рефлексологии выяснить значение соревнования, играющего столь важную роль для всякого вообще коллектива. Вряд ли можно сомневаться, что соревнование должно поднимать интенсивность работы в той или другой степени, но спрашивается, как оно должно отражаться на качестве той или другой работы» (там же, с. 62–63).

Особым родом коллектива является семейный коллектив. По мнению Бехтерева, продолжительность его существования не измеряется жизнью отдельных составляющих его лиц, а распространяется и на потомство, переходя от старших поколений к младшим. Смысл этого утверждения в том, что общность семейная имеет длительность, которая позволяет объяснить семейные психологические черты. Как и в ряде других

случаев, и для Бехтерева это характерно, из наследственно-органического рефлекса, связанного с половым влечением, он выводит происхождение семьи, семейного уклада, обычаев и семейных установлений, а потом связывает с особенностями семейного коллектива возникновение правовых отношений, наследования имущества потомством. У него происходит объяснение экономических и правовых явлений социально-психологическими.

Бехтерева занимают вопросы психологических особенностей коллектива — настроений, внимания, творчества, ума. Он исследует тенденции и формы динамики массового настроения, в обычных условиях и во время общественных сдвигов, таких, например, как революционные потрясения, описывает роль символики, которая дополняет и усиливает настроение — черные флаги при горе, национальные флаги при торжестве и т. д. Бехтерев дает характеристику стадийности массового настроения, его подъема и спада, ищет причины его неустойчивости.

Вместо понятия «внимание» Бехтерев употребляет термин «сосредоточение». Эффект коллективного сосредоточения и большой результат коллективной наблюдательности достигается обобщающим началом коллектива, развивающимся в общении его членов. Наблюдение одного делается достоянием всех, и сосредоточение многих на одном и том же предмете приводит к дальнейшему углублению наблюдательности. Заинтересованность, положительное настроение обостряет наблюдательность коллектива.

В творческой работе «соборный ум» пользуется продуктами индивидуальных умов, но и тут проявляется обобщающее начало коллектива: он обобщает работу индивидуального ума, делает ее общеприемлемой, общезначимой. «Соборный ум» влияет и на индивидуальную творческую работу — в общении

происходит обсуждение, перекрестная критика приводит к расширению выводов, хотя существует опасность, что таким путем могут устраниться те или иные характерные особенности умственной деятельности отдельных лиц. В суждениях коллектива реализуется опыт многих личностей, входящих в его состав, что обеспечивает многосторонность результата. Суждения становятся более беспристрастными, нежели индивидуальные, при условии разнородности коллектива. Прирост «соборного ума» состоит в том, что к индивидуальному уму добавляются соображения коллектива, — вот что дает взаимодействие умов в общении.

Продуктивность коллективной творческой работы зависит от размера коллектива, большое количество участников затрудняет работу.

Отношения личности и коллектива далеко не просты, но личность и общество не являются противоположностями, наиболее совершенное общество предполагает и наиболее совершенных личностей. Во всех случаях личность должна рассматриваться не сама по себе, а в связи с тем коллективом, в который она входит. Вследствие этого «роль личности определяется общественной значимостью и социальной силой того коллектива, представителем которого она является» (Бехтерев, 1921а, с. 322). Бехтерев исследует разные уровни социальных связей личности; иерархия ее социальных связей начинается с общечеловеческих и, спускаясь, доходит до первичных семейных связей. Личность подчиняется общечеловеческим обычаям, принадлежит к определенному народу, классу, профессиональной группе и т. п. В своих поступках человек соотносится с отношениями, существующими в данном сообществе, — с общепринятыми обычаями, взглядами и установлениями. «Личность является существом социальным в настоящем смысле слова,

повторяя не свои особые, а общие всем взгляды, выполняя общие всем обычаи, обнаруживая в известных случаях общие всем действия. Человек в обществе безусловно подчинен общественным требованиям» (там же, с. 69). Личность в обществе становится его частью и в этом смысле утрачивает значительную долю своего независимого существования, становясь исполнительницей общественных установлений. «Самая организация общественности основана на повелительном принципе общества над личностью. Обычаи и законы общества категоричны и требуют почти безусловного подчинения» (с. 70–71).

Социальная кооперация приводит в согласование со своими установками действия отдельных лиц во всех случаях, когда речь идет о достижении коллективной цели. Втянутая в коллективную жизнь личность не может поступить иначе, как сообразуясь с приобретенными социальными навыками и традициями коллектива как целого.

Бехтерев первый начал экспериментальные социально-психологические исследования. В опытах Бинэ, Штерна, Клапареда за рубежом, отмечал он, а также в опытах Нечаева и Лазурского в нашей стране не ставилась цель исследования коллектива как целого и его влияния на личность. Эти ученые проводили массовые эксперименты, в которых испытуемые одновременно выполняли какое-либо одно задание, но выполняли его в одиночку, а не коллективно. Лазурский в разработанном им естественном эксперименте со школьниками выделял у испытуемых индивидуальные способности для анализа коллектива по его составу. Бехтерев ставил целью изучить взаимодействие членов коллектива и влияние его на каждого из них. «Взаимодействие и единство есть та общая формула, которая лучше всего определяет коллектив как собирательную личность», — писал он (Бехтерев, Ланге,

1925, с. 47). Задачу своих экспериментов он видел в том, чтобы выяснить, как в зависимости от обмена мнениями достигаются в коллективе те или другие решения, каковы отличия восприятия, мышления, памяти и других психологических процессов при коллективной работе по сравнению с независимо друг от друга работающими индивидами. Бехтерев ставил вопрос о том, как проявляется наблюдательность коллектива, его эмоциональная возбудимость, как производится количественное и качественное определение объектов по сравнению с теми же самыми определениями, производимыми в одиночку независимо друг от друга работающими индивидами. Он хотел учесть отличие результатов выполнения заданий испытуемым в коллективе от результатов его же действий в одиночку, выявить поведение индивида при коллективной деятельности в условиях общения, определить внутриколлективные раздражения, возникающие в процессе совместной деятельности.

Бехтерев впервые стал исследовать группы, участники которых работали, общаясь и взаимодействуя друг с другом, решая общую для всех задачу. Эксперименты, поставленные под его руководством, имели своей целью установить влияние общения на познавательные процессы. Данные этих экспериментов сравнивались с данными индивидуальных экспериментов, которые становились мерой для учета «соборной» деятельности. Сравнение показало, что групповая работа дает лучшие результаты, однако с решением сложных задач индивиды, которых Бехтерев относил к особо одаренным, справлялись лучше (Бехтерев, 1923; Бехтерев, Ланге, 1925). Эксперименты свидетельствовали о влиянии общения на точность и детализацию процессов восприятия. В одном исследовании при общении группы испытуемых между собой число замеченных деталей в предъявляемой

картинке было на 23,6 % больше, чем при индивидуальном восприятии вне общения, вдвое сократилось и число ошибок. В другом исследовании испытуемые выделяли различия в сходных картинках и сходство в различных. Результаты группового эксперимента при условии общения также превышали результаты испытуемых, работавших в одиночку. Данные экспериментов на репродукцию показали, что 63 % испытуемых при коллективной деятельности качественно выиграли, а количественно (запомнили большее количество деталей) — все (Бехтерев, 1925).

В экспериментах, проведенных в лаборатории коллективной рефлексологии, у большинства испытуемых при коллективной деятельности отмечались лучшие результаты. Однако на некоторых участие в коллективной работе подействовало отрицательно. Они первоначально давали правильные ответы, а после обмена мнениями начинали делать ошибки. На таких неуверенных в себе людей, относящихся к социально-тормозному типу, работа в коллективе действовала угнетающе в отличие от испытуемых, принадлежащих к социально-возбудимому типу. Обнаружились три категории испытуемых: большинство дает в коллективной деятельности лучшие результаты, у некоторых не наблюдается никаких изменений, а у третьей группы деятельность тормозится, в результате чего ухудшаются результаты. Оказалось, что коллектив может одновременно подавлять одних своих членов и стимулировать других. Возбуждающее влияние коллектива усиливается в тех случаях, когда состояние его членов соответствует общему направлению деятельности коллектива, общему настроению. Иногда влияние оказывает не коллектив в целом, а отдельные его члены. Решающее значение имеет общение членов коллектива, но, согласно экспериментальным данным,

одно лишь присутствие коллектива, без его соучастия, способно повысить успехи отдельного его члена.

Подводя первые итоги экспериментальных исследований в области коллективной рефлексологии, Бехтерев писал: «Анализ полученных данных показал нам, что коллектив способен увеличивать объем знаний своих сочленов и частично исправлять их ошибки (опыты на репродукцию и способность различения), что он сглаживает крайности и резкости в заявлениях отдельных лиц (опыты на творчество), а также смягчает отношение к тем или другим поступкам стороннего человека (опыты на оценку поведения)» (Бехтерев, Ланге, 1925, с. 55).

В «Коллективной рефлексологии» Бехтерев писал о применении статистического метода, дающего возможность учитывать действия масс, будь то общественное настроение, общественный кругозор, нравственность, вкусы и т. д.) Каждая из поставленных задач требует сбора материала там, где его можно получить прямым или косвенным путем. Так, характеристику общественного настроения дадут сведения о посещаемости театров, ресторанов, игорных домов, церквей, количествах самоубийств. Торговая и промышленная статистика дает указания на ряд потребностей, вызываемых бытом, укладом жизни. Могут быть использованы анкеты или опросники, методы прямого эксперимента над коллективом в школах и других учебных заведениях, в том числе и метод естественного эксперимента. С дошкольниками коллективный эксперимент строится в условиях игры.

В «Коллективной рефлексологии» сосуществуют две линии. Одна в определении предмета коллективной рефлексологии и ее задач, развивая общественную психологию, строится на том, что «психология отдельных лиц непригодна для уяснения общественных движений и развития общественных событий, поскольку

отдельная личность не может быть олицетворением всего общества или народа» (Бехтерев, 1921а, с. 14). Согласно этой точке зрения, коллектив проявляет себя как целое, в его деятельности возникают новые качества и свойства его членов. Но «Коллективная рефлексология» включает и другую линию. Выделенные существенные психологические особенности коллективов снимаются утверждением, что «деятельность коллектива развивается теми же путями и по тем же законам, как и деятельность отдельной личности» (там же, с. 40). «Законы деятельности коллектива в общем суть те же, что и законы проявления деятельности отдельной личности, ибо коллектив, представляющий собой собирательную личность, действует в целом как объединенная группа индивидов» (с. 421). Проявления собирательной личности, открываемые при анализе общественной жизни, имеют формы, общие с проявлениями отдельной личности.

Придерживаясь взгляда, что мир управляется одними и теми же основными законами, Бехтерев рассматривал их в отношении к «собирательной личности». Он считал возможным объяснить явления социальной психологии законами более простых форм движения — механических. Возникла цепь уподоблений — коллектив уподоблялся личности, личность рассматривалась как биосоциальное явление, а истоки социальности относились к биологическим потребностям низших животных. «Биологически социальная жизнь начинается с агломерации низших животных и кончается социальными группами в жизни человека» (Бехтерев, 1905, с. 285). Бехтерев полагал, что признание биосоциальности личности решает вопрос о взаимоотношении биологического и социального и позволяет понимать общественные явления как коллективные рефлексy.

Вторая часть «Коллективной рефлексологии» была посвящена общим законам жизни. Здесь в наибольшей степени проявился механицизм, свойственный мировоззрению Бехтерева. Его представление о единстве мира толкало на поиск единых законов, действующих в неорганическом, органическом и надорганическом мире. Однако поиск этот, не совмещаясь с представлениями о разных уровнях закономерностей, свойственных жизни человека, оказался скованным механистическими установками. Бехтерев пытался объяснить явления социальной психологии физическими законами путем их универсализации. Таких законов, взятых из физики и других естественных наук и применимых в коллективной рефлексологии, он насчитывал более двадцати, в их числе закон сохранения энергии, законы тяготения, инерции, энтропии и др. Подобный подход к явлениям общественной жизни немедленно обнаруживал свою несостоятельность, не давал возможности подойти к закономерностям общественного развития, поскольку эти закономерности имеют качественное отличие от форм движения неорганического мира. Уподобляя высшие формы движения материи низшим, Бехтерев делал ошибочные механистические заключения. Так, выделяя идею преемственности культуры, наследования поколениями духовных богатств прошлого, он усматривал причину этого в действии закона сохранения энергии. Конечно, такое объяснение ни в какой мере не раскрывало эту особенность развития человеческого общества. Приложение закона тяготения к собирательной личности Бехтерев характеризовал тем, что и в социальной жизни мы встречаемся с особыми центрами тяготения — промышленными, научными и т. д. Такое же порою абсурдное уподобление совершается им и по отношению к другим законам, которые он прилагал к социально-психологическим,

экономическим и политическим явлениям. В одной из статей, опубликованных одновременно с «Коллективной рефлексологией», Бехтерев пишет о законе ритма или периодичности и уподобляет вращение Земли вокруг Солнца и своей оси, колебания маятника и колебания боевого настроения солдат на войне (Бехтерев, 1921а).

Воззрения Бехтерева и взгляды Троицкого, их цели в построении психологической науки в целом и их отношение к социальнопсихологическим проблемам в частности были противоположны, и тем не менее и тот, и другой находились в плену у интроспективной концепции сознания, которая рождала их заблуждения. И если для Троицкого психическое могло быть изучаемо только в пределах самого сознания и социальнопсихологические явления становились предметом исследования лишь после того, как они отрывались от деятельности человека, то для Бехтерева явления сознания оказывались не подлежащими изучению, а изучаемое поведение было оторвано от сознания. И тот, и другой принимали постулат об изучении непосредственно данных явлений. Для Троицкого это представлялось возможным только при субъективном методе изучения непосредственной данности явлений сознания. Для Бехтерева это означало изучение объективным методом внешних двигательных реакций человека на внешние раздражители, изучение деятельности человека, его поведения вне связи с психическими процессами. Отношение психических явлений к рефлексорным процессам понималось как отношение соответствия, параллельности.

Здесь речь идет о проблемах социальной психологии. Но они отражали в теоретических установках двух противоположных концепций — интроспективной и поведенческой — методологические трудности психологической науки, выразившиеся в

противостоянии психологии сознания и психологии поведения.

Позже, в годы становления советской психологии, когда обсуждению подвергся кризис в мировой психологической науке, выразившийся в столкновении интроспекционизма и поведенчества, с позиций марксизма был дан критический анализ этого кризиса и определен единственно возможный выход из него путем выяснения связи сознания с деятельностью, доказательства объективной опосредованности сознания, обоснования принципа объективного изучения психики через деятельность.

Из многочисленных учеников В. М. Бехтерева проблемами социальной психологии занимались Г. Е. Шумков, В. Я. Анфимов и А. Ф. Лазурский. Первые изучали военную психологию и в ее контексте исследовали социально-психологические проблемы. (О Г. Е. Шумкове и В. Я. Анфимове будет сказано в главе 3, посвященной социально-психологическим проблемам в военной психологии.) Главной темой работ А. Ф. Лазурского была психология личности. Ее он относил к индивидуальной психологии, или науке о характерах, которую вместе с рядом других психологических дисциплин, занимающихся частными вопросами, называл «промежуточной психологией», поскольку основными психологическими дисциплинами считал общую психологию и социальную психологию. Лазурский пояснял, что науки, относящиеся к «промежуточной психологии», «должны будут занимать среднее положение между психологией, посвященной разработке основных проблем, с одной стороны, и психологией народов, социальных групп, толпы и т. п. — с другой» (Лазурский, 1908, с. 8). Подробная разработка отдельных вопросов психической жизни, полагал Лазурский, поведет не к непосредственному решению основных проблем, т. е. проблем общей психологии и

социальной психологии, а к предварительному созданию нескольких новых дисциплин, собирающих практический материал и первично его обобщающих для основных дисциплин. «Не следует обольщать себя надеждой, что из мелких фактов сразу вырастут крупные теории», — продолжал он (там же).

Плодом научной деятельности Лазурского был ряд трудов, в которых он изложил и обобщил факты, собранные им самим и его сотрудниками. Эти труды должны были служить и общей, и социальной психологии. Широкую известность получили такие работы Лазурского, как «Очерк науки о характерах» (1906), «Школьные характеристики» (1913), «Классификация личностей» (1922). Проблеме личности и поискам новых методов экспериментального ее исследования были посвящены доклады и речи Лазурского на дореволюционных съездах по педагогической психологии и экспериментальной педагогике.

Лазурский, как и Бехтерев, считал, что только объективный метод позволит создать теорию, которая придет на смену интроспективной психологии. Ему принадлежит заслуга создания метода, который вошел в практику под названием естественного эксперимента. Естественный эксперимент отвечал требованиям объективности, что для Лазурского было главным критерием научного экспериментального метода. По замыслу автора, естественный эксперимент должен был совмещать эксперимент с естественностью условий протекания психических процессов (Лазурский, 1911, 1918). Лазурский изучал ребенка, школьника и взрослого в связи с их деятельностью: ребенка в игре, школьника в учении и игре, взрослого в труде и общественной деятельности. Так он собирал материал для школьных характеристик и для составленной им классификации личностей.

И при проведении естественных экспериментов, и при обследованиях, проводившихся по составленным им обширным программам, Лазурский уделял внимание социально-психологической характеристике личности. В программы входил раздел «Чувства по отношению к другим людям», который включал родственные привязанности, чувство симпатии, общественные чувства, отношение к родителям, своей семье, детям, виды симпатий, любовь, способность к дружбе, чувство уважения, отношение к старшим и начальству, отношение к слабым (к старикам, больным), сострадательность и другие общественные чувства. Особо выделялась характеристика общественной направленности деятельности. В личности Лазурский различал представление о своем Я и чувство своего Я. Представление о своем Я включает физическую, социальную и духовную стороны личности. Социальная личность — это моя репутация, мнение обо мне других людей, добрая или худая слава, честь имени и другие социальные черты личности. Объединяясь, эти черты образуют определенное целое представление о личности.

Разбирая связь разных наклонностей в личности (а именно установление такой связи Лазурский считал одной из главных задач характерологии), он выделял степень сопротивляемости внешним влияниям (самостоятельность — внушаемость). В это качество личности входит отношение к мнению общества, к чужим мнениям и советам. Сила внешних воздействий обнаруживается в ряде сложных проявлений. Значительная сопротивляемость ведет или к образованию сознательной самостоятельности мнений и поступков, или к тупому ограниченному упрямству. Отсутствие сопротивляемости порождает внушаемость, подражательность и легковерие. Понятию внушаемости при этом давалось расширительное толкование.

Первоначально оно относилось лишь к гипнозу, потом его стали переносить на социальные отношения людей. По Лазурскому, главным элементом, характеризующим состояние внушаемости, является пониженная сопротивляемость человека по отношению к воздействиям со стороны других людей. В современной психологии такое свойство обозначается термином «конформность».

Конкретные психологические исследования Лазурского, его сотрудников и учеников опирались на теоретическую концепцию, разработка которой исходила из определенного понимания соотношения физиологического и психического, внешнего и внутреннего, биологического и социального в психическом развитии человека. Формирование личности понималось как реализация природных свойств. Ядро человеческой личности образуют эндопсихические элементы, выражающие внутреннюю взаимозависимость психофизиологических функций — нервно-психическую организацию человека. Вторую сторону личности составляют отношения личности к среде. Причем понятие среды включает все то, к чему человек может так или иначе относиться: не только природа, люди и человеческие взаимоотношения, но также духовная культура, идеология. Эту сторону личности Лазурский называл экзопсихической. Взаимоотношение эндо- и экзопсихики представляет собой психический уровень каждого человека.

Биологизаторские тенденции в учении Лазурского скрещивались с попытками социального подхода. «Классификация личности должна быть не только психологической, но и психосоциальной в широком смысле этого слова», — писал он (Лазурский, 1922, с. 6). «Личность не может развиваться и проявляться вне общества. Развитие личности. может произойти только в обществе и через общество» (Лазурский, 1918, с. 183).

Однако социальный подход к личности был подчинен биологическому. Индивидуальными природными различиями Лазурский стремился объяснить общественные явления. Неравенство общественного положения и социальное подчинение ставилось Лазурским в зависимость от неравенства природных данных, а отсюда делался вывод о зависимости общественного строя от психологических особенностей входящих в общество разных человеческих групп.

Приняв за основу личности ее органические, врожденные особенности и разделяя взгляд Бехтерева на наличие у человека психической энергии, Лазурский делил людей по природной одаренности и запасам психической энергии на три группы — низшего, среднего и высшего психического уровня. В зависимости от уровня духовной одаренности социальное положение людей и их межличностные отношения, так же как и отношения к духовным благам, складываются по-разному. «Бедно одаренные индивидуумы обычно всецело подчиняются влияниям среды, ограничиваясь, в лучшем случае, чисто пассивным приспособлением к ее условиям и требованиям; натуры, богато одаренные, стремятся, наоборот, активно воздействовать на окружающую их жизнь, приспособляя и переделывая ее сообразно своим запросам и стремлениям; начиная, подобно более примитивным натурам, с подражания и пассивного приспособления, они затем, по мере своего духовного роста, превращаются постепенно в творцов и преобразователей жизни» (Лазурский, 1922, с. 7).

На разных уровнях отношение между личностью и окружающей ее средой, а значит, и между эндо- и экзопсихическими элементами личности различно.

На низшем уровне преобладает влияние внешней среды, поэтому ценность личности в социальном отношении незначительна, а саму личность можно охарактеризовать как недостаточно приспособленную.

Среда насильственно приспособливает психику малоодаренного человека, и он не может выявить свои эндоспособности. Лазурский отказывает представителям низшего уровня, отличающимся бедностью и разрозненностью психики, в цельном мирозерцании.

Людей среднего уровня можно назвать приспособившимися. Они выбирают себе род занятий, соответствующий их способностям. Этому уровню соответствует самостоятельное мышление.

Представители высшего уровня могут переделывать, видоизменять среду, поэтому Лазурский называет их приспособляющими.

Из неравенства одаренности людей следует их неравенство в общественном положении. «Неизбежность социального подчинения прямо вытекает из основных особенностей низшего уровня» (там же). С повышающейся полнотой приспособления личности к условиям жизни усиливается элемент активности и соответственно изменяется ее социально-психологическая характеристика. Принадлежность к низшему уровню накладывает отпечаток на выбор профессии — либо это физический труд, либо профессии, требующие механического исполнения однообразной работы. Представители низшего уровня находятся в подчинении у представителей высших уровней, направляющих их деятельность. Социальные чувства остаются примитивными и недостаточно сознательными. Если обстоятельства заставляют, представители этого уровня принимают участие в общественных делах, но остаются пассивными.

На среднем уровне отношение к социальной среде изменяется, социальные связи значительно углубляются и укрепляются. Симпатические чувства преобладают над эгоистическими, сильно развиты способность сочувствия, соответствие между словами и действиями.

В то же время наблюдается слепая преданность авторитетам.

К высшему уровню относятся люди, обладающие наибольшим количеством психической энергии, максимальным «психическим фондом». Отсюда — богатство личности, разнообразие и дифференцированность ее психических проявлений: с одной стороны, их сила и интенсивность, с другой — объединение психических свойств вокруг одного более или менее обширного центра. Талант и гений являются выражением принадлежности личности к высшему уровню. «Творческая инициатива делает представителей высшего уровня руководителями общественных движений, подчиняя им народные массы» (там же, с. 240).

На каждом уровне мы встречаемся с одними и теми же типами людей, обладающими одинаковыми группами основных наклонностей, но видоизмененными по содержанию. Среди типов с преобладанием эмоционально-волевой сферы выделяется тип общественников, их деятельность направлена на «межчеловеческие отношения», на первый план у них выступает общественная жизнь. Они общительны, тяготеют к людям, подвижны, энергичны, наблюдательны, сообразительны. Данные черты позволяют людям этого типа становиться своего рода социальной спайкой. Обычно у них хорошее настроение, несколько повышенная эмоциональность.

В классификации личностей Лазурского имеется характеристика научно-общественного типа. Представителям его свойствен интерес к науке, к знанию, сопровождаемый большой общительностью. Люди этого типа охотно занимаются педагогической деятельностью, чтением лекций. Их привлекает общение с другими людьми, в частности, с учениками, слушателями, читателями.

Иной тип властных людей. У них на первый план выступает энергия, смелость, решительность. Сильно развитая воля проявляется в воздействии на других людей. Они властно распоряжаются ими, направляя массы к достижению определенных целей.

В характеристике типов людей Лазурский неизменно останавливался на социальных связях, но его ошибка состояла в том, что он индивидуальными природными различиями стремился объяснить общественные явления. И вместе с тем он разорвал рамки индивидуальной психологии разработкой нового общего теоретического принципа психологического исследования. Он предложил изучать личность в условиях ее деятельности. Установление связи между личностью и деятельностью было фактом первостепенной важности в психологической теории. Требование психологического изучения личности в естественных условиях деятельности человека после смерти Лазурского в 1917 г. было развито в первые годы советской психологии его учеником и сотрудником М. Я. Басовым.

М. Я. Басов в архиве А. Ф. Лазурского нашел тетрадь его заметок с 1915 по 1916 г. «О жизни людей, народов и человечества» (Басов, 1922). Главная мысль ученого заключалась в разработке естественного эксперимента диагностического и педагогического типа с функционально-характерологическим анализом разных социальных профессий или занятий, который должен был бы определить необходимое направленное воздействие на каждого члена той или иной общественной группы для воспитания его способностей и развития эндопсихики.

Созданные в первые десятилетия XX в. специальные психологические институты — открывшийся в 1907 г. в Петербурге Психоневрологический институт, созданный Бехтеревым, и Институт психологии при кафедре

философии Московского университета, начавший работать в 1912 г. под руководством Г. И. Челпанова, — организационно закрепили успехи, достигнутые психологией, и вместе с тем отразили два основных направления ее развития.

Г. И. Челпанов, возглавлявший кафедру в Московском университете после смерти Н. Я. Грота, преемника М. М. Троицкого, последовательно отстаивал линию идеализма в психологии. Новым в его Институте психологии было введение экспериментальных исследований. Что касается вопросов социальной психологии, которые ранее привлекали внимание Троицкого, то они остались вне сферы деятельности московского института.

По-иному обстояло дело в бехтеревском институте. По замыслу его организатора, он должен был представлять собой учебное и научно-исследовательское учреждение с очень широкой программой, включающей разнообразные науки о человеке, как естественные, так и общественные. К преподаванию социологии там были привлечены Е. В. де Роберти, Н. И. Кареев.

На педагогическом факультете Психоневрологического института был введен курс общественной психологии. Курс этот включал определение общественной психологии — ее отграничение от социологии и от индивидуальной психологии. Общественная психология понималась как психология общения — интерментальная психология. Программа предлагала классификацию форм общения: 1) интеллектуальное, эмоциональное, волевое; 2) двустороннее и одностороннее общение; 3) симпатическое и антагонистическое, к которому причисляли отношения властвования и подчинения (они считались продуктом антагонистического общения). К технике общения относились мимика и язык.

Рассматривались психологические основы письменного общения, искусство как особая форма общения, социально-психологические основы религии. Специальные разделы были посвящены организованному коллективному общению, общественному мнению, учению о социальных группах и межгрупповых отношениях, видам групп (семья, профессиональная, религиозная группа, нация) (Вестник., 1912).

Со времени самоопределения психологии в середине прошлого века до наступления коренного перелома в ее развитии, который принес советской психологии переход к марксизму, социальная психология в России, начав с описаний социально-психологических явлений, пришла к определению ее предмета и задач.

Существенным отличием положения социально-психологических проблем в русской дореволюционной психологической науке явились их связь с общественной практикой и включение в отрасли психологии, формирующиеся в разных сферах общественной жизни, деятельности. Этим разносторонним связям социальной психологии с наукой и практикой посвящены последующие главы.

Глава 2

Социально-психологические проблемы в юридической психологии

В первые пореформенные десятилетия в России нарождается юридическая психология как отрасль психологической науки, утверждавшаяся на стыке психологии и права. Проблемы, которые встали перед этой пограничной областью знания, возникали и ранее. Соображения о необходимости учитывать психологию преступника высказывались еще в XVIII и в первой половине XIX в. Но поскольку тогда еще не сложилась психология как самостоятельная наука, эти соображения принадлежали лишь отдельным прогрессивным деятелям русской культуры — И. Т. Посошкову, В. Н. Татищеву, А. М. Галичу и др.

Развитие психологии во второй половине XIX в. обусловило первые шаги юридической психологии, которые были сделаны в ответ на требования теории и практики судебного дела. Эти требования были вызваны новым порядком судопроизводства, введенным в России судебными реформами 1864 г. Психология стала привлекать внимание юристов как наука, которая позволит найти закономерности, определяющие поведение людей. Многие юристы второй половины прошлого и начала нашего века писали о том, что психология должна составить научную основу уголовного права. На началах психологии, считали они, нужно строить в уголовном праве учение о субъекте преступления, о вменяемости преступника, о содержании наказания. Под влиянием психологии, отмечали они, установилось начало индивидуализации

преступного деяния и вместе с этим начало индивидуальной ответственности, возникло учение о личной преступности как объекте наказания.

Одно из первых определений предмета судебной психологии было дано А. У. Фрезе. Он считал ее задачей применение к юридической науке сведений о нормальной и ненормальной душевной жизни. Д. А. Дриль полагал, что психология и право имеют дело с одними и теми же явлениями — законами сознательной жизни человека. Право должно заимствовать у психологии средства для изучения сознания; прежде всего на психологию должно опереться уголовное право. Д. Д. Безсонов, занимаясь исследованием массовых преступлений в общем и военно-уголовном праве, научной основой своего исследования считал психологию массового поведения и психологию воинских масс (Безсонов, 1907; Бобрищев-Пушкин, 1896; Болтунов, 1916; Владимиров, 1873, 1877, 1901; Дриль, 1890, 1895; Фрезе, 1871; Кони, 1913). «Психология сама по себе, — оговаривал он, — является наукой молодой, ее будущее еще, можно сказать, впереди. Добытые ею научные выводы имеют огромное значение, но область духовной жизни человека настолько сложна и в то же время изменчива под влиянием осложняющихся социальных форм, что жизнь и повседневный опыт оказываются далеко впереди, и на долю психологии как науки остается лишь поспешить за действительной жизнью и приступить к их исследованию только в то время, когда они уже получили широкое общественное значение» (Безсонов, 1907, с. 9). А. П. Болтунов полагал, что судебная психология является отраслью прикладной психологии, которая занимается психологическими основами судебной деятельности. В нее включаются две дисциплины: юридическая психология, рассматривающая факты, относящиеся к судебной

деятельности, и криминальная психология — наука о преступнике и преступности.

В числе актуальных проблем судебной психологии досоветского периода были, во-первых, психологические вопросы суда присяжных, во-вторых, личность преступника и преступный мир, в-третьих, вопрос о массовых преступлениях (за этим названием скрывались революционные действия народных масс), в-четвертых, психологическая концепция права.

Судебные реформы, проведенные после отмены крепостного права, имели своей целью приспособить судопроизводство самодержавно-полицейского строя России к потребностям капиталистического развития, сохранив его классовую дворянско-помещичью сущность.

Сословность, отсутствие гласности, бюрократизм, административно-полицейский произвол характеризовали русский дореформенный суд. Масса крепостных крестьян не имела права обращаться в государственные суды. Расправу над ними чинили помещики: они могли передавать своих крестьян в арестантские роты, в рабочие дома, наказывать розгами, отдавать в солдаты или ссылать в Сибирь. Особые суды существовали для купечества, духовенства, военных и т. д. По большой категории дел судебные функции выполняла полиция. Судопроизводство велось канцеляриями, которые рассматривали дела заочно, без участия сторон, заинтересованных лиц. Свидетельские показания оценивались в зависимости от общественного положения свидетеля, преимуществом пользовались свидетельства знатного перед незнатным, богатого перед бедным, духовного лица перед светским.

Судебная реформа ввела в стране новое судоустройство. Старые сословные суды были заменены общими судебными учреждениями для лиц всех сословий. В основу нового судебного устройства были

положены принципы бессословного суда, равенства всех граждан перед законом, публичность суда, независимость судей. Суд стал открытым, гласным, с активным участием сторон, судебный процесс велся устно и проходил по принципу состязательности сторон, обвинителем выступал прокурор, а обвиняемый имел право защищаться лично или обращаться к защитнику — адвокату. Приговор выносился судом присяжных. Предварительное следствие по уголовным делам, которое раньше вела полиция, передавалось судебным следователям, подчиненным судебному ведомству. Был создан институт присяжных поверенных, адвокатов, не состоявших на государственной службе.

В каждом судебном округе были учреждены окружной суд, решения которого принимались с участием присяжных заседателей. Присяжные заседатели назначались из населения по жеребьевке в количестве 12 человек. Так как присяжные должны были обладать определенным имущественным или служебным цензом, цензом грамотности и оседлости, суд находился в руках имущих классов. Присяжные решали вопрос о виновности или невиновности подсудимого, а состав суда — председатель и два члена — определял степень наказания. На основании данных судебного следствия и прений сторон присяжные должны были ответить на вопрос: виновен ли подсудимый в приписываемом ему деянии, и если виновен, то не заслуживает ли он снисхождения? В том случае, когда присяжные выносили решение о невиновности подсудимого, суд немедленно освобождал его.

Хотя из компетенции суда присяжных с самого начала были изъяты дела о государственных и некоторых служебных преступлениях, что умаляло общегражданское и политическое значение суда присяжных; хотя судебная реформа сохраняла ряд элементов крепостнического порядка, а вскоре

последовавшие изменения внесли ряд отступлений даже от принятых нововведений, — все же судебная реформа получила широкий общественный отклик. Восторженно встреченная либерально настроенными судебными деятелями, она вызвала большое недовольство реакционных кругов. Либеральные деятели видели в суде присяжных значительный для общества прогрессивный шаг.

О том, как относились к суду присяжных передовые юристы середины прошлого века, дают представление слова Л. Е. Владимирова, который в предисловии к своей монографии — первой работе, посвященной действию нового института в русском судебном деле, — писал: «Значение этого учреждения для России громадно... период истинной общественной деятельности начался в России с тех пор, как завелась в ней скамья присяжных заседателей» (Владимиров, 1873, с. 33). Суд присяжных расценивался им как форма общественной деятельности, как суд общества над преступником, как выражение общественного мнения. Институт присяжных, полагал он, действует по принципу народного суда, следуя чувству нравственной обязанности «творить суд нелицеприятный, на пользу общества, во имя правды, для поддержания в обществе нравственности» (там же, с. 19). Известный юрист А. Ф. Кони так характеризовал значение присяжных: «Зачерпнутые из глубин общественного моря и уходящие снова, после дела, в эту глубину, ничего не ищущие и по большей части остающиеся безвестными, обязанные хранить тайну своих совещаний, они не имеют соблазна рисоваться своим решением и выставлять себя защитниками той или другой теории». «Присяжные заседатели — люди жизни, а не рутины» (Кони, 1966, с. 333, 341). Реакционные публицисты называли суд присяжных «судом улицы», «судебной республикой». Тот же А. Ф. Кони вспоминал: «Первые

шаги нового суда возбуждали чрезвычайный интерес в обществе. Многочисленная публика терпеливо и упорно проводила долгие часы в слушании рядовых гражданских процессов или несложных и однообразных уголовных дел о бродягах, печать посвящала им целые столбцы отчетов» (там же, с. 408).

Социально-психологические мотивы преступлений, общественные условия, порождающие их, преступность как общественное явление и психология преступника стали темой многих публицистических выступлений, произведений художественной литературы. Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, М. Горький, В. Г. Короленко и другие писатели, воссоздавая картины русской действительности, заставляли читателей задумываться над мучительными проблемами преступления и наказания.

Юристов же волновали практические вопросы, связанные с психологическими особенностями суда присяжных: коллективность решения присяжных и его мотивация, зависимость группового решения от социального состава присяжных и его социально-психологических особенностей, правосознание присяжных и действующие правовые нормы и ряд других. Немалое затруднение в выработке группового решения представляло случайное сообщество людей, оказавшихся в одном составе заседателей, разных по своему образу жизни, образованию, воспитанию, религиозным убеждениям, имеющих разные привычки общежития, разный нравственный уровень. В деятельности суда присяжных обращал на себя внимание ряд условий. От 12 присяжных требовали единодушного решения, которое выносилось ими в результате знакомства с делом на судебных заседаниях. Несведущие в юридической стороне дела, не зная законов, не имея права ни с кем советоваться, они должны были довольствоваться только своим

впечатлением и судить «по совести». Поэтому особое значение приобретали метод разработки доказательств в судебном процессе, психологические особенности свидетельских показаний. Содержание этих проблем было по сути социально-психологическим.

Те, кто писал о суде присяжных, сразу же обращался к психологическим и социально-психологическим категориям, к категориям морали и нравственности. «Принцип суда юристов — исполнение закона. Присяжные не связаны законом: они его не знают и они не излагают мотивов своего решения. Высшая для них инстанция — их внутреннее убеждение, их совесть» (Владимиров, 1873, с. 19). Присяжным не известно, что было на предварительном следствии. Лишь перед удалением присяжных для обсуждения дела и вынесения решения председатель суда в напутствии объяснял им существенные обстоятельства дела и законы, относящиеся к определению данного преступления. Поэтому происходило столкновение норм права, которым нужно было следовать на суде юристам, и тех представлений об этих нормах, которые существуют в сознании населения и реализуются данным составом присяжных. Такая ситуация не могла не вызвать стремления юристов выяснить психологию присяжных.

Достоинство суда присяжных виделось прежде всего со стороны его социально-психологических оценок судебного дела. Так, в оценке уголовных доказательств Л. Е. Владимиров высказывал такие соображения: поскольку эти доказательства берутся из жизни, существенно знание присяжными разных слоев общества. «Оценка, например, свидетелей обуславливается знанием известного класса, из которого они вышли, его нравов, обычаев, словом, — быта народного» (там же, с. 57). «Можно смело сказать, что дворянское, купеческое, мещанское и крестьянское

сословия живут совершенно отдельную жизнью, отличаются различным характером, различным мирозерцанием» (с. 58).

Обсуждению подвергался вопрос о том, как в судебном заседании сделать очевидными для 12 присяжных, не знакомых ни с законами, ни с разработанным судопроизводством, ни с судебным следствием, дело, подлежащее рассмотрению, и деяния подсудимого, в которых он обвиняется. Очевидность эта должна была быть такова, чтобы группа присяжных пришла к единому решению. Возникал вопрос о коллективном действии присяжных — принятии ими единого решения. Юристам, хорошо понимавшим, сколь различны по своим индивидуальным качествам присяжные, сколь различны они по своим социальным связям, по образу жизни, приходилось задумываться над тем, каким путем вырабатывается общее решение. Можно ли считать, что это не единоличное, а групповое решение и в силу этого более объективное. Обсуждая преимущества суда присяжных, его сторонники писали: «Для того, чтобы оценка известного доказательства достигла известной степени объективности, нужно, чтобы она была произведена значительным числом оценщиков, рассматривающих его с различных точек зрения сообразно своим индивидуальным особенностям. Это — единственное существующее средство сделать определение силы доказательств по возможности объективным... все исключительно субъективное должно отпасть — остается только то, что может вынести процесс всестороннего обсуждения» (с. 56).

Главная задача приготовления судебного процесса — обеспечение судебным следствием материала, убеждающего присяжных (свидетели, факты, улики). А далее — решение присяжных: виновен или невиновен. Предполагалось, что, когда вердикт дается единогласно, в деле не остается никаких сомнений,

поскольку рассмотрение и обсуждение доказательств производится значительным числом лиц.

В чем же видели трудность единогласия? Конечно, в том, что каждый из присяжных выносит свое мнение о подсудимом и о преступлении. Возможность прийти к соглашению открывается совместным обсуждением преступления, анализом доказательств, представленных за и против подсудимого. «Единогласие присяжных означает, что все присяжные настолько удовлетворены представляемым доказательством, что они не имеют основания сомневаться в виновности подсудимого» (с. 157).

Юристы задумывались над способом разработки доказательств, представляемых в судебном заседании перед присяжными, перед людьми, впервые столкнувшимися с судебным исследованием, не имеющими ни опытности, ни необходимой сноровки. Присяжные, согласно статусу, могут знать только то, что им представлено в судебном заседании. Отсюда внимание к самому убеждению, к судебному доказательству, отсюда разработка методов судебного доказательства.

Поскольку доказательства предъявлялись присяжным в судебном заседании, стали играть немаловажную роль показания свидетелей. Из опыта работы пореформенного суда выяснилось, что психология свидетельских показаний требует специального изучения. Об этом писал такой выдающийся юрист, как А. Ф. Кони, этому вопросу были посвящены специальный сборник и ряд статей в журналах (Кони, 1909). Предметом обсуждения становится возможность привлечения психологической экспертизы с применением экспериментальных психологических методов изучения как преступника, так и свидетелей.

Соображения по поводу психологии свидетельских показаний касались, во-первых, проведения психологической экспертизы свидетелей и, во-вторых, зависимости показаний свидетелей от ряда социально-психологических факторов. Неопровержимым был факт, что свидетельское показание, даже данное в условиях, направленных к обеспечению его достоверности, нередко оказывается ложным. Свидетели по одному и тому же делу передают виденное и слышанное по-разному. Причина этого крылась в индивидуальных их различиях, в особенности их памяти, внимания, мышления и т. д., а также в социально-психологических характеристиках самих свидетелей, в социально-психологической характеристике самого преступления и оценке его свидетелями.

А. Ф. Кони, подводя итог многолетним судебным наблюдениям, указывал ряд индивидуальных и социально-психологических свойств свидетелей, отражающихся на их показаниях. Весьма важную роль, писал он, играют бытовые и племенные особенности, род занятий свидетеля, его сословная принадлежность, бытовая разница семейных отношений, например, между мужем и женой великороссов и малороссов. «Нужно ли говорить, что горожанин и пахарь, фабричный работник и кустарь, матрос и чиновник, повар и пастух, будучи свидетелями одного и того же события, в своих воспоминаниях непременно остановятся на том, что имело какое-либо отношение к их занятиям и роду жизни, а для других прошло, совершенно не возбуждив внимания» (там же, с. 97).

Спустя три десятилетия после судебной реформы был выпущен обширный труд юриста А. М. Бобрищева-Пушкина, подводивший некоторые итоги деятельности русского суда присяжных (Бобрищев-Пушкин, 1896). Замысел автора заключался в том, чтобы произвести анализ тех судебных дел, которые были решены судом

присяжных с 1873 по 1890 г. и попытаться вывести, как указывал автор, эмпирические законы деятельности этого судебного института. В анализе судебных дел его интересовала в первую очередь психологическая сторона деятельности присяжных. «Имеются ли сколько-нибудь серьезные труды по психологии присяжных заседателей?» — вопрошал он и утверждал, что нет, так как то, что есть, опирается на личный опыт, но не сводится воедино и не анализируется опыт в целом. Между тем знание психологии присяжных требовалось практике судебного дела потому, что судебные процессы с участием присяжных вынуждали юристов приравниваться к уровню присяжных, — это касалось и судебного следствия, занимающегося подготовкой доказательств, и допроса свидетелей на судебном заседании, и выступлений как прокурора, так и защитника, и напутствия присяжным председателя. Перед юристами стояла задача соблюдения законности, а значит, соответствующей подготовки решения присяжных.

Автором работы был опытный юрист, и целью его было выяснение того нового фактора в судебной деятельности, который внес суд присяжных, с тем чтобы иметь возможность учитывать и направлять его действия для осуществления правовых норм. Практика судов присяжных выявила расхождение между утвержденными правовыми нормами и правосознанием присяжных, согласно которому они действовали, осуждая или оправдывая подсудимых. Поэтому предметом исследования становились правосознание присяжных и его роль в психологии присяжных.

Согласно тщательно разработанной программе, в которой значительное место занимали психологические и социально-психологические вопросы, Бобрищев-Пушкин обследовал материалы судебных процессов, подлежащих рассмотрению судами присяжных, в

которых он сам принимал участие как юрист и судебный работник. «Мною прослушано по предварительному изучению письменного производства и записано 716 процессов и анализировано 1508 постановленных по ним вердиктов», — писал он (там же, с. 11). Кроме того, автор пользовался сводом статистических сведений Министерства юстиции. На каждое дело была составлена подробная карта, содержащая сведения о составе присяжных (национальность, сословие, занятия, образование и т. д.), характеристику преступления, данные о преступнике, о свидетелях и их показаниях, изложены мотивация решения присяжных и результаты первичного анализа этих данных. Принимая участие в судебном процессе, он имел возможность, не нарушая требований судопроизводства, в личных беседах со старшинами групп, в опросах присяжных выяснять коллективную деятельность присяжных, их психологию — оценки, суждения, принятие решения. Эта сторона суда присяжных больше всего интересовала Бобрищева-Пушкина. Таким образом он выяснял мотивы поведения присяжных, формирование общего мнения группы в отношении подсудимого и отношение самих присяжных к правовым нормам.

Автор хотел выяснить объективным методом, на основе статистических подсчетов и анализа полученных показателей, психологические и социально-психологические закономерности деятельности судов присяжных. Прежде чем приступить к анализу собранных данных, Бобрищев-Пушкин обобщил их, ранжировал и свел в таблицы. Из 84 таблиц и диаграмм была составлена Сводная таблица, включавшая 230 тысяч показателей. «На выработку рубрик Сводной таблицы... ушло около двух месяцев, а на составление самой таблицы затрачено около двух лет», — сообщал автор (с. 2). Монография включала две части: атлас таблиц и их всесторонний анализ. По каждой из

принятых рубрик были выделены типичные случаи и подробно разобраны на конкретных примерах, пояснены те выводы, которые следовали из всех показателей данного раздела. Особо рассматривались отклонения, исключительные случаи.

Судебные дела были сгруппированы и проанализированы по содержанию: преступления против порядка управления; должностные преступления; подделка документов; преступления против системы, против личной неприкосновенности; поджоги; мошенничества; кражи; растраты и т. д. В каждой группе преступлений рассматривались мотивы действия присяжных, зависимость решений от личного состава присяжных и характера преступлений.

Мотивы действия присяжных, приходит к заключению Бобрищев-Пушкин, «могут лежать как в характере деяния, так и в личности подсудимого, а также в особенностях постановки дела на суде и личного состава присяжных» (с. 185). При этом исследователь считал невозможным отделить факты объективные от субъективных, т. е. обстоятельства дела от соображений присяжных. Здесь на первый план выступает вопрос о правосознании присяжных, которое проявляется в отношении к доказательствам преступления, к его составу и наказуемости. «Присяжные ведают вопросы права, относительно которых суд присяжных действует самостоятельно, воплощая в вердикте свое понимание о необходимости охранять то или другое благо, а следовательно, и свое толкование и применение закона» (с. 584). Главным критерием для присяжных является факт соответствия или несоответствия данного деяния нравам среды, в которой жил и действовал подсудимый. К такому выводу приходит Бобрищев-Пушкин.

«Одним из главных оснований оправдательных приговоров, кроме невыгодных условий постановки дела

на суде, является несоответствие уголовных законов действительной жизни, т. е. с жизненным воззрением членов общества, призванных выражать их» (с. 614). Результаты правосознания присяжных надо принимать как социальные факты, с которыми приходится считаться: действует неписанный кодекс. «Изучая правосознание присяжных, мы входим в какую-то своеобразную область, по-видимому, самозванных законодателей» (с. 37).

В отношении к социальному составу присяжных и их приговорам по однородным уголовным делам выяснилось, что строгостью отличались приговоры присяжных, среди которых было большинство интеллигентов или же на весь состав один интеллигент. В последнем случае он явно становился лидером и вел за собой остальных. Более строгими были суды присяжных в Петербурге и Москве, менее строгими — провинциальные. Поведение юристов, оказавшихся в составе присяжных, вызвало удивление самого автора-юриста. Зная законы, они, казалось бы, должны были прилагать усилия, чтобы приговоры присяжных следовали правовым нормам. Однако опыт показывал, что, несомненно лидируя в группе присяжных, юристы, будучи не только свободными от выполнения своих обязанностей, но и неконтролируемыми в своих решениях, действовали вопреки этим нормам. Знание правовых норм в условиях их работы в качестве присяжных заседателей не означало принятия этих норм. Юрист, участвовавший в судебном процессе в качестве присяжного заседателя, заявил: «Я сам не понимал, что со мной сделалось: я, защитник по профессии, в силу только перемены места в той же судебной зале сразу стал на совершенно новую точку зрения; при рассмотрении некоторых дел мне казалось странным, о чем хлопочут и защитник, и прокурор; ведь дело ясно, виновность несомненна, как можно отпустить

подсудимого? С этого положения меня не сбивали самые хитрые доводы защиты, напротив, их искусственность казалась мне очевидной до неловкости, и я с ужасом спрашивал себя, неужели я бы то же самое говорил в роли защитника?» (с. 16). Далее тот же юрист, оказавшийся в группе присяжных, отметил, что он «чувствовал себя, несмотря на привычку к судебному следствию, потерянним в обстоятельствах дела, с которым ознакомился только по чтению обвинительного акта», и он опровергал мнение многих судебных работников о бесполезности прений.

Вопрос о правовых нормах в действии суда присяжных на основании исследования Бобрищева-Пушкина приобретал общее значение. Можно было наглядно убедиться, что подсудимые, совершившие преступление, каравшееся по закону достаточно сурово, оправдывались присяжными. Причем оправдательные приговоры по делам определенной категории выносились разными составами присяжных в различных судебных округах. Как правило, отвергалась виновность в формально поставленных обвинениях. Нарушение какого-либо закона само по себе в глазах присяжных недостаточно для осуждения. Например, подлог, совершенный для превращения себя в законного сына с согласия отца, признается ненаказуемым. Преступления, получившие название преступлений против системы, обычно не вызывали обвинительного приговора. Подлоги в актах правительственных — разного рода справки волостных правлений, послужные списки, присвоение прав состояния и т. д., подделки документов — обычно оправдывались, если они не приносили кому-либо вреда. Присяжные признавали такие действия безвредными, чисто формальными преступлениями против системы. Преступления против системы признавались преступлениями и карались присяжными в тех случаях,

когда они имели действительно противообщественный характер, т. е. причиняли вред обществу.

Другая категория дел — дела о кражах — рассматривалась на суде присяжных в пользу обвиняемого в тех случаях, когда выяснялись крайность его положения и отсутствие средств к жизни. «Мы имеем дело с могущественным фактором, который на суде присяжных совершенно законно, как фактор социологический, все шире и шире проявляет свою деятельность... Общим правилом можно считать, что крайность всегда признается, когда есть к этому малейшие фактические основания», — пишет Бобрищев-Пушкин (с. 481). Состояние нужды квалифицируется присяжными как состояние крайней необходимости. Отмечается еще такая особенность: несовершеннолетние по большей части приговариваются к наказанию и им отказывают в снисхождении. Такое расхождение в оценке делается из педагогических соображений: для помещения детей и подростков в исправительные заведения.

Как правило, оправдывались подсудимые, жившие по чужим паспортам, скрывавшиеся от царских властей по тем или иным причинам, но не совершавшие тяжких преступлений. Далеко не всегда признавались виновными те, кто обвинялся в служебных преступлениях. Мотивом такого решения бывали соображения о том, что проступок явился вынужденным в служебных условиях. В делах крестьянских — тяжбах о земле, столкновениях с помещиками и т. п. — решение нередко было в пользу обвиняемых. Государственные правовые нормы оказывались неприемлемыми. И это происходило в обстановке, когда в присяжные избирались лица с определенным имущественным цензом.

Была замечена одна подробность — вывод о зависимости решения группы присяжных от

последовательности слушания судебных дел в течение заседания, вернее сказать, о влиянии предыдущих решений на последующие, принятые в течение рабочего дня. Решение, к которому приходили присяжные по первому делу — оправдание или осуждение с теми или иными оговорками, — влияло на решение последующих дел, имевшихся в повестке данного дня. Никакого другого объяснения этой зависимости, кроме как создание коллективного настроения и воздействие его на всю работу группы присяжных, нельзя дать.

Учитывая результаты анализа судебной практики присяжных, Бобрищев-Пушкин давал ряд рекомендаций юристам. Среди них было и указание на значение напутствия председателя суда присяжным, на тщательность подготовки дела к слушанию и учета при этом личного состава присяжных, их взаимооценки, особенностей их восприятия доказательств, показаний свидетелей, на роль старшин как официальных руководителей присяжных и неофициальных руководителей, смену их (иначе говоря, об официальных и неофициальных лидерах).

Оригинальное по своим задачам и методу изучение опыта работы судов присяжных, проведенное Бобрищевым-Пушкиным, явилось конкретным социологическим, социально-психологическим и психологическим исследованием работы присяжных.

Вопрос о психологическом исследовании в уголовном суде был поставлен юристами сразу же после введения судебной реформы. Однако возникал другой вопрос: кто же возьмется за эту задачу? Врачи-психиатры, которые первыми начали экспериментальные психологические исследования и читали курсы психологии на медицинских факультетах, осуществляя судебно-медицинскую экспертизу, касались и состояния психики подсудимого, его вменяемости, разрабатывали положение о том, какие показания дают основание для

того, чтобы считать лицо, совершившее преступление, ответственным за свои поступки или квалифицировать его как невменяемого.

На основании тридцатилетнего опыта работы судов присяжных Л. Е. Владимиров писал: «Людьми всегда судится целый человек, а не таксирруется отдельное, вырванное из его жизни деяние» (Владимиров, 1901, с. 290–291). Поэтому-то и нужно в судебном процессе психологическое исследование. По его мнению, «целям уголовного правосудия удовлетворяет лишь медико-психологическое исследование» (там же, с. 290). Такому исследованию следовало бы подвергать каждого обвиняемого в деянии, влекущем наказание не ниже тюремного заключения. Такое исследование может своевременно заметить признаки психического заболевания, установить признаки какого-либо из состояний уменьшенной вменяемости, дать данные о душевном мире обвиняемого. Важные для судебного процесса медико-психологические исследования нуждаются в специально подготовленных медиках-психологах. Под ними этот профессор-юрист разумел «собственно общеобразованного и специально подготовленного психиатра». Медико-психологическое исследование должно включать исследование содержания психической жизни — сферы чувств, умственной жизни, воли, мотивов, внушаемости личности. Такое исследование может установить состояние психической недостаточности. Эта психологическая характеристика вводится в судебно-психиатрическое исследование в дополнение к понятию о вменяемости. На основании собственных наблюдений опытный юрист Л. Е. Владимиров, сторонник введения психологического исследования в уголовном суде, доказывал необходимость выделения состояния психической недостаточности и давал следующую характеристику этому состоянию. «Кроме признанных в

настоящее время в уголовном законодательстве состояний, несколько ослабляющих психическую сопротивляемость субъекта, есть еще состояния психической недостаточности, характеризующиеся душевную неустойчивостью, низводящего психическую сопротивляемость на степень меньшую, чем та, какая нужна человеку в жизни, чтобы отразить навязывающие преступные мотивы. Все эти состояния могут быть соединены в настоящее время под общим названием промежуточных степеней между вменяемостью и невменяемостью» (с. 270). Медико-психологическое заключение позволит судить о степени психической сопротивляемости человека, т. е. о его социально-психологической устойчивости.

При выяснении психологического состояния подсудимого могут быть замечены признаки, указывающие на уменьшенную вменяемость. «Ни один психолог и ни один психиатр, — писал Владимиров, — не откажутся от признания разных степеней между нормальной душевной жизнью и ненормальной» (с. 120). Психологическое исследование подсудимых позволит оценить степень опасности преступника и оградить общественную безопасность, позволит судить о степени нормальности его и сделать заключение о возможности его самостоятельного существования в обществе. Только медико-психологическое исследование может удовлетворить требование — решить, причинит ли данное лицо вред обществу. Такое решение может быть принято только потому, что медико-психологическое исследование отказывается от субъективных впечатлений и пользуется точными естественнонаучными методиками. Это исследование включает: наследственные данные, антропологические, физиологические, психологическое обследование (испытание тестами), выяснение степени внушаемости. Посредством тестов или психологических проб

устанавливаются умственный склад, общее направление человека. «Чужая душа не всегда потемки. Научная психология дает свет» (с. 262), — такова оценка роли психологии в уголовном деле. Оценка эта связана в первую очередь с той помощью, которую ждали юристы в отношении социально-психологической характеристики подсудимых. «Задача психологического исследования в области уголовного суда имеет в виду, главным образом, общежительную сторону человека, отношение его к ближнему... отношение его к самому себе здесь лишь настолько, насколько оно вообще необходимо для выяснения свойств человека как животного общественного, мы должны выяснить, какое в нем есть преобладающее чувство, характеризующее его как ближнего, как сочлена человеческого общежития» (с. 196). В этом отношении должны быть расследованы чувства симпатии к другим людям, чувство жалости. «Жалость, по нашему мнению, — пишет Владимирова, — есть мерка для оценки человека как существа общежительного» (там же). Безжалостность — черта тяжкого преступления.

Согласно так поставленной задаче, в медико-психологическое исследование включается социально-психологическая часть. Об этом пространно говорится: «Медико-психологическое исследование преступника не дало бы полной картины, если бы не обследована была социальная сторона данного преступления, влиявшая на психическую жизнь преступника. Преступление ведь есть явление не только психическое, но и социальное, — оно есть явление психосоциальное. Конечно, говоря об исследовании социальной стороны преступления, мы имеем в виду не социологическое исследование преступного класса, а социальное исследование данного, отдельного, индивидуального преступления. Каждый человек принадлежит к известному народу, сословию, профессии, семье, кружку. Расовые,

сословные и профессиональные черты не могут составлять предмета исследования в каждом отдельном случае, но должны быть принимаемы во внимание; это — справки. Но затем человек принадлежит к известной семье. Недаром называют семью ячейкой государства. В семье нужно искать ту атмосферу, в которой зародился нравственный тип человека. В семье нужно искать основную причину того или другого нравственного отпечатка, который в каждом человеке следует отличать. Но затем идет далее: кружок знакомых, отчасти человеком унаследованный от семьи, отчасти составленный самостоятельно. В этом кружке уже подготавливается и дальнейший путь человека к жизни. Трудно преувеличить значение для жизни отдельного человека того кружка, в котором он живет. Кружки представляют отчасти результаты и психологического подбора, следовательно, недостатки и недочеты человека в нравственном отношении в кружке получают усиление и освящение. Кроме того, здесь действует страшная сила внушения и самовнушения, делающая из кружка настоящий очаг психической заразы, потому что совершается постоянный психический взаимообмен» (с. 226).

Второй проблемный узел судебной психологии в начальный период ее развития составляли социально-психологические вопросы о личности преступника и преступном мире как особой социальной общности. Вопросы эти обсуждались с различных сторон и вызывали разные суждения. Ими занимались и юристы, и психиатры, и естествоиспытатели, и журналисты. Однако представители официальной психологии, далекие, как уже говорилось, от нужд практики, стояли в стороне и от этой проблемы.

В последней четверти XIX в. получила распространение концепция биологической природы преступности. Первоначально она выражала

механистические вульгарно-материалистические взгляды, но потом в своем развитии пошла по пути позитивизма. Возникшее в криминалистике антропологическое направление опиралось на получившую широкую известность теорию Ч. Ломброзо — итальянского психиатра и криминалиста, утверждавшего биологическую обусловленность уголовной преступности, предопределенность преступности индивида его врожденными патологическими свойствами. Ломброзо полагал, что преступные склонности наследственны и не могут быть искоренены, а потому от преступных типов людей общество может быть избавлено только их истреблением. При такой постановке вопроса в учении о преступлении социально-психологические проблемы начисто снимались, хотя доктрина эта вступала в противоречие с притоком знаний из социальных наук.

Уголовно-антропологическая школа привлекла к себе внимание в России потому, что она, опираясь на естествознание, доказывала возможность открытия детерминант преступлений. «Несомненно, что юридические науки, следуя прогрессивному течению человеческой мысли, вырабатывают нормы, которые имеют для общежития людей такую же важность, какая принадлежит великим открытиям в области естественных наук», — писал один из русских юристов в критическом очерке учений уголовно-антропологической школы (Закреевский, 1893, с. 3). Существенное различие условий, в которых совершаются открытия в науках естественных, от тех, которые совершаются в науках юридических, автор видел в том, что «юридические нормы, касаясь прав как отдельных граждан в отношениях их друг к другу, так и общества над единицами, входящими в состав его, а также касаясь сферы действия властей, руководящих судьбами общества, гораздо ближе затрагивают принципы

установленного авторитета и средств, которыми он пользуется для поддержания своего господства» (там же). Уголовно-антропологическая школа связывала непосредственно биологическое с социальным, рассматривая преступление как болезнь в общественном организме, «упомянутое учение представляет собою как бы курс общественной патологии и терапии» (там же, с. 7).

Среди русских сторонников уголовно-антропологического направления учение о природных типах преступников не имело тех крайних форм, которые оно приняло у итальянского ученого и его прямых последователей. Принималось положение об органической и психической наследственности свойств, обуславливающих преступные действия, однако предполагалось, что внешние социальные факторы воздействуют и обуславливают проявление преступных склонностей.

Одним из виднейших сторонников уголовно-антропологического направления был Д. А. Дриль, занимавшийся изучением условий возникновения и развития преступности и психологией преступности (Дриль, 1884, 1886, 1890, 1891, 1895, 1904б). Причисляя себя к представителям уголовно-антропологической школы, он указывал на односторонность взглядов Ломброзо, считал необходимым изучать преступников и совершенные ими преступления как «естественно-общественные явления» и определять меры наказания в зависимости от изучения индивидуальных особенностей «деятеля преступления». Вопреки ломброзианским взглядам на способы искоренения преступности, Дриль стоял за разработку системы принудительного воспитания не только малолетних, но и взрослых преступников как в физическом, так и в психологическом смысле (воспитание культуры чувствований, представлений, понятий). Задача состоит

в том, чтобы «оскуделые натуры» (употребляем выражение Дриля) приобщить к жизни в обществе, содействовать беспомощным в социальном отношении, беспризорным, «ничьим» детям в их становлении как членов общества.

Сущность уголовно-антропологической школы, по словам Дриля, заключается в признании неизмеримой важности органического фактора в вопросе о преступлении и безусловной необходимости применения естественнонаучных методов исследования и изучения преступника. Идея о прирожденном преступнике явилась как результат допущения, что психофизические особенности организма определяют наклонность или предрасположение к преступлениям и подчиняют себе другие склонности и стремления человека. И все же Дриль не признавал за органическим фактором безусловно предопределяющего характера — фактор этот подвижен и изменчив. Воспитанием или уголовным исправлением его можно устранить, равно как и путем установления благоприятных общественных отношений в окружающей человека социальной среде.

«Преступление, — писал Дриль, — как и всякое другое действие, есть производное от взаимодействия внутренних и внешних факторов» (Дриль, 1904а, с. 415). Внутренними факторами являются биологические и психологические свойства человека. Внешними — социальные условия его жизни, общественная среда, в которой находится человек. Психические особенности преступника рассматривались прежде всего как проявление его психофизического типа. Роль психологии в уголовно-антропологическом учении, по мнению Дриля, состоит в том, что психологические исследования позволяют выяснить психофизические типы преступников и распределить их по степени опасности для общества. Психология позволяет соотнести преступника как личность, стоящую ниже типа

нормального общественного человека, обладающую минимальной степенью приспособленности всей психофизической структуры, с условиями жизни окружающего общества.

Преступный мир описывался многими журналистами с большим или меньшим вниманием к социально-психологической его характеристике. С точки зрения социально-психологической наибольший интерес представляет книга Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжнических общин», изданная в 1872 г.

В середине прошлого века после судебной реформы поднялся вопрос о реорганизации тюрем и характере заключения. О тюрьмах было напечатано немало статей в периодических журналах, выпущены книги. Одним из первых авторов, собравших богатый материал об этой стороне жизни в царской России, был Н. М. Ядринцев, журналист и исследователь Сибири. Он занимался изучением истории этого края, экономикой и общественным бытом как русских поселенцев, так и сибирских народностей.

Обстоятельства жизни Н. М. Ядринцева сложились так, что он, сибиряк по происхождению, не закончив Петербургского университета, вернулся в Сибирь и был там обвинен по делу о так называемом «сибирском сепаратизме». Его арестовали и посадили в Омский острог, где он пробыл три года, пока тянулось следствие. Суд приговорил Ядринцева к двенадцати годам каторги, затем приговор был смягчен и осужденного сослали в Архангельскую губернию.

В годы заключения и ссылки Ядринцев записывал свои наблюдения и беседы с заключенными, производил их обследование и опросы. На основании собранных материалов Ядринцев дал социально-психологическую характеристику разных групп заключенных,

находившихся в общих камерах, и узников, содержащихся в одиночках. Он пришел к выводу о том, что можно говорить о тюремной общине как о социальном явлении и о ее воздействии на поведение заключенных.

В предисловии к книге говорилось: «Несколько лет тому назад автор этой книги имел случай близко познакомиться с миром преступников и с жизнью сибирских тюрем. Присматриваясь к внутренней жизни острога, он, естественно, имел возможность сделать много наблюдений в этом „отверженном“ мире и наглядно изучить историю преступлений. Сведения, добытые личными наблюдениями и расспросами, автор признал необходимым проверить исследованием об историческом значении русской ссылки» (Ядринцев, 1872, с. 3-4).

Внимание Ядринцева привлекла коллективная жизнь острога. «Жизнь преступников, — писал он, — может служить доказательством того, что инстинкты общежития, взаимных привязанностей и симпатии не пропадают даже в самых тяжелых тюремных условиях. Даже там складывается коллективная жизнь — тюремная община» (там же). Через всю книгу проходит мысль о том, что нет преступных по своей природе типов людей, что преступники — те же люди, попавшие в особые жизненные обстоятельства. Ядринцев выделяет потребность человека в общении как одну из насущнейших. Поэтому столь тяжким является одиночное заключение. Долгое и вынужденное одиночество губит человека. Великую роль играет для сохранения личности заключенного привычка к умственному труду. Лишенный общения с другими людьми, узник не может удовлетворить «чувства и потребности общежития». У тех, у кого нет привычки самостоятельно возбуждаться мыслью, наступает в отсутствии общения какое-то отупение. «По мере того,

как при келейном заключении присужденный снабжается занятиями, чтением и письмом (что составляет косвенное общение с другими людьми)., — писал Ядринцев, — по мере того, как ему дозволяется свидание или переписка с родственниками, — шансы к тоске, аффектам и сумасшествию уменьшаются и наконец исчезают» (с. 26).

По-иному обстояло дело в общих камерах. Заключенные этих камер в условиях сибирского острога имели возможность общаться друг с другом (камеры запирались лишь на ночь) и объединяться в группы. Объединение происходило по разным признакам — по социальному положению в бытность на воле, по приобретенной «специализации» в преступлении, а соответственно, и положению среди уголовников и т. д. Ядринцев так передавал свое первое впечатление, когда он арестантом вошел во двор острога: «На этом дворе копошился народ самого разнообразного свойства. Русые крестьяне в окладистых бородах, конокрады в красных рубахах, обдерганные мазурики. седовласые старцы-раскольники. и невыбритые, всклокоченные, пропившиеся чиновники в лохмотьях и с виду совершенно убитые. Были тут и цыгане, и черкесы, и армяне, и евреи, и казанские татары. Настоящих бродяг, поселенцев и каторжных можно узнать и по осанке, и по приемам» (с. 31).

Две черты тюремной жизни выделяет Ядринцев — общение и деятельность. И общение, и деятельность приобретают в условиях тюрьмы уродливую форму, но именно они являются стержнем жизни каждого из ее обитателей и объединяют их в общину, или коллектив (по терминологии автора). Тут в каждой общей камере проявляются разные взаимоотношения внутри отдельных групп, между группами, кружками, а также между теми, кто живет в «общезитии», как пишет Ядринцев, и «секретными», т. е. теми, кто заключен в

одиночки. По отношению к ним тюремные жители прилагают всевозможные усилия, чтобы наладить общение с ними. «В общей тюрьме положение секретного возбуждает величайшее сострадание и ревностные попечения других арестантов», — сообщал Ядринцев (с. 54). Для общения с одиночками устраиваются различные лазейки, буравят стены. «Сношения, таким образом, развиваются быстро, а проявления участия и сострадания у арестантов к секретным — замечательные» (там же).

Потребность в деятельности удовлетворяется самым разным путем. Деятельность ищут какую угодно: чинят лохмотья, шьют из них одежду по бытующей моде — разной среди разных групп обитателей тюрем, делают потайные ящики, рисуют фальшивые ассигнации, выбивают на копейке оттиск двугривенного, точат осколки железа. «Удивительное разнообразие занятий можно было встретить в каждой камере. Здесь можно было найти все, кроме разве производительного и полезного труда, в котором старый тюремный устав и старые смотрители отказывали арестантству» (с. 57). Вместо него арестанты принуждены были создавать свои особые занятия. Для самых праздных и неумелых существовало два занятия: игра в карты и пьянство. «Игра в карты, — замечает Ядринцев, — здесь является не развлечением, но своего рода средством приобретения, заменяющим труд. Каждый скопленный грош, каждая корка хлеба ставится на ставку, как необходимая затрата на предприятие, обещающее выгоду. Поэтому у бедного арестантства игра есть необходимость, обусловленная бедностью обстановки; она является борьбой за хлеб, за удовлетворение необходимых потребностей; она есть ремесло, профессия и заработок» (с. 58–59). Отсутствие труда и тюремная тоска особенно способствуют страсти к игре в карты.

Какие же формы приобретает труд в тюрьме? Одно из самых распространенных занятий — фабрикация фальшивых кредитных билетов. Звание «монетчика» в остроге — одно из самых почетных, так как здесь отдается дань уважения мастерству, ремеслу. Другим видом занятий, заменяющих трудовую деятельность, является такое «ремесло», как подделка паспортов для беглых и бродяг, выделка печатей. За этим идет ряд других «ремесел» — поддельные золотые кольца, серьги и т. п. «Отсутствие труда в русских тюрьмах не остановило стремления к деятельности; явилась подпольная работа — делание фальшивой монеты, подделка паспортов и т. п. Природа человека при стеснениях могла проявиться только уродливым образом», — пишет Ядринцев (с. 184). Все эти «ремесла» являются предметом обучения, которое поставлено в каждой тюрьме. Овладение такого рода профессиями определяет положение заключенного в тюремной общине. Особую отрасль составляет наука о побегах и бродяжничестве (обучение приемам, которые позволяют разбивать кандалы, пилить решетки, делать подкопы и т. д.). Ядринцев описывает поиски арестантами разного рода занятий: у одного — это фельдшерская практика, у другого — парикмахерское дело и т. д. Потребность трудиться требует своего удовлетворения — к такому выводу приходит Ядринцев.

Ядринцевым описаны не только тюремные, но и поселенческие, бродяжнические и каторжные общины, присущие им нравы и обычаи, действующее там самоуправление. Он выделил роль и значение среди них общественного мнения. Общины разных острогов связаны между собой, арестантские установления, обычаи переходят от общины к общине, их переносят бродячие ссыльные арестанты, бегло-каторжные. В общине существуют иерархия должностных лиц, определение повинностей — наблюдение за кухней, за

раздачей хлеба и подаяний, представительство у начальства, участие в общинном суде. Община помогала своим членам в судебном процессе. Опытные, бывалые арестанты, обычно каторжные старейшины, давали советы молодым, такую же роль выполняли арестанты, знавшие судейское дело, бывшие писари, чиновники. Они учили арестантов, как вести себя во время процесса, как давать показания; иногда арестанту давали новое имя, что позволяло избежать наказания, или же устраивали его побег. Здесь действовал принцип взаимной помощи. Осторожная община заботилась о своих членах и тогда, когда они уходили в ссылку или отпускались на свободу.

Идея договора, взаимного доверия проникает и в ссыльные группы, и в арестантские роты. Ядринцев отмечал общественный дух и единство заключенных, «общественный механизм» — так он определял общественные организации тюрьмы. «Самый поучительный урок арестантская община дает в деле обуздания и перевоспитания личности, она побуждала личность сообразоваться в поступках с интересом общественного блага, дисциплинировала своих членов и заставляла их повиноваться правилам, созданным общественным мнением» (с. 185). «Никто лучше не может покорить личность, как общество; никто лучше не повлияет на направление его деятельности; никто лучше не перевоспитает его, как общественное мнение», — пишет Ядринцев на основании исследования взаимоотношения коллектива и личности в столь необычных, по выражению автора, самых враждебных условиях, какие создавались в сибирском остроге второй половины прошлого столетия.

Своеобразное сообщество представляло бродяжничество в Сибири, которое охватывало тысячи людей — беглецов с каторги и поселений. В необычных условиях жизни, будучи разобщенными огромными

пространствами, не имея ни дома, ни средств к существованию, бродяги составляли, как писал Ядринцев, «отдельное сословие, живущее независимо и следующее своим правилам и принципам. Массы этого бродячего населения создали интересы своей корпорации, свои нравы, обычаи, поэзию, предания, мифы и свое законодательство» (там же, с. 364, 368). Бродяги чинили суд и расправу над членами своей корпорации, преступившими ее обычаи и действующие среди ее членов правила взаимоотношения между собой, с полицией и администрацией острогов, с местным крестьянским населением. «Бродяжническая корпорация, как всякая корпорация, выработала свои типы и идеалы. Отличительные признаки такого героя — неустрашимость в опасностях, смелость в похождениях, хитрость для того, чтобы провести преследователей; он должен быть отличный вор; деньги у него не должны переводиться, он должен кутить и вести ожесточенную борьбу с властями и крестьянством» (с. 400). Именно бродяги поддерживали связь между заключенными разных острогов Сибири, переносили поклоны, послания, выполняли поручения по связи между заключенными. В тюрьмах бывалые бродяги составляли особый контингент, хотя, находясь в тюрьме, входили в тюремную общину.

В годы первой русской революции для юристов царской России стал актуальным вопрос о массовых преступлениях. Проблема эта объединяла судебную и военную психологию. Здесь сплетались два вопроса — революционные народные действия, квалифицируемые как массовые преступления, и действия тех воинских частей, которые направлялись на подавление восставшего народа, но переходили на его сторону. Вопрос о массовых воинских преступлениях волновал военных юристов настолько, что Александровская военно-юридическая академия утвердила

Д. Д. Безсонову в качестве диссертационной тему «Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве». Постановка этой темы была вызвана тем, что революционное движение охватило и воинские части, а у юристов не оказывалось пригодных правовых норм для привлечения к ответственности и наказания участников массовых выступлений солдат против самодержавия.

Революция явилась грозным признаком силы народных масс. Революционные события показали, что и воинская «масса» оказывается порой не против, а вместе с той «толпой», которая так страшила защитников правопорядка и которой они противопоставляли войска. Надо было квалифицировать «массовые преступления», выработанное правом учение о соучастии не позволяло это сделать, и диссертант предлагал «раздвинуть тесные рамки сложившегося учения о соучастии, обобщить, начала особой ответственности субъекта массового преступления» (Безсонов, 1907, с. 478).

Намечая границы и содержание своего исследования о массовых преступлениях, Д. Д. Безсонов отмечал, что мало разработанный вопрос о преступлениях толпы может быть исследован с самых разнообразных точек зрения — исторической, социальной, психологической и, наконец, юридической. Первая часть его работы была посвящена психологии массового поведения и психологии воинских масс, вторая — массовым преступлениям в общеуголовном и военно-уголовном праве, а также общим началам «конструкции ответственности за массовые преступления». В источниках была указана литература по социальной психологии (русская и зарубежная), военно-психологическая, военно-педагогическая и юридическая.

Предметом своего исследования Безсонов считал психологию толпы, которую понимал не как психологию

особого коллективного Я, но как психологию индивидов в толпе, характерной чертой которой является особая внушаемость, в силу чего лица, объединенные в толпу, находятся в особом психологическом состоянии. Психология каждого входящего в состав толпы индивида изменяется. «Мы отрицаем особую психологию толпы как таковую, — писал Безсонов, — но допускаем и признаем психологию индивида, пребывающего в толпе» (с. 23). Свойства каждой данной толпы определяются как причинами, которые свели отдельных индивидов в толпу, так и ее личным составом. Вместе с тем, как бы ни были различны индивиды, входящие в толпу, всякая масса имеет общие черты.

В характеристику толпы Безсонов вводит понятия пассивности и активности. «С психологической стороны должно различать толпу пассивную (выжидающую) и толпу активную (действующую). Только в первой наблюдается общность психического состояния образующих ее индивидов, в толпе же активной преобладающее значение имеют индивидуальные свойства каждого», — утверждал он (с. 10). Непослушание, неповиновение составляют пассивное сопротивление толпы, всякое действие, хотя бы в форме угрозы, выражает активность.

Военный юрист Безсонов перечисляет разные мнения о факторах, определяющих преступное поведение толпы: антропологические, социальные, психологические и т. д. Он отрицательно относится к утверждению существования прирожденного преступника. «По сравнению с антропологическим, равно как и физическим факторами, мы признаем главную роль за факторами социальными. — пишет он. — Возьмем ли мы холерную толпу, толпу 9-го января, мятежные толпы матросов и солдат, толпу погромщиков, крестьянские скопища, громящие усадьбы, толпы, нередко доходящие до нескольких тысяч людей, —

можем ли мы объяснить их действия, и в особенности возникновение, антропологическим фактором? Одинаково, можно ли причины их усмотреть в физическом факторе?» (с. 85).

Безсонов критиковал Тарда, который причиной массовых преступлений считал «нравственную заразу» и сводил все к закону подражания. По мнению Безсонова, ошибки Лебона, Сигеле, Тарда и других зарубежных авторов состоят в том, что они делают заключение о свойствах толпы по тем ее проявлениям, которые были в прошлые времена — сто и более лет назад. Между тем степень общественного развития ведет к изменениям свойств толпы и, соответственно, к изменению ее поведения. Русский правовед делает свой вывод, ссылаясь на стачки, вооруженные восстания, мятежи, крестьянские волнения 1905–1906 годов. Он приводит слова Тарда, будто бы толпа «всегда и везде возбуждает восторг зрителя, подобно зрелищу грозы» (Тард, 1896, с. 129). «Нам кажется, — признается Безсонов, — что такая картина далеко не соответствует действительности, что толпа прежде всего возбуждает — это страх» (Безсонов, 1907, с. 93). Страх перед силой, поясняет он. По его свидетельству, чувство страха перед сплоченной массой испытывают воинские части, направляемые против «бунтовщиков». «Когда разгорелся бунт матросов в Кронштадте, состояние сухопутных частей было совершенно подавленное. Боялись нападения матросов на пехоту» (там же). Даже одно представление о приближающейся толпе часто возбуждает панику. И если человек перед толпой испытывает страх, то каждый, входящий в ее состав, испытывает соответствующее состояние. По мнению русского исследователя, «таким является сознание своей силы, своего могущества. В этом, и заключается основной момент свойств и признаков толпы» (с. 95). Роль массы действительно значительна. «И если масса не успела

еще достаточно выясниться в деле созидания, то по своей разрушительной силе, имеющей столь близкое отношение к уголовному правосудию, она имеет несомненное право на внимание к себе как со стороны психологии, так и уголовного права» (с. 10).

Западноевропейские социальные психологи — Лебон, Сигеле, Тард и другие — отмечали, что индивид в толпе благодаря только ее численности и безответственности приобретает сознание силы. Но Безсонов считал, что они недостаточно останавливались на этом моменте и односторонне освещали его. Численность порождает в толпе сознание собственного могущества, но это сознание особенно резко выражается тогда, когда в толпе выделяются вожаки. В подобном случае в отдельной личности, как в фокусе, концентрируется сознание собственного могущества, присущего массе. Безсонов отличал неорганизованную толпу и толпу, имеющую вожаков, руководителей. Такой вывод военного юриста, знакомого с обвинительными актами судебных дел по революционным восстаниям, весьма показателен. Он выделял и еще одну черту, появляющуюся у ранее пассивных людей под влиянием сознания силы толпы, — это чувство солидарности и стремление присоединиться к толпе, подчиниться ей. Толпа проявляет такие действия, на которые отдельный человек не был бы способен. Отсюда, однако, не следует, что в толпе у человека пробуждаются низменные инстинкты, врожденная жестокость. Причины жестокости, которая вспыхивает в толпе, надо искать в условиях, предшествовавших образованию толпы, прежде всего в социальных условиях. Толпа побуждает людей и на акты героизма.

Привлекает внимание характеристика изменения социально-психологических свойств воинских подразделений, направляемых против революционной

толпы и переходящих на ее сторону. «В тех случаях, когда воинская масса превращается в толпу в психологическом смысле, она будет обладать теми же свойствами, как и всякая другая толпа; свойства эти, при подготовленности почвы для обращения такой войсковой массы в толпу, проявляются интенсивнее и развиваются быстрее, чем во всякой другой толпе-массе» (там же, с. 10). Как ни сдержанна формулировка диссертантом этого тезиса, за ним угадывается напряженная обстановка революционных событий 1905 г. Войска как организованная масса оказываются подготовленной почвой для обращения в толпу, ту толпу, которая внушает страх блюстителям правопорядка, психологически подавляет их. Направляемые против революционных масс войска обладают не только теми же свойствами и силой масс, но и организованностью, способствующей еще более интенсивному и быстрому развитию народной силы. Массовые преступления в военных частях — в большинстве своем революционные выступления народа против царизма. Результатом исследования, предпринятого по заданию Военно-юридической академии, явилась постановка социально-психологической задачи: как ту часть народа, которая находится в войсковых частях, заставить идти против революционных масс и воспрепятствовать их переходу на сторону восставших?

Социально-психологическими особенностями войсковой массы (доведенная до степени навыка способность солдат подчинять свою волю воле командира, товарищеская солидарность, пониженное чувство самосохранения и чувство силы) умело пользуются талантливые военачальники, но эти же особенности представляют опасность для правопорядка. «Трудность управления массой, — пишет Д. Д. Безсонов, — и всегда грозящая возможность

нарушения ею порядка и общей безопасности заставляют в то же время заботиться о том, чтобы, военная масса не превращалась в толпу и чтобы свойственные этой массе некоторые качества толпы не могли приводить к вредным результатам» (с. 167). Психологическая характеристика толпы была призвана обеспечить выработку новых правовых норм, отвечающих укреплению государственного порядка. «Только имея в руках данные, добытые психологическими и социологическими исследованиями, мы и можем установить, с какой стороны должно быть реформировано уголовное законодательство в области массовых преступлений», — так заключает свое социально-психологическое исследование диссертант Военно-юридической академии (с. 170-171).

Можно понять, почему в юридической науке царской России был поднят вопрос о разработке в уголовном и военно-уголовном праве специальных дополнений о массовых преступлениях: имеющиеся правовые нормы не обеспечивали регуляции социального поведения массового рабочего и крестьянского движения, революционного движения в армии. Юристы, конечно, напрасно льстили себя надеждой, что достаточно законодательных актов, чтобы пресечь это движение. В уголовном праве существовало учение о соучастии, т. е. учение о совершении преступления более чем одним лицом, в котором делалось различие между массовым преступлением и преступниками, привлекаемыми по соучастию. Юристы указывали, что различие это «не количественное, а качественное, обуславливается. всем комплексом своеобразных психологических черт, которые присущи массе» (с. 175); так писал и автор рассматриваемой работы. Мы добавим, что различие было действительно качественным. Революционный народ, восставший против самодержавия, был далек от сообщников уголовных преступлений. В уголовном

праве, действовавшем тогда, были предусмотрены «мятежные посягательства», но жизнь вносила свои поправки. Психология «массовых преступлений» оказывалась психологией революционных масс, что и запечатлел в своем исследовании старательный диссертант Военно-юридической академии. Он писал: «Мятежные посягательства, потому как они встречаются в действительной жизни, являются преступлениями, в совершении которых обыкновенно участвуют массы. Вооруженное восстание неминуемо предполагает участие сотен и тысяч лиц. При восстании совершаются и убийства, и сооружение баррикад, сопротивление войскам, разрушение правительственных зданий, средств сообщения и т. п. Понятием „насилия“ охватываются и действия, которые по существу своему являются настоящей войной, с той только разницей, что к „воюющей стороне“ применяются не нормы международного военного права, а статьи Уголовного Уложения о „мятеже“» (с. 244–245). После этой достаточно яркой характеристики, в которой выделен социальный смысл того, что называется «массовыми преступлениями», дается такое объяснение: «Но в том-то и дело, что Уложение в этом случае вовсе не принимает в расчет психологию „массовых преступлений“» (с. 245). Далее следуют соображения о том, что за мятежнические действия полагается смертная казнь. И только если они не вызвали «особых мер» к их подавлению, возможна замена казни каторгой. Ясно, конечно, что при мятежнических действиях всегда требовались «особые меры». Следовательно, смертной казни подлежат массы. «Даже если и принять во внимание, что суд вправе от смертной казни перейти к каторге, то все же нельзя не признать это наказание слишком суровым», — читаем мы суждение юриста (там же). Да и нельзя ведь учинять массовую казнь тысяч людей, что очевидно. Опять же, согласно закону, надо

установить для каждого участника ряд условий, в том числе «намерение изменить образ правления, отторгнуть часть территории и т. д». Приходится признать, что едва ли практически осуществимо судебное дело против тысяч людей.

Жизнь поставила перед юридической службой царизма нелегкую задачу — поднять меч правосудия на тысячи людей. Так обернулась психология масс в событиях первой русской революции и в годы перед новым наступлением революционных масс.

Еще более трудным оказался вопрос о массовых преступлениях в военно-уголовном праве. Сам факт учинения преступного деяния массой военнослужащих оценивался как явление особо опасное, поскольку организация войска дает все данные для развития коллективной деятельности. Опасение, что воинские подразделения могут выйти из повиновения, когда их направят против «мятежной толпы», и присоединиться к ней, неоднократно высказываемое военными юристами, заставляло требовать усиленной уголовной санкции по отношению к воинским частям, вышедшим из повиновения. Дискуссии, которые шли по поводу внесения дополнений в военно-уголовный кодекс, это история русской юридической науки. Для истории русской психологии существенна та связь с жизнью, которая выступает в социально-психологическом понимании толпы деятелями юридической науки.

В начале XX в. социально-психологические проблемы оказываются в числе проблем, обсуждаемых в связи с дискуссиями, вызванными психологической школой права. Ее виднейшим представителем в русском правоведении был Л. И. Петражицкий (Петражицкий, 1904, 1905, 1907). Юрист и социолог Петражицкий с 1898 по 1918 г. занимал кафедру энциклопедии и философии права в Петербургском университете, после Великой Октябрьской социалистической революции в

эмиграции он возглавлял кафедру социологии в Варшавском университете.

Петражицкий, следуя субъективно-идеалистическим воззрениям, близкий к махизму и эмпириокритицизму, в теории права исходил из того, что реально существуют только психические явления, а социально-исторические образования представляют внешние их проекции, или, как он иногда писал, эмоциональные фантазмы. «Ученый юрист, — утверждал Петражицкий, — поступит ошибочно, если он станет разыскивать, правовой феномен где-то в пространстве над или между людьми, в „социальной среде“ или т. п., между тем как этот феномен происходит у него самого „в голове“, в его же психике и только там. Правовые явления состоят в тех своеобразных психических процессах, которые, между прочим, выражаются в своеобразной форме приписания разным представляемым существам. их „обязанностей“ и „прав“, так что кажется, как будто эти представляемые человеческие или нечеловеческие существа находятся в каких-то особых состояниях связанности об(в)язанности, обладания особыми объектами („правами“) и т. п. И вот наука права. не видит правовых явлений там, где они действительно происходят, а усматривает их там, где их на самом деле совсем нет и невозможно найти, наблюдать и познавать, т. е. во внешнем по отношению к переживающему правовые явления субъекту мире» (Петражицкий, 1905, с. 22).

Отсюда следовало признание единственно возможным приемом наблюдения правовых явлений метода самонаблюдения, интроспекции. Соответственно, для Петражицкого фундаментальной наукой становилась психология, в ней он видел основу общественных наук и считал, что среди юридических дисциплин надо построить науку политики права (законодательной политики) как особую дисциплину,

задача которой заключается в том, чтобы согласовать нормы права с психическим развитием народа. В основе этой новой науки должно лежать знание человеческого характера, процессов мотивации поведения людей. Поскольку народная психика в ходе исторического развития изменяется, правовые нормы также должны подвергаться изменению. Развитие права, морали, этики, эстетики — продукт прогресса народной психики. Вместе с тем правовые нормы обладают педагогическим действием и, в свою очередь, влияют на народную психику.

«Право есть психологический фактор общественной жизни, и оно действует психологически. Его действие состоит, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям (мотивационное или импульсивное действие права), во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера, в ослаблении и исправлении других, вообще в воспитании народной психики в соответствующем характеру и содержанию действующих правовых норм направлении (педагогическое действие права)» (там же, с. 7). Сообразно с этим задача политики права заключается в рациональном направлении индивидуального и массового поведения посредством соответствующей правовой мотивации, в очищении ее от антисоциальных склонностей.

Психологическая школа государственного права, как и психологические школы в других общественных науках, шла от определения ведущей роли психического фактора в общественных отношениях. Социальные отношения восходят к социально-психологическим, а те, в свою очередь, к индивидуальной психике. В таком контексте Петражицкий разбирает вопрос о правовых нормах, который для него как юриста и является центральным.

Чтобы психология как наука о явлениях сознания могла удовлетворить требования, которые к ней предъявляют общественные науки, ее надо преобразовать. Какие же дополнения и изменения предлагал внести Петражицкий в современную ему психологию? Принимая традиционное деление психических явлений на интеллект, чувство и волю, он видит еще один класс психических явлений — эмоции. Этим понятием он обозначал психические образования пассивно-активного характера, в которых сочетается пассивное страдательное претерпевание со стремлением, позывом к деятельности, включающим моторный компонент. Эмоции представляют собой истинные мотивы и двигатели поведения, а познание, чувства и воля лишь добавочные вспомогательные психические компоненты.

Петражицкий различал два вида эмоций: специальные, имеющие специальное содержание и вызывающие всегда определенные действия, и абстрактные, он называл их бланкетными, в которых характер и направление поведения определяется содержанием связанного с эмоцией представления. Среди бланкетных эмоций социально значимыми являются этически-моральные и правовые. Бланкетные эмоции составляют ту психическую почву, вернее, тот механизм, при помощи которого не только человек управляет человеком, но и вообще происходит регуляция социального поведения. Этот психический аппарат наиболее доступен чужому влиянию, представляет «открытую форму» психики.

Вспомогательным средством при исследовании чужой психики — «незримых» эмоций — становится знание тех факторов, которые способны вызывать данную эмоцию. Эти внешние факторы Петражицкий называет моторами. Таким образом, «зримыми» могут быть «моторы» и «акции», посредине между ними

действует искомая «незримая» эмоция, управляющая действиями. «Открытие и определение недоступных наблюдению действующих эмоций на основании доступных наблюдению элементов акций (или на основании акций и моторов) можно назвать объективным диагнозом, а соответствующее, руководящее методологическое учение — объективную диагностику эмоций, в отличие от субъективного диагноза и субъективной диагностики, где дело идет о субъективном, интроспективном открытии и познании эмоций и соответственных методических приемах» (с. 299).

Происходит своеобразная переработка физиологических и психологических концепций, направленная на то, чтобы, не отвергая интроспективную психологию и ее субъективный метод, создать обходные пути, которые привели бы к утверждению возможности объективного метода познания «чужой» психики.

У Петражицкого мы не встречаем упоминания о психологическом учении Сеченова и о его рефлекторной теории. Имеется лишь упоминание о том, что эмоции по своей двойственной природе представляют коррелят двойственной — центростремительной и центробежной — структуры нервной системы. Нет никаких оснований соотносить психологическую теорию Петражицкого с психологической теорией Сеченова. Но, думается, можно говорить о влиянии схемы рефлексов головного мозга на схему Петражицкого, в которой эмоции составляют центральное звено между восприятием внешних воздействий и действиями человека, выполняя функцию мотивации и регуляции. В 80-х годах прошлого века подобное соотношение, правда, иное по содержанию, можно было наблюдать в связи с психологической теорией «психических оборотов» Н. Я. Грота. Сторонник субъективно-идеалистического

мировоззрения, Н. Я. Грот в своей теории принял схему, на первый взгляд подобную общей схеме рефлексов головного мозга, наполнив ее содержанием, определяемым традиционными догмами интроспективной психологии.

Петражицкого интересует вопрос о мотивах человеческих поступков, о социальных нормах поведения и о регуляции этими нормами действий человека. Истинными мотивами поведения он считает эмоции и критикует господствующий взгляд, согласно которому мотивы всегда сводятся к удовольствию или неудовольствию (гедонистическая теория). Мотивацию, для которой характерна непосредственная связь между представлениями известных поступков и притягательными или отталкивающими эмоциями, он называет принципиальной или самодовлеющей мотивацией в отличие от целевой, телеологической (гедонистической и других видов).

Петражицкий различает два разряда норм. Один разряд — нравственные нормы, сущность которых состоит в авторитетном указании должного поведения, он называет императивными. Другой разряд — правовые нормы. Это двусторонние нормы, определяющие положение двух лиц и указывающие должное их поведение. Правовые нормы Петражицкий называет императивно-атрибутивными (обязательно-притязательными). Соответственно этим двум разрядам норм можно различать нравственное сознание и правосознание.

Теория Петражицкого чрезвычайно расширяла область права и охватывала сферы, выходящие за пределы юридической науки. Право усматривалось везде, где имеется представление о двусторонней зависимости, требованиях и обязанностях двух лиц или двух общественных групп, классов, организаций. В сферу исследования вовлекаются жизнь и деятельность

разных общественных групп, слоев, классов. Соответственно такому расширению понятия права речь может идти о праве данной семьи, кружка, общества. Такое право, обозначаемое Петражицким как интуитивное, определяется условиями жизни каждого человека или групп людей, их взаимоотношениями, взаимодействием. Поэтому Петражицкий занимается социально-психологическими проблемами, когда дело касается обычаев, религии, поведения разных групп людей, социальных действий. Везде, считает он, действует механизм правовых эмоций. «В разных областях человеческой жизни, например, в области воспитания и управления поведением детей, рабов, слуг, в области военного и морского дела, в тех обширных областях народного труда и производства, где необходимо действовать по команде, вообще исполнение чужих указаний, подчинение поведения одних непосредственному управлению других, интересующие нас эмоции играют весьма важную роль в качестве основного и необходимого мотивационного средства» (Петражицкий, 1907, с. 11).

Механизм правовых эмоций заключается в связи бланкетных, или, иначе говоря, абстрактных, эмоций с определенными представлениями поведения, что побуждает к тем действиям, которые связаны с этими представлениями. Надо заметить, что Петражицкий вполне довольствовался господствовавшей во второй половине XIX в. ассоциативной теорией и мыслил связь бланкетных эмоций с представлениями как ассоциативную связь. «Путем эмоций, возбуждаемых велениями, просьбами, советами и т. п. средствами управления чужим поведением, разными сигналами, словами и знаками команды и проч., можно вызвать любые телодвижения или иные действия» (там же, с. 10). Петражицкий характеризует как подвластные исследованию исторически преходящие черты

общественной психики, семейные отношения, отношения дружбы, межличностные и групповые взаимоотношения. Все эти стороны жизни находятся вне сферы вмешательства государственных законов, замечает Петражицкий, но с точки зрения психологического учения о праве и они подвержены правовой нормировке. На почве любовных отношений, например, признаются взаимные права на верность, любовь, откровенность, на защиту в случае злословия или иного нападения со стороны третьих лиц, на имущественную поддержку в случае нужды и многие другие виды помощи и услуг. Петражицкий указывает разницу между теми отношениями, которые закреплены в государственных правовых законах, и теми правовыми отношениями, которые не закреплены законом, но устанавливаются между людьми, следуя психологии индивидуального сознания. Эти отношения Петражицкий обозначает как интуитивное право. Что характерно, к государственным законам об отношениях между мужем и женою, между родителями и детьми, об их взаимных правах и обязанностях обращаются, как пишет Петражицкий, «лишь в крайне редких случаях, главным образом на почве фактического отсутствия отношений близости, наличности ненавистнических отношений и резких столкновений» (с. 91). На самом же деле существуют семейно-домашние правопорядки, обусловленные социальным положением семьи в целом и отдельных ее членов, а также их индивидуальными психологическими особенностями.

«С точки же зрения психологического понятия права, как императивно-аттрибутивных переживаний, семейная и интимно-домашняя жизнь, притом независимо от того, имеются ли между участниками ее какие-либо официально признаваемые узы, представляет особый обширный ждущий своего исследования и познания правовой мир с бесчисленными правовыми нормами,

обязанностями и правами, независимыми от того, что написано в законах, разрешающими тысячи непредусмотренных в этих законах вопросов и т. д.» (там же).

После утверждения субъективно-идеалистических взглядов на правовые феномены как на явления сознания и отрицания объективности правовых взаимоотношений, Петражицкий, противореча себе, выражает мысль о зависимости «семейно-домашних право-рядков» от социального положения, которое занимает семья, вернее сказать, мысль о классовой обусловленности социально психологических характеристик семейной жизни. Вот что пишет Петражицкий. «Замечающиеся здесь вариации и различия имеют отчасти более или менее общие причины и значение, например, связаны с классовыми различиями разных частей народонаселения; преобладающее и типичное домашнее право в зажиточных и богатых слоях народонаселения отличается от такого же права в незажиточных и пролетарских сферах, типичное крестьянское домашнее право — иное, нежели мещанское, аристократическое и т. д. Отчасти же упомянутые различия имеют чисто индивидуальный характер: каждая семья представляет особый правовой мир, и каждый из участников домашней жизни (в том числе, например, тетушки, бабушки, отдаленные бедные родственники и друзья, принятые в дом и семью, приживалки, приемыши и т. д.) имеет свое особое положение в господствующей в данной семье правовой психике» (с. 92). Дальше говорится о таких правах, как право на известные степени уважения, любви, благодарности, право решающего или совещательного голоса в домашней, хозяйственной и личной жизни и т. д.

Расширяя понятие права, Петражицкий переходит к тем социально-психологическим связям, которые

создаются между людьми, объединенными теми или иными жизненными отношениями в группы. Эти отношения приобретают более или менее длительную устойчивость и регламентируются принятыми на себя обязательствами либо по взаимной договоренности, либо в силу каких-либо других условий, в том числе экономических. Для Петражицкого достаточной причиной в характеристике семейных отношений является личностная характеристика; согласно его теории конечным, определяющим фактором является психический феномен права, наличествующий в сознании. Но если проследить за ходом его размышлений, в описываемую им картину поведения включаются утвердившаяся связь поступков с принятыми общественными нормами и соответствующая регулировка действий. Из них часть норм узаконена, большинство же составляют нормы, сложившиеся и принятые определенными большими или малыми группами.

По Петражицкому, заслуживают внимания и изучения также и сферы императивно-атрибутивных (обязательно-притязательных) норм, бытующих среди детей в их взаимоотношениях. «Особенно серьезного научного внимания и изучения. — пишет он, — заслуживают императивно-атрибутивные переживания и проекции, свойственные детскому возрасту, то право, которым руководствуются дети в области своих забав, своих договоров и иного поведения — детское право, детская правовая психика» (с. 93). Включение психических явлений этого рода в область научного изучения — наблюдения и экспериментального исследования — может предоставить данные относительно появления и развития в человеческой психике права вообще. «В детской комнате зарождался и действует психика договорно-обязательственного права, заключаются и исполняются

разные меновые и дарственные договоры, договоры ссуды (.предоставления временного пользования вещью), поклажи (.отдачи вещи на хранение с обязательством возратить), договоры товарищества, иногда „преступного“ свойства, например, один обязывается похищать что-либо запретное, другой сторожить, причем каждый имеет право на равную долю добычи» (там же). Психологическому анализу Петражицкий подвергает отношения между детьми-сверстниками и детьми разного возраста, отношения старших детей к младшим.

Перед нами не специальное психологическое исследование, но обоснованная постановка социально-психологических задач, и в первую очередь задачи изучения освоения детьми норм социального поведения. Вопреки выводу, который, казалось бы, должен был следовать из признания субъективности правовых феноменов, о том, что в детской психике должно действовать интуитивное право (т. е. то право, которое, согласно психологической теории, присуще индивидуальной психике), Петражицкий отмечает действие установленных социальных норм, которые начинают вырабатываться с первого года жизни ребенка.

После доказательства своего положения о том, что право представляет особый класс психологических явлений с особым составом, особыми характерными свойствами, Петражицкий ставит задачу изучения права как фактора и продукта социально-психологической жизни, находит, что явления права состоят в двусторонних причинных связях с другими процессами социально-психологической жизни. «Право является фактором социально-психологической жизни и ее развития, вызывает известные дальнейшие процессы в области психики и поведения индивидов и масс и их развития. С другой стороны, право само есть продукт

действия известных социально-психологических процессов: оно создается и изменяется ими по законам причинной связи» (с. 640).

Петражицкий говорит о возможности создания «эмоциональной социологии», иначе говоря, социологии, построенной на его психологической теории эмоций.

У психологической теории права нашлись свои сторонники и противники (Гинцбург, 1909; Кистяковский, 1910; Новгородцев, 1913; Сергеевич, 1909; Чичерин, 1900). Критику вызвали философские основы теории — близость к эмпириокритицизму, махизму, обращение к интроспективному методу, признание суверенной власти психологии над другими науками.

Как только Л. И. Петражицкий опубликовал первый набросок своей психологической теории права, против него выступил Б. Н. Чичерин, теоретик государства и права, историк, один из основателей так называемой юридической или государственной школы в русской историографии. Гегельянец по своим философским воззрениям, Чичерин встретил резкой критикой субъективно-идеалистические установки Петражицкого. Нельзя ограничивать понятие права психическим состоянием. Чичерин менее всего был склонен к расширению области права, как то делал Петражицкий, включая в него социально-психологические проблемы. Он возражал против того, что Петражицкий отрицал принуждение как существенный признак права. Чичерин писал, «что действующие в обществе нормы права имеют принудительный характер и что юридические нормы этим самым отличаются от всяких других норм, это — всеобщий факт, который не подлежит сомнению» (Чичерин, 1900, с. 380). Правовая норма — не личное убеждение, как то считал Петражицкий, но организованное властью принуждение.

Среди сторонников психологической теории права Петражицкого был М. А. Рейснер, профессор юридического факультета Томского, а потом Петербургского университетов. Рейснер участвовал в революционном движении, в 1905 г. вступил в РСДРП. После Великой Октябрьской революции он был привлечен к работе в Народном Комиссариате юстиции, в 1918 г. стал одним из организаторов Социалистической академии (впоследствии она была переименована в Коммунистическую академию).

Рейснер, занимаясь вопросами государства и права, пережил сильное увлечение учением Петражицкого, что не только отразилось в его работах предреволюционного периода (Рейснер, 1908, 1911-1912), но и положило начало разработке им социально-психологических проблем в советской психологии.

Что же привлекало Рейснера к теории Петражицкого? Ответ звучит несколько странно: изучение марксизма. Марксизм, размышлял он, обрекает государство на исчезновение с исчезновением классового общества. Праву, как и всем другим атрибутам классового государства, грозит та же участь. Правовед Рейснер никак не мог согласиться с потерей права. Должно быть иное право, право народных масс, которое существовало бы вне государства, полагал он, право, которое не вытекало бы из государственного принуждения. Психологическая теория права утверждала его как свойство сознания, сознание делалось сферой правовых явлений, тем самым его существование оказывалось незыблемым, не зависящим от общественных порядков. Социально-психологические явления таким путем вошли в круг интересов Рейснера. Его занимает вопрос о внутренней обязательности человека, добровольного сознательного подчинения общественным требованиям и общественной санкции.

Задача состоит в том, чтобы установить «законы преломления бытия через психику в идеях и наоборот», писал он. «Только научно построенная индивидуальная и коллективная психология могут ответить окончательно на вопрос о том, в чем состоит взаимная обусловленность этих двух начал» (Рейснер, 1908, с. 37). «Только проследив психику этических, эстетических, правовых, религиозных и т. п. переживаний, мы можем выяснить с полной достоверностью вопрос о том, что такое право по отношению к хозяйственным явлениям и социальным идеалам.» (с. 38).

В теории эмоциональной психологии Рейснер видел «то орудие, при помощи которого не только человек управляет человеком, но и вообще складывается регулирование социального поведения. Это — психический аппарат наилучшей, наиболее доступной чужому влиянию формы. Самые различные мотивы могут быть положены в основу его построения, и будут ли это мотивы рабской души, приспособившей свою психику к импульсам страха, будут ли это мотивы наемника или нравственно свободного и любящего человека — все они способны в конце концов дать абстракцию, связанную с живой эмоциональной основой, а вместе с тем и вступать в действия всякий раз, как только будет вызвана внешними или внутренними причинами именно данная эмоция» (с. 58).

Рейснера восхищает, что область права у Петражицкого расширяется и перед исследователем открывается возможность познать психологические особенности разного рода человеческих отношений. «Право, цельное и всеобъемлющее, живое и пестрое, как сама жизнь, право, блестящее высоким подъемом самоотвержения и героизма, оттененное мрачными пятнами человеческой крови и мучений, возникает перед нами словно океан, который не разрезан еще ладьей исследователя, словно заповедная чаща

движущихся, растущих и переплетающихся человеческих отношений» (с. 72).

Одним из главных факторов общественного движения Рейснер считал развитие мировоззрения и находил необходимым изучать типические черты мировоззрения больших и малых групп людей, слоев общества, классов, народов. Познакомившись с историческим материализмом и встав на позиции марксизма, он исходил из марксистского положения о базисе и надстройке. Проблемы социальной психологии Рейснер рассматривал как часть идеологии. Свои взгляды он излагал следующим образом: «1. Общественная жизнь организуется при помощи идеологических форм, в основу которых положены различные типы идеологий и их диалектика. 2. Идеологические преломления и извращения подчиняются известной закономерности, которая проявляется в особых социальных методах восприятия (способах представления). 3. Методы восприятия и идеологического построения суть результаты социальной психологии. 4. Эта психология (групповая, массовая, социальная), в свою очередь, обусловлена экономическим бытом и лежащим в его основе способом производства. 5. Каждый класс поэтому в определенную эпоху и при наличности данных условий вырабатывает свой собственный метод идеологических построений, при помощи которых и создаются идеологические формы религии, морали, права, государства. 6. Исторически можно наметить три классовых метода идеологических построений: это методы мистические, эстетико-романтические и рациональные. 7. Идеологические формы классовых образований (государства) представляют собой сложную надстройку, диалектически построенную по типу известного синтеза, где идеология господствующего класса является не только преобладающей по содержанию, но и

господствующей по своему методу. 8. Лишь во время революций этот компромисс разрывается и классовые идеологии перестраиваются сообразно экономической действительности и классовому интересу побеждающей группы» (с. 202).

По Рейснеру, способ производства определяет экономический быт, который, в свою очередь, лежит в основе социальной (групповой, классовой) психологии, а эта последняя порождает определенные идеологические построения (проявляются такие построения в социальных методах восприятия); наконец, от идеологических построений зависят внешние проявления общественной жизни. Согласно его схеме, социальная психология определяет собой идеологические построения, а затем «внешние проявления общественной жизни». Рейснер сохраняет положение Петражицкого о том, что психология регулирует общественную жизнь.

В противоречие с марксизмом, которому Рейснер следовал по убеждению, вступало его стремление сохранить психологические посылки теории Петражицкого. И тут у него происходит смешение, а зачастую отождествление психологического и идеологического, слияние социально-психологических проблем с идеологическими. Об этом приходится помнить при изложении его работ.

Как же понимал Рейснер содержание социальной психологии в те годы, когда он только приобщился к марксизму? На основе общих марксистских положений он приходил к заключению, что в конечном счете именно экономическое положение (т. е. место человека в системе производственных отношений) определяет его психологию. В психической жизни отдельного человека он выделяет черты, которые обнаруживают зависимость данного человека от его социального положения, и стремится изучить психологию групп людей, определить

то, что является общим у них, что определяется одинаковым местом, занимаемым ими в системе производственных отношений. Рейснер видел перед социальной психологией две основные задачи: изучение социальной обусловленности психики и изучение психологии отдельных классов, групп людей, социальных слоев.

Петражицкий в своих построениях много места отводил связи представлений с эмоциями. Рейснер расширяет и видоизменяет понятие представления. Термины «способ представления», «способ мышления» и «метод восприятия» у него однозначны «способу идеологического построения». И это характерно для него: он недостаточно четко различает сферу социальной психологии и идеологии.

Дальнейшее развитие социально-психологические взгляды Рейснера получили уже в советский период. В докладе «Проблемы психологии в теории исторического материализма», прочитанном в 1923 г. в Социалистической академии, Рейснер, перечисляя причины, побудившие его заняться социальной психологией, в первую очередь назвал целый ряд практических причин. «Мы имеем государственное управление партии, стоящей на строго марксистской точке зрения, которой пришлось встретиться с массой вопросов, массовой психологии, в частности, в связи с организацией Красной армии, с вопросом. о духе войск. Во-вторых, вопросом агитации и пропаганды, которые должны иметь в основе известную теорию массовой психологии. В-третьих, вопросы идеологической борьбы.» (Рейснер, 1923, с. 211). К проблемам социальной психологии Рейснера приводит стремление решить вопрос о социальной обусловленности психики, с одной стороны, и о психологии классов, групп, слоев общества — с другой, а также стремление найти закономерности социальной обусловленности психики в

историческом развитии общества. По замыслу Рейснера, программа развития социальной психологии должна отвечать материалистическим принципам и быть построена на марксистской основе. Должны быть исследованы вопросы массовой психологии, поведение неорганизованной толпы и организованного общества, революционных масс. Во-вторых, стоит задача исследования производственной деятельности человека в ее социально-психологическом аспекте, когда он выступает в качестве индивидуальной производственной силы, слившейся с другими в общественном производстве, когда его психика приобретает новые черты в коллективе. Социальная психология должна быть «психологией коллективного труда и производства». В-третьих, заслуживает исследования проблема включения в систему культуры индивида и социальных общностей (речь идет о развитии социальной психологии культуры в историческом плане). В-четвертых, Рейснер поднимал вопрос об исторической психологии, которая стала развиваться в зарубежной психологии много позже.

Все социально-психологические работы М. А. Рейснера советского периода были написаны в течение трех лет (1923–1925 гг.). В 1925 г. в сборнике «Психология и марксизм» была опубликована его программная статья «Социальная психология и марксизм» и в том же году вышла наиболее значительная по объему и последняя по времени работа «Проблемы социальной психологии» (Рейснер, 1925а, б).

Вместе со всеми советскими психологами Рейснер боролся за создание марксистской психологии против интроспективной психологии с ее субъективным методом. Речи нет теперь о том, что в области социальной психологии возможен интроспективный метод, как то полагал Петражицкий, с трудов которого Рейснер начал свои занятия психологией. Рейснер уже

не отводит психике определяющей роли в общественном развитии, но все же считает психологию исходным пунктом теоретического анализа в области общественных наук. Поэтому задача развития психологической науки и, в частности, социальной психологии на основе марксизма у него оборачивается так, что теория исторического материализма должна быть подкреплена и обоснована данными психологии, и прежде всего социальной психологии. Такая психологизация исторического материализма происходит несмотря на то, что Рейснер справедливо указывает: «мы можем наблюдать постепенное и необходимое вытеснение психологии из неподобающего ей места единственного источника социальной и исторической закономерности» (Рейснер, 1925б, с. 25).

Принимая диалектико-материалистическую теорию отражения, Рейснер ошибочно заключал, что социальную психологию возможно изучать лишь одним путем, а именно физиологическими методами, как деятельность нервно-мозговой системы человека. Для выполнения такой задачи Рейснер обратился к учению И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. Обоснование положению исторического материализма об образовании идеологических надстроек он искал в павловском учении. Понятие безусловных и условных рефлексов Рейснер применял к общественным явлениям. «Безусловным рефлексам животного мира, — писал он, — отвечают производственные отношения человеческого общества, а надстройка условных рефлексов дает некоторую аналогию идеологической и идейной надстройке над экономической структурой» (Рейснер, 1924, с. 5). В соединении павловского учения с теорией исторического материализма, с марксистским учением о базисе и надстройке Рейснер видел путь к изучению социальной психологии. Он проводил аналогию между системой условных и безусловных

рефлексов, с одной стороны, и системой «надстройка — базис» — с другой.

Неверно интерпретируя некоторые высказывания Маркса и Энгельса, Рейснер, вступая в противоречие с марксизмом, утверждал, что общественные явления могут быть объяснены лишь с помощью физиологии высшей нервной деятельности. Он развивает мысль о том, что идеологическая надстройка представляет собой не что иное, как механизм организации условных рефлексов (там же, с. 6). «Способ овладения материальным миром, который свойственен общественному человеку, необходимо требует создания системы психических раздражителей над системой производственной техники. Общество, таким образом, выполняет двоякую роль. Во-первых, оно создает систему психических раздражителей в соответствии с производственными условиями, подобно тому как в лабораториях Павлова создаются условные рефлексы в тесной связи и соотношении к рефлексам безусловным. Во-вторых, однако, то же общество подчиняется им созданной системе раздражителей, выполняет необходимую работу и этим путем реагирует на стоящий за раздражителями внешний мир» (Рейснер, 1925а, с. 29).

Психологию Рейснер понимал как промежуточное звено между производством, с одной стороны, и идеологической (а в более широком смысле — культурной) надстройкой — с другой. Идеология рассматривалась им как социальный раздражитель, вызывающий действия общественного человека.

В трудах М. А. Рейснера социально-психологические проблемы, изучение которых было им начато в сфере юридической науки, вышли далеко за ее пределы. Он был, пожалуй, первым, кто поставил своей целью построить социальную психологию на марксистской основе. Его постигла неудача. Положения, развиваемые

Рейснером, примыкали к идеям идеологической организации общественного процесса, выдвинутым А. Богдановым, идеям, согласно которым социально-психологические связи заменяли экономико-производственные отношения — основу общественного строя. Другой ряд методологических трудностей встретил его при реализации замысла о синтезе теорий разных областей знания — физиологических, психологических, социологических. Объединению должны были подвергнуться теории не только разные по своим исходным позициям в решении философских проблем науки, но и теории, относящиеся к разным областям знания. Рейснер ошибочно отождествлял общественные и природные закономерности, распространял физиологические закономерности на общественные явления и приходил не только к психологизации, но и физиологизации исторического материализма.

Социально-психологические проблемы в судебной психологии и в юридической науке досоветского периода возникали по разным поводам и в разных связях, имели разное конкретное выражение, а главное, условия их постановки были особые — ведь это были нарушения норм социальной жизни, иначе говоря, чрезвычайные обстоятельства. Однако и при этих условиях проблемы стягивались в комплексы, которые имели место и в других отраслях психологии. Пользуясь терминологией тех времен, можно сказать, что центральной была «общежительная» сторона человека: изучались человек как «сочлен человеческого общежития», его потребности в общении, в совместной деятельности, отношение к социальным нормам и роль этих норм в регуляции поведения, роль и значение общественного мнения. В отношении общения больше всего привлекали «психический взаимообмен» и внушение. Психология принималась многими юристами

за исходный пункт общественных наук и за основу правовых наук. В ней усматривали науку, которая позволит решить вопрос о биологическом и социальном в человеке. Все эти вопросы, как увидим дальше, поднимались не только в отраслях психологии, но и в ряде гуманитарных наук, и в медицине.

Глава 3

Социально-психологические проблемы в военной психологии

Военная психология, как и все прикладные отрасли психологии, всегда была связана с теорией и методами общей психологии своего времени, представляя их приложение в той или иной области человеческой деятельности, и вместе с тем развивалась, подобно другим прикладным отраслям, исходя из потребностей специальной области человеческой деятельности — военного дела, его теории и практики.

В конце прошлого и начале нашего столетия военная наука в России решала задачу развития военного дела в условиях утверждающегося капиталистического строя и растущего революционного движения. Военная реформа 1874 г. внесла ряд изменений в царскую армию. Несмотря на то, что армия сохранила многие феодально-крепостнические черты, реформа дала возможность в организационном и техническом отношении сделать ее более соответствующей потребностям капиталистической России. Была введена всеобщая воинская повинность, сокращен срок военной службы: 6 лет вместо 25. Новые правила обучения и воспитания солдат, вызванные как уменьшением срока пребывания солдат в армии, так и условиями технической оснащенности, налагали иные обязательства на офицеров, изменяли их отношение к солдатам.

Военная наука, перестраиваясь на буржуазный лад, продолжала служить господствующим классам и действовать в интересах этих классов; теоретические взгляды ее деятелей опирались на идеалистические и метафизические воззрения — военное искусство считалось творчеством полководцев, результатом

«божественного провидения». Военные теории не охватывали действия масс — ни масс населения, ни армии как массы. В то же время объективные условия развития военного дела в стране в рассматриваемый период были таковы, что народные массы заявляли о себе в революционных действиях пролетариата и крестьянства, в поведении солдат.

Возникновение марксизма создало методологическую основу для возникновения принципиально новой военно-исторической науки. Открытие материалистических объективных законов общественного развития позволило разработать марксистское учение о войне как общественном явлении и об армии. К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу об исторических закономерностях развития войн и армии. В. И. Ленин разработал учение о войнах периода империализма. Вместе с решением социально-психологических проблем революционного движения марксизм открывал подход и к социально-психологическим проблемам в военной психологии. Но военная психология, как и другие отрасли русской психологии, и общая психология в досоветский период не были связаны с марксизмом и развивались вне его влияния.

Зарождение в России военной психологии как научной дисциплины можно отнести к 1880–1890 годам. Ее появлению предшествовало длительное развитие военно-психологической мысли в трудах прогрессивных русских полководцев и флотоводцев. Внимание к военной психологии в пореформенной России было обусловлено следующими причинами. Во-первых, при капиталистическом развитии страны армия становилась массовой и многонациональной по составу, профессиональная военная подготовка стала носить массовый и непрерывный характер, что обусловило новые требования к воспитанию и обучению солдат. Во-

вторых, обострение классовых противоречий в стране сказывалось на армии и вело к изменению методов и средств идеологического воздействия на личный состав. Возникла необходимость в систематическом обобщении военно-психологических наблюдений, резко обострились социально-психологические проблемы руководства войсками в условиях мирного и военного времени. В-третьих, влияние оказывало и развитие общей психологии, а также зарождение социальной психологии. Проблема управления массами приобретала все большую актуальность в обстановке, когда революционное движение охватывало народные массы, а армии нужно было нести функцию охраны государственного порядка. Подавление первой русской революции и то, что не русский народ, а самодержавие пришло в Русско-японской войне к позорному поражению, свидетельствовавшему о том, что царизм стал помехой новейшим требованиям военного дела, делает понятным, почему русские военные теоретики — Н. Н. Сухотин, Е. Н. Мартынов, Н. П. Михневич — предлагали включить в предмет военной науки военную психологию масс. Психология военного обучения и воинского воспитания занимала мысль военных руководителей, разрабатывавших и вводивших в воинскую практику новые системы боевой подготовки — системы М. И. Драгомирова, С. О. Макарова и др.

История военной психологии в нашей стране открывает нам ряд работ, подымавших социально-психологические вопросы. Они содержатся в военно-теоретических трудах, в книгах, освещающих военно-практическую деятельность и в связи с ней обращающихся к социальной психологии, а также в военно-исторических работах (см., например: Головин, 1907; Драгомиров, 1881, 1895, 1909; Зыков, 1898; Резанов, 1910а, б; Ухач-Огорович, 1911а, б). В конце прошлого века и в первые десятилетия нашего века

было опубликовано более 120 общих и специальных военно-психологических работ (см.: Военная психология., 1973). Большая часть работ по военной психологии появилась в годы, последующие за Русско-японской войной. Кроме общих вопросов военной психологии и социально-психологических проблем в армии, исследованию в социально-психологическом аспекте подверглись и отдельные специальные вопросы военного дела. В эти годы идут дискуссии о предмете и задачах военной психологии. Поскольку военная психология возникла и развивалась, отвечая запросам практики военного дела, в ней речь идет о социально-психологических явлениях, имеющих место в армии как особой области деятельности человека в боевой обстановке. Некоторые работы специально выделяют и исследуют эти явления. Однако суждения о них мы встречаем и в общих трудах военных деятелей прошлого.

В освещении военно-психологических проблем в дореволюционной России отчетливо выявлены классовые позиции авторов, сказывается известная ограниченность в их психологических знаниях в условиях общего недостаточного развития психологии, что мешало созданию психологической теории. Приходится помнить, что для дореволюционной русской военной психологии характерно то, что ею занимались военные специалисты. Мы видим то же положение, которое наблюдалось в юридической психологии, где она развивалась трудами юристов. Практика военного дела вела к психологическому анализу воинской деятельности, к исследованию психологии боя, к изучению психологических качеств воинского коллектива. Результаты этих наблюдений, в разной мере и с разных точек зрения обобщенные, и были представлены в работах по военной психологии. Из истории военной психологии, которая еще только

создается, мы выделяем социально-психологические вопросы и обращаемся к ним в контексте истории социальной психологии.

Применительно к военному делу прежде всего актуализируется проблема толпы, которая была центральной социально-психологической проблемой предреволюционных лет. На первый план выступает сравнительная характеристика неорганизованной толпы и армии как формы организованной массы людей. Особо рассматривается вопрос о взаимоотношении армии и неорганизованной толпы. У некоторых авторов этот вопрос формулируется как отношение двух масс людей — солдатской массы и толпы, против которой направляются военные силы, а также двух армий, находящихся в состоянии войны. Поднимается вопрос о социально-психологическом факторе в военном деле.

Общая социально-психологическая проблема руководства и управления людьми, действий организованных групп людей, малых и больших, ставится и решается исходя из представления о том, что задача военной психологии — изучение воинских масс в условиях боевой деятельности. Исследованию подлежат: особенности совместных боевых действий людей; их психическое состояние; приращение и упадок их сил, обнаруживающиеся в боевой обстановке; роль настроения; способы воздействия; внушаемость и т. д. Рассматривались и другие социально-психологические явления, наблюдаемые в условиях боя: влияние национальной и религиозной принадлежности на поведение солдат; особенности действия малых и больших групп, одиночной разведки.

Военная психология включала столь большое количество социально-психологических вопросов, что некоторые военные деятели готовы были считать ее разделом социальной психологии. Так, например, А. С. Резанов в сообщении, сделанном в собрании

офицеров генерального штаба Варшавского военного округа в 1910 г., на тему «Духовная сущность армии и принципы управления массами» утверждал: «Военной психологии как отдельной науки нет, и то, что необразованные философские авторы хотят назвать военной психологией, составляет прикладную часть социальной психологии. Короче, военная психология является специальной частью коллективной психологии, или, говоря иными словами, психологией масс» (Резанов, 1910а, с. 4). Свое мнение он обосновал тем, что армия по своим психологическим качествам родственна толпе. В психологии масс, полагал Резанов, надо искать ответ на то, какая сила ведет войска к героическим подвигам или обращает их в паническое бегство.

Н. Н. Головин, профессор Академии генерального штаба, усматривал в развитии психологии, прежде всего раздела о коллективной психологии, основание для развития военной науки (Головин, 1907). Такое отношение к психологии как основополагающей науке присуще научной мысли конца XIX — начала XX в.

«Воспитывая отдельного человека, нам, военным, необходимо считаться и с психологией масс, так как в общей массе отдельный индивид — это песчинка, уносимая ветром. Таким образом, каждому из нас приходится считаться со всеми особенностями и свойствами толпы, в которую при некоторых условиях легко превращается самое дисциплинированное войско», — писал П. И. Измestьев (Измestьев, 1911, с. 4). «Ключ ко всем тайникам человеческой души дает нам наука психология вообще и коллективная психология в особенности», — заявлял военный юрист К. Штрейтерфельд (Штрейтерфельд, 1904, с. 469).

Существовало и иное мнение о том месте, которое должна была занять коллективная психология в психологической науке в целом и в военной психологии в частности. Один из активных деятелей военной

психологии Г. Е. Шумков, врач-психиатр, ученик В. М. Бехтерева, работавший в его психологической лаборатории при клинике Петербургской Военно-медицинской академии, писал: «Я должен заявить, что придерживаюсь взгляда, что психологии масс или психологии толпы как науки, совершенно обособленной от психологии индивидуальной, не существует» (Шумков, 1914, с. 86). Лишь индивидуальная психология, полагал он, дает фундамент массовой психологии. Научные исследования психологии масс должны базироваться на данных индивидуальной психологии. «Все наши психологические переживания, всякое претерпевание и деятельность масс (толпы) оказываются при внимательном рассмотрении переживаниями, претерпеваниями и деятельностью единичных индивидуумов, образующих в общей совокупности „психологическую толпу“. Все изменения, какие происходят будто бы в психологии толпы, в действительности происходят в одиночных индивидуумах» (там же). На том основании, что нет «коллективной души», Шумков считал, что коллективная психология должна быть разделом индивидуальной психологии. «Исследование качеств и закономерностей психологии толпы должно, следовательно, превратиться в исследование качеств и закономерностей психической жизни личностей, в применении к военной массовой психологии — личностей воинов. Это изучение по необходимости должно быть изучением индивидуальной психологии, так как мы ничего не можем знать о какой-либо другой обособленной жизни в толпе, „о душе толпы“ помимо психической жизни в единичных индивидуумах. А в этом смысле исследование качеств и свойств „психологии масс“ и процессов в ней должно направляться на исследование психических свойств и качеств отдельных индивидуумов, только в них и можно найти то, что мы хотели бы изучить в „психологии

толпы“» (там же). Психология толпы — часть индивидуальной психологии, тот ее раздел, в котором изучаются свойства и качества личностей в массе, в толпе.

В отрицании «коллективной души» Шумковым сказывалась бехтеревская школа, однако он не пошел за Бехтеревым в определении предмета и задач коллективной психологии как самостоятельной психологической дисциплины, а поставил задачу выяснения того, почему разного психического склада люди в толпе действуют однородно.

Книги по военной психологии в дореволюционной России заключали и общие психологические знания с суждениями о применении этих знаний к военному делу, и специальные социально-психологические разделы, где разбирались не только психология толпы и армии, но и другие социально-психологические вопросы, рождаемые организацией воинской службы. Психология в целом и социальная психология в частности выступали как научная опора военного дела, как источник, в котором можно найти средства, помогающие управлению армией.

Социальная роль психологии этим не исчерпывалась. Психология использовалась как средство утверждения идеологии самодержавия. Среди дореволюционных трудов по военной психологии с этой стороны выделяется книга монархиста Н. А. Ухач-Огоровича по военной психологии, вышедшая в 1911 г. Ему принадлежали и такие работы: «Войсковой хлеб», «Войсковые консервы», «Мясо» и т. п. Психология оказалась столь же нужной для армии, как и книги на упомянутые темы. В предисловии к своей книге «Военная психология» автор отмечал: «В области военного искусства три четверти успеха зависят от моральных сил и только одна четвертая часть от материальных средств борьбы. Означенное соотношение

доказывает, что моральный отдел военного искусства надлежит изучать прежде всего и более всего. Отделом этим ведает военная психология» (Ухач-Огорович, 1911а, с. 1).

Мало заботясь о научной стороне своей работы, Н. А. Ухач-Огорович пытался через военную психологию давать разного рода указания по наведению общественного порядка, диктовал меры, которые надлежало принимать против бунтующей толпы, и с этой стороны подходил к коллективной психологии.

Даже журнал «Военный сборник», менее всего склонный к либерализму, в рецензии под названием «Насилие над психологией», написанной его постоянным сотрудником А. Дмитриевским, отмечал: «Уже в первой части книги — в общей психологии, читатель начнет поражаться какой-то удалью некоторых определений научного характера; эти определения как бы даются в формуле: предписываю это понимать так-то; иногда автор смягчается и вместо предписания, но и вместо рассуждения говорит: „психология или военная психология учит“, как будто бы автор сам признает, что его книга — что-то другое, а не военная психология. Читатель убеждается, что здесь самой психологии военной или общей — немного» (Дмитриевский, 1911, с. 57). В рецензии говорится о «насилии над понятиями», которое производит автор, а попросту говоря, об искажении понятий психологии. «Эта книга только средство для пропаганды своих взглядов, в большинстве именно не подтверждаемых психологией», — заканчивает рецензент (там же, с. 74). О некоторых жандармских приемах, рекомендуемых Ухач-Огоровичем для расправы армией с бунтующей толпой, будет сказано дальше.

На развитие военной психологии в России большое влияние оказали труды известного военного деятеля генерала М. И. Драгомирова, который в своей военно-

теоретической работе и в практике военного дела восстанавливал суворовские принципы, вновь приобретшие значение после проведения военной реформы.

Будучи монархистом по своим политическим убеждениям, Драгомиров развивал военно-психологические взгляды в борьбе за перестройку военного дела в условиях становления капитализма в стране. Разрабатывая требования к обучению и воспитанию воинской массы, Драгомиров давал им психологическое обоснование. Следует иметь в виду исходное положение Драгомирова — он считал, что склад понятий и характер отношений между людьми определяются их практической деятельностью. Если требуется изменить понятия человека и характер отношения его к другим людям, то надо изменить соответственно и его занятия. Различая воспитание и обучение, Драгомиров подчеркивал их взаимодействие, однако воспитание считал главенствующим.

В психологическом анализе деятельности человека в бою Драгомиров выделял два начала, определяющие действия бойцов, — самосохранение и самоотвержение, считая их столь же вечными и неизменными, как сам человек. Если самосохранение он понимал как природный инстинкт, то в самоотвержении видел особую духовную силу, способную подавить инстинкт. Из понятий самосохранения и самоотвержения Драгомиров исходил при объяснении поведения воинов в бою и считал, что они должны лечь в основу подготовки войск в мирное время. «Духовное начало, которым определяется успех на войне, есть самоотвержение; которым определяется неудача — инстинкт самосохранения в чрезмерном развитии» (Драгомиров, 1881, с. 584-585). Поскольку самоотвержение поддерживается и развивается волей, а областью воли ведает главным образом военное воспитание, то

«военное дело в значительной степени дело волевое, нежели умовое», — утверждал Драгомиров (Драгомиров, 1906а, с. 1).

Результатом воспитания должно быть такое «привитие» нужных качеств, при котором солдат стал бы сознательным участником военных действий, способным проявлять «частный почин», т. е. активность и самостоятельность в достижении поставленной цели. Одним из требований, предъявляемых солдату, является умение согласовать свои действия с товарищами, так как цель на войне достигается усилиями многих людей и это умение составляет сущность так называемого единства действия, и особенность военной деятельности состоит в том, что человек здесь призван действовать в массе. Представление Драгомирова о сознательных совместных действиях солдат было направлено против широко распространенных в то время взглядов на бессознательность поведения толпы, к которой причисляли и солдатскую массу.

Драгомиров, выделяя качества, необходимые солдату, рассматривал их в соотношении с совместной деятельностью людей в воинских частях. Он не прибегал к понятиям социальной психологии (ее понятийный аппарат не был тогда разработан), но в определении психологических качеств и солдат, и офицеров исходил из того, что эти качества могут быть выяснены и определены лишь при совместных их действиях. Так, например, «храбрость (решительность, неустрашимость) — качество, присущее далеко не всем людям, взятым в отдельности; при совместных же действиях нескольких людей это качество может проявиться и у тех, кто заранее не подавал к этому надежды» (там же, с. 15).

Раздумья о том, сколь существенно для психологии изучать человека на войне и как важно военным деятелям знать психологию воина, приводят

Драгомирова к выводу, что «война, и только одна война, вызывает то страшное и совместное напряжение всех духовных сторон человека, в особенности воли, которое показывает всю меру его мощи и которое не вызывается никаким другим родом деятельности» (Драгомиров, 1881, с. 417).

Проблема роли полководца на войне, в том числе и Наполеона как полководца, многократно обсуждалась в военной науке. В социально-психологическом аспекте это была проблема толпы и вождя, толпы и героя, которая во второй половине XIX в. вызывала ожесточенные споры. После выхода в свет романа Л. Н. Толстого «Война и мир» М. И. Драгомиров немедленно откликнулся на него статьей (Драгомиров, 1868, 1869). Он был полон восхищения от описания боевых сцен, но никак не соглашался с толстовским пониманием роли народных масс и военачальников в войне — с преуменьшением роли личности в истории вообще и полководца в частности. Толстой оспаривал то, что считалось бесспорным, — военный гений Наполеона. Он обрушился на самую идею неограниченной власти и на безнравственность мнимого превосходства одного человека над всеми другими людьми. Драгомиров в основу своего рассмотрения романа брал вопрос о соотношении массы и ее руководителя, возражая против крайностей в решении вопроса: против отрицания значения руководящих личностей и против отрицания роли масс. Мысль, что старшие начальники в бою ничего не делают, для Драгомирова недопустима, это означает для него отрицание возможности управления армией. Но Драгомиров ставит вопрос о человеческом достоинстве. «Нужно условиться, — пишет он, — в чем и как всякий из нас ежели не больше, то никак не меньше человек, чем всякий Наполеон» (Драгомиров, 1881, с. 464).

Драгомиров указывает на наличие коллективной воинской жизни или, пользуясь термином Толстого,

«роевой» жизни и подчеркивает свое понимание взаимоотношения вождя и толпы: «Матка без роя ничего не значит, но и рой без матки тоже немного значит» (там же).

Психология толпы является предметом обсуждения в военной психологии на протяжении всего рассматриваемого нами периода. А. Зыков в книге «Как и чем управляются люди», одной из первых социально-психологических работ, посвященных военной психологии, писал, что психология народа, масс, толпы, групп людей резко отличается от психологии отдельных личностей, ее составляющих, хотя в толпе не проявляется никаких новых качеств, не присущих отдельным лицам. «Социальное целое есть нечто иное, чем арифметическая сумма единиц» (Зыков, 1898, с. 54).

Народ, взятый в массе, обладает некоторыми свойствами, которые индивид в отдельности не имеет. Размышления идут следующим путем: каждый человек имеет нечто общее людям данной эпохи, данного народа, группы. В соотнесении с его личными свойствами эти качества не столь значительны, даже ничтожны. В толпе, суммируясь, они приобретают первенствующее значение. «В толпе сумма бесконечно малых дает конечную величину, а разность конечных — бесконечно малую. Таким образом свойство, ничтожное в отдельном человеке, которое в силу этого признается несущественным, может приобрести в толпе первенствующее значение» (там же, с. 57). Отсюда следует и объяснение особенностей толпы. Способности, высокий уровень мышления — достояние немногих, общим же для всех являются инстинкты. Вот в чем, по мнению Зыкова, причина того, что толпа по преимуществу инстинктивна, что деятельность ее обычно жестока и кровава, безрассудна.

Такого же мнения о причинах, вызывающих характерные свойства толпы, держался и профессор

Академии генерального штаба Н. Н. Головин. Он также считал, что в толпе сознательная личность теряется, моральные и умственные особенности индивидуума исчезают и он оказывается частицей целого, обобщающим элементом становится не разум, но чувства и инстинкты. Общие свойства людей, объединяясь в толпе, делаются более заметными, чем индивидуальные особенности каждого человека. В этом заключается действующий в толпе психологический закон духовного единства. Принимается им, со ссылкой на Сигеле, и другой психологический закон коллектива: интенсивность возбуждения возрастает в прямом отношении к количеству лиц, которых оно коснулось в одном месте и в одно время (Головин, 1907). Основное свойство индивида в толпе — увеличенная эмоциональность и уменьшенная рассудочность.

В психологическую характеристику толпы военные психологи включали пять свойств:

- 1) впечатлительность;
- 2) простота в борьбе мотивов;
- 3) сила поступков превосходит сумму ее составляющих;
- 4) под действием психического заражения каждый из членов толпы может совершать действия, невыполнимые в одиночку;
- 5) устойчивость настроения при частичном изменении состава.

А. С. Резанов «психологической толпой» называл «собрание неопределенного количества лиц, находящихся под действием одних и тех же возбудителей, вследствие чего такое собрание характеризуется упадком волевой деятельности индивидов и развитием бессознательного подражания, при повышенном состоянии внушаемости» (Резанов, 1910а, с. 4).

Понятие психологической толпы в то время широко использовалось в военной психологической литературе. Это понятие предполагало элементарную организацию, обязательное присутствие вожака, объединяющего толпу для действия. Этим толпа, отмечает Резанов, отличается от скопа, хотя обычно уже скоп называют толпой. Но «толпы без вожаков не бывает; это — основной закон коллективной психологии. В организованной толпе, при единстве времени и места, замечается образование единого сознания и единой воли, что принято называть коллективной душой» (там же, с. 6). Армия представляет собой корпорацию, т. е. «психологическую толпу, рассеянную в пространстве, но сохранившую единство сознания и воли составляющих ее лиц, благодаря преднамеренной постоянной организации и прочной иерархии начальников» (с. 7).

Вопрос о «психологической толпе» занимал и Г. Е. Шумкова, но он не соглашался с определением Резанова, находил его неполным, потому что не было определено, какой же психический процесс объединяет людей, какое объединяющее настроение или чувство превращает разнородную толпу в «психологическую толпу». Шумков писал: «В силу каких психических свойств индивидуума наступает в толпе явление, когда мысли, чувства и действия всех людей бывают однородны и спаивают разнородную массу-толпу людей в толпу „психологическую“, т. е. однородно настроенную в умственных стремлениях, чувствованиях и действиях?» (Шумков, 1914а, с. 27). «Чем отличается толпа людей, механически соединенных, от толпы людей, соединенных „психологически“? — задает вопрос Шумков и отвечает: Отличается отсутствием общих интересов, отсутствием в силу этого общих поступков и действий. Но как только у группы людей начинают проявляться общие интересы с общей душевной отзывчивостью, появляются общие для всех поступки и

действия, эта группа людей объединяется „психологически“ и начинает жить по явлениям психологии масс» (там же).

Военная психология в основу исследования психологических особенностей воинской деятельности ставила бой как центральное явление этой деятельности. Этому была посвящена книга Н. Н. Головина, разделявшего многие взгляды Драгомирова (Головин, 1907). Г. Е. Шумков считал задачей военной психологии изучение деятельности бойцов во всех фазах боевой обстановки. «Изучение явлений боя, познание психики бойца во время сражений, исследование свойств и деятельности его в это время — вот центральное место для научных исследований», — писал он (Шумков, б. г., с. 18).

Об исследовании психологии воинов в боевой деятельности говорится и в ряде других военно-психологических работ (Измestьев, 1911; Полянский, 1910; Дружинин, 1910). «Исследование боя должно быть начато с изучения деятельности и свойств человека как бойца», — доказывал Головин (Головин, 1907, с. 32). Безусловно необходимо «центр тяжести исследования перенести в изучение психологии человека как бойца» (там же, с. 41). Такое изучение обязательно включает характеристику совместной боевой деятельности солдат, а значит, коллективную психологию. Ни одна из областей человеческой деятельности, полагал Головин, не представляет более благоприятные возможности для выявления коллективной психологии, чем деятельность в условиях боя. Коллективная психология должна быть наиболее военной наукой, потому что в бою господствуют ее законы.

Несомненно, Головин и его единомышленники были правы, отведя столь важную роль коллективной психологии в военном деле вообще и в первую очередь в

самом бое. Каковы же были представления о боевой деятельности с точки зрения военной психологии?

В военной психологии господствовал взгляд на прирожденность и неизменность психических свойств человека. «Может меняться оружие, а вместе с ним и формы действий, но руки, которые действуют оружием, но сердце, которое приводит эти руки в движение, вечно останутся одни и те же» (Драгомиров, 1906б, с. 436).

Важнейшим условием военных успехов является преодоление присущего человеку страха смерти. «Ведение войн требует такого влияния на поступки людей, при котором их действия идут в разрез с могущественным законом самосохранения», — писал А. Зыков (Зыков, 1898, с. 7). Инстинкт самосохранения является неременным и существенным фактором внутреннего строения боя. Элемент страха должен всегда приниматься во внимание в психологии боя. Но война преследует коллективные интересы, и одержание победы в бою требует готовности человека пожертвовать собой, личные мотивы в общей массе играют вспомогательную роль. У каждого бойца все положительные стремления объединяются одной идеей — победить противника. «Основа победного стремления бойца лежит в мотивах социального характера», — отмечал Головин (Головин, 1907, с. 51). Противоречие двух мотивов — стремления победить и стремления избежать опасности — составляет, по его определению, «драму бойца». Так в характеристике боя сталкиваются биологическое и социальное, индивидуальная психология бойца и коллективная психология воинских групп.

Бой как деятельность в психологическом плане подразделяется на три периода: начальный период, кризис и завершение. В первый период индивидуальность не поглощена массой, во второй — боец подчиняется законам единства толпы, в третий —

происходит отказ от боя одной из сражающихся сторон. Главная задача в исследовании психологии боя — определить момент возникновения «психологической толпы». Психологический механизм перехода в «психологическую толпу» заключается в понижении индивидуального уровня психических качеств бойца, преобладании инстинктов и повышении внушаемости.

Головин дает такую характеристику «массового бойца» — члена «психологической толпы». «Массовый боец» имеет особые свойства, вытекающие из свойств толпы. Импульсы, которым повинуются «массовый боец», будут ли они героическими или трусливыми, всегда сильнее личных интересов бойца, его личных побуждений. При этом он стремится немедленно воплотить в действие полученное возбуждение, отражает все перемены внешних сил, может переходить от одного действия к другому, совершенно противоположному, и неспособен проявлять настойчивую волю. Он подчиняется впечатлению минуты и ему свойственны преувеличенные чувства и тенденция к крайностям. Он способен и к гораздо большему мужеству, и к панике. В его действиях особое значение приобретают традиции, привычки, являющиеся следствием социальных факторов — условий социальной жизни, народного характера. Свойства «массового бойца» таковы:

1) импульсивность — немедленное воплощение возбуждений в действия;

2) сила чувств и тенденция к крайностям превращают чувство мощи в веру в свое могущество, чувство страха — в панику;

3) податливость внушению — передача чувств от одного человека к другому;

4) легковерие, предрасположение к иллюзиям и болезненно развитое воображение.

Эти свойства ставят особые условия для деятельности «массового бойца».

Весь процесс боя, вся боевая деятельность есть область явлений коллективной психологии. Однако в ходе этой деятельности меняется соотношение индивидуального и коллективного в психологии бойцов (под коллективным подразумеваются толпа и ее психологические свойства). Во втором периоде боя — кризисе — в зависимости от его разрядки предрешается исход: победа или поражение. Здесь из свойств «массового бойца» и в зависимости от управления боем возникает героизм, ведущий к победе, или развивается чувство страха, переходящее в панику или отказ от боя. Управление боем означает подчинение масс его целям и использование психологических свойств «массовых бойцов» для победы над врагом.

Исследуя психологию боя, Головин писал, что в ходе самого боя, когда рассудочность бойцов уменьшается, управление должно обращаться непосредственно к чувствам. Наиболее верный путь — дать бойцу почувствовать поддержку его соратников, уверенность в своих силах, что достигается проявлением солидарности. Важно «экономить духовные силы бойцов», «сберечь» войска от впечатления опасности. Средство, в значительной степени парализующее влияние инстинкта самосохранения, «есть деятельность бойца, т. е. привлечение бойца к активному участию в бою» (там же, с. 109). «Не только надо стараться быть сильнее, чтобы наступать, но также надо наступать, чтобы быть сильнее» (Зыков, 1898, с. 199). Производимые поступки имеют обратное влияние, рождая эмоцию деятельности, которая вызывает усиление чувства мощи, а следовательно, непосредственно повышает, говоря словами Головина, «победное стремление бойца». В психологическом

отношении можно установить следующие условия искусства ведения боя:

- 1) деятельность,
- 2) солидарность,
- 3) внезапность,
- 4) экономия духовных сил.

О том, как изменяется психология солдата в массовом действии, писали все, кто обращался к воинской психологии. Они отмечали, что под воздействием массы чувство долга увеличивается и превращается в моральный двигатель, который господствует над духовным складом отдельных лиц. «Колебания и малодушие некоторых субъектов исчезают под воздействием массы» (Ухач-Огорович, 1911а, с. 195).

В военной психологии употребляется понятие «прибежище отчаяния», когда воины решаются на самое невозможное и «предерзостное», когда воля берет верх над всеми чувствами и ведет по пути, казалось бы, невозможному, но приводящему к успеху. Самооценка в воинской части выступает как коллективная совесть, направляющая к героизму.

Военными психологами была сделана попытка провести конкретное психологическое изучение боя. Г. Е. Шумков, более двух лет пробывший в действующей армии во время Русско-японской войны в качестве врача, вел там психофизические и психологические исследования солдат и офицеров в условиях боевой деятельности. Вернувшись с фронта, он на основании собранных материалов — собственных исследований, наблюдений солдат и офицеров во время сражений и в период затишья, записей рассказов участников войны — задумал написать книгу «Психика бойцов во время сражения». Вышел первый ее выпуск, в котором были даны общее введение, обоснование метода и систематизация материала. Второй выпуск, однако, не

был издан, и результаты исследования в целом остались неопубликованными. Но в течение ряда лет в журнале «Военный сборник» Шумков помещал статьи, в которых публиковал собранные им материалы (Шумков, б. г., 1905, 1912, 1913а, б, 1914а — и).

Шумков считал, что в совместной боевой деятельности людей не возникает новых психических качеств, а проявляются уже имеющиеся у человека качества, но эти качества (вернее, их проявление) становятся общими у большинства участников боя. Поэтому он полагал, что «методом изучения бойца в бою должен быть способ исследования, дающий нам возможность отмечать: 1) что переживает боец в самом себе; 2) как проявляет самого себя в деятельности и 3) какие изменения происходят в состоянии внутренних органов (а также сосудистые и секреторные)» (Шумков, б. г., с. 34). Ссылаясь на «Объективную психологию» В. М. Бехтерева, Шумков пишет об общем методе одновременного изучения психики со стороны сознания, внешнего обнаруживания в поступках и определения состояния сосудистой системы и внутренних органов. Психологический метод самонаблюдения недостаточен, указывал он, обычно психические состояния и не помнятся. Есть только одна возможность — судить об этом состоянии по поведению бойцов, по их действиям и поступкам, и только к этим данным добавлять данные самонаблюдения и показания сосудистой, секреторной систем и сведения о состоянии внутренних органов. Однако Шумков широко пользовался беседами с бойцами и офицерами, записывал рассказы участников боев, поскольку, по его мнению, исследованию должна подвергаться личность бойца в целом. Под личностью он понимал совокупность душевных свойств человека, их организованное сочетание. Исследователю важно выяснить изменения в разных сферах психики бойца, происходящие в боевой обстановке, и их влияние на

работоспособность. Шумков восстанавливал картины душевных переживаний воинов, рассматривая какой-либо определенный момент боя. Он группировал расспросы участников сражения и располагал содержание ответов по составленной им программе, а потом обобщал полученный материал всех опрошенных участников боя. Более всего он обращал внимание на чувства и настроения бойцов и офицеров.

Шумков исследовал психическое состояние бойцов на разных этапах боя: в период его ожидания, во время сражения — атаки и затишья, наступления и отступления, после боя. Давалась характеристика эмоций страха, печали, радости и гнева. Психическое состояние описывалось с двух точек зрения — по наблюдениям офицеров и врачей. Несколько статей Шумков посвятил влиянию артиллерийского огня на психику, поведению бойцов под первым артиллерийским обстрелом.

Шумков искал начало, объединяющее людей в совместной воинской деятельности. В качестве особого самостоятельного чувства, доминирующего над всеми и объединяющего людей, он выделял чувство тревоги. На фоне этого чувства возникают и видоизменяются эмоции страха, печали, радости и гнева. Оно нивелирует индивидуальность каждого из субъектов в толпе и заставляет действовать сообща. Такой ответ Шумков дает на поставленный вопрос: какой психический процесс изменяет личность в боевой деятельности и из самостоятельной превращает ее в часть общей — «массовой».

«Чувством, объединяющим индивидуальности разных настроений и характеров, чувством, стирающим особенности личностей и превращающим человека как бы в один для всех людей шаблон, является, по нашему мнению, чувство тревоги», — писал Шумков (Шумков, 1914а, с. 89). Именно чувство тревоги, захватывая человека, стирает

его индивидуальные особенности и выявляет общие для всех членов данной психологической толпы особенности.

Характеристика чувства тревоги со стороны сознания, функций органической жизни и со стороны движения позволяет говорить об определенном психофизиологическом комплексе этого чувства. По описанию Шумкова, чувство тревоги отличают со стороны умственной сферы концентрация мыслей на предмете тревоги, понижение критической способности и повышенная внушаемость. При этом наблюдаются подвижность настроения, изменчивость чувств, нетерпение, обнаруживается стремление к сплочению, к коллективным поступкам под руководством вожаков.

Чувство тревоги, которое испытывают бойцы перед боем, влияет на их психику. Их мысли сосредоточены на предстоящем бое, что отвлекает их внимание от всего остального, внушаемость резко повышается, критическое отношение к событиям понижено. «Вместе с такими мыслями, с таким односторонним, обострившимся вниманием, с повышенной внушаемостью и детской доверчивостью, настроение бойцов крайне подвижно, неустойчиво и легко меняется» (там же, с. 91). Общая заинтересованность в исходе боя вызывает общие настроения или чувства: «коллективная радость», «коллективная печаль». «В силу общих совместных коллективных чувств или настроений у находящихся в тревоге появляются коллективные же поступки и действия, по крайней мере в простых проявлениях: идти, достичь, разрушить, удалиться.» (с. 92). Через чувство тревоги и происходит психологическое сплочение толпы. Нетерпеливость, повышенная подвижность, стремление к определенности и к действию скопом или коллективно выдвигает личность вожака, который становится выразителем общих мыслей, чувств и действий толпы. В

военном деле, особенно в бою, роль вожака выполняет начальствующее лицо, которое имеет уже выработанные приемы руководства.

Таковы были выводы, к которым пришел Шумков в отношении массовой психологии. Выводы были основаны на изучении воинских подразделений, действующих в боевой обстановке. Однако Шумков считал возможным распространить их на познание психологии масс в целом. «Чувство тревоги, — писал он, — есть тот психологический цемент, при помощи которого люди, даже разных душевных свойств, могут объединяться „психологически“ с наличием однородных мыслей, чувств и действий». «Без наличия чувства тревоги не может произойти в людях объединения в „психологическую толпу“» (с. 94). Более того, Шумков полагал, что изучение психофизических свойств людей, испытывающих чувство тревоги, открывает пути к научному познанию психологии масс.

В период между Русско-японской и Первой мировой войнами в Петербурге при Обществе ревнителей военных знаний действовал отдел военной психологии, которым руководили Г. Е. Шумков, В. Я. Анфимов, врачи-психиатры, ученики В. М. Бехтерева. Отдел составил и в 1909–1910 гг. разослал участникам Русско-японской войны анкету, которая содержала ряд вопросов об их душевном состоянии во время сражений.

В обращении к тем лицам, кому посылалась анкета, а это был офицерский состав, писалось: «Русско-японская война еще раз с очевидностью показала, что для успеха на войне и для понимания бойца как личности необходимо детальное знакомство с психологией бойца. Собранный воедино и разработанный лицами, посвятившими себя изучению психики бойца, ценный опыт участников войны даст возможность проложить правильные пути к той темной и неизученной области, которую называют психологией боя. Раз только

возникнет психология боя, то явится возможность рационально изменить некоторые условия быта, воспитания и обучения войск» (Дружинин, 1910, с. 2). Вопросы анкеты касались психического состояния участников боя: что чувствовал сам заполняющий анкету и что заметил он у других в то же время. Обращалось внимание на то, как и чем был вызван стихийный порыв вперед, а если была паника во время боя, то выяснялись причины ее возникновения и меры прекращения. Среди перечня различных чувств указывалось чувство взаимной выручки. В отношении к самому себе требовалось дать отчет о своих мыслях, настроении, чувствах, влиянии примера других, сознательности действий, влияния слухов. Выяснялось взаимоотношение людей — взаимная выручка, самопожертвование, споры, ссоры. Составители анкеты хотели также знать разницу в поведении при одинаковой обстановке в начале, в середине и в конце войны.

У нас нет данных о том, сколько пришло ответов на анкету и каковы они были. Возможно, специальный поиск в архивах обнаружит материалы, поступившие по анкете в Общество ревнителей военных знаний. В военно-психологической литературе мы не нашли публикаций результатов исследования. Единственной в своем роде является книга К. Дружинина, представляющая пространный ответ на предложенные анкетой вопросы (там же). Книга эта типична для досоветской военной психологии — ее писал кадровый военный, полковник, участник Русско-японской войны, занимавший кафедру разведывательной деятельности в Академии генерального штаба. Специальной психологической подготовки он не имел и делился своими соображениями на основе практики военного дела. Много места у него заняли размышления о причинах неудач русских войск в минувшей войне (несчастной, по определению автора), резкая критика

руководства русской армии. Автор пользуется возможностью сказать о недостатках всей системы военного дела царской России начала века. Он разбирает кровавые уроки прошедшей войны и обличает высшее командование, беспощадно обличает руководителей военных операций, говорит о безобразном общем руководстве боем, о том, что игнорировалось всякое управление — войска сознавали, что дело шло бестолково и плохо. В этом контексте специальных вопросов военного дела и разбирались психологические наблюдения, в которых оказывались теснейшим образом связанными личность бойца, его поведение в бою и психология воинской массы, больших и малых воинских подразделений.

Подробнейшие ответы, которые давались в указанной книге на вопросы анкеты, содержали главным образом обобщение офицером его военного опыта, боевой деятельности на ряде участков фронта. Он давал психологическую характеристику боевой деятельности масс в разных условиях.

Дружинин писал о роли настроения масс в успешном наступлении и значении в подъеме настроения успехов предшествующих дней. Прошлые поражения рождают угнетенное настроение, доходящее до отказа от боя. Господствующее настроение связано также с удачами или неудачами на соседних участках, с психологическим состоянием, вызванным оборонительным боем, отступлением.

В своем стремлении возможно полнее рассказать о психологии участников боя автор поднимает дополнительные вопросы о действиях бойца в больших и малых группах и в одиночку. Он пишет о психическом состоянии разведчика, выясняя, как и в чем проявляется разница действий в массе и действий в одиночку, каковы тут психологические особенности. «Разведывательная служба требует от ее исполнителей

проявления наивысшей военной доблести и особенной сознательной честности в отношении исполнения своего долга» (там же, с. 32). Причина в том, что в бою в массе бойцов успокаивающим и поддерживающим психику фактором является близость товарищей (их поддержка, взаимная выручка). Потеря связи со своей частью при дальней разведке требует стойкости. Только специальное воспитание и образование облегчает разведывательную деятельность, действия в одиночку или малыми группами.

Трудность разведки, помимо ее задач, которые рождают психологическое состояние тревоги в силу неопределенности условий выполнения этих задач, состоит в том, что резко изменяется сама деятельность: взамен совместного коллективного боевого действия большими группами и подчинения общему командованию — самостоятельные одиночные действия и сознание этого одиночества.

Противопоставление боевой деятельности больших подразделений и одиночек или малых групп выявляет психологические особенности массовой деятельности, позволяющие обретать в совместном бою мощь и стремление к победе.

Дружинин делится своими мыслями об изменении отношений воинских масс и полководцев по мере развития способов связи. Инициатива решительных ударов переходит к командирам сравнительно небольших войсковых групп. В будущих сражениях, по его мнению, решительный момент не будет достигаться по мановению полководца, а явится результатом общих усилий и постепенной победы в разных пунктах поля сражения.

Специальному исследованию подверглась паника. П. И. Измestьев после неудач Русско-японской войны, когда явления паники в русской армии под Ляояном и Мукденом нельзя было уже замалчивать, дал сводку

фактов паники на войне за 100 лет, чтобы показать некую закономерность явлений паники на войне.

«Паника — дело инстинкта самосохранения», — писал Измestьев (Измestьев, 1911, с. 25). Развивается она под влиянием подражания, которое на войне действует с непреодолимой силой. «Паника всегда была, есть и будет», — утверждал он, сводя панику к биологическому инстинкту страха (с. 26–28). Измestьев стремился оправдать начальников, на которых падала ответственность за панику. Психология тут выполняла роль, нередко ей поручаемую, — заслонить общественно-историческую детерминацию явлений естественнонаучной.

А. С. Резанов считал, что панике подвержены «всякого рода коллективности»: армия, толпа, скоп (т. е. толпа, не имеющая вожака) и, наконец, животные. «Паника есть психологическая зараза, эпидемия страха, охватившая массу индивидов и принявшая наиболее сильное выражение, так как в коллективностях все элементы выражаются значительно интенсивнее, чем в отдельных лицах» (Резанов, 1910б, с. 158). Предупреждение паники производится посредством внушения собственной силы, слабости противника и безопасности положения отряда. Ранее говорилось о том, какая важная роль в управлении армией отводилась внушению.

Психологический анализ роли фортификаций в бою, данный Полянским (Полянский, 1910), привел к неожиданным выводам. Речь идет о влиянии закрытий и преград на психику бойца в боевой деятельности. Как и в других работах по военной психологии, главным предметом исследования в данном труде явились особенности массовых действий. Присоединяясь к Головину в его утверждении, что нельзя изучать деятельность и свойства человека как бойца вне факторов боя, точно так же как невозможно изучение

факторов боя, обуславливающих деятельность человека в бою, не изучая в то же время самого человека, Полянский к факторам боя относит, во-первых, средства поражения и, во-вторых, средства закрытий и преград. Его задача — исследование влияния средств закрытий на деятельность человека в бою. По его терминологии, это «философия фортификации». Ее цель — парализовать или уменьшить действие вредных факторов боя для своих войск и создать вредные факторы для неприятеля. Автор ставит психологическую задачу — выяснить влияние средств закрытия на психику воинских групп. Его соображения опираются на практику военного дела, на опыт военных действий. Суть их такова. Опасность порождает эмоцию страха, которая проявляется в том, что люди стремятся укрыться от противника. Человек, укрытый от взоров неприятеля, считает себя в достаточной степени укрытым и от выстрелов. Действие в массе еще более усиливает стремление к укрытию. Возникает иллюзия, в результате которой люди, даже при том условии, что они несут такие же потери от огня, как и без закрытия, сохраняют большее спокойствие духа, а это повышает боевую работоспособность. Отличая «индивидуума толпы» как индивидуума, приобретающего новые свойства, автор утверждает, что эмоциональность в коллективе особо возрастает. Надо помнить, что все рассуждения об условиях боя ведутся в годы, предшествующие Первой мировой войне, когда авиация только нарождалась, и лишь в качестве прогноза говорится о «летучем противнике» и о том, что придется учитывать новые условия закрытия.

Развивая мысль о положительном значении фортификации, автор неожиданно переходит к характеристике ее отрицательной роли. Дело в том, что практика показала: отсутствие деятельности у бойцов, находящихся за закрытием, начинает через некоторое

время вредно влиять на их психику, усиливая чувство самосохранения. Закрытие приносит пользу, только будучи сопряжено с активной деятельностью, с наступательным боем.

Оценка влияния деятельности на психическое состояние бойца в данном конкретном исследовании подтверждала положение военных психологов о роли деятельности в психическом состоянии бойца во время боя.

Общий вопрос, который стоял перед военной психологией, был сформулирован А. Зыковым в названии его книги «Как и чем управляются люди: Опыт военной психологии» (СПб., 1898). Автор, и это показательно для военной психологии, не следовал какой-либо одной психологической теории, а эклектически сводил разные сведения, имевшиеся в отечественной и зарубежной психологической литературе: ассоциативная теория в ее традиционной трактовке сплеталась у него с принципами сеченовского психологического учения. На поставленный вопрос о том, каковы средства психологического воздействия на человека, находящегося среди других людей, Зыков отвечал: управление массами базируется на аффективной психологии, проводником воздействий является прежде всего аффективная сфера психической деятельности человека, а не познавательные процессы. Чтобы каждая возбуждаемая в массах идея могла вызвать желательный поступок, она должна сопровождаться положительным чувственным тоном, пишет Зыков, употребляя терминологию своего времени. Воздействие учитывает разнообразные чувства человека, включая восприятие обращенной к нему речи и восприятие человеком собственных движений и движений окружающих его людей. Среди всех воздействий речь занимает особое место. Слова непосредственно передают и утверждают идеи, при этом они сочетаются

с мимикой, интонацией и жестами, которые передают чувственный тон, настроение. Следовательно, идет двойная передача, что облегчает совершение поступка. В воздействии на массу побеждают простые идеи, утверждал Зыков, следуя взгляду, что поступок побуждается наиболее яркой идеей, а для толпы такой идеей будет самая простая, потому что ее усвоит наибольшее количество людей, сложные же — лишь отдельные люди.

Армию от толпы отличают организация воинских масс, строгая иерархия военачальников. Одним из средств управления людьми в армии является строй: он уменьшает напряжение, испытываемое человеком в толпе, так как в строю ограничивается число лиц, от которых человек получает впечатление путем осязания, зрения и слуха. Ощущение двух соседей — справа и слева, интервал между рядами снимают влияние движений малого размаха. В строю запрещены разговоры, восклицания, движения, которыми передаются чувства и настроения. Строй упорядочивает поступки людей и управление ими, воспитывает порядок, единство и подчиненность. Таковы психологические выгоды строя.

Психологическая характеристика войска в своей основе заключает противоречие. На долю войска в войне приходится лишения, труд, болезни и смерть. Все эти явления имеют, указывал Зыков, отрицательный тон. Но война требует деятельности, а деятельность требует положительного чувственного тона. Задача военачальников — создание единого деятельного настроения воинской массы.

В конце прошлого века широко обсуждался вопрос о роли внушения в общественной жизни. Военные психологи видели во внушении одно из средств воздействия на солдатскую массу. А. С. Резанов писал о том, что если внушение признается основной силой,

действующей в толпе, то условия жизни солдат, которых приучают к повиновению и у которых вырабатывают привычку к подражанию и автоматизму, способствуют действию на них внушения, поэтому военачальник всегда должен иметь в виду состояние внушаемости у своих подчиненных. «Воинская дисциплина является внушаемостью, направленной к восприятию и развитию команды или приказанию начальства», — писал Резанов (Резанов, 1910а, с. 54). Для суждения о дисциплинированности солдат он предлагал объективный метод — исчислять процент склонных к внушению солдат. Высокий процент будет показывать высокую дисциплину. В воинском воспитании внушение он считал основным педагогическим методом. «Повседневное неизменное внушение имеет важное социальное значение, определяя нравственный капитал масс» (там же, с. 56). «Слепое повиновение составляет сущность внушаемости: отсюда вытекает, что воинская дисциплина может быть основана только на принципе совершенного повиновения начальнику, как говорит устав внутренней службы» (с. 58). Строй позволяет искусственно комбинировать внушаемость толпы, достигая удобоуправляемости ею, как отмечал Резанов. Сила внушения — одно из качеств, нужных полководцу. «Чтобы владеть массами нужно, подобно гипнотизеру, внушать им свою волю, действуя на чувство путем повеления, повторения и примера» (с. 94). С силой внушения и воздействия на толпу связано такое качество, как обаяние вожака, полководца. Оно опирается на чувство господства данного лица, которое не терпит критического отношения.

И создание единого настроения, и формирование традиций происходит в процессе общения людей. Зыков пишет, что приемы общения начальников с подчиненными должны позволять объяснить войску цели, идеи, смысл военных операций. В общении

достигается «одинаковость» ощущений и идей. В пример ставится практика общения Суворова с армией, искусство его речей и приказов. Суворов рассылал армии свой «катехизис» с приказанием читать его солдатам, устанавливал единые правила общения по всей иерархии начальников. «Всякое слово, всякую мысль, иногда поверх промежуточных инстанций, Суворов сцеплял с основным требованием: быстрота, глазомер, натиск» (Зыков, 1898, с. 198).

В качестве важного средства идеологического воздействия и управления в армии царской России выступала религия. В религии усматривался стимул для воинской деятельности, для преодоления инстинкта самосохранения. Христианское учение о бессмертии души толковалось как «увеличение объема жизни в пространстве и времени», которое переходит в абсолютные и вечные категории загробной жизни. За павшими в бою оставалась награда вечной блаженной райской жизни. «Таким образом, религиозное чувство одновременно удовлетворяет стремление к расширению жизни и уничтожает поступки, мотивированные самосохранением. Это и передает энергию воинам, одухотворенным религиозным чувством. Забота полководца сводится к поддержанию и повышению этого чувства» (там же, с. 126).

Религиозные обряды входили в структуру управления людьми наряду со строевыми мероприятиями и получали высокую социально-психологическую оценку. Обрядность как внешнее проявление религиозности эмоционально возбуждала участников боя, которому неизменно предшествовала церковная служба. Вместе с армией двигались походные церкви и их служители. Религия использовалась как средство объединения солдат с их начальниками и вместе с тем как средство, поднимающее авторитет начальников, ведь им приписывалась роль исполнителей

божьих предназначений. В книге И. А. Ухач-Огоровича «Военная психология» первая глава общей части, названная «Учение о мироздании», провозглашая официальную религиозную доктрину, утверждала, что «вера в бога и религию составляют врожденную психическую потребность человека», а христианство описывалось как завершение союза человека с богом. Тут же объяснялось, что «атеизм составляет явление в высокой степени ненормальное; составляет особую форму душевной болезни» (Ухач-Огорович, 1911а, с. 8), что необходимо принять религиозное учение о душе как божественной силе, вложенной в человека при его творении богом. Выводы Ухач-Огоровича отвечали социальному заказу самодержавия. «Для воинского чина нет войны непатриотичной или ненациональной, для него существует только знамя и воинский долг добросовестно сражаться, совершенно устраняя вопрос, ради чего ведется война. Не дело армии рассуждать: национальна война или нет; ее дело идти в бой, когда повелят, и одерживать победы» (там же, с. 41).

Социально-психологическая характеристика таких чувств, как патриотизм и национализм, получает ярко выраженную идеологическую направленность. «Патриотизм — это любовь к отечеству, под коим в наши дни надо понимать государство», он является «моральной платой за блага, получаемые от государства». Входя в состав государства, разные народы подчиняются покорившему их народу на почве патриотизма. Национализм совпадает с патриотизмом у господствующей нации и противоположен патриотизму у подчиненных народов, а потому, являясь посягательством на целостность государства, должен быть уничтожен.

Общая идея закономерности и неизбежности войн вводилась в армию всеми способами. Однако одним из обстоятельств, которые приводили военных деятелей к

психологии, была несостоятельность идеи необходимости войн при ее пропаганде среди солдатских масс. После Русско-японской войны о сочувствии этой идее никак не приходилось говорить, оставалось признать, как и сделал Головин, что война эта была «чужда массовому русскому бойцу».

Безликая толпа, о которой шла речь в 1890-х годах, постепенно все более и более дифференцировалась. В условиях подготовки первой русской революции и ее осуществления возник и приобрел актуальность вопрос о взаимоотношении армии и той толпы, которая выступала в революционных действиях. Военные юристы занялись квалификацией преступных действий революционной толпы и мерами ее наказания (см. главу 2). Военные психологи поставили вопрос о том, каково же отношение воинских подразделений и толпы «на психической почве». Одна из глав «Военной психологии» Н. А. Ухач-Огоровича была выпущена в 1911 г. отдельным изданием под названием «Психология толпы и армии». Предисловие автора весьма выразительно. «В настоящее время, — писал он, — толпа принимает деятельное участие в государственной жизни. Воинским же чинам приходится часто иметь дело с толпою. Вот почему считается полезным изложить означенные вопросы в отдельной брошюре с целью выяснить психологию обеих сторон» (Ухач-Огорович, 1911б, с. 5).

Армия, по определению Ухач-Огоровича, представляет организованное собрание людей «вполне дисциплинированных». Толпу он относит к виду собраний, состоящих из разнородных лиц, не имеющих организации и дисциплины. Кроме этого вида собраний, он различает: государственные, действующие по законам, правилам, инструкциям; общественные, не имеющие организации, но подчиняющиеся заранее установленным правилам; преступные, которые имеют организацию и дисциплину, но не разрешены законом

или установленной властью. Государственные и общественные собрания могут превратиться в толпу, если собрание потеряет свою организацию и дисциплину. Последний вид собраний враждебен государству, и их участники несут ответственность за свою деятельность. К числу таких преступных собраний Ухач-Огорович относит «собрания анархистов, социалистов, разбойников, воров и прочих» (Ухач-Огорович, 1911а, с. 9).

По отношению к толпе Ухач-Огорович руководствуется положением, что «у всех народов, во все эпохи толпа признавалась за явление уродливое, нарушающее нормальную жизнь государства», поэтому «толпа и ее деятельность составляют государственное зло, нарушающее нормальную жизнь народа; зло это необходимо предупреждать и уничтожать» (там же, с. 171-173). Следовательно, изучение толпы, выяснение ее основных свойств имеет практическое значение, коль скоро с ней надо бороться как с государственным злом. Надо ли говорить, что автор книги «Психология толпы и армии» имел в виду прежде всего революционную толпу и меры борьбы с нею. Революцию он оценивал как губительные действия толпы, «по природе своей неспособной к созидательному творчеству». Выводы следовали определенные: «Такой характер деятельности составляет нравственную обязанность вызывать войска для обуздания толпы, составляет нравственное основание действовать силою оружия, дабы остановить зло, грозящее всенародным бедствием» (с. 175). Военной психологии, согласно уверениям преданного самодержавию автора книги, поручается социальная роль — научное оправдание мер, принимаемых для сохранения общественного порядка, общественных отношений. Сперва происходит угроза оружием, если толпа не расходится — воинская часть «нравственно обязана» восстановить порядок силой

оружия. Однако, признается Ухач-Огорович, военная организация и дисциплина не всегда оказываются в силах противостоять толпе. Если толпе удастся расстроить ряды войск, нарушить их организацию, воинская часть выходит из подчинения. Опытные вожаки, заявляет автор, знают это и используют эту особенность, налаживая общение с воинами. Ревнитель охраны государственного порядка, Ухач-Огорович дает рекомендацию: «Безусловно, необходимо держать толпу на некотором расстоянии от части. Тогда создается пропасть морально непроходимая, весьма выгодная для дела» (с. 176).

За рассуждениями данного автора явно скрывалось опасение, что удержать порядок и настроить войска против толпы далеко не просто, несмотря на воинскую дисциплину. Вред тут в «противогосударственном учении» и «общественном мнении», недаром Ухач-Огорович ввел в свою книгу специальный раздел о том, как противодействовать учениям и общественному мнению, которые направлены на разрушение верноподданнических устоев и потому являются преступными.

Развитие военной психологии в России происходило в годы подготовки и осуществления первой русской революции, ее подавления, новой волны революционного движения и грянувшей мировой войны. Социально-психологические проблемы военной психологии претерпели коренное изменение в бурных событиях наступившей Великой Октябрьской социалистической революции и по-иному встали перед военной психологией в советский период.

Глава 4

Этническая психология

Начало социально-психологических исследований в России было связано с этнической психологией (см. подробнее: Гаджиев, 1982; Душков, 1981; Королев, 1970, 1975, 1979). Исторические условия общественного развития России вызвали ряд особенностей в постановке и решении проблем этнической психологии в нашей стране.

Интерес к народной психологии имел свою почву в России, хотя он был явлением, рожденным в XIX в. общим ходом развития романтизма — движения, захватившего в первую половину века Европу и Америку и получившего отражение во всех областях духовной культуры. Идея народности, волновавшая общественно-политическую и научную мысль, литературу и искусство 1840-х годов, получала разное толкование: с одной стороны, в официальной теории народности, с другой — в революционно-демократических кругах. Официальная теория народность связывала с самодержавием и провозглашала формулу: православие, самодержавие, народность. Народность объявлялась неразрывно связанной с официальной религией и с существующей политической системой. Это была народность крепостного права, идеологическое обоснование системы помещичьей власти.

В официальной теории борьба за народность была борьбой за особое место русского государства, к которому неприменимы требования и стремления европейской жизни. Ее политические задачи заключались в защите интересов царизма, оправдании колониализма и эксплуатации национальных меньшинств. В середине XIX в. проблема народности

была одной из главных в идейной борьбе революционной демократии против идеологии самодержавия, и вопросы психологии народов включались в эту проблему. Революционные демократы вопросы психологии народов ставили в связь с революционным движением. А. И. Герцен писал: «не зная народа, можно притеснять народ, кабалить его, завоевывать, но освобождать нельзя» (Герцен, 1959, с. 77). У Белинского, Чернышевского, Писарева немало высказываний о национальном характере различных народов, об их особенностях и о факторах, определяющих формирование этих особенностей. Революционные демократы выступали против теории расовой обусловленности национальных различий и развивали мысль о том, что психологические особенности всех народов определяются исторической обстановкой.

Народная психология примыкала в своем зарождении к этнографии, языкознанию, фольклористике, которые, в свою очередь, переживали тогда период своего самоопределения. Нерасчлененность этих областей знания и их взаимопроникновение были очень характерны для того времени, и ею обуславливался ряд черт в новых направлениях научного знания. По мере самоопределения психологии, по мере того, как она завоевывала себе положение среди других наук, происходит ориентация на нее как «объясняющую» науку со стороны и языкознания, и этнографии, подобно тому как это наблюдалось и в других научных дисциплинах, занимающихся человеком.

Интересу к народной психологии способствовали также следующие обстоятельства. Уже в 20–30-х годах XIX столетия ряд русских кругосветных экспедиций собрал большой научный материал о культуре многих народов. Экспедиции, снаряжавшиеся Академией наук, начиная с XVIII в. также привозили с Севера России и из

Сибири разнообразный материал. Для разработки материалов экспедиций и дальнейшего изучения страны в 1846 г. было учреждено Русское географическое общество.

Создание общества было связано с выполнением не только и даже не столько научных, сколько социальных заданий. В программу общества входило всестороннее изучение России — ее географии, природных богатств и народов, ее населявших. Одной из главных задач было изучение русского крестьянства для решения вопроса о крепостном праве. Царское правительство нуждалось и в сведениях о народах Сибири, Средней Азии, Кавказа — это диктовалось колониальной политикой.

Русское географическое общество по замыслу правительственных чиновников, руководствуясь официальной теорией народности, должно было определить отличительные черты русского крестьянства, связать их с образом жизни народа и прийти к выводу о противопоказанности революционных перемен в его жизни — таков был социальный заказ. Однако дело обернулось иначе. Создание общества отвечало запросам передовой общественности, стремившейся направить изучение страны на пользу освободительному движению. Русское географическое общество, организовав свои отделения во многих городах, становится центром, объединяющим научные силы и привлекающим к своим исследованиям прогрессивную демократическую интеллигенцию. И это обстоятельство накладывает отпечаток на деятельность общества. Такой двойственностью отмечена и деятельность этнографического его отдела, в котором организуются этнопсихологические исследования.

Этнографическое отделение возглавил академик К. М. Бэр, членами его были Н. И. Надеждин, К. Д. Кавелин и И. И. Срезневский. У них были большие планы. На одном из первых заседаний общества

К. М. Бэр в своей речи «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности» сказал, что одной из задач этих исследований является изучение способов жизни, умственных способностей народа, нравов, религии, предрассудков, языка, сказок, песен, музыки (Бэр, 1849).

Н. И. Надеждин, горячо поддерживая К. М. Бэра, призывал к развитию национальных начал общества, отстаивал мысль о самобытности России и об особом месте русского народа среди других народов. Занимавшийся историей и правоведением К. Д. Кавелин также настаивал на тщательном изучении духовной жизни народа, полагая в этнографии и народной психологии найти материал для построения истории. Этим определялся его интерес не только к народной психологии, но и к психологии вообще.

Задолго до вундтовской идеи создания психологии народов (В. Вундт в 1886 г. напечатал статью о целях и путях этнической психологии и потом выпустил свой труд «Психология народов») К. М. Бэр, Н. И. Надеждин, К. Д. Кавелин и другие члены этнографического отдела общества сформулировали в 1840–1850-х годах основные принципы этнографической науки, и в том числе «психологической этнографии» (другими словами — этнической психологии), которые и стали проводиться в жизнь Русским географическим обществом. Европейская этнография была рождена позже, в 1870-х годах, трудами Г. Спенсера, Э. Тейлора, Д. Леббока и других ученых.

К. Д. Кавелин писал о том, что нужно стремиться к определению характера народа в целом путем изучения отдельных его психических свойств и их взаимосвязи. Народ, считал он, «представляет такое же органическое существо, как и отдельный человек. Начните исследовать отдельные его нравы, обычаи, понятия, и остановитесь на этом, вы ничего не узнаете. Умейте

взглянуть на них в их взаимной связи, в их отношении к целому народному организму, и вы подметите особенности, отличающие один народ от всех прочих» (Кавелин, 1900, с. 42).

У Кавелина была своя программа развития этнографической науки, в которой он следовал принципам романтизма и идеализма. Ряд выдвинутых им положений намного опередили свое время, в том числе метод психологического исследования духовной стороны человека по продуктам духовной деятельности — памятникам культуры, верованиям, фольклору. Кавелин высказал эти свои мысли много раньше В. Вундта, положившего такие идеи в основу своей психологии народов.

На одном из первых заседаний Русского географического общества, в ноябре 1846 г., Н. И. Надеждин выступил с пространной речью «Об этнографическом изучении народности русской». Он заявил, что наука о народности должна подмечать и описывать все собственно русское в своем «складе и быте, в своих способностях, расположениях, потребностях и привычках, в своих нравах и понятиях» (Надеждин, 1847, с. 62–63). В программу этнографической работы должно входить изучение материальной и духовной культуры народа, его психических качеств и общего психического склада.

Надеждин выделил три области исследования. «После языка, выражающего собой, как объяснено, целость человеческой природы, внимание этнографии естественно должно обращаться порознь на обе составные ее стихии, то есть „телесную“ и „духовную“, и каждую из них подвергать исследованию в тех отличиях, коими запечатлеват ее народная особенность. Это составит две другие части народоописательной науки, кои можно назвать

„этнографией физической“ и „этнографией психической“» (там же, с. 72–73).

Физическую этнографию Надеждин определял как этнографию, заключенную в пределы натуральной истории. Однако он отмечал связь физических свойств с психическими. «Тут берется в рассмотрение исключительно „телесная“ сторона человеческой природы, и открываемые в ней различия полагаются в основание различению в роде человеческом „пород“, которые хотя далеко не то же, что „народности“ в собственном смысле, неоспоримо однако находятся с ними в более или менее близкой ответственности, в больше или меньше существенном соотношении. „Народы“ хотя и не то же, что „породы“, однако в различии их всегда более или менее приметно и разнообразие физическое, телесно-животное, следовательно „породное“, которое посему, хотя частью, но входит же в собственно „народное“» (с. 73).

Об этнографии психической Надеждин писал: «Под именем „этнографии психической“ я заключаю обозрение и исследование всех тех особенностей, коими в народах, более или менее, знаменуются проявления „духовной“ стороны природы человеческой, то есть умственные способности, сила воли и характера, чувство своего человеческого достоинства и происходящее отсюда стремление к непрерывному самосовершенствованию; одним словом — все, что возвышает „человека“ над животностью. Тут, следовательно, найдут себе законное место: народная в собственном смысле „психология“, или разбор и оценка удельного достоинства народного ума и народной нравственности, как оно проявляется в составляющих народ личностях. Словом — разумные убеждения и глупые мечты, установившиеся привычки и беглые прихоти, заботы и наслаждения, труд и забавы, дело и безделье, коими человек доказывает, что он живет не

только как ему можется, но как сам хочет и как умеет» (с. 77). Нужно, чтобы была описана «жизнь и образованность общественная, поколику развита народом из самого себя, религия, как народ ее себе придумал или присвоил» (с. 76).

Надеждин прекрасно понимал, что, поставив задачей изучение народной психологии, он затевает новое дело. «Нечего и говорить, что в рассуждении и „народности русской“ до сих пор ни о чем подобном не было и помышления» (с. 73). Была создана первая программа изучения тех явлений, которые сперва были обозначены как народная психология, позже стали употребляться термины «психология народов», «этническая психология». В совокупность явлений, обозначавшихся как народная психология, первоначально входило и устное творчество народа — былины, песни, сказки, пословицы; они рассматривались как проявление народной психики.

Примечательно, что Надеждин дает ряд методологических указаний, называя их «этнографической критикой». Результаты «прилежного и дозорчивого наблюдения», по его словам, «требуют еще, чтобы заслужить вполне место в науке, предварительной разработки и очистки по правилам науки» (с. 78). Что же понимал под этой «очисткой» Надеждин? Прежде всего правильное соотнесение личностного и того, что свойственно этнической общности как таковой, отличая при этом то, что присуще данной этнической общности — народу — и что заимствовано у других. Народность надо наблюдать и изучать в действительном быту народа, но народ существует в бесконечном множестве отдельных личностей, да к тому же необходимо учитывать взаимное влияние народностей, в котором происходит, как писал Надеждин, «обоюдный обмен понятий, нравов, привычек, одним словом — всех национальных

особенностей, которые, по свойственной человеческой натуре емкости, до того срастаются иногда с воспринявшими их народами, что кажутся уже не прививками и приростами, но существенными чертами их самородного, своебытного образа» (с. 79). Единственный путь решения задачи — сравнение. «Сносить и сличать между собой все отдельно наблюдаемые и замеченные в народе русские особенности» (с. 81). Успех зависит от обилия материала, его подробности, это основное условие. «Стало быть, охотники и мастера наблюдать не должны оставить без внимания ни малейшего уголка, где только чувствуется Русь, где только есть русские» (там же).

Программа комплексного этнографического исследования была реализована Надеждиным в составленной им «Инструкции этнографической»^[1]. Инструкция предлагала описывать: 1) быт вещественный, 2) быт житейский, 3) быт нравственный и 4) язык. Третий пункт включал все явления духовной культуры и среди них «народную характеристику», т. е. психический склад. Сюда же входило описание умственных и нравственных способностей, семейных отношений и воспитания детей. Народно-психологические явления предусматривались и в пункте о языке. Там же был вопрос о «народно-словесной производительности», словесных памятниках — устном народном творчестве. Отмечалось, что народное творчество характеризует народный темперамент, господствующие страсти и пороки, понятия о добродетели и правде.

Таким образом, в этнографическом отделе Русского географического общества в конце 1840-х годов было положено начало новой отрасли психологии — народной психологии. Спустя десятилетие в Германии под редакцией крупных немецких ученых М. Лацаруса и Г. Штейнталя начал выходить «Журнал народной

психологии и языкознания», который считается началом этнической психологии в Западной Европе.

В 1847 г. началось собирание материалов по программе, составленной Надеждиным. Программа, отпечатанная в семи тысячах экземпляров, была разослана во все губернии в местные отделения Русского географического общества. В 1851 г. оно получило 700 рукописей, в 1852 г. — 1290, в 1858 г. — 612 рукописей. Интерес к собиранию такого рода материалов не угасал на протяжении всей второй половины века.

В 1850 г. на очередном заседании отделения этнографии был зачитан сделанный К. Д. Кавелиным первый обзор полученного материала, собранного по программе. По словам обозревателя «Географических известий», он заключал «общую характеристику доставленных в общество по разосланной от него программе этнографических материалов о собственно-русской стихии народонаселения империи, и заметки об их многосторонней занимательности и пользе для науки» (Географические известия, 1850, вып. 3, с. 314).

Кавелин сообщал, что «усердие добровольных делателей в пользу науки превзошло ожидания. В течение трех лет поступило сюда около 400 номеров описаний из всех краев империи. Нет ни одной губернии, из которой не была бы принесена лепта в пользу науки» (там же, с. 323). Все полученные материалы могут быть разделены на две главные группы: одна представляет полное описание известных местностей, другая — подробный материал по какому-либо одному разделу программы. Эти описания Кавелин называл монографическими. Оценивая полученные материалы, он указывал: «Конечно, достоинство их неодинаково; но многие составлены весьма подробно и, как видно, с большим умением прислушиваться к народной речи и приглядываться к быту простолюдина» (с. 325).

Члены отделения ясно представляли необходимость «приготовления к печати этого обширного и важного материала». «Нельзя без особенного участия и уважения смотреть на эту громаду частных трудов, предпринятых бескорыстно, из одного усердия, и составляющих богатейшее собрание этнографических материалов едва ли не в целой империи», — заявил Кавелин (там же). Для разработки материалов «определено было ходатайствовать о напечатании некоторых, несомненно лучших описаний местностей, — вполне, из других же сделать свод» (с. 324–325).

В начавших издаваться в 1853 г. этнографических сборниках были опубликованы полностью несколько присланных рукописей. Вскоре, однако, издание сборников было прекращено. Вышло лишь четыре тома (см.: Этнографический сборник. СПб., 1853–1858, т. 1–4). Спустя несколько лет вышло еще два тома. Некоторые материалы были напечатаны в журнале «Живая старина» и в местных изданиях. Огромное собрание рукописей осталось неопубликованным и хранится в архиве Русского географического общества (Зеленин, 1914–1916). Издание не было закончено.

В собранных по единой программе этнографических материалах конкретные психологические и социально-психологические наблюдения оказывались включенными в общие описания народного быта, где сплетались изучение народной словесности — фольклора, описаний материальной культуры, народного быта, социальных отношений, языковедческие наблюдения.

Фольклорные записи в собранном материале были вскоре выделены из собраний архива и объединены в отдельные своды. Первые своды русских народных сказок, пословиц, загадок были опубликованы А. Н. Афанасьевым, В. И. Далем, М. А. Худяковым, Л. Н. Майковым. Об этих публикациях А. Н. Пыпин в «Истории русской этнографии» писал: «Это было нечто

прежде небывалое в литературе, и новый материал доставлял основу для новых исследований, о которых едва помышляла прежняя этнография» (Пыпин, 1891, с. 53).

Подобных сводов по психологическим разделам программы не было составлено. Обработка психологических данных требовала специальных знаний, тем более что записи делались по-разному. Среди собирателей были священники, учителя, помещики, вольноотпущенные крестьяне, чиновники, лекари. Все они записывали свои наблюдения по-разному, а главное, они и видели все по-разному, порою же явно стремились выделить те факты и психологические качества, которые соответствовали их представлениям о народе. Так, например, священники выделяли черты религиозности, учителя — образованность и умственное развитие и т. д.

Некоторое представление о материалах по этнической психологии, собранных по программе Русского географического общества, дают записи, опубликованные в первых двух выпусках «Этнографического сборника» и выбранные из множества других записей, сделанных в разных местах России. В третьем выпуске сборника были напечатаны материалы иного характера, составленные не по программе, а четвертый выпуск содержал записи о разных народах, населявших Россию (инородцах), и большая часть их была посвящена отдельным вопросам: народному творчеству, верованиям и т. д.

Что же записывали собиратели по психологическому разделу программы, обозначив его как «быт умственный и нравственный», «умственные и нравственные способности жителей», «умственные и нравственные свойства»? Раздел этот порой расширялся и включал «качества общежительные», «быт семейный», «обычай при разных случаях семейной жизни». Кроме того,

психологические наблюдения находились и в других разделах.

Любопытно, что, помимо утверждения превосходства описываемой этнической группы — великороссов, белорусов, малороссов, — собиратели обычно выражали уверенность и в превосходстве умственных качеств жителей той местности, которую они описывали.

О жителях сельца Васильевского Нижегородской губернии Нижегородского уезда помещик В. Бабарыкин пишет: «Превосходство умственных способностей достаточно обнаруживается в искательности, необыкновенном соображении и сметливости в торговых оборотах, расчетливости и бережливости в домашнем быту» (Этнографический сборник, 1853, с. 21). В дополнение к этим чертам отмечаются твердость в слове, знание цены времени. «Темная сторона их — недостаточная твердость семейных уз между мужем и женою, суровость в нравах, отчего сами здешние жители называют себя „злым, лютым“ народом».

По описанию другого собирателя, поселяне простодушны, доверчивы, ласковы. Есть записи о том, что крестьяне очень сметливы и рассудительны, отмечаются их нравственные качества: гостеприимство и набожность. Встречаются и иные сообщения: жители по реке Туда непонятливы, несметливы, малорассудительны, склонны к мелкому воровству, эти качества сочетаются с тем же гостеприимством, набожностью.

Священник Архангельский из села Давшино Ярославской губернии Пошехонского уезда писал о хороших умственных способностях крестьян, мотивируя свое заключение тем, что они хорошо понимают его поучения — «догматические или практические». Память, внимание, понятливость, сметливость — такими чертами он характеризует местных жителей. По словам

священника, его прихожанам присущи набожность и благотворительность.

При описании семейного быта в больших крестьянских семьях выделяются особенности взаимоотношения мужчин и женщин, взрослых, стариков и детей. Почти во всех материалах отмечается особо отношение к «общественному распорядку». При чтении записей становится очевидным, что этот пункт наиболее ярко определяет социальную позицию того, кто проводит запись, и тех, о ком пишут. Так, тот же помещик Бабарыкин сообщает, что его крестьяне обнаруживают «доверие к необходимости общественного распорядка и всякой власти: в этом последнем качестве выражаются особенно чувство оседлого зажиточного гражданина, который понимает всю важность и пользу распределения должностей или круга действий каждого, и разумно сознает, что в целом один другим поддерживается; а потому власть ближайшую и более всего оберегающую его гражданский быт, то есть господина своего, здешний крестьянин чтит глубоко» (там же).

В записях священника М. Доброзракова (село Ульяновка Нижегородской губернии Лукояновского уезда) отмечается, что поселяне уважают все общественные власти, «богобоязливы» и исполняют свои обязанности, обладают «христианскими добродетелями». Но, отдав должное добродетели, автор обращается к порокам — пьянству, игре в карты, нищенству. От психологической характеристики он переходит к социальным условиям и дает психологическое объяснение социальным явлениям. Причину неграмотности видит в преданности старине и в нелюбви к нововведениям. Мы узнаем, что из всех жителей села, исключая помещиков и духовных лиц, только шесть человек могут разбирать по складам печатные книги и кое-как подписывать свое имя.

Общественный быт разбирается этим собирателем прежде всего со стороны покорности начальству, почтительности, послушания (с. 56-57).

В другой записи обследователь мерой образованности считает «сознательную веру» и «строгое соблюдение христианских обычаев», обращение за благословением к старшим в семействе, старосте, священнику, помещику. Отсюда же следует и характеристика тех нравственных качеств, которые отличают здешний народ, — «уважение его к своей общественности, проникнутой христианскими понятиями». Эта черта и кладется автором в основание нравственной связи, «хранящей целость народного быта».

Но и такие записи, старательно приглаженные собирателями, явно старавшимися показать набожность и покорство властям местных крестьян, дают представление о бедственном положении крестьянских семей, о «слезовом кусе» хлеба крестьянина-землепашца, которым он еще делится с нищими. «Лавку в переднем углу и последний кус хлеба крестьянин всегда готов с душевным усердием предоставить нищему» (Этнографический сборник, 1854, с. 109). Об обнищании крестьянства пишет большинство обследователей и обычно рядом отмечает взаимопомощь бедняков.

В некоторых записях нет специального раздела о психологических особенностях описываемых групп населения и психологические характеристики включены в общее описание жизни крестьян. О жителях слободы Трехизбянской сообщается: «Здешний народ трудолюбив до крайности. Удиль рыбу или курить от нечего делать трубку считается здесь за порок; да мужику и подумать об этом почти некогда. Весна и лето, осень и зима, будни и праздник, день и ночь, ведро и ненастье у него проходят в непрерывной деятельности;

на всякое время и случай есть у него свои занятия» (Этнографический сборник, 1958, с. 6). Очень четко прослеживается разделение труда в семье между мужчинами и женщинами. Подробно описываются особенности семейного быта и взаимоотношения членов большой семьи, иногда доходящей до 40 человек.

В статье «Быт малоросского крестьянина», опубликованной без подписи, написано: «Характер малоросса добрый, спокойный, слегка насмешливый и не скоро забывающий оскорбление. Леня проглядывает во всех его действиях и движениях, но не та, которую придают ему досужие наблюдатели нравов народных, изучающие край из почтового экипажа, не та, о которой так красноречиво пописывают некоторые беллетристы, а лень — достояние южного климата». Последующее замечание свидетельствует о позиции самого исследователя: «Не спорю, что, может быть, класс более образованный в Малороссии и подвержен пресловутой лени, но зачем же, не зная дела, порицать доброго простолюдина?» (там же, с. 21). Исключительная черта малороссов — юмор, шутят иногда необыкновенно остроумно.

Сравнивая семейные отношения малороссов и великороссов, автор данной статьи отмечает, что здесь нет обычая править родоначальнику всей семьей. Он обращает внимание на соседские отношения, совместные работы. «Проследим вкратце жизнь малоросса, — пишет исследователь, — от колыбели до могилы, взглянем на этого крестьянина во всех возрастах, при всех условиях его праздничной и будничной жизни, при всех обстоятельствах, вытекающих из его скромного патриархального быта» (с. 29). Далее идет подробное описание жизни ребенка с первых дней. Выделены отношение маленьких девочек к младенцам и их роль в воспитании детей, так как именно они становятся няньками, от них слышит

ребенок первые слова и песенки. Ребенок рано обретает самостоятельность и, как начинает ходить, сам знакомится с окружающим его миром — не только и не столько изба, а улица, животные, лес и поля открываются перед ним.

Напечатанные в указанных сборниках записи показывают, каковы были отчеты обследователей по психологическому разделу программы. Но много психологических (и главным образом социально-психологических) наблюдений содержатся в записях по другим разделам. Это, прежде всего, описания внутрисемейных отношений, положения женщины в семье и связанные с этим черты характера и особенности поведения. Материалы были собраны в центральных губерниях России, в Белоруссии и на Украине. По отчету Русского географического общества, наибольшее число материалов получено из северных губерний России.

Представление о народной психологии, или психологии определенной этнической общности, собранные материалы могут дать лишь в своей совокупности. Не будем забывать, какое огромное количество рукописей было собрано Русским географическим обществом только за первые три года после рассылки программы, а это делало возможным и обобщение ряда данных, и их сравнительный анализ.

Вся эта работа не была в свое время сделана. В современных условиях ее осуществление поставило бы дополнительный вопрос об учете социальных позиций самих собирателей, который на материале прошлого продемонстрировал важность и необходимость подобной работы. Несомненно, что анализ этой стороны записей представляет особый интерес с точки зрения социальной психологии и может стать предметом специального исследования.

Из той совокупности замыслов изучения народной психологии, которые стремилось осуществить Русское географическое общество, Кавелиным была выделена идея психологического анализа памятников культуры.

Занятия «психической этнографией» в Русском географическом обществе привели его к обоснованию объективного, «положительного» метода в психологии, который, по его мнению, должен заключаться в изучении продуктов духовной деятельности людей — памятников культуры, фольклора, верований. Вот с этой заявкой на обоснование в психологии объективного метода и выступал Кавелин, предлагая в своей книге «Задачи психологии» позитивистскую программу развития психологической науки, противопоставив ее сеченовской материалистической программе. Претензия Кавелина на введение объективного метода в психологию имела особый смысл: он предлагал ввести объективный метод в систему интроспективной психологии, не колебля ее методологические и теоретические принципы.

Попытка Кавелина внести в психологию метод изучения психики по историческим памятникам культуры вызвала резкие возражения И. М. Сеченова (их статьи и письма см.: Кавелин, 1899; Сеченов, 1947).

Благодаря обнаружению психической жизни во внешних предметах и явлениях, становится понятным, указывал Кавелин, наряду со знанием природы, и положительное знание духовной стороны человека. «Слово и речь, сочетание звуков, художественные произведения, наука, обычаи и верования, материальные создания, гражданские и политические уставы, памятники исторической жизни, словом, все служит материалом для психологических исследований». «Сравнивая однородные явления и продукты духовной жизни у разных народов и у одного и того же народа в различные эпохи его исторической

жизни, мы узнаем, как эти явления изменялись, и подмечаем законы таких изменений, которые в свою очередь служат материалом для исследования законов психической жизни. Все науки готовят, таким образом, материал для психологии, и от степени совершенства его выработки зависит большая или меньшая положительность психологических исследований» (Кавелин, 1899, с. 674).

Возражения Сеченова имели принципиальное значение. Признание психического процессом и утверждение необходимости изучать психику в качестве процесса не могло быть совместимым с предложением изучать психику по продуктам духовной культуры. И это коренное различие позиций на протяжении последующей истории психологической науки выявлялось каждый раз, как только сталкивалось признание процессуальности психики с требованием ее изучения по продуктам культуры.

Введение в психологию объективного метода Сеченов считал единственно верным путем подлинно научной психологии. Критика кавелинской позиции состояла не в том, что Сеченов был против объективного метода. Речь шла о том, каков должен быть объективный метод и как относиться к субъективному методу. Сеченов считал невозможным, признавая психическое процессом, изучать психику по продуктам духовной культуры народов — по истории верований, языку, искусству и т. д.

«Может быть, ключ к разумению психических процессов в самом деле лежит в том широком историческом изучении всех произведений человеческого духа с психологической точки зрения, о которой говорит г. Кавелин?» — спрашивал Сеченов. Тогда, замечал он, на первом месте должны быть памятники, оставленные древнейшим человеком и данные из жизни современных дикарей. Такое изучение

открыло бы ход развития психического содержания человека по мере накопления знаний, но оно не открыло бы для нас тайны психических процессов, считал Сеченов.

«Всякий психолог, встречаясь с любым памятником умственной деятельности человека и задавшись мыслью проанализировать его, по необходимости должен подкладывать изобретателю памятника и собственную мерку наблюдательности, и собственные представления о способности пользоваться аналогиями, делать выводы и пр. Вне этой мерки анализ, очевидно, невозможен. — писал Сеченов и заключал: Не отрицая важность материала, рекомендуемого г. Кавелиным, мы все-таки остаемся при убеждении, что не в нем лежит средство к рассеянию тьмы, окружающей психические процессы» (Сеченов, 1947, с. 208).

Поднятый в дискуссии вопрос о продуктах человеческой культуры как материале психологического исследования и поныне остался нерешенным. В современной исторической психологии, как и в этнопсихологии, этот принципиальный методологический вопрос вызывает споры. Те, кто понимает психическое как процесс, считают, что исследованию подлежит именно процесс, от которого надо отличать его результаты, продукты, а по тому делают вывод, что восстановить процесс по продуктам невозможно, а значит, и метод этот непригоден.

В споре с Кавелиным Сеченов вышел победителем, так считали их современники: и те, кто стоял за материалистическую программу развития психологии, и те, кто был ее противником. Это сказалось и на отношении к предложению Кавелина. Идея психологического анализа памятников культуры не получила развития в России. Она не была подхвачена и тогда, когда Вундт создал учение о психологии народов, приняв подобный метод.

Кроме указанных материалов массового собирательства, имеется еще один источник для истории этнической психологии — записи, дневники, отчеты русских этнографов и путешественников. В нашей психологической литературе пока нет обзора материалов русских экспедиций и специальных поездок, хотя психологические описания и наблюдения включались обычно в их программы.

Первые комплексные экспедиции Академии наук снаряжались еще в XVIII в. Традиции комплексного подхода сохранились и в последующих академических экспедициях, и в экспедициях, организованных Русским географическим обществом. Им следовали и такие выдающиеся ученые-этнографы, как Н. Н. Миклухо-Маклай, Л. Я. Штернберг и др. При этом психологические наблюдения подчинялись общей цели — наиболее полному этнографическому описанию, которое, в свою очередь, входило в общую характеристику области, края, страны. Выделение и специальная обработка психологических наблюдений обычно не производились. Такая задача и не ставилась.

Особое место занимает научная деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая, направленная к одной цели — доказательству единства человеческого рода, физической и психической равноценности людей всех рас и народов, обоснованию мысли о том, что различия, имеющиеся между народами, вызваны условиями их жизни, как природными, так и социальными.

Годы, проведенные Миклухо-Маклаем среди папуасов Новой Гвинеи, исследование народов Океании, накопление антропологических данных и фактов о материальной и духовной культуре коренных жителей тех мест, об их психологии и социальных отношениях, позволили ученому обосновать вывод, направленный против расизма.

Вопрос о нациях и расах был актуален во второй половине прошлого века в европейской науке в связи с политическими событиями — национальными движениями, колониальной экспансией. Взгляды ученого-этнографа объединялись со взглядами Н. Г. Чернышевского и И. М. Сеченова, отвергавших деление на высшие и низшие расы. И в этом отношении конкретные материалы Миклухо-Маклая по психологии народов, включенные в дневники его путешествий, статьи и доклады, служат науке о человеке. В трудах ученого не поднимаются теоретические проблемы собственно этнической психологии, но они насыщены наблюдениями, единственными в своем роде, поскольку сделаны были ученым, следующим прогрессивным и передовым позициям русской науки.

Новые, недавно опубликованные, материалы о Миклухо-Маклае (Иванченко, 1976) показывают единство прогрессивной линии русской науки и ведущую роль материалистического направления отечественной психологии в ее взаимодействии с другими науками о человеке.

Известно было, что в записной книжке за 1863 г. Миклухо-Маклай отметил в числе прочитанных книг только что опубликованный трактат И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга». В том же году Миклухо-Маклай поступил в Петербургский университет. Он хотел пойти учиться в Медико-хирургическую академию, где работал И. М. Сеченов, но это ему не удалось. Вскоре Миклухо-Маклая исключили из университета как «неблагонадежного». Исследование в наши дни архивных материалов о Миклухо-Маклае выяснило, что министр внутренних дел Валуев завел на него дело еще в 1861 г., когда 15-летним гимназистом он принял участие в студенческой демонстрации. С большим трудом Миклухо-Маклаю удалось уехать за границу,

чтобы получить образование в Гейдельбергском университете.

«В то время моим „законом божьим“ стал и продолжает им быть, — писал Миклухо-Маклай, — роман Чернышевского „Что делать?“ Под влиянием его идей кроме Герцена и Фейербаха я начал изучать труды Сеченова, Писарева, Гегеля, отдельные труды Добролюбова и все, что появлялось в печати за подписью Чернышевского. Говоря о своей принадлежности к России и гордясь этим, я говорю о своем духовном родстве с теми ее представителями, которых принимаю и понимаю как создателей истинно русского направления в науке, культуре и такой важной для меня области, как гуманизм. По сути дела я служу не своей собственной идее, а выполняю программу исследований, основное направление которого определил академик Бэр. Затем я руководствуюсь в своих исследованиях трудом Сеченова о рефлексах головного мозга и работой Чернышевского „Антропологический принцип в философии“» (там же, с. 195).

В 1884 г. в интервью корреспонденту австралийской газеты «Сидней морнинг геральд» Миклухо-Маклай сказал: «В моем положении исследователя, поставившего своей целью доказать миру, что все люди — люди, и сделать невозможным само стремление оправдать колониальные захваты, грабежи и насилия, первым условием этого является чувство ответственности перед всем человечеством, одинаково беспристрастное отношение ко всем народам и расам, так как иначе меня обвинят в необъективности и все мои старания окажутся напрасными» (там же, с. 194).

Так сливается воедино материалистическое направление русской психологии, следующее идеям Сеченова, с прогрессивным направлением русской

этнографии, внутри которой развивались идеи этнической психологии.

Научный подвиг Миклухо-Маклая вызвал широкий общественный отклик. Примечательно письмо Л. Н. Толстого замечательному ученому. Он главным считал его вклад в «науку о том, как людям жить друг с другом». «Умиляет, — писал Л. Н. Толстой, — и приводит в восхищение в вашей деятельности то, что, сколько мне известно, вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе, общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе. Все коллекции ваши и все наблюдения научные ничто в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которое вы сделали, поселившись среди диких и войдя в общение с ними, и воздействуя на них одним разумом; и поэтому ради всего святого изложите с величайшей подробностью и свойственной вам строгой научностью все ваши отношения человека с человеком, в которые вы вступали там с людьми. Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — науке о том, как людям жить друг с другом. Напишите эту историю, и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству. Уважающий вас Л. Толстой» (Толстой, 1934, с. 378–379).

Уже в советское время Г. И. Челпанов, высоко оценивая значение для социальной психологии собранных в прошлом веке русскими исследователями этнографических материалов и призывая к их разработке, писал: «В России накоплен богатейший этнографический материал (Труды Академии наук, Русского географического общества, Общества

любителей естествознания и пр.), который вследствие незнакомства западных ученых с русским языком не использован для целей коллективной психологии. Герберт Спенсер выражал сожаление, что незнание русского языка мешает ему использовать материалы русской этнографии для целей социальной психологии. В 1911 году Вундт, зная размеры неиспользованного материала, выражал такое же сожаление. Долг русской науки — принять меры к тому, чтобы утилизировать этот материал» (Челпанов, 1926, с. 9).

Возникает одна более общая проблема, не разработанная в нашей историко-психологической литературе. Перед нами новый источник социально-психологических материалов, особенность которых состоит в их историко-этнографическом срезе. Этим определяется их неповторимость, уникальность, и это же обстоятельство ставит перед нами пока еще не решенную методологическую задачу разработки и введения этого материала в советскую этническую психологию. Эта задача выходит уже за рамки исторического исследования.

В условиях быстрого роста в России в середине XIX в. филологии, языкознания, народоведения новый немецкий «Журнал народной психологии и языкознания», который начали выпускать с 1859 г. немецкие ученые М. Лацарус и Г. Штейнталь, сразу привлек внимание русских исследователей. В том же году в русской печати появились сообщение о выходе журнала и краткое изложение программной статьи его редакторов «Мысли о народной психологии», а затем был напечатан и ее перевод в «Летописях русской литературы и древности, издаваемых Николаем Тихонравовым» (1859, т. 2, отд. 2, с. 44-60). Полный перевод был напечатан в «Филологических записках» (Лацарус, Штейнталь, 1864). Авторы полагали, что у каждого народа имеется свой особый склад мысли и

чувств, народное сознание или народный дух. Поэтому, утверждали они, должна быть наука о народном духе, входящая в состав психологии, познающая дух народа, как познает индивидуальная психология, и открывающая те законы человеческого духа, которые проявляются там, где люди действуют сообща, как единство.

Существенным было то, что человек рассматривался предназначенным к общественной жизни, к сообществу. Утверждалась необходимость для его жизни общения. Предметом исследования объявлялся «дух совокупности». В трактовке Штейнталя и Лацаруса народная психология выступала как психология общественного человека. Общество, согласно их взглядам, возникало при делении человеческого рода на народы. По данному ими определению, «общество, образуемое народом, есть неперенное, абсолютно-неизбежное условие существования для всякого индивидуума и, следовательно, самое натуральное из всех человеческих обществ, потому оно существеннее для науки, нежели какие-либо произвольные союзы, происходящие между людьми вследствие культуры» (Лацарус, Штейнталь, 1864, с. 88).

Следовательно, народная психология должна прежде всего объяснить человека, исходя из социально-психологической характеристики народа. Поэтому статья Штейнталя и Лацаруса, открывшая новый журнал, по сути дела предлагала изучение социальной психологии, народ же представлял для них отправную точку исследований. Идеалистические воззрения позволяли считать, что силы общества — духовного свойства, народный дух в обществе находится как душа в теле, а значит, определяет его действия. Таким образом, исследование народного духа открывало путь к изучению движущих сил общества, через психологию должны были познаваться законы общественного

развития. История должна объясняться из всеобщих психологических законов. Новой дисциплине предстояло открыть законы человеческого духа, имеющие приложение там, где только совместно живут и действуют многие люди как некоторое единство.

Задачи народной психологии определялись так:

1) познать психологическую сущность народного духа;

2) открыть законы внутренней, духовной или идеальной деятельности народа в жизни, искусстве и науке;

3) открыть основания, причины и поводы возникновения, развития и уничтожения особенностей какого-либо народа.

Такая характеристика новой науки налагала на нее определенные обязанности — она должна была быть объяснительной наукой по отношению к другим наукам о духе, в том числе к языкознанию, истории, литературе, праву.

Элементами народного духа, по определению Штейнталя, являются язык, мифология, религия, культ, народное творчество. Первое место среди этих элементов принадлежит языку, поскольку он является всеобщим духовным органом; через слово происходит «единение в духе», поскольку во взаимном понимании говорящего и слушающего вырастает сознание и пробуждается чувство одинаковости того и другого. Такое воздействие возможно благодаря особенности языка, заключающейся в том, что он запечатлевает мирозерцание народа и в то же время сам есть отпечаток созерцаемой деятельности.

При всем отличии элементов народной психологии от индивидуальной она мыслилась как продолжение ее. Речь шла об изучении тех же процессов, которые присущи индивиду. Обоснование этого

методологического принципа, поскольку он направлял весь анализ собираемых фактов, заключалось в том, что дух живет только в индивидах и не имеет существования вне индивидуального духа. Отсюда следовал вывод о том, что и народная психология должна изучать те же основные процессы, что и индивидуальная психология. Согласно принятой схеме разделения психических процессов — чувства, воля, мышление — происходило распределение общественных форм сознания. Религия относилась к чувству, мифология к мышлению, народное творчество к воображению и т. д. Народный или совокупный дух раскладывался на элементы, и начиналась группировка этих элементов.

Несоответствие между принятой схемой индивидуальной психологии и поставленными социально-психологическими задачами приводило ко многим неразрешимым трудностям. Одной из них был вопрос о применимости интроспективного метода. Новым было предложение об исследовании народной психологии путем изучения отложившихся в языке форм мировоззрения народа. Но этим не охватывались поставленные задачи.

Впоследствии историк и социолог Н. И. Кареев писал о статье Лацаруса и Штейнталя, что, по их мысли, психология народов должна была сделаться своего рода абстрактной теорией исторических явлений. Но это направление получило одностороннее развитие: психология народов предлагала изучать не процессы, а только результаты психического взаимодействия — язык, мифологию, поэзию, религию и т. п., мало интересуясь явлениями социальной организации (Кареев, 1913, с. 111).

В 1886 г. В. Вундт напечатал статью «О целях и путях этнической психологии», а потом выпустил обширный труд «Психология народов». В чем же

состояли изменения, которые Вундт считал нужным внести в этническую психологию? Прежде всего этническая психология включалась в общую систему психологии, которую разрабатывал немецкий ученый и которая на какое-то время заняла господствующее положение в мировой психологической науке. В системе Вундта психологическая наука распадалась на физиологическую психологию и историческую психологию. Последняя должна была изучать историю человеческой культуры с целью познания высших проявлений психической деятельности человека. Здесь и было уготовлено место психологии народов.

Те изменения, о которых говорил Вундт и которые он оценивал как принципиальные, касались замены гербартианской психологической теории вундтовским учением об апперцепции, ассоциациях и волевых действиях. На место гербартианской общности представлений становится вундтовская общность воли. Одна психологическая теория заменялась другой, построенной в тех же пределах интроспекционизма. В отношении этнической психологии сохранялась та же посылка — принципы объяснения народного духа как множества единичных душ оставались те же, что и в единичном сознании. Подобно тому как в индивидуальной психологии считались необходимыми разложение сознания на элементы и выяснение их связи и способов группировки, подобно тому как элементы представлений и воли относились к сложным представлениям и волевым действиям, в народном духе соотносились единичные души, представляющие совокупную личность, самостоятельное волевое единство. В народную психологию переносились законы индивидуальной психологии, которые трактовались согласно вундтовскому учению, следовавшему установкам ассоциативной психологии; вместе с понятием апперцепции и трактовкой воли в нее

привносилось представление об активности душевной деятельности.

Принятое положение не означало, однако, что за этнической психологией не признавалось собственной области исследования. Такой областью Вундт считал процессы, связанные с духовными «общежитиями», коммунитетом^[2]. Вундт даже говорит о коммунитетной психологии. По Вундту, отношение человека к духовной среде есть его отношение к духовному коммунитету. При этом единичное сознание выходит из пределы собственной причинности. Субстратом духовного коммунитета являются язык, мифы, представления. Вундт приходит к мысли о взаимообусловленности единичного и целого: народная душа есть произведение единичных душ, из которых она состоит, последние же в неменьшей степени суть произведения народной души, в которой они участвуют.

Признавая, что психические явления, рожденные общежитием, коммунитетом, следует изучать народной психологии, Вундт тем не менее видел их последние источники в индивидуальном сознании, поскольку только в нем они могли существовать. Духовная совокупная жизнь не существует вне них, хотя продукты ее — язык, мифы, религия — объективны. Из этого верного положения следовал, однако, неверный вывод о том, что не могут существовать какие-либо общие законы духовных явлений, которые не содержались бы уже в законах индивидуального сознания.

Эмпирические факты свидетельствовали о новом классе психологических явлений, выходящих за пределы «единичных душ». Проблема индивидуального и общественного сознания вставала перед исследователями, но она не могла быть не только решена, а даже верно сформулирована вне марксистской философии. Пути же психологии шли далеко от нее.

В вундтовскую психологию перешло исходное положение программы народной психологии Штейнталя и Лацаруса, заключающееся в методе ее изучения путем исследования результатов или продуктов духовной деятельности, который предполагал сводимость духовных образований культуры к психологическим объяснительным и генетическим законам. Эта идея, предложенная Штейнталем и Лацарусом, разработанная Вундтом, а также выдвинутая в России Кавелиным, была подхвачена теми, кто пытался найти психологическое объяснение общественных явлений. Что касается народной психологии, то вундтовское направление у русских ученых не получило развития.

В России обстановка сложилась так, что исследования народной психологии стали делом этнографов и языковедов. Поддержку и развитие получила мысль о том, что основой народной психологии является язык, который обуславливает существование этнических общностей. Эта мысль находилась в теснейшей связи с психологическим направлением в языкознании, восходившим к Гумбольдту^[3]. Главной чертой народной психологии стала ее связь с языком. Эта связь наиболее ярко проявилась в трудах А. А. Потебни — видного лингвиста и литературоведа, имя которого связано с психологическим направлением в русском языкознании и литературоведении.

Потебня искал в психологии опоры для языкознания, но находил, что и психологию в равной мере ждут открытия при ее сближении с языкознанием. Будучи приверженцем гумбольдтовских идей в языкознании, испытавший в начале своей научной деятельности влияние Штейнталя и Лацаруса, Потебня создает собственную оригинальную концепцию языка и поэтики, исследует психологическую природу языка, отношение мысли к слову. В 1862 г. он начал публикацию в «Журнале Министерства народного просвещения» ряда

статей под общим названием «Мысль и язык», составивших книгу, неоднократно переиздававшуюся.

Изучение структуры слова сочеталось у него с психологическим исследованием мышления, поскольку вопрос о происхождении языка для него чисто психологический. Проблемы народной психологии встают перед Потебней как проблемы, вводящие язык в психическую жизнь, с одной стороны, и позволяющие объяснить язык определенными психологическими закономерностями — с другой. В 1895 г. он печатает в «Вестнике Европы» статью «Язык и народность».

Язык, по его представлению, — начало и основание народной психологии. «Верная, единственная примета, по которой мы узнаем народ, и вместе с тем единственное, незаменимое ничем и неперемное условие существования народа есть единство языка. Он есть орудие сознания и элементарной обработки мысли и как орудие обуславливает приемы умственной работы. Поэтому народность, т. е. то, что делает известный народ народом, состоит не в том, что выражается языком, а в том, как выражается» (Потебня, 1913, с. 222). Сознание народного единства в смысле общения мысли устанавливается единством языка.

Языковая принадлежность создает объективные условия формирования психической деятельности у народа. Общность народа обуславливается единством элементарных приемов мысли, выражаемым в системе языка. Потебня полагал и доказывал анализом взаимосвязи языка и мысли, что сознательная деятельность (по его терминологии — дух) образуется при помощи языка и язык в этой деятельности есть первое по времени событие, поскольку через язык совершается переход от бессознательности к сознанию.

Существенно при этом то, что слово — социальный продукт. Процесс возникновения слова связан не только с психологическими условиями каждого

индивидуального сознания, тут налицо и социально-психологические причины. «Язык создается только совокупными усилиями многих. общество предшествует началу языка» (там же, с. 75).

Потебня, подобно другим исследователям своего времени, как русским, так и немецким, переносил отношения, факты и зависимости индивидуальной психологии на народную психологию. Так было дело и с отношением языка и мышления. «То же, — писал он, — следует сказать об отношении языка к духу народному. Язык не может быть тождествен с этим последним: как в жизни лица, так и в жизни народа должны быть явления, предшествующие языку и следующие за ним. Взявши во внимание, что язык есть переход от бессознательности к сознанию, можно сравнить отношение данной системы слов и грамматических форм к духу народному, с отношением к нему известной философской системы. Как та, так и другая, завершая один период развития и подчиняя его сознанию, служит началом и основанием другому высшему» (с. 38).

Законы душевной деятельности одни для всех времен и народов, считал Потебня. Разница в результате их действий зависит от действующей на язык мысли, поэтому язык вечно созидается, оказывая обратное влияние на мысль, переводя ее на высшую ступень. Развитие языка в «неделимом», т. е. в индивиде, относится к индивидуальной психологии. Психология народов как новый отдел психологической науки, содержанием которого является исследование отношений личного развития к народному, должна показать возможность различия национальных особенностей и строения языков как следствие общих законов народной жизни. «Таким образом, то направление науки, которое нам кажется лучшим, — пишет Потебня, разумея психологию народов, —

предполагает уважение к народностям как необходимому и законному явлению» (с. 39).

Народно-психологические вопросы Потебня связывает с историей отдельных языков. «Начала, развиваемые жизнью отдельных языков и народов, различны и незаменимы одно другим, но указывают на другие и требуют со стороны их дополнения» (с. 40).

Потебня вслед за гумбольдтовской школой в языкознании отказывается от взгляда на язык только как на средство обозначения уже готовой мысли и от мнения, что мысли безразлично, на каком языке ее выразить, что привязанность к своему языку есть лишь дело привычки. Он доказывает, что языки потому только служат обозначением мысли, что они суть средства преобразования первоначальных, доязычных элементов мысли, и в этом смысле они могут быть названы средствами создания мысли. Общечеловеческие свойства языков заключаются в том, что все они членораздельны по звукам, и в том, что все они суть системы символов, служащих мысли. Остальные же свойства языков — племенные, т. е., иначе говоря, свойства, определяемые принадлежностью к той или иной этнической общности.

«Хотя в настоящее время языкознание большею частью не в состоянии уследить за тем, каким образом первоначальная техника мысли, условленная языком, сказывается в сложных произведениях мысли; но тем не менее стоит прочно то положение, что эта техника гораздо важнее для совершенства и качества произведения мысли, чем, например, приемы, орудия и материалы рисования, живописи, гравюры для произведения этих искусств. Эта техника, знаем ли мы об этом или нет, непременно сказывается во всем, чтобы мысль ни создала через посредство языка» (с. 193). Потебня рассматривает языки как глубоко различные системы приемов мышления, присущих этническим

общностям. Язык приводит к формированию психологической общности народа: «каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли. Влияние всякой мелочи языка на мысль в своем роде единственно и ничем незаменимо» (с. 194).

Язык дает систему изображения мыслей и сообщения их. «Мы можем сказать, что говорящие на одном языке при помощи данного слова рассматривают различные в каждом из них содержания этого слова под одним углом, с одной и той же точки. При переводе на другой язык процесс усложняется, ибо здесь не только содержание, но и представления различны» (с. 198). При росте общения людей «особость» народа в психологическом смысле увеличивается даже в том случае, если внутреннее и внешнее общение усиливается в равной степени. В том же случае, если внутреннее общение увеличивается в большей мере, своеобразие растет во все большей прогрессии, так как «народу с каждым годом труднее выйти из колеи, прорываемой для него своим языком, именно настолько, насколько углубляется эта колея» (с. 203).

Традиции народа заключены главным образом в языке. Как только ребенок овладел языком, он приобрел эти традиции. «Случаи полнейшей денационализации могут быть наблюдаемы только в жизни отдельных личностей, еще не говорящими перенесенных в среду другого народа. В таких случаях жизнь предков такой личности вносится в ее собственное развитие лишь в виде физиологических следов и задатков душевной жизни. В применении к целым народностям, необходимо состоящим из лиц разных возрастов, такие случаи невозможны» (там же).

Поскольку в языке Потебня видит главный социально-психологический фактор, объединяющий общность людей в народность, то утрату языка он

рассматривает как денационализацию. Если дети воспитываются вне семьи и получают образование в школе, которая не пользуется языком учеников, то они попадают в неблагоприятные условия по сравнению с другими детьми. Им надо заново создавать огромные дошкольные запасы мысли, заново создавать формы сознания уже на новом языке. «При подобной ломке неизбежно на месте вытесняемых форм сознания воцаряется мерзость запустения и занимает это место до тех пор, пока вытесняющий язык не станет своим и вместе с тем не принаровится к новому народу. Люди, по правилу, добровольно не отказываются от своего языка между прочим в силу бессознательного страха перед опустошением сознания» (с. 204).

Интересно то заключение, к которому приходит ученый в вопросе о взаимодействии народов как определенных социальных общностей и связанными с этим процессом психологическими изменениями. «Можно думать, что особенность и своеобразность народов существует не наперекор их взаимному влиянию, а так, что возбуждение со стороны, меньшее того, какое получается изнутри, является одним из главных условий, благоприятствующих развитию народа» (с. 206).

Потебня утверждает психологическую, а не социальную основу этнической общности и различает народность и национальность. «Народность с точки зрения языка есть понятие отличное от так называемой „идеи национальности“. Тем не менее эти понятия настолько связаны друг с другом, что требуют тщательного разграничения», — пишет он (с. 209). Понятие народности определяется языком. Идея же национальности родилась в начале XIX в. — это следствие известных условий народной жизни.

Деятельность А. А. Потебни в области русского народоведения, а она заключалась в исследовании

языка и области народной психологии, была отмечена присуждением ему Русским географическим обществом в 1891 г. высшей награды — золотой медали.

Заявив о своем возникновении, этническая психология прежде всего столкнулась с трудностью самоопределения: обнаруживалась сложность в установлении границ со смежными науками, поскольку выяснилась необходимость включения в нее ряда проблем, уже входящих в другие науки. Проблемы социальной психологии, сохраняя свои характеристики в отношении таких социальных общностей, как народ, нация, приобретали, вернее, включали круг специальных вопросов, для которых надо было выделить подлежащий изучению социально — психологический аспект.

Место народной или этнической психологии среди других наук продолжало оставаться неопределенным и в первые десятилетия нового века. Скорее, это была дисциплина, тяготеющая к этнографии и языкознанию, чем к социальной психологии, которая, в свою очередь, только еще нащупывала свои пути.

Некоторые положения А. А. Потебни попытался развить Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Он, утверждая в литературоведении психологический метод, сочетал позитивистские воззрения с принципами интроспективной психологии. К этому добавлялось возникшее под влиянием легального марксизма желание внести в исследуемые вопросы социальный аспект. В соединении психологического метода с социологическим анализом у Овсяннико-Куликовского складывается представление об общественной психологии как одном из факторов историко-литературного процесса. Он вводит в литературно-художественное исследование понятие «общественно-психологические типы», рождаемые общественными отношениями.

Следуя воззрениям Потебни, Овсянико-Куликовский обращается к этнической психологии, сосредоточиваясь на психологии национальности. Такой поворот понятен, если учесть, что в капиталистической России начала XX в. национальная проблема становится предметом обсуждения. В работе «Психология национальности», вышедшей посмертно в 1922 г., Овсянико-Куликовский изложил взгляды, характерные для русской буржуазной науки предреволюционных лет. Взгляды эти свидетельствуют о том, какую идеологическую нагрузку несла психология в то время, когда с ее помощью проблемы, связанные с революционным движением, политически острые, переводились в иное русло, подменялись областью психологии, а в ней — природной предназначенностью. Как буржуазная профессура выполняла эту задачу, можно проследить в указанной работе. Овсянико-Куликовский был далек от того, чтобы рассматривать исторически вопрос о нациях и связывать их возникновение с общественным развитием. Он полагал, что нации определяются психическими особенностями людей. Предлагая теорию психологии национального уклада, Овсянико-Куликовский в ее состав вводил психологию мышления народа и его умственного творчества. В этом он был близок к своему учителю Потебне.

Овсянико-Куликовский национальную основу мышления и действия усматривал в «бессознательной сфере психики», понимая под этим тот факт, что человек не сознает собственные психические процессы, как, например, процесс мышления, а осознает содержание мысли, содержание представлений, понятий, образов. Сами же процессы связаны с функционированием речи, и тут-то проявляется национальная окраска психологии мысли. «В национальном языке, в его звуковой форме, словаре и грамматическом строе выражается национальная

психология, мышление, и только „по прямому проводу“ языка мы имеем возможность проникать в ее тайники» (Овсяннико-Куликовский, 1922, с. 23). В своеобразии национальной психики можно проникнуть только через язык в его повседневной функции, через живую речь. Тот язык, который принято называть «родным» (язык семьи, родины, той среды, в которой человек вырос, усвоенный с детства и ставший органом его мысли, на котором он говорит с самим собой), становится в то же время и органом национальной психики. Этим языком определяется и национальность человека, ибо этим языком устанавливается связь человека с другими людьми, говорящими на том же языке и составляющими для него национальную среду.

Психологическая природа связи человека с национальной средой определяется связью, устанавливающейся через язык. Будучи органом индивидуальной мысли, «он в то же время и орган общения личности с личностью и со средой» (с. 28). Таким путем устанавливается «национальное общение душ», язык обнаруживается в роли органа взаимного понимания. Дальше идет вывод о том, что литературоведение может служить методом изучения национальной психологии, поскольку художники слова воспроизводят национальные типы в художественных образах и эти образы являются материалом для изучения психологии национальных укладов.

Развитие национального уклада, национальных черт Овсяннико-Куликовский описывает следующим образом. Ребенок до усвоения языка не имеет национальных психологических признаков — он «интернационален». С усвоением родного языка и с возрастом он приобретает национальные признаки окружающей среды. В меру его умственного развития в его мышлении начинают проявляться черты национального психического уклада. Яркость и сила этих черт прямо пропорциональна

высоте умственного развития и степени интеллектуальной одаренности человека. С наибольшей силой национальный уклад проявляется в мышлении и творчестве одаренных талантом мыслителей, ученых, поэтов, писателей. В психологическом смысле гений всегда глубоко национален, а субъекты ниже среднего уровня лишены национальных признаков. «Национальность, — пишет Овсяннико-Куликовский, — есть явление по преимуществу интеллектуального порядка» (с. 6). Поэтому интеллигенция полнее других слоев населения выражает национальную «подоплеку», как пишет Овсяннико-Куликовский, народа. В состав национальной психики, помимо интеллектуальных, входят волевые элементы. Они образуют уклад воли, который проявляется в национальном характере.

Отвечая на вопрос, чему можно приписать разницу национального характера, Овсяннико-Куликовский разобрал три возможных условия: 1) уровень культурного развития, 2) влияние исторического развития и 3) национальность как таковая. Нельзя отрицать влияния культурного развития и исторических условий на уклад воли, но если этот уклад сложился, он становится принадлежностью национальной психологии, приобретает у каждого народа особую психологическую постановку. Разнообразие национального характера проявляется в общественной жизни, в политической и социальной борьбе, в истории каждого культурного народа. Следовательно, общественное развитие оказывается, согласно данному взгляду, подчиненным национальному характеру.

В национальных характерах, под которыми понимается известный уклад воли, Овсяннико-Куликовский различал два типа — пассивный и активный. Каждый из них, по его классификации, включает два уклада.

I. Пассивный тип: а) задерживающая и действующая воля не отличаются силой и осложняются психологическим элементом волевой лени (пример — русский национальный уклад воли);

б) обе воли — задерживающая и действующая — одинаково сильны и упорны, уравниваются и характеризуются отпечатком психологической дисциплины (пример — немецкий волевой уклад).

II. II. Активный тип: а) обе воли крепки и сильны, действующая воля осложняется психологическим элементом спорта (пример — английский национальный волевой уклад); б) сила и импульсивность действующей воли при относительной слабости задерживающей воли, особый психологический элемент — героизм воли (пример — французский национальный волевой уклад).

Таким образом, решающим в этой классификации является волевой элемент. Поскольку национальность психики проявляется в интеллектуальных процессах вместе с разумом и волей, психологические национальные отличия при аффектах исчезают — человек в состоянии аффекта безнационален. Экономические, исторические бытовые условия влияют на психику группы, производя подбор подходящих личностей с их индивидуальными чертами, которые превращаются в общераспространенные в группах. Групповые признаки закрепляются воспитанием и наследственностью, приобретая исключительную стойкость.

Национальная психика стоит вне социальных черт, «она сверхсоциальная и слагается из черт нравственно безразличных. Черты социального происхождения, качества, недостатки, добродетели, пороки, которыми характеризуются классы, сословия, профессиональные группы, не входят в состав национальной психики, — и эта последняя, в ее здоровом состоянии и при нормальном развитии, есть психическая внегрупповая,

сверхсоциальная формация, не подлежащая оценке с точки зрения понятий о хорошем и дурном, о полезном и вредном, о добре и зле» (там же, с. 18). Далее Овсяннико-Куликовский поясняет: «Народная психика слагается из элементов интеллектуального и волевого порядка, которые сводятся к психологии приемов мышления и способов проявления задерживающей и действующей воли; элементы чувства в состав национальной психологии не входят, а равно и нет в ней, при норме, никаких черт социального происхождения, подлежащих оценке с моральной или какой-либо другой точки зрения» (с. 19).

Национальные признаки скрываются в психологии мышления и действия, их не следует искать в результатах мышления и в целях волевых актов. Результаты — общечеловечны, сверхнациональны, это достояние всех культурных народов, отсюда легкость перехода их от одного народа к другому. Бессознательность или автоматичность национального языка и связанной с ним национальной психики — факт первостепенного значения, по мнению Овсяннико-Куликовского. «Им определяется природа национальности и ее роль, ее призвание в общей экономике человеческой жизни и деятельности — из него же мы выводим и принципы разумной национальной политики» (с. 24). Из признания бессознательной функции языка и национальности (в том смысле, как ранее говорилось) следует вывод, что они должны быть понимаемы как особая форма накопления и сбережения психической энергии народов, поскольку область психофизического и психического автоматизма является аккумулятором энергии. «Народы здоровы и живы неосознаваемым здоровьем и автоматической жизнью своей национальной психики» (там же).

Теория национальной психологии, которую развивал Овсяннико-Куликовский, служила целям психологизации

общественно-исторической проблемы наций и национальности. Ведь из нее делались практические выводы для национальной политики. «Национальная психика должна быть всячески ограждаема от каких бы то ни было воздействий, могущих нарушить ее бессознательность, ее автоматичность» (там же). Вывод этот уводил далеко в сторону от революционных требований самоопределения наций. Овсянико-Куликовский считал, что основная задача национальной политики сводится к вопросу о языке. Трактую язык как орудие национального тяготения, он видел в нем принцип свободы национального самоопределения личности.

Вслед за психологизацией общественных явлений Овсянико-Куликовский делал и другой шаг — биологизировал их, вводя понятие патологии национальности, «болезней» национальной психики, таких, как национализм, шовинизм. Согласно его взглядам, гипертрофия социальных признаков в некоторых случаях ведет к атрофии национальных черт, к явлениям «денационализации», но ее следствием может быть и повышенное национальное самочувствие, ведущее к национальному тщеславию и шовинизму.

В работах по психологии творчества «харьковской группы», руководимой Овсянико-Куликовским, получила своеобразное преломление социально-психологическая проблема «героев и толпы». Здесь (Вопросы., 1907–1923) за народом не признавалась способность к коллективному творчеству, к творческой деятельности. «Психология творчества. считает самоочевидным, что эти факты представляют собою только отвердевший индивидуальный дух», — писалось в одной из статей (Райнов, 1907–1923, с. 11). Народ усваивает то, что создано талантами.

В предреволюционные годы в Московском университете был введен курс этнической психологии.

Читал его философ-гуссерлианец Г. Г. Шпет. В 1917 г. он поместил в журнале «Психологическое обозрение» свою статью об этнической психологии, а в 1927 г. опубликовал книгу о предмете и задачах этой науки под заглавием «Введение в этническую психологию», написанную в 1916 г., потом он внес в нее лишь комментарии к иностранной литературе, вышедшей в годы войны. Книга Шпета, хотя и была издана в советское время, целиком относится к буржуазной науке предреволюционной России. Лишь замечание автора в предисловии, написанном в 1926 г., о том, что изучение национальных меньшинств обращает науку к этнической психологии, позволяет понять причину выхода труда в те годы, когда начинала создаваться марксистская психология.

Шпет опубликовал только первый выпуск книги — введение, предмет и метод этнической психологии. Однако по своему содержанию эта работа представляет и критическое, обобщенное изложение состояния этнической психологии, и утверждение положений о главных линиях развития этнической психологии как части, раздела социальной психологии. И тут Шпет высказывает ряд существенных мыслей.

Когда Шпет подводит некоторые итоги развития этнической психологии за прошлый век и характеризует ее состояние в первые десятилетия нового века, речь идет не только, вернее, не столько о русской науке, сколько о немецкой психологии, так как она прочно укрепилась в области психологии народов и претендовала на ведущее место. Новые психологические теории, зародившиеся на рубеже веков и в первые десятилетия нового века, развивались в пределах общей психологии и не получили применения в этнопсихологии. В этих условиях психология народов Вундта заняла господствующее положение, проникла в другие науки. Ею пользовались лингвисты, филологи,

литературоведы, искусствоведы, правоведы, соблазненные надеждой найти в ней методологические принципы, которыми можно воспользоваться в своих науках. Вундтовская психология народов никак не отказывалась от намерений, идущих от Штейнталя, найти психологические основы решения социальных проблем. Книга Шпета — свидетельство того, что авторитет Вундта не был столь высок и безусловен в России, как то стремились представить такие ведущие психологи идеалистического направления, какими были Н. Я. Грот и Г. И. Челпанов. Г. Шпет критиковал основные положения вундтовского учения о народной психологии. Он оценивал его как волюнтаристическую реакцию против гербартианства, справедливо замечая, что такая подстановка не меняет исходных положений всей концепции народной психологии, идущей от Штейнталя. Критикуя Вундта, Шпет все же считал, что линию этнической психологии следует вести от Штейнталя через Вундта к современности. Французских социологов и американских социальных психологов он не затрагивал.

Что же привлекает Шпета в этом направлении, что он считает нужным удержать в науке? Это — представление о коллективности и роли языка в формировании психологической общности, о взаимоотношении культуры с психологической характеристикой народа. Трудность состоит в том, чтобы выделить собственно психологическое содержание в этих проблемах, поскольку коллектив может подлежать социологическому исследованию, язык — лингвистическому, культура — этнологическому. При этом поиск психологического содержания имеет своей целью найти нечто, соответствующее психологии, присущей общности людей, а не индивида. Народная психология не есть продолжение индивидуальной. И в

определении их взаимоотношения может лежать ключ к решению задач этнической психологии.

Новый смысл для Шпета заключается в понимании под духом народа коллективного начала. Он отказывается от понятия коллективности со значением массы или множества потому, что тогда не учитывается взаимодействие членов, которое составляет особенность коллектива. Изучение массы в противоположность принятым взглядам Шпет включает в задачу индивидуальной психологии, ей надобно рассматривать их как некоторые состояния индивидуальной души. Признавая предметом психологического исследования коллективное единство, Шпет уточнял, что такое единство можно понимать по-разному: во-первых, как взаимодействие, результатом которого являются продукты духа в виде языка, религии, народного творчества и т. д. Тогда предметом изучения оказываются не психологические процессы, а их объективные результаты. Во-вторых, коллективное единство ищут в общности или сходстве психических процессов индивидов, объясняя это сходство сходством или общностью внешних условий жизни. Шпет дает свое толкование. Коллектив является субъектом совокупных действий, а по своей психологической природе совокупное действие есть не что иное, как «общая субъективная реакция коллектива на все объективно совершающиеся явления природы и его собственной социальной жизни и истории» (Шпет, 1927, с. 10). Субъективная реакция представляет собой в данном случае общее переживание. Шпет настойчиво стремится к психологической характеристике коллектива как предмету изучения психологии. В других качествах коллектив изучает социология.

События действительности проходят перед людьми, вызывая переживания. В этих переживаниях по отношению к данной сфере языковых, религиозных,

политических и прочих событий каждый из индивидов является репрезентантом определенной реагирующей группы, каждый отражает в себе коллективность самой группы, так как находится с ее членами в более или менее близком контакте, испытывает на себе влияние группы. Член группы несет «духовную коллективность» — традиции, предания, систему духовных сил, определяющих настоящие переживания индивида. Личные переживания предопределяются всей массой апперцепций, составляющих коллективность переживаний его рода — современников и предков. Совокупность этих переживаний Шпет и обозначает как духовный уклад.

В духовное состояние группы в данном месте и времени войдут отчасти состояния различных индивидов. По предмету, определяющему душевные переживания, это будет социальная психология, и только в отношении к ней определяются место и предмет как исторической, так и этнической психологии. Психологическому исследованию подлежат переживания коллектива, который и будет репрезентантом многих индивидов. Тонкость, как думал Шпет, состоит в том, что переживания можно исследовать лишь соотнositельно предмету переживания, но как только совершается подстановка вещей, на месте переживаний мы начинаем видеть в социальном предмете психологии и описание быта принимается за этническую психологию. Этнической психологии следует изучать переживания людей, вызванные

социальными явлениями. При индивидуальном различии людей у них есть типически общее в переживаниях как откликах на происходящее перед их глазами, умами и сердцем в коллективе, в его социальных условиях в отношении к духовным ценностям человечества. Типическое и общее

отношение к объективному существует как переживание коллектива, вкладываемое в определенный репрезентант народа — сословия, касты, группы. Здесь находит свой собственный объект социальная и этническая психология. Шпет, как мы видим, выделяет этническую психологию из социальной.

В качестве особой проблемы Шпет рассматривает «общное» сознание и предлагает отличать индивидуальное сознание от общего или типического, соборного, которое должно стать самостоятельной сферой исследования. «„Я“ есть „носитель“ не только своего „личного“ сознания, но и „общного“», — писал Шпет (Шпет, 1916, с. 54). Единственное, индивидуальное и общее, типическое, по характеристике Шпета, присуще каждому человеку. «Единственность индивидуального не уничтожается, если мы, заглядывая в его сущность, устанавливаем „типическое“ и изображаем его в ему единственно присущей структуре» (там же). Свое выражение общее получает в таких переживаниях человека, которые составляют реакцию коллектива.

Для психологического исследования Шпет выделяет категорию отношения. Переживание всегда включает отношение. У нас нет данных, чтобы связать шпетовское воззрение со взглядами тех психологов, которые вводили понятие отношения в психологическую теорию. Однако введение этого понятия в психологию имеет общую основу — признание того, что психологическая характеристика отношения заключается в его переживании субъектом или коллективом.

Шпет писал: «Не смысл, не значение, а со-значение, сопровождающие осуществление исторического, субъективные реакции, переживания, отношение к нему — предмет психологии. Сфера жизни — объективно заключена и замкнута, окружающая ее психологическая атмосфера субъективно колебательна. Труд и

творчество субъектов в продуктах труда и творчества запечатлены и выражены объективно, но в этом же объективном отражено и субъективное. Реально — единый процесс, научные объекты — разные» (с. 12). Примечательно, что Шпет, который не был марксистом, не считал себя и материалистом, ему близко было гуссерлианство, приводит мысль Маркса о том, что чувственная вещь становится чувственно-сверхчувственной, потому что как общественное явление, как продукт труда и творчества, как товар и предмет потребления она отражает общественный характер труда в виде вещественных свойств самих продуктов труда. Вслед за этим Шпет пишет: «не нужно даже быть во что бы то ни стало, за совесть или за страх, материалистом, чтобы признать истину и констатируемого факта, и вытекающего из него методологического требования» (там же).

«Бедна ли законная доля психологии?» — спрашивает Шпет. Если видеть чисто формальное определение реакции (быстро-медленно, сильно-слабо) и считать, что этим должны ограничиваться социально-психологические характеристики, то, конечно, бедна. Но психологический анализ должен идти дальше — к такому пониманию реакций коллектива, которое содержит его отношение к вещам и людям, его отклики на жизнь и труд, а это беспредельная область чувств, настроений, характеров. По существу, считает Шпет, вся социальная и этническая психология в основе своей есть социальная характерология. И даже предметные переживания подлежат психологическому анализу со стороны их состава, определяемого объективными социальными условиями. В итоге область социально-психологических исследований, а вместе с ней и этнопсихологических, нисколько не уже области индивидуально-психологического изучения, даже шире ее.

Положение о языке как основе народной психологии является для Шпета столь же фундаментальным, как и положение о коллективе. Он разделяет мысль о том, что язык — характеристика народности, им определяются интеллектуальные особенности народа. В гумбольдтовском учении о языке он выделяет определение языка как энергии, как «длящейся действительности», особого рода деятельности и развертывает эту мысль в понятии общения, которое считает одним из центральных в этнической психологии. Соответственно, в новом плане Шпет развивает идею об осуществляемом в общении взаимодействии членов этнической группы.

Простейшую форму общения, которую можно принять и за единицу коллективности в ее психологической характеристике, Шпет усматривал в «паре», в отношении двух субъектов, возникающем при их взаимодействии, в intersубъективных или интерпсихологических фактах. Система пар со все усложняющимися отношениями и представляет взаимодействующую и динамическую коллективность.

Само взаимодействие не может быть квалифицировано как психическое. Психическое возникает в людях, вступающих во взаимодействие, и психология своим объектом имеет эти психические явления, отличительной их чертой является общность для пары, обусловленная языком, обеспечивающим общение.

«Не следует забывать, — отмечал Шпет, — что именно конкретное как таковое имеет свою особую „общность“, которая достигается не путем „обобщения“, а путем „общения“» (там же, с. 54). Не язык в целом — предмет психологии: психологии нет нужды искать психологические законы языка. И психологизм в языкознании — лишь то направление, которое неверно считает психологию объяснительной наукой в ее

отношении к языкознанию и ряду общественных наук. Шпет выделяет в языке одно лишь явление — сообщение, которое предполагает взаимодействие по крайней мере двоих. Факт сообщаемости и общения составляет особый объект психологического изучения. Речь идет о паре как исходной единице. При сочетании пары с другими парами создаются более сложные отношения, но все равно это акты общения.

Предметом внимания Шпета становятся акты, действительно требующие психологического исследования. Однако он находит возможным рассматривать эти акты на уровне языка вне системы социальных отношений. Признание общения психологической проблемой существенно, и Шпет имеет основание утверждать, что специфичность общения двоих (пары) заслуживает специального исследования. Применительно к этнической психологии общение ведет к психической общности народа.

Одной из центральных идей народной психологии была идея ее связи с культурой, мысль об изучении ее через анализ продуктов духовной деятельности. Развивая эту идею, Шпет последовательно, как и в отношении других исходных положений народной психологии, стремится выделить собственно психологический аспект. Представление о том, что этническая психология должна заниматься языком, мифами, религией, нравами, Шпет попросту отвергает. Возражения его поднимают проблемы, которые обсуждаются и в современных спорах: как соотносятся продукты духовной деятельности с психическими процессами, можно ли раскрыть последние по первым? По мнению Шпета, нельзя. Духовная субъективная деятельность — объект психологии, а ее результат — объективное духовное содержание. Затруднения заключаются в том, как от объективных выражений духа проникнуть к нему самому, сделать его предметом

психологического изучения. Психологическому изучению подлежат не продукты духовной деятельности, а отношение людей, сознательное или бессознательное, к тому смыслу, который выражает объективно существующее культурное явление. Еще в большей степени возражения Шпета вызывает намерение изучать психическую деятельность людей по продуктам материальной культуры. «Как психология может изучать лук и стрелы таитянина, ожерелья таитянки?» — спрашивал Шпет.

К какому же определению этнической психологии приходит Шпет (он оставляет термин народной психологии) после того, как провел уточнение предмета психологического изучения по главным проблемам, входящим в данную отрасль психологии? «Та дисциплина, которая изучает язык, мифы, нравы, искусство как „выражения“ определенных предметных значений, не может быть психологией ни индивидуальной, ни этнической, если только психология именно изучает „внутренние состояния“ одушевленных тварей, как в их изолированности, так и в их общении» (Шпет, 1927, с. 80). Применительно к предмету этнической психологии дух определяется как форма, отражающая в себе всю массу, совокупность признаков, накопившихся в процессе исторического формирования духа и представляющих некоторую структуру переживаний коллективной организации. Это — орган коллективного единства, откликающийся на всякое событие в бытии этого единства.

«„Дух“, — пишет Шпет, — в этом смысле есть собрание, „связка“ характерных черт „поведения“ народа; в совокупности с постоянством „диспозиции“, это есть его характер. Как предмет изучения этот субъективный характер узнается в его объективации, как совокупность реакций народа на окружающие его вещи, на обстоятельства, в которых он сам участвует, на

объективные данные ему отношения и идеальные образования» (там же, с. 91). Такой дух может быть предметом психологического изучения, задача которого состоит в выяснении и описании типической структуры. Объяснения же психических явлений надо искать в биологии, антропологии и социологии.

Таким образом, Шпет шел против установившегося представления о психологии как объяснительной науке, он причислял ее к описательным наукам. Психологии надо, по его мнению, отказаться от поисков объяснительных причин, надо отказаться и от надежды найти в ней объяснения социальных явлений, объяснения исторического развития народов. «Этническая психология находит свой предмет и определяется не как объяснительная основная для других наук дисциплина, а как описательная психология, изучающая типические коллективные переживания» (с. 109).

Свое понимание этнической психологии как социальной, этнологической, описательной, аналитической он противопоставлял толкованию ее как антропологической, генетической, объяснительной, субстанциональной. Противопоставление этих двух точек зрения идет по линии различения человека как отдельного существа, подчиненного законам природы, связанного со всей естественной жизнью, и человека как существа социального в его отношении к общественной и государственной жизни.

Книга Шпета была издана, как уже говорилось, в советское время. Те немногие слова о марксизме, которые написаны автором, показывают отношение к марксизму буржуазной профессуры не только в предреволюционное время, но и в первые послереволюционные годы. Исторический материализм, полагает Шпет, дает объяснение материалистическое, экономическое, никак не отвечающее на вопрос, в каких

актах и переживаниях актуализируется обусловленность духовной жизни материальной.

Напомним, что именно такой взгляд старался распространить в начале нового века Г. И. Челпанов, сопротивлявшийся наступлению материализма в философии и психологии. В неоднократно переиздававшейся книге «Мозг и душа: Критика материализма и очерк современных учений о душе», первое издание которой вышло в 1900 г. и которая затем обростала все новыми и новыми дополнениями, Челпанов представлял марксизм как экономическое или историческое, но ни в какой мере не философское учение. Он при этом утверждал, что марксизм соединим не только с материализмом, но и с другими философскими воззрениями, только с монистическими, а не дуалистическими. Свою же задачу он видел в том, чтобы указать, что современное научно-философское мировоззрение не может выражаться словом «материализм», тем более «экономический материализм», под которым разумелся марксизм.

Челпанов не мог скрыть того, что марксизм получает все большее распространение в России, и хотя он заявлял, что не будет касаться экономического материализма как учения не философского и не имеющего касательства к проблеме «Мозг и душа», его книга была направлена в равной мере против рефлексивной теории И. М. Сеченова и против диалектического материализма. Предисловие к книге выдавало истинные намерения автора. Он писал: «Что материализм и теперь еще насчитывает значительное количество последователей, показывает, как мне кажется, и то обстоятельство, что так называемый экономический материализм пользуется у нас большим успехом. Помимо других причин успех этого вида материализма обуславливается и тем, что многим кажется, что экономический материализм служит

подтверждением материалистического мировоззрения. Вот почему я думаю, что разбор вопроса, которому я посвящаю свою книгу, представляется вполне своевременным, в особенности если принять во внимание, что критика материализма способствует разъяснению и таких вопросов дня, как вопросы о биологическом и экономическом материализме» (Челпанов, 1912, с. 8).

В свое время книга Челпанова была отмечена похвальной рецензией Г. Г. Шпета (Шпет, 1903), который тогда был известен уже как сторонник гуссерлианской философии. Позже, открывая статью «Об аналитическом методе в психологии» созданный им журнал «Психологическое обозрение», Челпанов сам оказался близким идеям Гуссерля. А затем предоставил страницы своего журнала Шпету для публикации статей по этнической психологии.

Что же касается Шпета, то он и в разбираемой нами книге высказывал свою приверженность гуссерлианству и отказывал марксизму в возможности быть методологической опорой психологии.

В историческом развитии этнической, или, как ее обычно называли в прошлом, народной, психологии в России сложились два направления. Одно было соединено с собирательством этнографического материала, и психологические проблемы оказывались включенными в общие описания жизни разных народов. Другое направление было связано с языкознанием и в языке видело основу единства психического склада того или иного народа. В этом соотношении рассматривались и социально-психологические проблемы.

Широко поставленное собирательство не имело теоретического и методологического обоснования, а потому за ним не последовало и обобщающей работы, позволившей бы произвести психологический анализ и включить полученные таким образом данные в область

психологического знания. За пределами общей психологической теории остались и языковедческие исследования.

Положение этнической психологии среди психологических дисциплин не определено и поныне. В современной буржуазной науке высказывается мнение о том, что ввиду своей теоретической несостоятельности она не может считаться наукой. В советской литературе, скудной по этому вопросу, имеются характеристики этнической психологии как направления социологии, этнографии, а также определение этнопсихологии как части социальной психологии, которая занимается психологией этнических общностей. Надо полагать, и дальнейшее развитие советской социальной психологии в целом, и этнической психологии как психологической дисциплины окажет влияние на разработку ее в историческом плане.

Глава 5

Социально-психологические проблемы в психиатрии

Научная психиатрия стала складываться в нашей стране в первой половине прошлого столетия (Юдин, 1951; Рохлин, 1967, 1975, 1981). До этого времени расстройства психической деятельности не считали заболеваниями, подлежащими лечению. В разные исторические эпохи существовали разные формы отношения общества к психическим больным, причем разным слоям общества было присуще свое отношение к ним. Источник многих психических заболеваний искали в грехах человека перед богом, во вселении злого духа, в «порче». Был распространен взгляд на душевнобольных как на одержимых бесом. Вера в колдовство, в «порчу» порождала страх перед психическими больными: их заключали в тюрьмы, заковывали в цепи.

В России в XVI–XVIII вв. отношение к больным определялось их высказываниями, поведением, так же как и возможностями использовать их для определенной социальной роли: одних почитали как отмеченных богом — блаженных, юродивых, верили их прорицаниям; других держали при боярских дворах, в поместьях для забавы; третьих призывали в монастырях; четвертых, как социально опасных, заключали в тюрьмы. Официально призрение умалишенных в то время считалось обязанностью духовенства, и больные находились при монастырях. При Петре I началось строительство специальных домов для умалишенных, в 1775 г. был учрежден «Приказ общественного призрения». Только в начале XIX столетия укрепляется взгляд на психические расстройства как на болезнь и представление о том, что люди, страдающие этими

заболеваниями, подлежат медицинскому обследованию и лечению. Однако еще в первые годы XX столетия в Москве при Симоновом монастыре жило довольно большое количество душевнобольных, которых лечили «от порчи» молитвой.

Среди медицинских дисциплин в XIX в. происходит выделение психиатрии в качестве самостоятельной области исследования. В России психиатрию отличали гуманизм и материалистическая направленность, которые определились под влиянием материалистической философии и передового отечественного естествознания. З. И. Кибальчич, И. Е. Дядьковский, Ф. И. Герцог, В. Ф. Саблер, Е. О. Мухин и многие другие врачи пытались искать объяснения сущности психических заболеваний в физиологии мозга.

Врачи-психиатры неизбежно сталкивались с целым рядом социальных проблем, поскольку на их долю выпадала забота о людях, которые оказывались в обществе на особом положении. В одном из первых учебных руководств по психиатрии «Помешательство, описанное так, как оно является врачу в практике», вышедшем в 1847 г., автор, П. П. Малиновский, в предисловии писал, что знания, изложенные в его книге, нужны тем врачам, которым будут вверены такие несчастные и которым должно улучшить их положение, их быт, их участь. Малиновский определял психические заболевания как болезни, при которых отправления мозга изменяются так, что «при кажущемся телесном здоровье душевные способности долгое время проявляются неправильно». Полагая, что нервная система «самая важная, самая утонченная и самая деятельная в человеческом организме», он важнейшей ее особенностью считал то, что она «должна еще ощущать изнутри и извне, она должна принимать все впечатления, а сколько их! Нервной системой человек общается с внешним миром, передается наша мысль,

все, что истекает из нашего „Я“: какова же должна быть и ее связь, и обширность ее действия!» (Малиновский, 1960, с. 24, 163).

Изо дня в день наблюдая своих больных, подолгу общаясь с ними, Малиновский пришел к выводу о роли социальных условий в психических заболеваниях, о социально-психологических причинах, вызывавших некоторые психические заболевания. Своими мыслями он и делился с читателями, стремясь создать у них то отношение к психически больным людям, которое считал необходимым для всех, кто посвятил свою жизнь их врачеванию.

«Если стараются улучшить участь ленивых бродяг, — пишет он, — участь людей, изгнанных из общества, участь распутных женщин и, наконец, участь преступников, то святой долг каждого из нас по возможности улучшить судьбу таких людей, в числе которых многие были честны, умны, трудолюбивы, полезны, добры, отличались талантами, семейными добродетелями, любовью к ближнему, а в числе этих людей было много таких, в которых ярко блистали искры дара божьего — душевные способности; кипели и горели страсти возвышенные; создавались планы могучие и обширные; хранились чувства любви к святому и высокому, и большая часть этих людей терпела лишения, и скорби, и горе; просила сострадание у своих братьев — богатых невежд и холодных эгоистов — и была грубо бессострадательно отталкиваема; и эти люди, эти несчастные, которые по своей душе и талантам могли бы быть украшением общества, были оскорбляемы, презираемы, гонимы, плакали кровавыми слезами и все работали для своей идеи, для семейного счастья, для пользы общей, и все не изменяли ничему святому и высокому. Но телесный состав их был потрясен в своем основании. но страшные нравственные пытки изнурили его. телесный состав не вынес: и эти

святые люди сделались жертвами жестокости, глупости, невежества и эгоизма своих собратьев; и эти люди пали под несчастьем, величайшим из несчастий человеческих. они пали под несчастьем, которое тянется годы, десятки лет; разрушает физическое и моральное бытие человека и заживо кладет его в мрачную могилу. Эти люди стали помешанными» (там же, с. 24).

В 1857 г. в Медико-хирургической академии в Петербурге было предписано ввести преподавание психиатрии в качестве самостоятельной науки, преподавание ее возложили на адъюнкт-профессора И. М. Балинского. Им была создана первая в России кафедра психиатрии, а в 1867 г. открыта первая в стране психиатрическая клиника, или клиника душевных болезней, как ее тогда называли. Под его руководством выросли психиатры, которые держались материалистических взглядов на психические заболевания, считая их результатом нарушения работы головного мозга. В докладе на конференции в Медико-хирургической академии Балинский говорил: «В наше время невозможно сомневаться в том, что для правильного проявления душевных способностей необходимо правильное развитие, строение и питание известных частей нервной системы: Нарушение этих условий вызывает непременно более или менее явную и продолжительную болезнь» (Балинский, 1958, с. 18). Такая направленность на изучение деятельности головного мозга как субстрата психического никак не исключала того характерного для русских психиатров сочетания естественнонаучного изучения болезни с признанием необходимости исследования психологических и социально-психологических свойств больного человека. Гуманизм пронизывал деятельность лучших врачей-психиатров, и именно он побуждал к избранию этой специальности в медицине. В. М. Бехтерев так объяснял свой выбор: «данная

специальность из всех медицинских наук того времени была наиболее связана с общественностью и вопросами познания личности, с глубокими философскими и общественными проблемами» (Бехтерев, 1928, с. 11).

В 1860 г. в Медико-хирургической академии защитил докторскую диссертацию по физиологии алкогольного опьянения И. М. Сеченов и был избран профессором на кафедру физиологии. Спустя три года вышли его «Рефлексы головного мозга», и имя Сеченова как создателя материалистического учения о психике стало известно всем передовым русским ученым. Влияние сеченовского учения можно проследить в трудах виднейших русских психиатров И. П. Мержеевского, В. М. Бехтерева, С. С. Корсакова, В. Х. Кандинского, П. И. Ковалевского, А. А. Токарского и др. Все они принимали и защищали сеченовскую психологическую теорию.

В редакционной статье, открывшей в 1883 г. первую книгу журнала «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии», П. И. Ковалевский, редактор журнала, говорил о материалистическом направлении нового издания и сообщал, что редакция будет рассматривать психическую жизнь человека «как высшее и более сложное проявление нервной деятельности» (Архив., 1883, № 1, с. 11). В материалистической психологии передовые психиатры находили опору для построения своей науки. В. М. Бехтерев считал, что изучение и лечение душевных болезней должно основываться на психологии как науке о нормальной психической жизни. «Изучение психологии, — говорил он, — на мой взгляд, должно предшествовать изучению психиатрии. Если немисливо представить себе врача-терапевта, который не был бы знаком с данными физиологии, то тем более нельзя представить себе врача-психиатра, который не был бы знаком с психологией» (цит. по: Исаева, 1952, с. 68).

С. С. Корсаков отмечал, что врач-психиатр должен исходить из общих закономерностей психической деятельности, обусловленных рефлекторной работой мозга. Психиатрия, по его мнению, «ставя часто задачи, которые для своего решения требуют знакомства с существующими психологическими воззрениями, с своей стороны, дает нередко материал, благодаря которому некоторые психологические проблемы если не разрешаются, то по крайней мере выясняются» (Корсаков, 1894, с. 67).

Отношение психиатрии и психологии понималось так, что психология изучает законы психической деятельности человека, а психиатрия занимается заболеваниями мозга, которые получают свое выражение в психических расстройствах. В. Х. Кандинский так определял это отношение: «Психология есть наука о душе вообще, психиатрия есть наука о душевном расстройстве. Выводы психиатрии к здоровой душе неприменимы; общие выводы научной психологии для психиатрии обязательны, ибо душа, расстроившись, не перестает быть душой. Рациональная психиатрия неизбежно имеет в своей основе психологию» (Кандинский, 1890, с. 33).

С. С. Корсаков в свой «Курс психиатрии» включил обширное психологическое введение, в котором раскрывал значение психологии для психиатрии. Определяя предмет психиатрии как болезненные расстройства психической деятельности, он рассматривал в единстве физиологические и психологические условия возникновения и протекания психических заболеваний. Корсаков пишет, что душевные болезни — «суть болезненные расстройства личности» и в то же время они «суть болезни переднего мозга» (Корсаков, 1901, с. 5). Поскольку «душевные болезни» (эти слова Корсаков берет в кавычки, так как, по его определению, это болезни мозга, а не души) —

уклонения от нормы психической деятельности, надо прежде всего определить эти нормы.

Изучение строения и физиологии мозга человека, а также изучение психики как функции мозга должно было стать основой для изучения психических болезней. Психические заболевания рассматривались как нарушение нормальной рефлекторной деятельности мозга. Такие нарушения могут возникать при органических поражениях мозга и функциональных расстройствах, связанных с другими болезнями, и вследствие неблагоприятных внешних воздействий, обстоятельств жизни человека, его взаимоотношений с другими людьми. При психической патологии происходят нарушения и извращения связей внешних и внутренних условий психической деятельности, ограничение и даже разрыв контактов с другими людьми. Н. Баженов, выступая на заседании Московского общества невропатологов и психиатров с речью в годовщину со дня смерти Г. Тарда, говорил, что общественная психология относится к тем важным вопросам, «ближайшим и насущнейшим образом интересующих нас и принадлежащих к областям знания, сопредельным с нашею наукою» (Баженов, 1905, с. 3). Будучи сам психиатром, Баженов имел в виду психиатрию.

Развитие психологии в России сложилось так, что психиатры проложили дорогу психологическому эксперименту в стране. В 1885 г. В. М. Бехтерев открыл первую в России психологическую экспериментальную лабораторию при клинике душевных и нервных болезней Казанского университета. После перехода в Петербургскую военно-медицинскую академию он организовал психологическую лабораторию при академической клинике нервных болезней и объединил там большой коллектив врачей невропатологов и психиатров. В конце 80-х годов экспериментальные

психологические исследования были начаты при клинике нервных болезней Харьковского университета, которой руководил П. И. Ковалевский, и в Юрьевском или Дерптском (ныне Тартуском) университете, где кафедру психиатрии занимал В. Ф. Чиж. В 1895 г. по инициативе С. С. Корсакова была создана психологическая лаборатория при клинике Московского университета, заведывание которой он поручил своему ближайшему помощнику А. А. Токарскому.

В этих лабораториях было проведено множество психологических исследований. Главной была проблема зависимости психики от мозга и от внешнего мира. Подход к этой проблеме в значительной мере определялся тем, что исследовательская работа в лабораториях была тесно связана с медицинской практикой и служила целям диагностики психических и нервных заболеваний. Испытуемыми были здоровые и психически больные люди. Психиатры стремились описать, изучить и найти причины измененного отношения к окружающему миру психически больных людей, выяснить причины не только нарушения восприятия, мышления, эмоциональной сферы, воли, движений, но и изменения, происшедшие в личности в целом, во взаимоотношениях больных со здоровыми людьми, исследовать влияние общественных условий жизни на возникновение психических заболеваний. Психиатрам приходилось не только лечить своих пациентов, но и помогать им в общении со здоровыми людьми, налаживая возможные контакты, организовывать их жизнь в семье или в специальных колониях. С другой стороны, на врачей-психиатров возлагалась ответственность за предохранение общества от вреда, который может быть нанесен больными, находящимися в состоянии невменяемости, т. е. не осознающими своих поступков, — речь шла о социальном положении психически больных людей.

П. Б. Ганнушкин, один из виднейших русских психиатров, определяя задачи психиатрии, отмечал, что ни в одной отрасли медицины не представлена столь ярко сторона социальная. С психиатрией, указывал он, связаны важные социальные проблемы (Ганнушкин, 1964). Положение об обусловленности психики социальными условиями жизни, которое отличало взгляды русских психиатров, представляло собой исходное общее положение того направления, которому следовала психиатрия в России. Характеристика таких явлений, как внушаемость и психическое индуцирование, гиперэмотивность и ее роль в нормальном поведении и в клинике психопатий, особенно истерических, давала материал для понимания ряда социальнопсихологических явлений.

Психология личности во второй половине XIX в. еще не была разработана, социальная психология делала свои первые шаги, и психиатрам приходилось нащупывать свои пути, действовать самостоятельно в описании и анализе психологических особенностей человека при психических заболеваниях и решении возникающих при этом социально-психологических вопросов. Три проблемных узла, связанных с психологией, привлекали внимание психиатров: во-первых, психическая деятельность как деятельность мозга; во-вторых, психология личности и ее изменения в пределах от нормы до патологии, включающая взаимоотношения личности с другими людьми, межличностное общение; в-третьих, вопросы массовой психологии. Все эти проблемы получали свое преломление в психиатрии.

В январе 1887 г. в Москве состоялся первый съезд отечественных психиатров. Программа его отражала всю сложность задач, стоящих перед психиатрией, социальные и социально-психологические вопросы занимали в ней значительное место. Кроме научных

сообщений, в программу были включены доклады о признании душевнобольных, об отношении к ним, о принципах их содержания и лечения, о законодательстве в отношении душевнобольных, о статистике душевных заболеваний.

Председателем съезда был избран И. П. Мержеевский, профессор Петербургской медико-хирургической академии. Его вступительная речь «Об условиях, благоприятствующих развитию душевных и нервных болезней в России, и о мерах, направленных к их уменьшению» была посвящена социально-психологическим проблемам в психиатрии, вопросу о социальном происхождении психических болезней и их социально-психологической характеристике.

«Если вникнуть ближе в обстоятельства, благоприятствующие развитию душевных и нервных болезней, то легко заметить, что они составляют в большинстве случаев последствие ненормальных общественных условий. — сказал Мержеевский. — Следовательно, вопрос относительно уменьшения нервных и душевных болезней находится в прямом отношении к лечению этих общественных недугов, и меры, направленные к исправлению этих последних, будут вместе с тем капитальными мерами против уменьшения нервных болезней и психозов». Мержеевский, отмечая «сложные условия жизни» (он так иносказательно обозначал те же «ненормальные общественные условия»), приводил ряд данных, чтобы показать, в какой степени «общественные недуги» имеют влияние на развитие душевных и нервных заболеваний. В пореформенной России, указывал он, увеличивается количество душевных заболеваний в результате кризисов, банкротства, войн. «Наследственный алкоголизм и неблагоприятные общественные условия составляют важнейшие моменты, располагающие к душевным и нервным заболеваниям».

Наряду с мероприятиями по устранению «угнетающих обстоятельств внешней среды» Мержеевский отмечал значение развития «тех благородных стремлений, которые поднимают состояние чувственного тонуса». В «благородные стремления» Мержеевский включал «стремление пользоваться жизнью, свободное упражнение чувств, развитие ума и мышления, занятия наукой, искусствами, пользование тем благородным настроением, которое возникает при использовании таких возвышенных задач». «Исцеление общественных недугов — это работа всего общества», — такими словами закончил свое выступление председатель съезда (Труды., 1887, с. 15, 22, 26).

На съезде с докладом «К вопросу о нестеснении» выступил С. С. Корсаков. Он предлагал ввести новую систему содержания больных в психиатрических учреждениях, отказаться от смиренных рубашек, от насильственных мер, призывал к гуманному обращению с больными, к общению с ними, к организации их совместной жизни, совместных занятий, посильной трудовой деятельности.

Проблема личности и общественных условий ее развития подымалась и на втором, и на третьем съездах психиатров. С речью «Личность и условия ее развития» на втором съезде психиатров, состоявшемся в 1905 г. в Киеве, выступил В. М. Бехтерев. Он же сделал доклад «Вопросы нервно-психического здоровья в населении России» в 1909 г. на третьем съезде психиатров, в котором говорил о социальных причинах нарушения психической деятельности.

Принимая взгляд на детерминацию психической деятельности внешними причинами, психиатры усматривали эти причины в материальном положении больного и его семьи, в его общественном статусе, семейном положении, деятельности, отношениях с окружающими людьми, связанными с ним, в семье, в

совместной работе, а также в той или иной форме его общественных связей.

Какие социальные условия увеличивают психическую заболеваемость населения, как изменяются число и характер психических заболеваний в зависимости от социально-экономического уклада? Эти вопросы задавали себе передовые представители русской психиатрической науки.

П. П. Малиновский писал, что психические заболевания появляются там, «где бедный несет тяжкий неблагоприятный труд, а богатый проводит жизнь в роскошной праздности». «Со стороны физической при бедности недостаток пищи, дурная пища, нездоровое помещение, скудость в одежде и обуви, болезни, которые запускаются донельзя, — все это содействует развитию помешательства» (Малиновский, 1960, с. 65). Он видел главную причину психических болезней в бедности жизни и выводил отсюда социально-психологическую характеристику условий жизни — самолюбие при бедности страдает, таланты не ценятся, стыдливость оскорблена, святость чувств осмеяна, честности не верят, права не уважают. С. С. Корсаков, выделяя социальные причины психических заболеваний, высказывал идею государственной психопрофилактики, но понимал, что претворение ее в жизнь возможно только при коренном переустройстве общественных отношений и условий жизни. В. М. Бехтерев в докладе на третьем съезде психиатров отмечал: «Условия, связанные с неблагоприятным положением отдельных классов населения, отражаются самым существенным образом на развитии нервных и душевных болезней» (Бехтерев, 1911б, с. 24-25).

Распространение ряда нервно-психических заболеваний в крестьянстве было связано с низким уровнем культуры, с имевшимися суевериями и знахарством. В дореволюционной России наблюдались

массовые психические заболевания, принимавшие порой характер психических эпидемий. Изучая эти формы заболеваний, врачи подчеркивали, что исходными были социальные причины.

Социально-психологический аспект проблемы психологии личности врачами-психиатрами не выделялся из проблемы личности в целом. Для них в то время была существенна постановка самой этой проблемы в отношении психически больных людей, поскольку сомнение вызывала сама возможность признания психически больного человека личностью. Между тем многие заболевания, с которыми имели дело врачи-психиатры, и заключались в изменениях личности. В число вопросов, поднимаемых психиатрами, входил вопрос о нарушениях, которые происходят у больных в сфере общения: с близкими, с товарищами по работе, с больными и врачами. Особо выделялась и исследовалась психическая заразительность, под этим подразумевалась большая группа явлений, начиная от внушаемости и кончая массовыми психическими заболеваниями, психическими эпидемиями.

Общими при всех болезнях были нарушения межличностных отношений — отношений больного с другими людьми, невозможность совместной деятельности, трудность общения. Именно в этом прежде всего проявлялись изменения личности, приводящие к тому, что становились необходимыми изоляция больных, помещение их в специальные больницы и создание условий для их жизни и лечения. Предметом заботы врачей явились введение в жизнь больного трудовой деятельности; возможность объединять их общими занятиями, совместной деятельностью, совместным развлечением; налаживание общения и между больными, и с врачами. Формы и особенности общения оказывались предметом клинического наблюдения. Психиатры следили, как в

проявлениях психической болезни сказываются особенности личности больного, особенности общественных взглядов на психических больных и зависимость этих взглядов от социального положения больного.

На первом съезде психиатров в докладе «Учение о личности как нервно-психическом организме» (см.: Труды., 1887). П. П. Викторов выделил три главных направления в исследовании личности — клиническое, индивидуальное и общественно-психологическое. Он говорил, что причина многих соматических болезней — нездоровые привычки общественного существования, что влияние условий общественной жизни сказывается на физиологическом состоянии организма. Докладчик считал важным исследование связи индивидуальной и общественной психологии, которая, по словам Викторова, является заключительной главой всего учения о личности (там же, с. 956).

Как же раскрывал Викторов понятие личности? «Наша личность есть все тот же наш организм, только выраженный в объективно-субъективных терминах нервно-психического аппарата», — говорил он в докладе на съезде (с. 960). Такое малопонятное определение подразумевало и объединение внешних и внутренних условий в каждом отдельном человеке, которое заключало связь психических состояний с физиологическими реакциями, и отношение к другим людям, которое связывается с психическим самочувствием в целом. Столь расплывчатое понятие личности по своему замыслу распространялось на сферу потребностей человека и их удовлетворение, а также включало соотнесение потребностей между собой. Понятие личности не получило еще своего научного определения, но оно уже охватывало межличностные отношения.

«Клинический отдел личности» — так называл Викторов нарушение психических норм личности. Он различал душевные болезни по их источникам — внутреннему или внешнему. Для одних первоначальным источником являются органические изменения мозга, для других — общественная среда, а перемена состояния мозга происходит косвенным путем через впечатления. Современный читатель скажет: одни имеют своим источником болезни мозга как материального субстрата психики, другие — его отражательную функцию. Вот как характеризует в докладе различие болезней мозга и болезней личности Викторов. При болезни личности меняется сама личность, это преимущественно «болезни настроения» или «болезни духовного принуждения». Центр тяжести тут лежит не в отдельной единице — индивиде, а в целой совокупности общественных условий данного периода. В психозах болезнь личности не более как симптом основного страдания, заключающегося в поражении мозга. При «болезнях настроения» главное составляет болезнь личности, соучастие мозга проявляется в виде функционального расстройства. Переход болезни личности в душевную болезнь, по наблюдениям врачей, встречается реже, чем можно предположить, но в состоянии аффекта больные обращаются к самоубийству. Его можно рассматривать как акт, которым личность как бы меняет среду, ставшую для нее невыносимой. Если же меняются внешние обстоятельства, общественная среда, породившая угнетенное настроение, меняется состояние больного. Викторов рассматривал эмиграцию народных масс как выход из неблагоприятных экономических условий жизни. Однако за формулировкой доклада — «когда болезнь настроения постигает народ, он прямо меняет условия» (с. 1044) — можно было усмотреть и несколько иное содержание, толкуя условия жизни как

государственно-общественные. «Болезни личности», пояснял Викторов, отличаются тем, что излечимость достигается изменением отношений между личностью и общественными условиями жизни, которые заключаются в семейных, сословных, государственных отношениях. В докладе был затронут и вопрос о психопатиях как частных случаях болезней личности. Однако в последующем развитии психиатрии именно психопатии составили новый раздел этой науки, а «болезни личности» в той интерпретации, которую они получили на первом психиатрическом съезде, не нашли в ней своего места.

Крупнейший русский психиатр С. С. Корсаков считал общим для всех душевных болезней изменения личности, при этом он давал такое определение личности: «личностью человека мы называем совокупность его душевных качеств: совокупность свойственных ему чувствований, его способ мышления, характер его поступков» (Корсаков, 1901, с. 1). Душевные болезни Корсаков рассматривал как болезненные расстройства личности, что было связано с представлением о психической деятельности как о личностном процессе. «Психическая деятельность есть непрерывное изменение в личности (и именно во всей личности — так как представить себе психический процесс в отдельной какой-нибудь части психики без участия всей личности в ее совокупности, я не могу)» (там же, с 66–67). В трактовке психической деятельности как процесса С. С. Корсаков близок психологическим взглядам И. М. Сеченова. Отсюда следует вывод Корсакова: то, что человек называет своим Я, и то, что мы называем личностью, изменяется под влиянием как внутренних, так и внешних причин.

По мере развития психиатрии к врачам стали обращаться и люди, которые остро испытывали трудности в общении с другими людьми, в совместной

работе с ними, в семейных отношениях. Это были вопросы социальной адаптации людей, отличающихся личными качествами, заставлявшими думать о том, что они страдают психическим заболеванием. Врачи вводили понятие уживаемости. Возникла необходимость изучения области пограничных состояний между здоровьем и болезнью, и такие социально-психологические характеристики, как отношения с людьми, поведение в общественных группах, общение, оказались наиболее существенными для разграничения болезненных процессов и особенностей структуры личности.

С. С. Корсаков, В. Х. Кандинский, И. М. Балинский в учении о личности, которое они ограничивали психологическими характеристиками, вводили понятие психопатии и отличали ее от психических заболеваний. Такое разделение имело существенное значение для определения поведения психопатов, их социально-психологического облика, речь шла об условиях их адаптации, но не об их лечении.

В. Х. Кандинский характеризовал психопатов как непостоянных, неустойчивых, дисгармоничных личностей. Подобные черты составляют особенности личности, а не ее временные состояния, не психогенные реакции.

С. С. Корсаков писал, что, в отличие от психических заболеваний, которые имеют свое начало, развитие и тот или иной конец, при психопатии вся жизнь — болезнь, она отмечена непропорциональными реакциями на внешние стимулы. Корсаков, Кандинский и другие психиатры признавали психопатии прирожденными аномалиями психики, следовательно, в личности они усматривали врожденные черты. «Это состояние, — писал В. Х. Кандинский о психопатиях, — относится к сумасшествию от случайных причин совершенно так же, как телесные уродства с пороками

физического развития относятся к случайно приобретенным физическим болезням». Психопатическое состояние определяется тем, что «весь строй душевной жизни. характеризуется непостоянством, изменчивостью, неустойчивостью, отсутствием внутреннего равновесия, дисгармонией своих отдельных сторон» (Кандинский, 1890, с. 94, 102).

При изучении психопатий психиатрия неизбежно скрещивалась с социальной психологией, выясняя поведение психопатов в малых и больших группах: в семье, среди окружающих их близких людей, в трудовых коллективах, в тех общностях, к которым они принадлежали.

В 1904 г. П. Г. Ганнушкин, работавший в психиатрической клинике Московского университета, начал читать курс «Учение о патологических характерах», которым положил начало разработке малой психиатрии, как стали называть учение о психопатиях и неврозах.

Как клиницист Ганнушкин воспринял лучшие традиции корсаковской школы — связь научных исследований с запросами практики и интерес к задачам организации психиатрической помощи. Обращенные к психопатиям, эти традиции приводили к вопросам социальной психологии и, в частности, к вопросам социально-психологического климата. Врачебная деятельность Ганнушкина началась в клинической амбулатории, где он встречался с больными, остающимися вне стен психиатрического стационара, и здесь из общения с этими больными родились его мысли о психопатиях.

В 1908 г. уже известный тогда врач-психиатр П. Б. Ганнушкин опубликовал статью «Постановка вопроса о границах душевного здоровья» (Ганнушкин, 1908), в которой говорил о том, что наблюдаются личности, резко отличающиеся и от нормальных людей,

и от душевнобольных. Их отличие бросается в глаза, но обыкновенно они остаются в условиях обычной жизни, принимают в ней посильное участие и являются известным социальным фактором, который всегда необходимо учитывать. Ганнушкин писал: «Психопатическими называются личности, с юности, с момента сформирования представляющие ряд особенностей, которые отличают их от так называемых нормальных людей и мешают им безболезненно для себя и для других приспособляться к окружающей среде. Присущие им патологические свойства представляют собой постоянные, врожденные свойства личности, которые хотя и могут в течение жизни усиливаться или развиваться в определенном направлении, однако обычно не подвергаются сколько-нибудь резким изменениям» (там же, с. 121).

Согласно Ганнушкину, психопатия как врожденная аномалия личности, выражающаяся в дисгармоничности и неуравновешенности психики, обуславливает плохую социальную приспособляемость человека, что прежде всего нарушает его общение с другими людьми и приводит к конфликтам. Забота врачей-психиатров заключается в том, чтобы ослабить конфликты, возникающие при психопатиях, с одной стороны, а с другой — отличать их от других психопатических форм поведения. Речь шла о лечении в одних случаях и о перевоспитании — в других, т. е. о применении методов социального и педагогического воздействия. Однако и в тех, и в других случаях первая необходимость была в помощи при налаживании общения с людьми.

Различение психопатий и социально обусловленных психопатических форм поведения подводило к трудной проблеме врожденного и приобретенного в ее соотношении с проблемой биологического и социального у человека, поскольку это были все же нетождественные проблемы. Проблемы, о которых идет

речь, в то время лишь возникали и перед психологами, и перед психиатрами, к решению их обе области знания совместно подошли в наши дни.

В отношении пограничных состояний Ганнушкиным были предложены два пути их изучения — от болезни к здоровью и от здоровья к болезни. Первый путь — изучение личности в пределах клинического опыта. Второй — выход за его пределы, что предполагало изучение личности в ее обычных условиях жизни и деятельности, а значит, в социальных условиях.

Клиника малой психиатрии, или пограничных состояний, получила в трудах психиатров свои права.

Передовые русские психиатры как важное условие лечения вводили взаимоотношение врача и больного, их общение расценивалось как лечебный фактор. В «Курсе психиатрии» С. С. Корсаков высказывал свои соображения об общении врача с больным: со стороны врача это внимание к форме общения — без лишних слов, без назойливости в расспросах, без приторной ласковости, терпение, ободрение больного, серьезное отношение и живой интерес к тому, что говорит больной. Корсаков подчеркивал значение разговора с больным, контакта с ним для установления диагноза.

Зарождение социальной психологии привлекло внимание русских психиатров к проблеме массовых психических заболеваний, психических эпидемий. Этой проблеме были посвящены работы психиатров В. Х. Кандинского, А. А. Токарского, Н. В. Краинского, П. И. Якобия, С. И. Мицкевича и др. (см.: Краинский, 1900; Токарский, 1890, 1893; Якобий, 1908). Описание такого рода явлений мы встречаем у этнографов и путешественников (см. литературу в кн.: Мицкевич, 1929).

Под психическими эпидемиями психиатры понимали массовые психические заболевания или распространение у известного числа людей одной идеи,

обусловливающей одинаковые их действия. Кандинский писал: «Душевная зараза от одного человека передается к другому, к третьему, воспроизводится здесь и из этих вторичных фокусов заражения распространяется с новою силою далее, захватывая все большую и большую массу людей, до тех пор пока будет находить благоприятную для себя почву. Проходит время повального душевного расстройства, время коллективного увлечения или страсти, — и вернувшиеся к рассудку люди обыкновенно сами не могут понять своих прошлых ошибок.» (Кандинский, 1881, с. 194).

Психические эпидемии были известны давно, история, главным образом история средневековья, хранит много их описаний. Они принимали разные формы в разных странах, и большинство из них были связаны с религией. В трудах русских психиатров приведен обширный исторический материал.

История общества, сообщил Кандинский, представляет длинный ряд примеров, в которых известные возбуждения и стремления, известные чувства и идеи охватывают сразу массу людей и обуславливают независимо от воли отдельных индивидов тот или другой ряд одинаковых действий. При этом идеи могут быть высокими и нелепыми, чувства могут не выходить из обычных границ, но могут быть необычайными и аномальными, совершенно меняющими прежний нравственный и умственный характер людей. Такое движение масс порою принимало форму резкого душевного расстройства, и поэтому можно говорить о душевных эпидемиях. Средневековые крестовые походы в Западной Европе — один из примеров душевных эпидемий. Огромного развития в средние века достигли эпидемии религиозного бреда в форме теомании, демономании, бесоодержимости. В XIV в. в Италии получила массовое распространение психическая болезнь, названная тарантулой. Лечили ее

музыкой, заставляя больных плясать, так как считалось, что болезнь возникает от укуса тарантула, а с пляской у больных весь яд тарантула выходит из крови. Ритм этой музыки назывался тарантеллой. Эпидемия со временем исчезла, но танец тарантелла остался как народный итальянский танец.

В своей работе «Нервно-психический контагий и душевные эпидемии» В. Х. Кандинский подробно описал различные варианты «повальных эпидемических душевных расстройств», или «коллективного безумия», — эпидемий самобичевания, хореомании, тарантизма, демономании, вампиризма, зооантропии.

В 1893 г. с речью о психических эпидемиях выступил на четвертом годичном заседании Общества невропатологов и психиатров А. А. Токарский. На основе анализа большого исторического материала о психических эпидемиях Токарский указывал, что в основе их были социальные, политические и экономические причины. Религиозные психические эпидемии, как можно заметить, возникали после больших народных бедствий — чумы, войн. По-разному протекавшие, они имели общую основу — идею обращения к богу с целью умиловить его. Невежество и суеверия вели к распространению болезни.

Исторические примеры из средневековья предвосхищали изложение результатов собственных исследований врачей и их деятельности по оказанию помощи в массовых психических эпидемиях, которые возникали в русских деревнях и в далеких сибирских окраинах. Достаточно ясны были намерения исследователей — раскрыть социальные и психологические корни массовых психических болезней в современной им действительности и показать, в каком историческом ряду они находятся.

В. Х. Кандинский массовые психические заболевания объяснял «психической заразительностью», «нервно-психическим контагиумом», по его терминологии.

Его как врача-психиатра интересовали факт «заражения» в психической жизни, физиологический и психопатологический анализ этого явления, позволяющий дать научное объяснение психических эпидемий, которые пугали своей таинственностью и считались проявлением сверхъестественных сил, овладевающих людьми. Подобное толкование всемерно поддерживалось служителями разных религий, поскольку укрепляло их влияние на верующих.

В психических эпидемиях Кандинский видел пограничные состояния между нормой и патологией, переход социально-психологических явлений в психопатологические. «Подобного рода факты, — писал он, — обыкновенно только тогда причисляются к области душевной патологии, когда душевное расстройство является в слишком резкой форме, когда двигающая идея или чувство слишком нелепы, слишком далеки от нормы, или когда психическое расстройство сопровождается резкими телесными симптомами. Но степени душевного расстройства бесчисленны и строго разграничить явления — патологические и физиологические — невозможно» (там же, с. 155).

Занимаясь поисками причин психических эпидемий как массовых социальных форм подражательности, Кандинский подходил к явлениям психической контагиозности психологически, социально-психологически и исторически. «В происхождении душевных эпидемий играют роль различные причины и условия, случайные и частные, общественные и исторические» (с. 233). На уровне научных знаний своего времени Кандинский искал физиологическое объяснение механизмам подражательности и внушаемости, которые в своем крайнем виде проявляются в психических

эпидемиях. Рассматривая в совокупности психологические, психопатологические и социально-психологические факторы, он анализирует их в соотношении с целенаправленным, волевым поведением и поведением автоматическим, осуществляемым ниже порога сознания. «Мы надеемся показать, что корень душевных эпидемий заключается в самой психической организации человека и что обыденные проявления нервно-психического контагия и поражающие примеры средневековой демономании или мании плясок связаны цепью посредствующих градаций» (с. 156).

По отношению к психическим расстройствам в понятие контаги-озности Кандинский включает представление об общении, контакт происходит именно таким путем, пусть это будет речевое общение или впечатления от действий людей. Ключ к пониманию нервнопсихической контагиозности Кандинский видит в произвольных психических актах.

«Человек есть существо, одаренное разумом и свободною волею; как же согласить это с фактами слепого неразумия масс, когда тысячи людей бросаются по одному и тому же пути, часто ведущему к гибели, не рассуждая, не думая, как будто увлекаемые какою-то роковою силою?» (там же). Отвечая на этот вопрос, Кандинский полагает, что разум и воля не какие-то особые и постоянные сущности или силы, а просто известные формы сознательной психической деятельности. Но она может совершаться и вне этих форм, бессознательно. Непосредственными мотивами человеческих действий являются чаще всего желания, чувства и страсти, а не рассудок и воля. Сильная страсть непременно разрешается в действие. Глубокое и постоянное сосредоточение мысли на одном пункте вызывает состояние экзальтации. Отсюда недалек переход к патологическому состоянию экстаза, при котором вся психическая жизнь сосредоточивается на

одной идее или чувстве, а окружающий мир перестает существовать. Результатом может быть или полная неподвижность, или ряд известного рода движений. При этом имеет значение истощение нервной системы из-за непомерного физического труда или недостаточности питания. Нервная контагиозность, по Кандинскому, — бессознательное подражание. Наклонность к такому подражанию имеется у всех людей.

В сфере побуждения и чувств велико «значение способности человека приходить в унисон с другими людьми» (с. 182). «Вместо того, чтобы называть эту способность подражательностью, здесь приличнее употребить термин „душевная контагиозность“» (там же). «И дурные, и добрые примеры, все равно, видим ли мы их или только слышим и читаем о них, равно заразительны» (с. 183).

Подражание, сознательное и бессознательное, может выражаться в движениях и положениях тела, в мимике, в звуках и словах. Действие психической контагиозности особенно резко в массе людей и тем резче, чем больше и компактнее масса и чем меньше индивиды, ее составляющие, привыкли руководствоваться в своих действиях рассудком. Только идеи с аффективным характером, производя экзальтацию в массах, приобретают широкое эпидемическое распространение. Чистая, отвлеченная, лишенная аффективного характера идея мало заразительна.

Кандинский отличал психические эпидемии в тесном смысле, поварьные психические болезни от контагиозности психических состояний и следующих отсюда действий.

В России издавна была известна такая форма массового психического заболевания, как кликушество. П. П. Якобий сообщал, что у него есть поименный список более тысячи кликуш из одной только Орловской

губернии. В. И. Даль писал, что кликуши известны почти по всей России. О том, какое распространение получило кликушество, свидетельствует специальная статья в Уложении о наказаниях, в которой говорилось: «так называемые кликуши, которые делают на кого-нибудь изветы, утверждая, что он причинил им зло будто бы посредством чародейства, подвергаются за сей злостный обман заключению в тюрьме на время от 4 до 8 месяцев».

Кликушество и эпидемии этого заболевания в Новгородской и Смоленской губерниях изучал Н. В. Краинский, директор Колмовской психиатрической больницы в Новгородской губернии. В его книге «Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни», изданной в Новгороде в 1900 г., был собран исторический материал, собственные наблюдения и клинические исследования.

Кликушество, писал Краинский, выражается в припадках: больные иступленно кричат, выкрикивают («выкликают») бранные слова, богохульствуют, называют имена тех, кто, по их мнению, напустил порчу, совершают ряд беспорядочных движений; у них наблюдаются спазмы пищевода, глотки, учащенный пульс, онемение частей тела, дрожание разных групп мышц и т. д. Большею частью кликушествуют женщины. Они уверены, что в них вселилась нечистая сила, отсюда характерное поведение кликуш: своеобразная боязнь всего, что признается святым, наступление припадков в церкви во время богослужения, при отчитывании их священниками, якобы изгоняющими из них беса, выкликание имен, виновных в порче. Поскольку больные думают, что они действуют по велению находящегося в них беса, они святотатствуют. Такое поведение делает их в глазах верующих носителями нечистой силы, бесо-одержимыми.

Н. В. Краинскому было поручено расследование причин психической эпидемии кликушества в деревне Ащепково Гжатского уезда Смоленской губернии, распространившейся в 1898–1899 гг. Болезнь возникла у одной из крестьянок, началась она с истерического припадка, причиной которого больная посчитала порчу со стороны соседки. В поисках исцеления ее повезли по окружным монастырям, где она повидала многих кликуш, и вместо выздоровления припадки у крестьянки усилились, стали связываться с церковной службой. Вернувшись, больная во время одного из приступов, происшедших в церкви, стала угрожать заболеванием другим женщинам, выкликая их имена. И этого было достаточно для того, чтобы предрасположенные к истерии женщины подверглись припадкам кликушества. В деревне заболело двенадцать человек — десять женщин и двое мужчин. Затем заболевание вспыхнуло в соседней деревне. Местные власти, боясь самосуда над женщиной, которую обвиняли в колдовстве, выслали ее из деревни. Между тем первую заболевшую женщину продолжали возить по богомолям. Будучи сама истеричкой, она с религиозной фанатичностью утверждала веру в порчу среди встречаемых ею женщин, многие из них и сами начинали «кликать», воображая себя прибежищем дьявола.

Краинский обследовал в Ащепкове местных кликуш и попытался лечить их гипнозом. После размещения кликуш по больницам и высылки из деревни мнимой колдуньи эпидемия пошла на убыль.

В следующем году Краинский был послан на другую эпидемию кликушества в деревню Большой двор Тихвинского уезда Новгородской губернии. В этих местах кликушество бытовало давно. Недалеко отсюда в конце 1870-х годов была сожжена в своей избе солдатская вдова, которая слыла колдуньей, портившей людей. Убежденье в силе колдовства было

распространено в окрестных деревнях, и вспышка болезни в деревне Большой двор произошла не случайно. Воображение женщин было подготовлено к тому, чтобы искать причину болезни в колдовстве. Одну из жительниц обвинили в колдовстве и порче женщин. Вот как описывал Краинский господствующее настроение в деревне. «Для жизни всего населения, равно как для кликуш и семьи мнимой колдуньи, эта эпидемия составляла настоящее бедствие. Взаимная вражда, доходящая до ненависти, постоянные распри, боязнь новых заболеваний и развитие суеверного страха совершенно надорвали нравственные силы населения. Общественное мнение стало изменчивым и наэлектризованным, толпа готова была по первому знаку совершить самую безумную расправу» (Краинский, 1900, с. 191).

Н. В. Краинский, а также В. М. Бехтерев, написавший предисловие к его книге, объясняли кликушество социальными, социально-психологическими и психологическими причинами, давали характеристику этого заболевания как психиатры. «При своих исследованиях, — писал Н. В. Краинский, — я столько же сталкивался с медицинской стороной дела, сколько и с бытовой, и, взвешивая итог своих размышлений, склонен отдать перевес значению бытовых условий жизни русского народа как причин кликушества» (там же, с. 1). «Кликушество и порча, — соглашался с ним В. М. Бехтерев, — в значительной мере обязаны своим происхождением бытовой стороне жизни русского народа» (Бехтерев, 1900, с. 3). Что же это за бытовая сторона? Речь шла о социальных и социально-психологических причинах заболевания, об условиях жизни крестьянства: нищете, невежестве и суевериях, широко распространенных представлениях о колдунах и ведьмах, которые вселяют нечистую силу в людей. В деревнях нередко были самосуды над теми, кого

обвиняли в колдовстве, а в судах разбирались дела об убийстве колдунов. Так, в Кашинском окружном суде с участием присяжных заседателей слушалось дело о расправе с мнимой колдуньей.

Краинский на основании своего исследования пришел к выводу о том, что большую, если не первенствующую, роль в развитии кликушества в России играли монастыри, особенно московские и окрестных губерний, где служилась особая обедня для бесноватых и производилось шестинедельное их отчитывание. «Уже в течение нескольких веков, — сообщал Краинский, — сюда стекаются на богомолье кликуши со всех сторон России с надеждою получить исцеление. Здесь их отчитывали специальными молитвами монахи, здесь им давали травы и священное масло, а в некоторых монастырях, как, например, в Москве, в Симоновом монастыре, для бесноватых и теперь служитя особая обедня и отец Марк отчитывает их специально в продолжении шести недель. По монастырям во время службы, на крестных ходах и богомольях у чудотворных икон можно видеть массу кликуш, впадающих в состояние припадков. Эти припадки сильно поражают производимым ими впечатлением воображение окружающих, и бурная картина виденного припадка хорошо запечатлевается в памяти простодушной поселянки, пришедшей на поклонение святыне из глухой русской деревни. Здесь большинство русских кликуш воспринимает и бессознательно обучается тем проявлениям болезни, которые они позже, когда становятся сами кликушами, воспроизводят благодаря болезненному подражанию» (Краинский, 1900, с. 175).

В. М. Бехтерев присоединялся ко взглядам Краинского, видя в монастырях распространителей психических эпидемий. Монастыри оказывались местом массовых сборищ и очагами заражения.

В предисловии к книге Н. В. Краинского В. М. Бехтерев высказывал мысль о роли невольного внушения в распространении этой болезни. «Описание бесноватости в священных книгах, рассказы о порче и бесоодержимости и вера в колдунов и ведьм, передаваемая из уст в уста среди простого народа, особенно же поражающие картины кликушества и бесоодержимости, которые приходится видеть русской крестьянке в церкви, — картины, которые надолго запечатлеваются в душе всякого, кто имел случай наблюдать неистовство кликуш и бесноватых, особенно же их неслыханные богохуления и осквернение святынь, действуют на расположенных лиц наподобие сильного и неотразимого внушения» (Бехтерев, 1900, с. 3). Картины беснования кликуш во время их публичных отчитываний в церкви еще более укрепляют у зрителей веру в бесоодержимость. «Дело идет, — писал Бехтерев, — в данном случае о болезненном состоянии, основу которого составляет истерический невроз. Но не подлежит сомнению, что психическая сторона так называемой порчи и кликушества, как и бесноватости, черпает свои особенности в своеобразных суевериях и религиозных верованиях народа» (там же, с. 2). Бехтерев считал, что «при существовании религиозного внушения о возможности порчи и бесоодержимости, очевидно, достаточно для предрасположенной личности уже самого незначительного повода, чтобы развилась болезнь» (с. 4). Обследование показало, что кликуши почти все оказались очень внушаемы и их чрезвычайно легко было гипнотизировать, они все полностью подчинялись воле гипнотизера.

Краинский предрасположением к заболеванию считал сомнамбулизм, его он считал психологической основой кликушества. «В эпидемиях. главную роль играет сомнамбулизм и внушение, связанные с болезненным подражанием и черпающие содержание

картины явления из бытовых условий, религиозных верований и суеверий русского народа. При эпидемическом развитии кликушества весьма важное значение имеет психология толпы» (Краинский, 1900, с. 216). Для понимания кликушества характерна одна черта — патологическое подражание. «Кликуша воспроизводит припадок в той форме, в какой она его видела у других больных, и затем уже повторяет его всегда в одной и той же форме, до мельчайших подробностей» (там же, с. 227).

Бехтерев указывал, что способ лечения кликуш заключается прежде всего в разобщении больных друг от друга, в обособлении их от здоровых для устранения взаимовнушения и взаимовлияния одних на других, а также в лечении физических недугов, предрасполагающих к болезненному состоянию. Вместе с тем Бехтерев писал: «полное искоренение зла возможно лишь в том случае, если мы будем иметь в виду не одни только лечебные меры, но и меры предупреждающие. Одних медицинских и административных мероприятий здесь, очевидно, недостаточно» (Бехтерев, 1900, с. 6). Нетрудно понять, что здесь Бехтерев под мерами предупреждения подразумевал социальные изменения.

Другое психическое заболевание, принимающее в известных условиях массовый характер, — мерячение — было распространено в дореволюционное время в Восточной Сибири и описано рядом исследователей, врачами и этнографами.

Мерячение наблюдалось среди якутов, бурят и других народностей. Заболевали и русские, но те, которые давно живут в

местности, где встречается мерячение. Болезнь эта характеризуется подражанием словом, жестами, действиями, неудержимым исполнением больными приказаний, данных им. А. А. Токарский, изучавший

мерячение, писал о «множественном» мерячении, о случаях, когда эта болезнь принимала эпидемический характер. Он рассматривал психические эпидемии, исходя из признания основного для человека свойства — чувства влечения к другому человеку и страха перед одиночеством. Чрезмерный страх одиночества может принять болезненные формы и перейти в психическое расстройство. Под его влиянием человек испытывает возбуждение и поддается воздействию других людей, подвергается психическому заражению, которое бессознательно, непосредственно. Человек чувствует, что его побуждает к действию непонятная для него сила, которая охватывает его, подавляя сопротивляемость, позволяя совершать действия, которые для него произвольно не выполнимы, хотя возможность совершать их дается строением тела.

Токарский дал психологический и социально-психологический анализ мерячения, объяснил физиологический механизм этой болезни, опираясь на сеченовскую рефлекторную теорию психики. Он полагал, что два существенных признака болезни определяются условиями, в которых возникает, а затем закрепляется и при определенных условиях повторяется психический акт, протекающий как рефлекторный процесс. Вызывается он теми или иными внешними воздействиями, далее впечатление (зрительное или слуховое) обуславливает исполнение того или иного движения, действия, словесного ответа. Особенность заключается в том, что действия будут подражательные в том случае, когда воспринимается образ действия или происходит непосредственное немедленное исполнение словесного приказа. Заключительное звено рефлекторного акта при мерячении состоит в подражании движениям или в исполнении словесного приказа. При этом действия людей, страдающих мерячением, становятся автоматическими.

Одну из первоначальных причин, вызывающих появление данного заболевания, Токарский видит в испуге, который поддерживается окружающими больного людьми, становится привычным состоянием и наступает чрезвычайно легко. Испуг ведет к ослаблению психической деятельности и освобождает двигательные реакции. Влияние аффективного состояния обнаруживается там, где существуют неожиданность и сила впечатления. Так и случается, когда больного захватывают врасплох и озадачивают его громким криком. По мере повторения указанные акты совершаются с большей легкостью и быстротой, ускользают из-под контроля сознания. При явлениях раздражения аффект не всегда является непременным условием их возникновения. Они наблюдаются и при покойном состоянии субъекта. Здесь большая сила совершающегося рефлекса, по мнению Токарского, зависит от относительной яркости психических образов и в то же время от ослабления всей психической деятельности. Явления раздражения могут возникнуть при воспроизведении представлений в ответ на произносимое слово, если слово имеет аффектирующий характер, вызывает несдержанный рефлекс, выражающийся в ряде движений.

Таким образом, мерячение представляет собой двигательный усиленный рефлекс на внешнее раздражение, к которому присоединяется привычка. Наблюдались случаи искусственного развития явлений мерячения, так называемого ложного мерячения. В этих случаях прекращение раздражений вызывает улучшение и даже исчезновение болезни.

Токарский пришел к выводу, что в основе мерячения лежит некоторая дисгармония психической деятельности, хотя психические процессы, рассмотренные в отдельности, идут обычным ходом. Он выделял два вида заболевания: истинное мерячение —

подражание и исполнение приказаний при ясном сознании и без аффекта, и ложное мерячение, которое возникает при аффекте, преимущественно испуге, а повторные явления происходят при умышленном пугании или вызывании аффективных состояний. Мерячение он рассматривал как своеобразное нарушение психической деятельности у людей, во всех других отношениях совершенно здоровых, как явление, свидетельствующее о психической слабости, которая заключается в невозможности регулировать импульсы, приходящие извне и возникающие в организме. При ложном мерячении ослабление задерживающих центров головного мозга, по словам Токарского, приводит к многочисленным бессознательным движениям.

В мерячении, особенно в ложном, участвует социально-психологический момент — отношение окружающих людей к больному и отношение самого больного не только к своей болезни, но и к своему положению среди людей. Помимо социально-психологических условий, связанных с взаимоотношением людей, все авторы указывают на то, что мерячение имеет корни в религиозных воззрениях и связано с представлением о вселении в человека злого духа. «Мерек» значит по-якутски злой дух. Так же, как в кликушестве, больной при мерячении убежден, что в нем действует злой дух. Мерячение одного больного передается другим людям — тем, у кого наблюдается неустойчивость психики, большая впечатлительность. Один из случаев массового мерячения был описан врачом Кашиным. Он был свидетелем того, как в Забайкальской области рота казачьего полка, состоявшая из уроженцев одного района Восточной Сибири, где было распространено мерячение, начала вслед за командиром повторять команды и в ответ на угрозы и крик командира слышались от всей роты те же угрозы и тот же крик (Токарский, 1890).

Причины, вызывающие мерячение, Токарский разделял на производящие и предрасполагающие. К последним он относил наследственность — слабость психических процессов. Производящей причиной Токарский считал в первую очередь психическую заразительность, которая, по его мнению, вытекает из основного свойства психической деятельности — стремления к подражанию. Заразительность — явление бессознательное. В нем сливаются предрасполагающая и производящая причины. Моментом, который служит первой причиной развивающейся болезни, является аффект. Он обуславливает понижение деятельности задерживающих центров и облегчает совершение патологических процессов. Чем дольше существует болезнь, тем большую роль играет привычка. При этой болезни роль привычки существеннее, чем в большинстве других психических болезней. Токарский отмечает такое социальное условие болезни — она поддерживается неправильным отношением к больным со стороны окружающих людей.

В 1928 г. в серии «Материалы комиссии по изучению Якутской автономной советской социалистической республики» Академии наук СССР была выпущена книга С. И. Мицкевича «Мэнэрик и эмиряченье: Формы истерии в Колымском крае». История этой книги такова: автор, врач по образованию, написал ее в 1903 г. после возвращения из Якутской области, где он пробыл как политический ссыльный около шести лет. В ссылке он получил разрешение заниматься медицинской практикой и был назначен окружным врачом в Средне-Колымск, находившийся в 2450 км к северо-востоку от Якутска. Туда никто из вольных врачей ехать не хотел.

Своим наблюдениям над болезнями мэнэрик и эмиряченье автор предпослал очерк условий жизни и быта местных жителей, описал психологические черты, отличающие население этого края, подробно рассказав

об особенностях колымской женщины, бытующих там половых отношениях. Приводимый материал о формах истерии (тарымта, мэнэрик), об истерических эпидемиях и сумасшествиях Мицкевич связывает с условиями местной жизни. Он дает описание эмирячения — вида мерячения, при котором происходит воздействие на больного со стороны другого лица и больной полностью подчиняется этому лицу. При эмирячении больной становится объектом бесконечных запугиваний, издевательства со стороны окружающих. В результате болезнь усиливается все более. В книге Мицкевича социально-психологический подход к описанию болезни выступает на первый план и болезнь предстает как крайняя степень нарушения отношений между людьми.

Что же в психологическом облике колымчанина, по мнению автора, способствует возникновению болезни и ее развитию? Пугливость, суеверие, впечатлительность и легковёрность. Колымчане верят в предчувствия, предсказания, приметы, заговоры, порчу, привидения. Развитию этих свойств способствует беспомощность колымчанина перед всякими бедствиями. Для охраны от них местное население — не только якуты, но и русские — обращались к шаманам. Нервность женщин, возникновение у них истерии обуславливается их положением в семье, ранним началом половой жизни и травмами на почве половых отношений. Большинство женщин подвержено истерическим припадкам, которые постепенно приобретают определенную форму и возникают при малейшем испуге. Припадки эти приписываются порче — так считает сам больной и его близкие. Больной, как думают его окружающие, одержим духом и может иметь ту же силу, что и шаман, с той только разницей, что дух в него во время припадка вселяется насильно, а шаман призывает духов по своей воле. Однако суть одна — колымчане верят, что происходит общение со сверхъестественными силами, и

это ставит больного в особое положение среди других людей. В то же время появляется заинтересованность в том, чтобы не только наблюдать припадок со стороны, но и вызывать его, пугая припадочных. Форма, в которой протекает приступ, очень похожа на шаманское камлание — ритм напева, выкрики, качание туловища и состояние протрации после экстаза.

Мицкевич отмечал, что болезнью часто страдали все члены семьи, иногда эпидемия охватывала целые роды. В 1899 г., по его данным, эпидемия поразила два рода, юкагиров и ламутов, заболели около 150 человек, припадки у них держались 3-4 месяца.

Изучение психических эпидемий привело к заключению, что они могут рассматриваться как болезненные отклонения от явлений массовой психологии. В этих заболеваниях проявлялись свойства, характерные для психологии толпы: повышенная возбудимость, импульсивность, внушаемость, сознательная и бессознательная подражательность. Общим для всех форм массовых психических заболеваний являлся факт «психической заразительности». Причины психических эпидемий, как отмечали все исследователи, прежде всего социальные и социально-психологические, которые при определенных условиях и предрасположенности приводят к возникновению болезни.

По мере развития психиатрии в России, в деятельности психиатров открывались новые стороны. После судебной реформы 1864 г., когда в стране был утвержден суд присяжных и введено новое судопроизводство, психиатров стали привлекать к участию в судебно-психиатрической экспертизе. Они давали свое заключение о том, является ли лицо, совершившее преступление, по состоянию своего здоровья вменяемым и ответственным за свои действия, может ли оно отдавать отчет о своих поступках.

Вменяемостью называлось такое состояние, когда человек способен выбирать между совершением и несовершением действия, обозначенного в законе как преступление или проступок. Человек совершает наказуемое законом действие, которое должно быть вменено ему, т. е. он признается виновным перед законом. В зависимости от заключения психиатрической экспертизы суд решал, какие меры надо принимать — применять ли статьи из Уложения о наказаниях или направлять на лечение в психиатрическую больницу. Психиатрам приходилось чаще всего заниматься психопатиями, именно они вызывали необходимость судебно-медицинской экспертизы.

Практика судебного дела вела к теории психологии и теории психиатрии, требуя научного обоснования действий судебно-медицинской экспертизы. При этом приходилось решать вопрос сложного отношения психологического и психопатического: противостоять попыткам психологического толкования психопатически обусловленного поведения человека и в то же время защищать психологический критерий в психиатрической экспертизе, искать причины психопатологического поведения в нарушении нормальной работы мозга и учитывать социально-психологические корни поведения. От судебно-медицинской экспертизы зависела дальнейшая судьба подсудимого: наказание или лечение, ограждение общества от социально опасного преступника тюремным заключением или лечение и признание его. В деятельность психиатров вошла судебно-психиатрическая экспертиза, а вместе с тем и проблемы судебной психиатрии, сближающие ее с судебной психологией, начало которой было положено введением судебной реформы.

В 1883 г. в связи с обсуждением формулировки 36-й статьи нового проекта Уложения о наказаниях среди психиатров и юристов возникла дискуссия по поводу

целесообразности внесения в обсуждаемую статью психологического критерия вменения, т. е. ответственности за свои поступки. Вопрос стоял так: нужно ли дополнять медицинский критерий — психиатрическую мотивировку невменяемости — его психологическим объяснением и аргументацией. На первом съезде отечественных психиатров с большой речью, отстаивавшей психологический критерий, выступил В. Х. Кандинский (Труды., 1887). Он считал, что возможно только психологическое определение, позволяющее устанавливать границу между здоровьем и психической болезнью. Надо определять состояние невменяемости исходя из представления о том, что при этом исключается свободное волеопределение, которое предполагает, во-первых, понимание человеком значения и свойств своих деяний и существование возможности сделать выбор между мотивами удержаться от преступления или уступить соблазну,

В старом Уложении о наказаниях психологический критерий был ограничен его первой частью, т. е. пониманием человеком значения его действия, но возможность выбора мотивов не учитывалась. В новой статье было добавлено, что «не вменяется в вину содеянное, когда действовавшее лицо по душевному состоянию своему в то время не могло понимать свойства и значение своих деяний или не могло руководиться своим пониманием (имея его) в действовании своем» (там же, с. 455). Речь шла об ответственности перед обществом.

Психологические и психиатрические вопросы, связанные с этой областью, возбудили большой интерес у В. Х. Кандинского в последние годы его жизни (Кандинский, 1890; см. также: Рохлин, 1975, глава 11). Задуманный им большой труд он сам охарактеризовал так: «Мой труд, имея заглавие „О свободе воли (медико-философское исследование)“, распадается на

три части. Первая часть: „учение о свободе действия“, по свойству предмета носит характер исследования философско-психологического; вторая часть: „учение об ответственности“, трактует о вопросах, относящихся к области индивидуальной и общественной этики; третья часть: „учение о вменении и о состояниях невменяемости“, применяет принципы, добытые предыдущими исследованиями к практике судебной, имеет главным содержанием своим чисто практические вопросы судебной психопатологии» (Кандинский, 1890, с. 1).

Первый раздел выражал отношение автора к проблеме детерминизма психики и поведения человека, волновавшей в то время общественную мысль, второй и третий включали социально-психологическую трактовку названных вопросов. Опубликованная в монографии третья часть труда содержала мнение этого крупного психиатра по вопросу о невменяемости, т. е. правового положения душевнобольных. Именно Кандинский настаивал на необходимости психологического критерия. По его мнению, психиатры, занимающиеся судебно-психиатрической экспертизой, должны быть сведущими в социологических, социально-психологических, психологических и юридических вопросах. «Иначе, — писал Кандинский, — психиатры смогут быть на суде только свидетелями, а не экспертами.» «Свидетель сообщает лишь факты, свидетель — врач, значит, может (потому что и должен) ограничиться медицинскими фактами. Эксперт же — умозаключает и цель его умозаключений должна привести судью к правильному применению закона в данном случае.» (там же, с. 9).

Кандинский полагал, что психиатр-эксперт в своей деятельности отличается от психиатра-клинициста, поскольку, диагностируя душевное заболевание, он выносит суждение, определяющее социально-

психологическую характеристику больного и в отношении его деяния, его ответственности за эти деяния перед обществом. При обсуждении указанной статьи Уложения о наказаниях на заседании Петербургского общества психиатров В. Х. Кандинский и поддерживавший его О. А. Чечот, отстаивая эту социально-психологическую особенность судебной психиатрии, говорили: «роль психиатра-клинициста существенно отличается от роли психиатра-эксперта, так как и между душевнобольными могут встретиться люди, вменяемость которых не может подлежать сомнению» (Протоколы., 1884, с. 22).

Кандинский защищал взгляд, согласно которому у психически больных могут сосуществовать патологические и здоровые элементы психики, находясь в сложной связи и взаимодействии, поэтому-то и необходимо дополнение медицинского критерия психологическим. Важно определение степени осознанности поведения и способности его регулирования. В экспертизах, проводимых Кандинским, всегда сочетался психологический, преимущественно личностный и социально-психологический, анализ с психиатрическим диагнозом.

Другие психиатры находили, что уже сам факт признания душевного заболевания человека заставляет считать его невменяемым.

Известный юрист А. Ф. Кони полагал достаточным признание психического заболевания как более широкого критерия для решения вопроса о невменяемости, чем психологический критерий, выражающийся в осознанности поведения и способности управлять им.

Одним из аргументов в защиту психологического критерия было наличие «светлых промежутков» в течение душевной болезни и необходимости различать стадии болезни — ее острые периоды и периоды

полноценной глубокой ремиссии при периодическом течении. Одни психические заболевания протекают с психопатологическими проявлениями, а другие — в так называемых непсихотических формах. Психиатрия выявила психические нарушения, так называемые пограничные состояния, при которых границы между нормой и патологией настолько стерты, что могут быть применимы только психологические критерии вменяемости.

Судебно-психиатрическое значение такой дифференциации психической патологии было очень велико. Ее социально-психологический смысл заключался в том, что она выражала гуманистическую направленность русской психиатрии: психические расстройства не были основанием для исключения всех больных из жизни общества, и в то же время клинический медицинский диагноз и психологический критерий, определяя их социальную опасность, давал возможность учитывать их состояние при совершении преступлений. Судебно-медицинские заключения Кандинского, Корсакова и других психиатров содержали обычно не только психопатологический анализ, но и психологическую характеристику личности, психологическую и социально-психологическую мотивировку поведения обвиняемого.

В дискуссиях по поводу психологического критерия вменения проявилось отношение к психологии: часть психиатров и юристов отказывались считать психологический критерий столь же научным, как медицинский, полагая, что тем самым вводится метафизическое спорное понятие сознания. Так думал, например, Ф. Кони (см.: Журнал гражданского и уголовного права, 1883, кн. 6, с. 60). Об этом говорили и участники заседания Петербургского общества психиатров, посвященного вопросу о невменяемости.

Они полагали достаточной естественнонаучную оценку проявлений психической деятельности.

В Московском отделении Общества психиатров позицию Х. Кандинского разделял С. С. Корсаков. Как и Кандинский, он считал возможным дать материалистическое объяснение сознанию и потому не считал это понятие метафизическим; более того, таким путем реализовалось, по его мнению, представление о социальной детерминации психики. В. Х. Кандинский возражал своим противникам, указывая, что не все психологические теории умозрительны и метафизичны, существует и научная психология, которая дает причинное объяснение действиям человека, в том числе и волевым действиям. «Одно дело, — заявлял Кандинский, — учение о свободе воли у спиритуалистов, и другое дело — учение об условной свободе воли у психологов. Спиритуалистическое понятие о воле исключает всеобщность действия закона причинности; у психологов же свободное действие есть не что иное, как частный случай этого закона» (Кандинский, 1890, с. 20-21). Представление Кандинского о детерминации распространяется и на социальную детерминацию.

В качестве аргумента против индетерминистической концепции свободы воли Кандинский приводил судебную-исправительную практику, основывающуюся на «принципе определяемости воли внешними факторами, на принципе детерминистическом, совершенно противоположном индетерминистическому учению спиритуалистов» (там же, с. 32). «Тот, кто хочет путем наказания исправить злую волю, уже этим самым отрицает абсолютную свободу воли и, напротив, утверждает, что внешние факторы (как, например, наказание) могут отражаться на воле определяющим, изменяющим образом.» (с. 11).

В практике своей судебно-психиатрической экспертной деятельности Кандинский показал образцы сочетания высокого уровня клиницизма, правовой, социально-психологической и психологической оценки лиц, совершивших преступление. Он учитывал связь побудительных мотивов, выбора решения и его осуществления с целеполагающим сознанием, с анализом и синтезом мышления и социально-этническими чувствами.

В экспертном заключении по делу Губаревой, обвинявшейся в покушении на убийство (там же, с. 43–124), Кандинский согласно своему взгляду дал характеристику ее постоянного психопатического состояния — изменчивость, дисгармония отдельных сторон — и острого психического расстройства, в которое она впадала по временам и которое можно определить как временное полное умопомешательство или умоисступление. Характеристика психопатического состояния Губаревой включала прежде всего черты ее взаимоотношения с людьми. Согласно судебно-психиатрической экспертизе, суд присяжных признал Губареву невменяемой в момент совершения преступления.

Тесная связь между психиатрией и психологией, которая отличала передовую русскую науку второй половины XIX в., вызвала внимание к ряду социально-психологических явлений, обнаруживавшихся в практике работы психиатров. Сталкиваясь с этими явлениями, они давали не только их описание, но и возможное в то время объяснение. В специфических формах перед ними выступали массовые действия, межличностное общение, поведение людей в совместной деятельности и многие другие социально-психологические явления. Поднятые психиатрами-клиницистами проблемы пограничных состояний имели важное значение для изучения ряда социально-

психологических вопросов, которые были поставлены последующим развитием науки.

Глава 6

Православная церковь и проблемы социальной психологии

В истории русской психологии второй половины XIX в. одна ее сторона представляет особый интерес в связи с постановкой и решением социально-психологических проблем, вопросов об исторических формах социальной обусловленности психики, о социальном значении психологии. Речь идет о той роли, которую играла психология и социально-психологические проблемы в частности в идеологической деятельности православной церкви.

С психологией у церкви были особые отношения, поскольку ее считали «наукой о человеческой душе». Церковь видела в ней науку, наиболее близкую к богословию, ценила ее как дисциплину, важную для успешного руководства сознанием масс. Поэтому-то борьба против выделения психологии в самостоятельную науку, против определения ее материалистического пути, против ее союза с естествознанием стала для православия одним из важнейших участков борьбы против атеизма, за сохранение религиозного мировоззрения.

Одной из особенностей исторического развития России второй половины XIX в. являлось положение православной церкви. Церковь представляла собой часть государственного аппарата и несла в нем определенные идеологические функции. Социальная доктрина церкви являлась идеологией оправдания и сохранения социального строя, основанного на классовой эксплуатации. Христианство утверждало определенную систему ценностей и норм, а служителям церкви поручалось делать эти нормы и ценности

регуляторами поведения масс. Нравственные нормы, в которых нуждались господствующие классы, нормы социального устройства и поведения, предписываемые православной церковью как религиозные догмы, выражали условия существования людей в эксплуататорском обществе. Содержание и характер этих норм определялся прежде всего тем исходным положением, что власть освящалась именем бога и каждый высший по отношению к низшему был наделен этой властью. Вся религиозная картина мира и вся декларируемая ею система межчеловеческих связей утверждала иерархию власти самодержавия. Религиозная система отношений принималась в качестве модели социальных отношений: бог — во вселенной, царь — в государстве, отец — в семье. Здесь подразумевалось безусловное подчинение, с одной стороны, и милость — с другой. Власть наделялась чертами святости, являлась образцом небесной власти и воплощала в себе истину. На государя переносилось религиозное чувство, и власть его мыслилась данной от бога.

Характеристику социально-политических задач, решаемых религией, и ее роли в защите существующего общественного строя дал в своей книге «Наука и религия» Б. Н. Чичерин (Чичерин, 1879), теоретик государства и права. Психологии в его книге было отведено немаловажное место. Почему же юриста Чичерина занимали проблемы психологии и религии? Мы находим у него суждения, которые раскрывают их социально-психологический смысл. Цель человечества, заявлял Чичерин, заключается в том, чтобы превратить землю в удобное поприще для развития духа. Для этого требуется масса труда, поглощающего силы огромного большинства людей, поэтому значительная часть человеческого рода всегда должна пребывать на низшей ступени развития, их силы и способности

должны быть принесены в жертву той работе, на которую они определены их творцом, духовная деятельность является достоянием избранного меньшинства. Цель истории, по словам Чичерина, не в личном удовлетворении, а в общем благе, общее же благо состоит в разнообразии и гармоническом единстве частей, но не в равном их развитии. Всеобщее равенство никогда не может быть идеалом, потому что оно противоречит природе вещей и человека. С исторической точки зрения такая необходимость не должна смущать. Однако нравственный закон, пишет Чичерин, запрещает смотреть на человека только как на средство, ибо он носитель абсолютного начала. А так как в земной жизни удовлетворить его личные цели не представляется возможным и это назначение остается недостигнутым, противоречие между природой человека, которому предназначено удовлетворение личных целей, и действительным его осуществлением разрешается в загробной жизни человека, вернее, его бессмертной души. Христианским учением Чичерин оправдывает эксплуатацию в классовом обществе. Смерть является переходом к высшей жизни, к вечному миру, где все силы каждого человека достигнут полного назначения и личность получит то, что ей не было дано на земле.

Бог был в центре всей системы образов, понятий и норм, которыми оперировало христианство. Церковь брала на себя посредничество между ним и людьми, установление связи их с богом. Эти отношения человека с богом, рассматриваемые как общение души с ее творцом, позволяли церкви оказывать реальное воздействие на религиозное сознание, обуславливать особенности психических процессов, свойств и мотивации поведения верующих. Создавалась первичная социально-психологическая связь между верующим, священнослужителем и образом божества. Та же схема

общения действовала и тогда, когда священнослужитель руководил группой верующих посредством богослужений и иных обрядов.

Многочисленные высшие и средние духовные учебные заведения, академии и семинарии, готовили кадры духовенства — от пастырей сельских приходов до докторов богословия, профессоров философии, занимавших кафедры не только в духовных академиях, но и в светских высших учебных заведениях. Церковь владела мощными пропагандистскими средствами. Не говоря о том, что в стране насчитывалось (к 1914 г.) около 80 тысяч православных церквей и более тысячи монастырей, в распоряжении церкви была широкая сеть периодических изданий — журналов, рассчитанных на разные круги читателей, начиная от журналов, предназначенных для громкого чтения неграмотным верующим, и кончая религиозно-философскими журналами для профессоров-богословов, трудами духовных академий. Кроме того, издавалось множество религиозных книг — и популярных брошюр, и многотомных сочинений.

В духовном образовании психология как наука о духе вместе с логикой, метафизикой и нравственной философией входила в так называемую систему философии, которая в России читалась богословами в высших учебных заведениях, светских и духовных. Кроме того, читалась история философских систем, в которую включалась и история учений о психике. Социально-психологическая проблематика составляла содержание ряда разделов курса психологии, но этим дело не ограничивалось. Социально-психологические проблемы входили и в специальные богословские дисциплины, и в прикладные практические курсы, как, например, риторика — о красноречии, гомилетика — о сочинении проповедей и т. д. Среди богословских наук существовала специальная дисциплина — нравственное

православное богословие, в его предмет включалось определение христианских обязанностей и путей формирования «направления всех сил душевных». В него входили и вопросы социальной психологии, и психолого-педагогические вопросы воспитания верующих.

Задача церкви заключалась в том, чтобы вносить в индивидуальное сознание религиозное мировоззрение, но вместе с тем это была социально-психологическая задача его массовой пропаганды. Деятельность служителей церкви состояла не только в том, чтобы предписывать верующим их обязанности как некоторые религиозные догмы, но и обеспечивать их массовое усвоение. Священники сталкивались с многообразными социально-психологическими явлениями, которые с необходимостью учитывали в своей деятельности. Духовенство специально обучалось подходу к социально-психологическому обслуживанию масс верующих. При обучении будущих иереев им излагали способы и задачи «назидания» верующих согласно представлениям об обязанностях христианина. Этим занималась не только и не столько церковная психология, сколько нравственное богословие и ряд других церковных дисциплин: об искусстве воздействия на массу верующих, об общении с верующими — индивидуальном и групповом, о массовых культовых действиях и др.

За какую же психологию стояла церковь? Ей была нужна психология, краеугольным камнем которой являлось христианское учение о душе человека. Это учение входило в число основных положений православной церкви и занимало одно из главных мест в системе христианского вероучения. Душа определялась как самостоятельное, самосознающее духовное начало человека, отображающее в своей природе природу самого бога. Она считалась бессмертной — временное

земное существование души, связанной с телом, завершалось ее загробной жизнью в единении с богом, что объявлялось конечной целью бытия человека.

Из учения о душе церковью делались заключения, которые выражали социальный смысл христианства. Христианское учение о душе и ее бессмертии, о том, что душу после ее земной жизни ждут расплата за деяния, совершенные на земле, награда за добро и наказание за зло, освящало терпение и страдание на земле ради загробной жизни. Заслужить блаженство после смерти можно лишь выполняя христианские обязанности. Идеалы христианства — смирение, кротость, терпение — неустанно перечислялись церковью. Отсюда вытекали представления об обязанностях христианина по отношению к самому себе, ближним и властям.

Назначение человека, цели его и смысл жизни определялись его связью с богом, вечным стремлением к богу. Все реальные жизненные потребности человека рассматривались как второстепенные: религиозное сознание обуславливало пренебрежение земными делами, отказ от социальной активности.

Психология была для церкви средством укрепления и утверждения веры, позволяющим вероучение выдать за науку. В такой позиции церкви в полной мере проявлялось изначальное противоречие всякого богословия: с одной стороны, божественное откровение в вере не нуждалось в доказательствах бытия бога, а с другой — бытие Бога доказывалось с помощью научных приемов, которыми религии придавалась видимость научности.

Психология описывала «образ души человеческой, отражающий в себе образ божий, в коренных чертах его», указывала, «какое видоизменение или состояние души, какую черту или какой момент образа божия в себе представляет и как все они в сочетании отражают в себе целый состав его» (Авсенов, 1869, с. 24). В курсах

опытной психологии (так называлась психология, предметом которой считались психические явления, представленные в опыте души: в отличие от нее предметом умозрительной психологии была божественная сущность души) каждый из разделов (о сознании, ощущениях, уме, чувствованиях, практической деятельности) выражал исходные позиции психологии, подчиняющейся системе религиозной философии и служащей ей. В разделе «практическая деятельность» утверждался тезис о способности человека определять себя и сообразовать свою деятельность с законами долга, вложенными в него богом, вести «образ деятельности, сообразней с высшими требованиями человеческой природы» (Чистович, 1876, с. 152). Представление о боге и отношении к нему составляло основание религиозного чувства человека, содержащего страх перед божественным правосудием, смирение от сознания своего ничтожества, трепет перед божьим величием, преданность воле божьей.

Предмет курса умозрительной психологии определялся как «сообразность и союз души с бесконечным», т. е. с богом. Союз этот рассматривался как общение души с богом, и задача умозрительной психологии состояла в том, чтобы научить человека общению с богом. Все построения умозрительной психологии вели к необходимости признать бессилие человека и всемогущество бога. «Такая немощь заставляет человека убедиться, что он не может помочь сам себе, возбуждает чувство нужды и желание высшей помощи для достижения святости» (Умозрительная психология., 1871, с. 123). Выводы же из такой психологии делались сугубо практические.

В Киевской духовной академии по распоряжению ректора Иннокентия были приняты специальные меры для внесения в курс психологии «жизненных» и «подвижных элементов» знания, их предлагалось

всемерно использовать для подготовки священнослужителей к практической деятельности. Перед архимандритом Феофаном, выделенным в качестве специального наставника по психологии, была поставлена задача «поднять преподавание психологии до уровня европейской науки» и «вместе с тем сообщить преподаванию ее такое направление, которое бы, удовлетворяя общим научным требованиям, в то же время вполне соответствовало бы высоким целям и духу академического образования» (Авсенов, 1869, с. 3). Таким образом, воспитанники духовных академий получали психологическую подготовку, в которой сочеталась религиозно-философская теория, общие психологические знания, взятые, как правило, из иностранных учебников психологии, и ряд практических выводов и наставлений, пригодных будущим служителям церкви, отвечающим за благонадежность вверенных им душ, за поведение верующих.

Профессор Московской духовной академии протоиерей Ф. А. Голубинский писал: «Психология умозрительная как наука имеет особенную пользу в отношении практическом. Она открывает сильнейшие побуждения к исполнению обязанностей в отношении к богу, ближним и самому себе, мы возбуждаемся уважать в себе богоподобные законы и силы» (Умозрительная психология, 1871, с. 21-22). Отношение «к ближним» было обязательной частью курсов психологии, где предписывались нормы взаимоотношения людей, их поведения, диктуемые религией, также и отношения к вещам, к чужой и своей собственности. Главное же заключалось в том, что тут давалась определенная установка, внушалось, что избавления от «земного зла» человек должен ждать свыше. Религиозные установления, как и государственные законы, имеют, писал тот же протоиерей, «важную цену потому, что служат к укрощению и обузданию своеволия и приучают

к чувству послушания и подчиненности, которое рано или поздно будет весьма необходимо» (там же, с. 122).

Верующих (речь, конечно, шла о рядовых прихожанах) согласно таким установкам психология позволяла учить, что при подчинении высшим приказам души телесные нужды «молчат и долгое время не беспокоят человека». Архимандрит Феофан в своих лекциях воспитанникам Киевской духовной академии говорил, что с помощью психологии человек приобретает «духовную самоуверенность и самостоятельность, уразумевает цену и назначение окружающих его вещей и воодушевляется предчувствием и надеждою вечной и блаженной жизни в боге», а практическая ее польза состоит в том, что «эта наука дает нам сильнейшее побуждение исполнять свои обязанности к богу, ближним и к себе самим» (Авсенов, 1869, с. 23).

Подобным же образом считал нужным использовать психологию и другой профессор Киевской духовной академии — П. А. Юркевич, стяжавший себе известность в шумном выступлении против Н. Г. Чернышевского.

Содержание курса нравственного богословия было многообразным и касалось форм общественного поведения человека, норм межличностных отношений. Поведение соотносилось с определенными психологическими характеристиками разных групп населения, например, чиновников, военных, купцов и т. д. Тут рассматривались потребности, побуждения и мотивация действий. Поучения опирались на тексты священного писания и отцов церкви, однако методически они были разработаны с учетом психологии тех, кому эти поучения предназначались.

Практические выводы, которые делались богословами в курсах психологии и нравственного богословия, предназначенных для подготовки духовенства, содержали социально-психологические

указания, нужные священникам в той деятельности, которая им предстояла среди прихожан сельских и городских церковных приходов, в церковно-приходских школах, епархиальных училищах, в подведомственных церкви учительских семинариях, в армии и тюрьмах, которые они обслуживали, в светских учебных заведениях, где они преподавали закон божий и несли ответственность за воспитание учащихся.

Священнослужители объединяли верующих издавна разработанной структурой культа, в которую входили и массовые действия, и проповедь, и исповедь, и молитва. Богослужения, обряды, установившиеся традиции были средствами массового воздействия, спланировали прихожан общим религиозным чувством. В полную меру духовенство использовало многовековой опыт, приобретенный церковью в практике управления верующими и передаваемый при обучении духовных кадров. В религиозном воздействии использовались такие социально-психологические механизмы, как подражание, внушение, эмоциональное заражение. Умело применялись в массовых культовых действиях многочисленные средства для создания нужного эмоционального настроения, нарастания напряжения и его разрядки. Деятельность приходских священников была весьма разнообразна, она включала постоянное общение с прихожанами, начиная с назидательных бесед и кончая полицейскими функциями повседневного наблюдения за жителями приходов.

Духовное образование всех ступеней содержало пастырскую психологию — обучение будущих приходских священников приемам массовой и индивидуальной работы с верующими, воздействия на них и управления ими. Пастырям предъявлялись такие требования: «Приспособляться к понятиям и состоянию своих слушателей, и излагать все ясно и удобовразумительно», искоренять «неправые учения и

ложные мудрствования». Для этого сближаться с паствою, «приобретать у всех доверенность к себе и откровенность, нераскаянных и ожесточенных. поражать страхом суда божья и вечных мучений и доносить о них высшему духовному начальству, не опуская, впрочем, с своей стороны никаких случаев для их вразумления» (Записки., 1860, с. 384). Пастырям поручалось следить за выполнением прихожанами обязанностей «в состоянии гражданском», внушать им, что каждому определен законом сообразный с волей божьей круг действия в обществе, поскольку «премудрый творец нарочито не ровно разделяет нам дары свои, чтобы ни один из нас не мог обойтись без другого. В обществе мы должны занимать известное место и на известном месте исполнять наши обязанности» (Записки., 1864, с. 141). Пастырю следовало «знать нравственное состояние каждого из своих пасомых. чаще посещать их и постоянно наблюдать за поведением», так как «истинный пастырь знает овец своих». Пастыри должны были быть не только «указателями пути к вечной жизни, но и руководителями на сем поприще» (Записки., 1860, с. 386). Обязанность пасомых — обеспечить безбедную жизнь пастырей.

Служители церкви использовали для укрепления веры такие потребности людей, как потребность в сочувствии, сострадании, утешении. На них возлагалось «врачевание душ». Христианское учение о страдании определяло утешительскую функцию религии, и богословы разрабатывали психологию утешения — учили ослаблять, а зачастую снимать тяжелые переживания людей, помогать им преодолевать свои горести, преобразовывать отрицательные эмоции в положительные. В то же время они внушали, что страдания обязательны для христианина. Страдания рассматривались как социально значимый фактор, как

некая моральная ценность, и этим определялась групповая социально-психологическая оценка страдания как блага, ниспосланного от бога избранным.

Назначение религиозной функции — утешения в том, чтобы компенсировать то чувство неполноценности, греховности, страдания, которое несла и должна была по христианской доктрине нести земная жизнь. Выходили специальные книги об «утешении в скорбях». Одна из первых была издана в 1792 г., затем последовал ряд таких книг. В 1898 г. священник, магистр богословия Григорий Дьяченко составил обширный сборник (около 1200 страниц большого формата) под витиеватым названием: «Христианские утешения несчастных и скорбящих, испытывающих бедность, болезни, потери родных и близких сердцу, житейские неудачи, злоречия, разочарования в жизни, мучительную борьбу с грехом и страстями, с религиозным сомнением и помыслами неверия, с отчаянием в спасении своей души, со страхом смерти, и многие другие телесные и духовные скорби и страдания» (М., 1898). Это название достаточно полно отражало содержание книги. Часть первая представляла «Утешения в скорбях телесных», вторая — «Утешения в скорбях духовных».

Книга была рассчитана на духовенство и на верующих. Она содержала тщательно систематизированные тематические выдержки из Библии, из творений «святых отцов», богословско-философские размышления, составленные из соответствующих отрывков проповедей, речей и других писаний деятелей православной церкви, рассказов, стихотворений и «молитвенных воздыханий», «молитвенных обращений». Задача составителя, по его словам, была в том, чтобы дать материал, воздействующий на все силы души — ум, волю и чувства. Каждое «утешение» было подробно разработано и включало общие суждения, в которых отражались

религиозный идеал человеческой личности и межличностных отношений («отношения к ближним»), религиозная концепция временной земной жизни и вечной загробной. Главной же задачей было оправдание религией социального строя, его эксплуататорской сущности и рожденных этим строем отношений между людьми. В «размышлениях» говорилось о том, что бог «употребляет для нашего нравственного исцеления несчастье как лучшее врачевство».

Каковы же были эти «христианские утешения»? Целый отдел из пяти глав занимали утешения бедных. Здесь было «учение слова божьего о перенесении креста бедности и об опасности богатства», разъяснение, «почему бог не всем даровал богатство», и утешение «против нищеты», «мысли о бедности», предлагалось и «молитвенное возношение к богу сердца, удрученного бедностью». «Терпи до конца», «не спорь с богом» — так советовали рассказы.

Непосильный труд получал свое оправдание в «утешении изнемогающих от изнурительного труда». Речь шла о пользе и необходимости трудиться, о том, что бог труды любит, но трудиться надо не для обогащения себя, а для того, чтобы стяжать вечную жизнь для спасения души.

Христианская концепция страдания как искупления вины перед богом разворачивается в разных вариантах, однако автор последовательно ведет единую линию — поддерживать и оправдывать социальную действительность, обращаясь к утешению как психологическому средству воздействия на массы верующих. В чем состоит истинное блаженство христианина на земле, размышляет автор и отвечает: «Пусть удовольствуются иные златом и серебром, иные честью и славою, иные мудростью века сего, иные роскошами и сластями, иные иным своим сокровищем. Нам, о христиане, един Христос, утешение, радость и все

блаженство». Затем идет пункт о неравенстве состояний. «Один из самых жгучих вопросов нашего времени — вопрос о неравенстве состояний: зачем один богат, другой беден? Один живет в роскоши и изобилии, другой в бедности и нужде? Бог сотворил всех нас для блага и блаженства. Это грехи наши внесли беспорядок и неурядицу в жизнь, Поэтому бедность до тех пор будет, пока будет грех на земле. Есть ли теперь какое-нибудь средство помочь горю, как-нибудь облегчить это бедствие в жизни? Есть, — смирение!» Таково содержание проповеди настоятеля петербургского Исаакиевского собора, приводимой составителем сборника. Обращенная к массе молящихся, эта проповедь была составлена по всем правилам ораторского искусства и умело использовала приемы эмоционального воздействия. Тут же мы находим и утешение недовольных. «Чтобы быть счастливыми, вполне потребно немногого». Далее все переводится в психологический план. И если на одной странице говорится, что все зависит от божьей воли, то здесь в помощь берется ссылка на то, что «как существа нравственные и свободные, созданные по образу божью, мы одарены волею независимую, мы не слепые орудия, не безмолвные фигуры, неспособные к добру или злу. Следовательно, и счастливым быть зависит от воли каждого». Пресловутая свобода воли, которую отстаивали богословы в борьбе против сеченовской материалистической психологии, оказывается здесь нужной. Основа счастья — «быть довольным самому и делать довольными других». «Будь доволен богом, т. е. тем жребием, теми отношениями, в каких он поставил тебя в этом мире. Нет сомнения, однакож, что такой жребий по твоим силам, по твоему образу бытия и деятельности, по твоему назначению есть наилучший». Религиозных деятелей нисколько не смущало то противоречие, которое заключалось между

провозглашением свободы воли и божьим предназначением. Условие счастья — «быть довольным, делать довольными» (Дьяченко, 1898, с. 156-161).

«Скорби телесные» получали свою долю утешений — утешение больных. Одна из глав предназначалась для «изнемогающих, хотя и не потерявших надежды на выздоровление», а другая — для «потерявших надежду на выздоровление». Тут находилось место для христианского взгляда на болезнь и смерть, для ободрения умирающих и для утешения тех, кто потерял близких: утешались родители, потерявшие детей, вдовы, вдовцы, сироты.

В самостоятельный отдел были вынесены семейные отношения. Здесь содержалась глава утешения «скорбящих о том, что не могут иметь роскошных и модных одежд», были свидетельства святых отцов о вреде для нравственной жизни щегольства «в женских уборах и нарядах» и специальная заметка — обличение роскоши. Приводимые библейские наставления говорили об отношениях между мужем и женой.

Часть вторая руководства представляла «утешения в скорбях духовных», «утешение в коих в высшей степени необходимо, дабы безучастием к таким скорбям не довести скорбящего христианина до отчаяния и неверия, приводящих к вечной смерти». На первый план выступало «утешение страждущих от маловерия и религиозного сомнения». Заголовки говорят сами за себя: «Источник неверия и его исцеление», «О том, сколь безумно безбожие», «Критика пантеизма и материализма как систем безбожия, наиболее распространенных в наше время и оказывающих пагубное влияние на религиозно-нравственную жизнь человека». Христиане утешались и по поводу «охлаждения их к делам любви относительно ближнего». Последняя глава предназначалась «утешению пастырей церкви». Утешались они прежде

всего в «видимой бесплодности их деятельности», в «сетовании на бесплодность церковной проповеди».

Отмена крепостного права и другие реформы 1860-х годов, явившиеся следствием перехода страны на путь капиталистического развития, изменили условия деятельности церкви, предъявили к ней требования, связанные с задачами, поставленными формирующимся буржуазным строем.

В пореформенные годы были внесены изменения в программу обучения духовенства. Перед священниками ставились новые специальные социально-психологические требования к их деятельности среди населения. В новых программах нравственного богословия поднимались вопросы управления поведением народных масс. Составленный по новой программе, один из учебников подвергся критике потому, что, как писал рецензент, «для автора не существует духа времени и роста души». В историческом развитии, замечал критик, менялся и меняется христианский идеал: «теперь идеал христианский ищется в свободе и правах отдельной личности» (Гренков, 1873, с. 155). Автору учебника ставилось в упрек, что он не использует «качественную, интенсивную растяжимость нравственной идеи, завитой в законе» (там же, с. 144). Так мудро говорилось о том, что богословы должны выполнять новые социальные задания. Далее мысль пояснялась: «Моралист по преимуществу должен быть знатоком современного уровня цивилизации, в формах которой действуют нравственные принципы. А между тем, наше богословие пишется как будто бы не для живых людей, а для абстрактного бездушного общества, без плоти и крови; отсюда крайняя педантичность нашей морали, которой никто не слушает» (с. 155). Проповеднику надо идти, замечал рецензент, от сердечного участия, пламенных порывов, надо учитывать увлечения,

нравственное геройство, т. е. мотивы, которые «недолюбливает закон», откровенно пишет критик учебника, предлагающий более тонкие способы воздействия на верующих, чтобы подвести их к тем же идеям, «завитым в законе».

В нравственном богословии на первый план выступали личность и ее свободная воля. В этом сказались требования капиталистического развития страны. С отменой крепостного права, давшего мнимую свободу крестьянам, на церковь легла обязанность такого толкования свободы воли, которое подчиняло бы народные массы господствующим классам. В психологических сочинениях теоретиков богословия тема свободы воли становится предметом многих статей и книг. Руководители православия утверждали значение нравственной свободы в человеческих поступках и ее отношение к понятиям «бог», «благодать», «предопределение божие»; активность человека, его уверенность в том, что он сам является инициатором своих действий, религиозно-идеалистическая философия превращала в доказательство самостоятельности духовного начала человека и его зависимости от божьей воли. В «Курсе опытной психологии» И. Чистовича говорилось: «Непредубежденное и беспристрастное сознание утверждает, что свобода воли есть способность человека определять себя под условием известных побуждений, и такого или другого рода действованию с неизбежным сознанием высшего долга — сообразовать свою деятельность с законом, вложенным в его существо виновником его бытия и поэтому служащим для него единственным путем для достижения предназначенной ему цели бытия и жизни (Чистович, 1876, с. 141).

В представлении о свободе воли и в учении о несвободе воли в русской психологии второй половины

XIX в. получила выражение проблема социальной необходимости и принуждения, или, иначе говоря, проблема общественно-исторической необходимости. Церковь всячески защищала положение о свободе воли человека. Но свобода эта истолковывалась как осознанное божие предопределение: в силу божественной природы души произвольный выбор действий предполагал, по словам богословов, свободное влечение к добру, направляемое божественным предопределением. Конечный смысл свободы воли заключался в том, чтобы человек выбирал те поступки, которые определялись бы божьим велением, а посредником между человеком и богом становилась церковь.

Воля, признанная свободной от законов материального мира, направляла действия и поступки человека согласно дарованным богом нравственным чувствам. То, что люди совершали далеко не нравственные поступки и оказывались во власти необходимости определения своих действий, находило свое объяснение в христианском учении о причинах мирового зла — о грехопадении, темных силах, искушающих человека, и других причинах, которые подробно описывались в разработанной церковью теории происхождения зла. Противоречия были налицо, но церковные деятели умели находить удобные объяснения и создавать видимость примирения самых противоречивых утверждений.

Учение о свободе воли выполняло в христианском мировоззрении важную роль: на него опирались взгляды об ответственности человека за свои действия, за свои грехи перед богом, что оправдывало все государственные меры принуждения и наказания. Все размышления о свободе воли сочетались с соображениями о том, что данный богом естественный нравственный закон недостаточен из-за грехопадения

человека, а потому необходим другой закон — внешний, который действует через церковь и через верховную власть в каждом обществе. Как это ни удивительно, но именно из свободной воли, дарованной богом, выводилась богословами необходимость повиновения царским властям — „слово божие ясно внушает всем повиновение верховной власти и ее законам, производя их от бога“. Эти слова взяты из учебника по нравственному богословию. В том же учебнике, предназначенном для обучения будущих священников, писалось очень четко, что, поскольку в царях церковь „имеет своих земных кормителей, защитников и покровителей, православная церковь всегда считала своей обязанностью сообразоваться с узаконениями верховной власти, подчиняла свои распоряжения государственным“ (Записки., 1860, с. 125).

В университетской программе психологии, составленной богословом С. С. Гогоцким для Киевского университета, раздел о воле был одним из главных. Психологическое основание свободы воли, нравственного долга и законов „прямо препровождает“ к высшему объективному началу всего сущего и должного. „Воля божественного законодателя дает нам знать о себе в нашем же сознании свободы воли“. Гогоцкий утверждает „непреложность свободы воли как непреложность бытия души и душевной жизни с ее ифическими (т. е. нравственными. — *Е. Б.*) силами“ (Гогоцкий, 1881, с. 96-97). Конкретные результаты нравственного развития воли должны были выражаться: во-первых, в воспитании личности, подведении ее под общие требования христианской нравственности; во-вторых, в формировании определенных семейных и гражданских норм поведения. Свободная воля и есть результат развития „желательных проявлений“, по определению Гогоцкого. Эта формулировка подразумевала практические социально-

психологические задачи, которые ставились перед психологией. В программе университетского курса психологии предлагалось выяснить первые и самые глубокие субъективные основы нравственных свойств человека, подвести к пределу, за которым начинается вера в бога как зиждителя вечного блага. Душа должна свободно развиваться независимо от материальных условий жизни человека. Снова здесь преследуется заданная цель — никакой закономерности в окружающем человека мире, в природе и обществе нет, помимо божьей воли.

Проблема воли в 1880-х годах не сходит со страниц духовных журналов. Церковная власть прибегала к разным способам опровержения материалистической психологической теории и, в частности, сеченовского положения о несвободе воли, о ее детерминации условиями жизни человека. Богословы не гнушались и фальсификациями. Они даже провозгласили своим сторонником во взглядах на свободу воли не более и не менее как А. И. Герцена. Как же это было сделано?

Сперва несколько слов о действительных событиях, связанных с известным письмом А. И. Герцена о свободе воли к сыну — физиологу А. А. Герцену. Переписка о свободе воли между А. И. Герценом, находившимся в изгнании за границей, и его сыном, работавшим в Швейцарии у известного физиолога М. Шиффа, возникла по поводу книги и статей о физиологии воли, написанных А. А. Герценом. А. А. Герцен толковал сеченовское учение о рефлексах головного мозга как чисто физиологическое учение и склонен был к вульгарно-материалистическому объяснению психики. Он следовал за Шиффом, который, как и некоторые другие западноевропейские физиологи, уподоблял сеченовскую теорию традиционным, шедшим от Декарта, взглядам на рефлекторную деятельность

организма как не связанную с психикой, оторванную от нее.

А. И. Герцен и его друг Н. П. Огарев ознакомились с „Рефлексами головного мозга“ сразу после их опубликования. Сеченовскую рефлекторную теорию А. И. Герцен отличал от чисто физиологических учений и от вульгарно-материалистических теорий, но он видел сложность задачи в решении вопроса о воле в исследовании связи его с общественно-историческими условиями. Сеченовская трактовка воли не удовлетворяла А. И. Герцена потому, что об общественно-исторических условиях, детерминирующих психику человека, ничего не говорилось.

В письме к сыну, которое было написано для публикации в итальянских и французских газетах, А. И. Герцен критиковал взгляд на проблему воли как исключительно физиологическую. Он излагал свои соображения о воле, ее психологической реальности, и выделял особенности человека, рожденные социальной жизнью и историческим развитием, а среди этих особенностей социальный и психологический факт — человек, „развиваясь по законам самой роковой необходимости, постоянно полагает себя на этом пути свободным“ (Герцен, 1954, с. 9). Это противоречие — объективный детерминизм психики человека и субъективное восприятие им своей свободы, отмечает Герцен, всегда стремились разрешить религии и разные философские теории. „Человек обоготворил свободную волю, как обоготворил душу: в детстве своего ума он обоготворил все отвлеченные понятия. Физиология свергает кумир с его пьедестала и совершенно отрицает свободу. А между тем остается еще анализировать идею свободы как феноменальную необходимость человеческого разума, как психологическую реальность“ (там же).

Речь шла, таким образом, о задаче научного исследования воли как психологической реальности, для самого человека выступающей в качестве фактора свободного и независимого, а на самом деле детерминированного социальными условиями жизни человека. Иначе говоря, вопрос переносился в область социальной детерминации психики, и именно его Герцен считал недостаточно разработанным в сеченовской теории, которую он рассматривал как психологическую теорию. Взгляды Шиффа и своего сына он критиковал, так как считал вопрос о свободе воли психологической и философской проблемой.

В 1887 г. руководящий богословский журнал „Православное обозрение“ опубликовал подписанную инициалами П. М. статью „Неизданное письмо А. Герцена о свободе воли“ и письмо А. И. Герцена в переводе с французского. В статье говорилось, что в опровержении свободы воли учением о рефлексах „лежит неизбежное требование полного и радикального переворота всей человеческой жизни, изменения всех исторических основ современной культуры“. Тревогу „Православного обозрения“, а эту тревогу журнал и не скрывал, вызывало то обстоятельство, что доктрина эта „начинает оказывать широкое влияние на жизнь, особенно в сфере гласного суда и юрисдикции, а в будущем, если дело пойдет так, весь объем этого влияния даже трудно вообразить по его всесторонности“.

Богословы прибегли к спекуляции именем Герцена, прекрасно зная авторитет его, и, несколько не задумываясь, обратились к фальсификации. Подменив воззрения сына Герцена учением Сеченова, они представили дело так, что письмо А. И. Герцена выражает протест против сеченовской рефлексорной теории психики, более того, поддерживает учение о свободе воли, которое отстаивает церковь. Рекомендую

своим читателям публикуемый перевод и искажая его истинное содержание, автор комментариев, не осмелившийся подписаться полным именем, сообщал: „Письмо Герцена, с силой свободного убеждения направленное против претензий физиологов, стоит всякого внимания как голос свободномыслящего, независимого и сильного ума по поводу одной из важнейших проблем современной науки, по вопросу о свободе воли и нравственной вменяемости человеческих действий“. Тут уж богословам пригодились и свободомыслие, и свободное убеждение революционного деятеля. Журнал рассчитывал, что содержание письма останется непонятным, подмена незамеченной, а имя Герцена прозвучит авторитетно. Во всяком случае, событие для церковной пропаганды, пожалуй, единственное в своем роде — церковная печать публикует письмо революционера-демократа, направленное против религиозного учения, в качестве его доказательства.

Не надо думать, что религиозное сознание, которое насаждала православная церковь, не встречало противодействующих сил. С середины XIX в. главным их источником стали растущее в стране революционное движение и идейная борьба революционной демократии. Другим источником являлись успехи естествознания и пропаганда научных знаний передовыми русскими учеными. В этой пропаганде большую роль играли идеи материалистической психологии, высказанные Н. Г. Чернышевским и развитые И. М. Сеченовым.

Боязнь безбожия и непрерывные сообщения о росте атеизма наполняют церковную печать на протяжении всей второй половины прошлого века. Тема атеизма не сходит со страниц духовных журналов. Успехи публичных естественнонаучных лекций, которые в 1860-х годах устраивались в Петербурге, Москве, Тифлисе и

других городах, собирая многочисленных слушателей, вызвали смятение у руководителей церкви. Некоторые богословы готовы были выступить с публичными лекциями против естествознания и атеизма. Митрополит Филарет, ведавший учебными делами церкви, возражал им, боясь, что провал публичных лекций богословов на естественнонаучные темы послужит подрыву авторитета церкви. Он патетически взывал: „Поберегите жемчуг святой истины, чтобы его неосторожно не уронить под ноги свиньям!.. Пусть в университетской церкви в каждый воскресный и праздничный день один или несколько проповедников по очереди произносят проповеди против тех лжеучений, которые распространяются светскими лекциями“ (Собрание мнений., 1887, т. 5, с. 69).

Все же с „Публичными чтениями о неверии, преимущественно современном“ выступил в 1863 г. профессор Петербургской духовной академии А. Предтеченский. Эти чтения под названием „Что разумнее: вера или неверие?“ были напечатаны в том же году в журнале „Христианское чтение“, а потом выпущены отдельной книгой. Речь шла „о болезни неверия“, которое состоит „в ненадлежащем, неестественном отношении разума к вере“, доходящем до непризнания за последней права на существование». «Так именно трактовали и трактуют веру и религию два наших толстых периодических издания — „Современник“ и „Русское слово“ — и некоторые мелкие их спутники». Особенно беспокоил Предтеченского союз философского материализма с естествознанием. «Как на особенно характеристическое знамение нашего времени мы можем еще указать на. обилие, в каком выходят у нас в свет сочинения так называемых „философов естествоиспытателей“, отличающиеся положительным, в других словах атеистическо-материалистическим, направлением». Надо полагать, речь шла о Сеченове.

Лектор призывал «сражаться с врагами веры» (Предтеченский, 1964, с. 6-7).

Церковная печать — от богословских трудов до массовых журналов, от наукоподобных методологических разработок в помощь профессорам духовных академий и семинарий до прямых инструкций и текстов проповедей, заготовленных для сельского духовенства, — сообщает о росте антирелигиозных воззрений. Примечательно появление специальных указаний церкви по борьбе с материализмом и атеизмом. Церковь предписывала «искоренять неправые учения и ложные мудрствования».

В статье «Пастырские заметки касательно борьбы с материализмом», помещенной в качестве редакционной передовой в трудах Киевской духовной академии, утверждалось, что «в народе со всею силою появляется дух, при котором он отводит взоры свои от христианства». Автор статьи с тревогой писал: «Кому неизвестно, как тысячи тысяч удаляются от церкви и ее исповедания, потому что считают себя выше того, чтобы пользоваться руководством пастырей и верить старым толкам о бессмертии и суде?» (Труды Киевской духовной академии, 1863, янв., с. 8). Далее писалось, что материализм, «почти уклоняясь от философских доказательств и ученого изложения, преимущественно на основании новейших результатов естествознания, образовался в такое мировоззрение, которое не только враждебно христианской жизни, но и совершенно уничтожает ее. Его природа состоит в отрицании всего божественного и духовного» (там же, с. 7). Статья была направлена против «пресловутой антропологической мудрости новейшей естественной науки» (нетрудно догадаться, что здесь разумелась работа Чернышевского) и была программной — ее целью было научить, говоря словами автора, «как пользоваться

оружием слова божия для успешного отражения материализма нашего времени».

Наиболее дальновидные идеологи православия, одним из них был митрополит Филарет, требовали от богословов гибкости в борьбе с атеизмом. Филарет указывал синоду на его неповоротливость, на боязнь отойти от старых, укоренившихся форм религиозной пропаганды. «Не всегда древнее время может быть образцом новому, имеющему новые потребности», — поучал он (Собрание мнений., 1886, т. 4, с. 250).

Психологические проблемы в условиях пореформенной России приобретают все большее значение в деятельности церкви. Выделение психологии из философии происходило, как уже говорилось, в острой идейной борьбе двух направлений в психологии — материалистического и идеалистического, православная церковь стала активным участником этой борьбы. Ни в какой мере она не хотела упускать психологию из своего ведения. Необходимость борьбы с материалистическим направлением в психологии не вызывала сомнения. В распространяющейся и укрепляющейся материалистической психологии церковь видела опору атеизма, которого так страшились и духовенство, и самодержавие, видела угрозу учению о бессмертии души.

Деятели церкви выступали против сеченовской психологии, поднимали на борьбу с ней рядовых служителей церкви, которых они призывали воздействовать на прихожан, предостерегая их от «отравления рефлексамии». Именно так писали церковные журналы в своих методических указаниях духовенству.

Вопрос об отношении к психологии становится среди руководителей церкви предметом ожесточенных споров. В них получает

выражение та двойственность, которая была присуща христианской теологии, — противоречие веры и науки. Богословы не хотели отказываться от использования психологии как науки, доказывающей существование души, а потому активно участвовали в полемике между материалистическим и идеалистическим направлениями в психологии — о природе психического, о предмете, методе и задачах психологии, об ощущениях и мышлении, о свободе воли. Очевидна была цель, которую преследовала церковь в борьбе против материалистической психологии. Главным было отстоять учение о душе — за ним ведь стояла социальная доктрина христианства, оно служило основой решения всех социально-психологических проблем. Именно поэтому преследованию царской цензуры подвергся трактат Сеченова «Рефлексы головного мозга»^[4].

Борьба православной церкви с материалистической психологией развертывалась на разных уровнях и в разных направлениях. Выступления церкви против нового учения определялись в первую очередь значимостью социально-психологических выводов из догматов церкви, которые рушились с развитием науки. Богословы выступали в университетах, в Московском психологическом обществе, выпускали книги с вычурными названиями, как, например, многотомный труд епископа Никанора «Позитивная философия и сверхчувственное бытие» (СПб., 1876) или книга иеромонаха Антония «Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности» (СПб., 1888). Они стремились придать наукообразный вид своим доводам, действовали убеждением, применяя приемы логики, заботились о многочисленных ссылках на труды отцов церкви, философов и психологов.

С 1870-х годов усиленно разрабатывается специальный раздел апологетики (отрасли

христианского богословия, занимающейся защитой вероучения), посвященный естествознанию. По словам профессора богословия П. Светлова, естественнонаучная апологетика была порождена стремлением к соглашению Библии откровения с Библией природы, или религии и науки. Иными словами, перед естественнонаучной апологетикой православие ставило задачу — сделать естествознание безвредным для религии. В духовных академиях был введен курс естественнонаучной апологетики.

С появлением трудов Дарвина в России православная церковь начинает ожесточенную борьбу с дарвинизмом, борьбу, которая тянется всю вторую половину XIX в. и вовлекает, с одной стороны, все новых и новых пропагандистов дарвинизма, а с другой — реакционный лагерь идеологов самодержавия, в значительной мере представленных церковными деятелями. Церковная печать публиковала множество всякого рода сочинений, или направленных прямо против учения Дарвина, или пытающихся примирить эволюционную теорию с религиозным мировоззрением. Архиепископ Никанор, сетуя на то, что «иссякает страх божий», в одной из своих бесед с верующими запугивал их дарвинизмом, вопрошая: «А дарвинизм не обращает ли нас назад не только в древнее язычество, но и в предполагаемое первобытное скотство?» (Беседа., 1887, с. 638).

Среди богословов шли споры о мерах уступки естествознанию. Доктор богословия М. Н. Глубоковский был вынужден сдать позиции перед дарвиновской теорией происхождения человека, сознавая нелепость и безнадежность отрицания общепризнанных данных естествознания. Он выражал готовность примириться с ней, только без материализма. «Если Дарвин прав, если мы исходим от обезьян и т. д., то даже и с таким родством помириться можно. Вопрос о том, что такое наше тело — это пустяки. Исходим ли мы от

прообезьяны или от протоплазмы — это не важно. Если приходим от обезьяны, это еще не особенная беда. Было, да прошло! Прошлого мы уже не в состоянии воротить, но будущее еще перед нами» (Глубоковский, 1899, с. 722–723). В сущности, с точки зрения и духа, и буквы христианского вероучения то, что писал этот теолог, представляет сплошную «ересь». Признать ненаучность Библии и уступить позицию дарвинизму в таком важном вопросе, как происхождение человека, церковный идеолог мог только ради того, чтобы ценой такой уступки удержать еще более важные позиции. Более важным было учение о жизни за гробом, вера в существование души и ее непосредственной связи с богом. Связь души с богом давала представителям бога на земле, служителям церкви, власть над верующими. Веру в бессмертие души церкви надо было сохранить любой ценой, а вместе с тем и религию как форму социального принуждения.

Выступая против материалистической психологии, деятели церкви очень заботились о единстве своих действий с представителями идеалистического направления в психологии и о личных контактах с ними. Большую настойчивость в этом отношении проявлял епископ Никанор (см.: Будилова, 1960, гл. 4–6.) Церковь всеми силами пыталась сохранить свое влияние в области психологии, контролировать ее, как это было в дореформенные годы.

Несмотря на все трудности становления психологической науки как экспериментальной дисциплины, одним из важнейших итогов развития психологии во второй половине XIX в. явилось введение в нее эксперимента. Идеинная борьба вокруг психологических проблем и развитие экспериментальной психологии за рубежом и в русских психологических лабораториях привели к разладу среди психологов идеалистического направления, как и среди

богословов. Одни — открытые сторонники политической реакции и религиозного мировоззрения — еще более сплачиваются с церковными деятелями, защищают религиозные устои, отвергают всякие посягательства детерминистического объяснения психических явлений, отвергают возможность экспериментальных психологических исследований и всякий союз с естествознанием. Другие — ищут способы сохранить господствующее положение и под видом союза с естествознанием укрепляют все те же устои идеализма, применяясь к создавшемуся положению. Они стремятся подчинить своему влиянию экспериментальное направление в психологии, чтобы ограничить его развитие и отстранить от него последователей Сеченова.

Забота у церкви оставалась прежняя — охранять «учение о душе». Но она ищет новые пути для укрепления религии. В обстановке нарастания революционного движения происходит мобилизация всех средств, которые могут служить удержанию старых порядков. Распространение марксизма знаменовало новый этап: революционной борьбы. Церковь, выполняя свою полицейскую службу, быстро уловила значение происходящих перемен. Ее идеологические руководители, наиболее умные и поворотливые, требовали смены методологических установок, теоретического перевооружения. На помощь была взята психология, которая подверглась необходимой обработке.

Марксизм выявил исходную зависимость сознания от общественного бытия. Психология использовалась церковными теоретиками для доказательства противоположной зависимости — социальных порядков от психологических свойств личности, а свойств личности от предопределенности их богом, от его «благодати».

Дело оборачивалось так, что богословы, отрицая материалистическую психологическую теорию, хотели в то же время использовать психологическую науку для того, чтобы дать с ее помощью обоснование религии, поднимая на щит проблему личности. Проблема личности в ее психологическом аспекте должна была, по замыслам богословов, послужить опровержению попыток материалистического объяснения цельности личности, ее активности, ее самосознания.

В идеологической борьбе при обострении политической обстановки, росте революционного рабочего движения церковь обращается к психологии личности, с тем чтобы представить психологические обоснования личности, нуждающейся в установленных обществом порядках. Человек связан в своих действиях высшей силой, общение с которой достигается через духовных пастырей, а приказания ее идут через помазанника божьего, царя-самодержца. Схема остается старой, но церковь ищет новые способы воздействия и управления верующими, готова применить психологические знания, новую науку, чтобы с ее помощью укреплять религиозную идеологию и свое положение в обществе.

Вопрос о способах воздействия на личность верующего, об изменении форм этого воздействия для усиления их эффективности, был поднят основателем и редактором богословского журнала «Вера и разум» Амвросием, считавшимся одним из лучших православных проповедников. Его книга «Живое слово» (Живое слово., 1892), подобно другим богословским книгам, написанным по требованиям практической деятельности церкви, отражала сложившуюся ситуацию исторической действительности. Амвросий обращал внимание духовенства на проповедническую деятельность, призывая идти к верующим с «живым и огненным словом», которое «должно идти по пятам

распространения заблуждений», должно «топтать ногами, гасить все искры зла, угрожающие произвести гибельный пожар». Нетрудно понять, о каком гибельном пожаре шла речь, о каких заблуждениях. Революционный пожар виделся православной церкви и пугал ее, заставляя бросить старые формы пропаганды, «неудобные для потребностей минуты», и искать живые слова убеждения. «Слово» должно быть приноровлено к насущным потребностям развивающегося общества, писал Амвросий. Рецензенты хвалили книгу преосвященного за жизненность и практичность, за то, что она направляла проповедников «куда нужно», помогала учить верующих повиновению и удерживать «дух православия» в народных массах.

На рубеже двух столетий и в последующие годы, вплоть до Великой Октябрьской революции, ведущей проблемой, обсуждаемой идеологами православия, становятся психологические основы христианства. Профессор Казанской духовной академии В. И. Несмелов выпустил двухтомное сочинение «Наука о человеке» (Несмелов, 1898), ранее опубликованное в журнале «Православный собеседник». В подзаголовке первого тома стоит: «Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни». Своей задачей Несмелов ставил психологическое исследование природы веры. «Кто и как может решать вопросы жизни человека? — спрашивал автор и отвечал: Философия, конечно, религиозная, христианская философия». На то у нее, помимо всех прочих, есть основания психологические. Разбирая эти психологические основания религиозного сознания, автор выясняет психологию религиозного скептицизма и логику теоретического атеизма, подчеркивая научную недостаточность доказательств бытия бога. Суть психологического решения проблемы человека, уверял богослов, коренится в том, что идея бога — «необходимый результат психического

самоопределения человеческой личности». «На основании данных психологического анализа, — заявлял он, — может быть с полной точностью установлено, что идея бога представляет собою не абстракцию мысли, а выражает подлинную действительность сверхчувственного бытия, как личности. В изучении природного содержания человеческой личности мы получаем самое достоверное знание, что есть другой мир, кроме мира физического, и есть другое бытие, кроме бытия условного, потому что человек сам принадлежит к этому другому миру и в себе самом отражает это другое бытие» (там же, с. 409). Профессор духовной академии ссылаясь на данные психологической науки, якобы свидетельствующие о том, что процесс сознания по самой своей природе есть процесс хаотический. Только божественное начало личности объединяет психические явления, формирует из их хаоса разумную творческую деятельность. Тем самым и определяются границы естественнонаучных методов в психологии, применимых лишь к исследованию отдельных психических явлений.

Естественное для каждого человека отношение к жизни — ее желанность и страх смерти — представляется теологом как то присущее человеку свойство, тот психологический механизм, на котором покоится учение христианства о бессмертии души. Основное противоречие бытия человека — конечность его физического существования и бесконечность духовного. Хотя организм, как заявляет богослов, принадлежит внешнему миру, а не личности, разрушение органической жизни переживается ею как разрушение собственной жизни, а потому возникает страх смерти. Учение о бессмертии души дает решение этого противоречия человеческой жизни — смертности организма человека и бессмертия личности, души.

Все эти рассуждения, как и вся книга Несмелова в целом, выполняет ясное социальное задание, противопоставляет духовные ценности физической жизни. Физические потребности отменяются для освобождения личности, так как этого требует, по словам богослова, собственная природа личности, ее духовное начало во имя будущей внеземной жизни, своего бессмертия. Этим на новый лад утверждалось старое религиозное учение о душе, столь нужное господствующим классам. Так церковные теоретики искали способы обоснования религии и религиозной пропаганды.

Привлекали внимание богословов и биогенетические теории, которые на рубеже нового века приобрели популярность в западноевропейской психологии. Богослов Алексей Введенский, рассматривая религиозную веру как прирожденное свойство человека, писал о биогенетическом законе жизни нашего духа (Введенский, 1899). «По силе этого закона, — уверял он, — как бы далеко фактически человек не уклонялся от религиозных основ своей жизни, он не может изгнать из своей памяти мысль о них совершенно. В известном смысле можно сказать, что человек не может не верить. Многообразными и многоразличными голосами единой и неделимой в своей сущности совести, хотя и проявляющейся под разными формами (совесть религиозная, нравственная, художественная, научная, общественная и т. д.), бог непрестанно напоминает о себе человеку.» (Введенский, 1902, с. 37).

Введенский противопоставлял эмоциональную сторону веры разуму и в этом психологическом качестве веры видел ее силу. «Религиозная вера есть чувство согласия нашей жизни с жизнью Абсолютного или иначе — чувство живого мистического общения с ним» (там же, с. 94).

Богословы в первые десятилетия нового века много занимались вопросом о союзе религии и науки, стремясь показать возможность их сосуществования и в то же время ограничить сферу действия научной психологии. Епископ Анастасий, выступив в 1912 г. с приветственной речью на торжественном открытии Психологического института при Московском университете и благословляя новый научный институт, указал, что наука не должна посягать на познание сущности души, должна помнить свое место. «Стремясь расширить круг психологических знаний, — говорил Анастасий, — нельзя забывать о естественных границах познания души вообще и при помощи экспериментального метода в частности. Точному определению и измерению может поддаваться, так сказать, внешняя сторона души, та ее часть, которая обращена к материальному миру, с которым душа общается через тело. Но можно ли исследовать путем эксперимента внутреннюю сущность души, можно ли измерить ее высшие проявления?.. Кто дерзнет экспериментально исследовать религиозную жизнь духа? Не к положительным, но к самым превратным результатам привели бы подобные попытки» (Речи и приветствия., 1914, с. 1-2).

Вслед за книгами Несмелова и Введенского одна за другой вышли книги профессора Московской духовной академии М. М. Тареева, объединенные затем в 4 тома «Основ христианства» (Тареев, 1908). У него была четко выявлена направленность всех предлагаемых новаций на борьбу против распространения атеизма, против марксизма, против передовых идей в науке и против материалистической психологии как одной из главных опасностей. Борьба против материалистической психологии осуществляется путем психологизации христианского учения.

В чем же была суть этой психологизации христианства и что она давала церкви? С одной стороны,

можно было показать, что христианская религия (точнее, православие) имеет психологические основы и, следовательно, незыблема. Тут богословам пригодилась заимствованная у естественных наук терминология, придававшая современность и наукообразность их новым сочинениям. Они вводили понятие религиозного опыта, заявляли, что религиозное знание есть теоретическая организация или систематизация религиозного опыта. Тенденция опоры на «положительные науки» (создание видимости согласия с наукой), начатая епископом Никанором, теперь дополнилась видимостью анализа психологических особенностей личности. С другой стороны, церковь была не прочь сама воспользоваться научными знаниями и показать, что учет психологии верующих открывает возможность связать с религиозным воздействием всю область мотивов человеческого поведения, а значит, получить способ управлять массами на основе признания детерминации поведения внешними воздействиями, хотя прикрывалось все проповедью связи личности с богом и зависимости ее от бога.

Тенденция психологизировать основы религии вызвала споры среди церковников. Церковная и светская печать немедленно отозвалась на многотомное сочинение Тареева похвалами и осуждениями. Один из популяризаторов этого труда считал его заслугой введение в богословие «области живой психологии», он хвалил автора за то, что тот дает «психологию живых фактов», что он применяет «опытный метод», утверждает, что опора христианского «ведения» состоит в «духовном опыте», а не в догмах (Смирнов, 1914, с. 49). Взгляды Тареева противопоставлялись взглядам В. Соловьева. Идею царства божия как полноты человеческой жизни В. Соловьев связывал не только с отношением личности и бога, но и с социальными и

политическими отношениями, предел которых — воссоединение через Христа с полнотою божества.

Критики Тареева были против новых принципов, психологизирующих богословие. Споры богословов позволяют судить о том, как перестраивалась в новых социальных условиях развивающегося русского капитализма церковная система, преследуя неизменную цель — держать под своим воздействием массу верующих.

Тревога перед ростом атеизма все более охватывала церковь. Рост атеизма был прямо связан с распространением марксизма. Антирелигиозная пропаганда становится делом марксистских кружков Российской социал-демократической рабочей партии. Партийная печать помещает материал, разоблачающий деятельность церковников. Церковь не могла не видеть и не учитывать подъема революционного сознания, все увеличивающегося влияния марксизма. После первой русской революции она прилагает немало стараний, чтобы восстановить свое влияние на народные массы. Идет обновление философско-религиозного учения и изменение тактики борьбы церкви с материализмом, обретающим силу в марксизме.

Нельзя отказать некоторым богословам в прозорливости и дальновидности. Концепция Тареева, развернутая в первые десятилетия нового века, в канун Октябрьской революции, предвидит возможность социального переустройства и, по замыслу автора, должна быть применима в любых социальных условиях. Этому служат утверждение личностного характера религии, ее связи с психологическими особенностями человека, положение о том, что личность является носителем религии. Религия, по выражению Тареева, вечный перпендикуляр к направлению общественной жизни. И как бы ни пошло это направление, оно всегда будет иметь свой перпендикуляр. Словом, религия

независима от социальных изменений. Тареев развивает идею о разнородности сфер жизни — лично-религиозной и общественно-условной — и заявляет о разнородности христианства в отношении к земным задачам общественного развития. Ему такое утверждение нужно для того, чтобы сразу отвергнуть все доводы об историчности религиозной идеологии. Он прямо говорит: мы должны найти такую формулу, которая бы ничего не урезывала в нашей культуре, но принимала всю природную и общественно-историческую жизнь во всей полноте и свободе ее естественных законов. Свое сочинение Тареев снабжает таким признанием: «И свое богословско-литературное призвание я вижу в том, чтобы провести по современной полосе жизни разделяющий меч Христов; я сознательно провожу границу между евангельски-чистой, духовно абсолютно личной религией и условно-общественной жизнью, развивающейся по своим природно-историческим законам» (Тареев, 1908, т. 4, с. 389–390).

Личность у Тареева — выразитель духовных закономерностей, сосредоточенных в религии и позволяющих ей не только сосуществовать в системе общественно-исторических закономерностей, но и противостоять им. За рассуждениями Тареева кроется противодействие марксизму, который в России стал знаменем рабочего революционного движения. «В лаборатории христианской философии выковывается меч, которым можно разрубить все узлы этической проблемы», — писал М. М. Тареев. Он не скрывает, против кого направлен этот меч, и сообщает план своей новой книги о научном социализме. План этот выдает страх православия перед грозной революционной силой пролетариата, руководимого марксистско-ленинскими идеями.

Что же собирался писать богослов? Он предполагал изложить, конечно, в своем учении, учение Маркса —

теорию исторического материализма и материалистическую диалектику, учение о классовой борьбе, чтобы раскрыть, как указывал Тареев, «атеизм и имморализм Маркса и Энгельса», дать критику пролетарской этики, «коллективистического обоснования этики», дать «разбор социалистического тезиса: религия есть частное дело» (Тареев, 1916). Специальную часть будущей книги богослов намерен был направить против программы большевистской партии, против тех ее требований по отношению к религии, которые были сформулированы Лениным. Книга против марксизма, план которой был сообщен в 1916 г., осталась ненаписанной. Этому помешали исторические события — наступившая революция.

Великая Октябрьская революция открыла новую эпоху. Одним из первых актов Советской власти было отделение церкви от государства и школы от церкви.

15 декабря 1917 г. вышло подписанное В. И. Лениным постановление «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Наркомпроса». Все церковно-приходские школы, учительские семинарии, женские епархиальные училища, миссионерские школы и другие учебные учреждения, находившиеся в духовном ведомстве, переходили в ведение Советской власти. 23 января (5 февраля) 1918 г. был опубликован декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Социально-психологическими проблемами с точки зрения ортодоксального христианства и вопросами воздействия на сознание верующих, управления их поведением в православной церкви занимались и теоретики-богословы в духовных академиях, и те иерархи — епископы и митрополиты, — которым принадлежало практическое руководство деятельностью духовенства по всей России. Для них эти проблемы были важны и нужны, потому что, несмотря на

закрепленное за церковью положение в государстве, ее владыки с тревогой следили за ростом атеизма и прилагали много усилий для того, чтобы удержать свою власть и влияние на народные массы в условиях нарастающего революционного движения. Решение социально-психологических проблем в этих условиях представляет особую линию в истории социальной психологии в нашей стране.

Глава 7

Социально-психологические проблемы в социологии и революционное движение

Во второй половине XIX в. складывается новая область знания — социология. В ней получают развитие разные теории, однако буржуазную социологию в целом отличает стремление объяснить общественные явления с позиций индивидуальной и коллективной психологии. Об этом писали такие видные социологи, как М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев и др. Ковалевский считал целесообразным положить в основу науки об обществе «учение о природе междуумственных процессов, т. е. общественную психологию» (Ковалевский, 1905, с. 9). Исследование психологии толпы, групп, наций привлекает внимание социологов.

Признавая близость социологии и психологии, отмечая важность социально-психологических проблем, необходимость исследовать коллективную психологию, русские социологи двояко решали вопрос об отношении психологии и социологии: либо психологию относили к фундаментальным наукам и в ней искали объяснительные принципы для социологии, либо в социологии усматривали основание психологии. Значительное влияние в конце века в русской буржуазной социологии приобрело психологическое направление, которое получило выражение в субъективистской социологической школе, опирающейся на позитивистскую методологию.

Это направление декларировало свою связь с психологией, которую оценивало как многообещающую дисциплину, принадлежащую к преуспевающему

естествознанию. Представители этого направления считали, что основой социологических построений должна стать человеческая личность, сознание которой определяет общественный прогресс. Из психологических свойств и потребностей людей ими выводилось определение природы общества. Натурализм и идеализм в понимании общества проявлялся в виде абсолютизации биологических и психологических потребностей людей.

Основы субъективной школы социологии, видевшей свою опору в психологии, были заложены в России П. Л. Лавровым. В конце 1860-х годов он привлек внимание передовой общественности своими «Историческими письмами», которые были восприняты как призыв к революционной борьбе и движению в народ. Лавров критиковал органицизм и социал-дарвинизм в социологии, справедливо утверждая, что между понятиями биологического организма и понятием общества имеется существенная разница. Исходя из «антропологической точки зрения», он высказывал мысль о том, что человек должен быть в центре современной науки, и отсюда выводил необходимость опирающегося на психологию субъективного метода в социологии. Историк и социолог И. И. Кареев отмечал, что социология П. Л. Лаврова «имела не экономическую и не политическую, но психологическую основу» (Кареев, 1901, с. 51).

Лавров поднимал вопрос о роли и значении для прогресса общества человеческой деятельности, направляемой потребностями и влечениями, стремлениями и целями. Он характеризовал разного рода потребности человека: во-первых, бессознательные органические; во-вторых, обусловленные общественной средой; в-третьих, высшие потребности, осознаваемые личностью. Этап субъективного антропологизма Лавров считал исторически новым этапом человеческой мысли и

с ним связывал дальнейшее общественное развитие страны, в котором движущей силой истории станут «критически мыслящие» личности, т. е. передовая интеллигенция. Он преувеличивал роль субъективного фактора в истории и утверждал, что «общественные формы являются как изменяющиеся в истории продукты общественного творчества личностей в виду их блага и потому личность всегда имеет право и обязанность стремиться изменить существующие формы сообразно своим нравам и идеалам.» (Лавров, 1947, т. 2, с. 640).

Социально-психологические вопросы о взаимоотношении «критической личности», иначе говоря, личности, деятельностью которой делается история, и народных масс, следующих за ней, Лавров связывал с революционной практикой народничества. Под влиянием марксизма, в годы своей жизни за границей Лавров признал значение социально-экономического фактора для развития общества, но полагал, что, поскольку общественные процессы не отличаются линейной детерминацией и зависят от целеполагающей человеческой деятельности, роль субъективного фактора оказывается первенствующей.

Лаврову был присущ и общий интерес к психологии и ее судьбам. Он принимал участие в полемике по поводу статей, а затем книги К. Д. Кавелина «Задачи психологии», опубликовал в «Отечественных записках» рецензию «Г. Кавелин как психолог» (Лавров, 1872), в которой резко критиковал Кавелина и указывал, что его идеи не новы, и советовал читателям обратиться к Вундту и Спенсеру. И в то же время он поддерживал мысль о самоопределении психологии. Закономерности сознания Лавров предлагал исследовать на уровне слов, символических знаков, логических категорий.

В социологической концепции виднейшего идеолога русского народничества Н. К. Михайловского (см.: Парыгин, Рудаков, 1971; Рудаков, 1968) социально-

психологические проблемы были связаны с представлением о ходе исторического процесса в целом и массовом революционном движении. Вопросы социальной психологии ставились им на основе идеалистической и метафизической социологической концепции, психологическому фактору в историческом процессе отводилась решающая роль: «Сознательная деятельность человека есть такой же фактор истории, как стихийная сила почвы или климат» (Михайловский, 1909, т. 6, с. 32).

В изучении социально-психологических явлений Михайловский видел средство объяснения исторического процесса и считал необходимым исследовать массовую психологию. Он воспринял идеи Лаврова о вожаках и народных массах и разработал свою теорию героев и толпы. Нельзя, однако, не заметить существенной разницы между взглядами Лаврова и Михайловского в понимании роли личности в истории. По Лаврову, нравственные идеалы, которыми руководствуются деятели истории, превращаются из достояния личности в достояние многих единомышленников, когда они становятся ими понятными. Михайловскому свойственно представление о толпе, слепо подчиняющейся вожаку.

К психологии народных масс Михайловский обращался, полагая, что одним из условий успеха революционно-освободительного движения является изменение психологии народных масс. Он критиковал зарубежных буржуазных социологов (Г. Спенсера, Д. Ингрэма и др.) за то, что они не учитывали роли социально-психологического фактора в историческом процессе.

В коллективной психологии Михайловский видел новую науку, дело которой исследовать массовую психологию и социальные движения. «Коллективная массовая психология еще только начинает

разрабатываться, и сама история может ждать от нее огромных услуг», — писал он (там же, 1914, т. 8, стб. 162). Законы, действующие в социальной жизни, надо искать в социальной психологии: «Надо установить некоторые общие черты психологии народных движений» (там же, 1909, т. 4, стб. 748). Психологию массовых социальных движений Михайловский рассматривал в свете своей теории героев и толпы, которая составляла существенную часть его социологической системы. Она была изложена в цикле статей, опубликованных в журналах в 1882–1893 гг.: «Герои и толпа», «Научные письма», «К вопросу о героях и толпе», «Патологическая магия», «Еще о героях», «Еще о толпе». Социальной, или, как он обычно писал, коллективной, психологии Михайловский касался и в ряде других статей, полагая, что она представляет «непечатый вопрос».

Излагая свою теорию героя и толпы, которая объединяет проблему народных движений, психологии масс и вожаков этих масс, приводя многочисленные примеры, Михайловский поясняет, что термины «герой» и «толпа» выбраны «не в похвалу» и «не в поругание», что у него нет и речи о культе героев, нет и отрицательного отношения. Героев создает та же среда, которая выдвигает и толпу, только концентрируя и воплощая в них разрозненные, бродящие в толпе силы, чувства, инстинкты, мысли, желания. «Героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высоко благородным или низким или нравственно-безразличным» (Михайловский, 1896, т. 2, стб. 97).

Толпа — самостоятельное общественно-психологическое явление, подлежащее специальному

изучению. Управляет толпой ее вожак, выделение которого социально обусловлено, но не определенной системой отношений, а конкретной толпой в те или иные моменты исторического процесса. Герой становится центром, аккумулирующим умственную и нравственную энергию толпы. «Задача состоит, — писал Михайловский, — в механике отношений между толпой и тем человеком, которого она признает великим, а не в изыскании мерил величин. Поэтому заведомый злодей, глупец, ничтожество, полоумный для нас также важны, в пределах поставленной задачи, как и всемирный гений или ангел во плоти, если за ним шла толпа, если она им искренно, а не по внешним побуждениям, повиновалась, если она им подражала и молилась» (там же, стб. 99).

Исследовать надо «механику массового увлечения под влиянием одинокой воли» (там же). Не сам по себе герой важен, а лишь ради вызываемого им массового движения. «Для нас важен герой только в его отношении к толпе, только как двигатель» (стб. 100). Важно определить, чем обусловлены отношения между героем и толпой: характером данного исторического момента, данного общественного строя, личными свойствами героя, психическим настроением толпы или какими-либо иными элементами. «Массовое движение как общественное явление, в своих интимных самостоятельных чертах, как явление, имеющее свои законы, по которым оно возникает, продолжается и прекращается, остается совершенно даже незатронутым», — писал Михайловский и возлагал на коллективную психологию задачу изучения массовых движений в их самостоятельных и существенных чертах (стб. 105).

Центральной для Михайловского в его теории героя и толпы является проблема общения как между героем и толпой, так и межличностного общения в толпе. Механизмами общения он считал внушение,

подражание, заражение, противопоставление. Из них главные — подражание толпы герою и взаимоподражание людей в толпе. Подражание бывает неосознанным и сознательным. В толпе обычно рождается неосознанное подражание, что обуславливается легкой внушаемостью толпы, податливостью ее внешнему воздействию, с одной стороны, и «магнетической силой» героя, его авторитетом — с другой. В статьях Михайловского много разнообразных примеров подражательности. Он ссылается на примеры из книги известного психиатра В. Х. Кандинского «Общедоступные психологические этюды», где описывается патологическая подражательность у психически больных людей, на известные в истории психические эпидемии и другие факты, перечисляет ряд публикаций в русской периодической печати о наблюдаемой в Якутии нервной болезни мерячении, заключающейся в автоматическом подражании. По мнению Михайловского, объяснение подражательности надо искать в гипнотизме. «Кто хочет властвовать над людьми, заставить их подражать или повиноваться, тот должен поступать, как поступает магнетизер, делающий гипнотический опыт» (стб. 189). Подражание либо имеет в своей основе моментальное и сильное впечатление от вожака, или является результатом воздействия постоянных однообразных впечатлений. Явления автоматического подражания, их Михайловский называет «нравственной или психической заразой», имеют, по его мнению, тесную связь с явлениями повиновения, покорности.

К психологическим факторам развития общества Михайловский относил подражание, общественное настроение и социальное поведение. Г. Тард, утверждая свою теорию подражания в социальном поведении, писал, что психологическими идеями в социологии его опередил русский писатель Михайловский (Тард, 1903, с.

137). Признавая подражание одним из механизмов отношения героев и толпы и межличностных отношений в толпе, Михайловский не считал его единственным механизмом. «По-видимому признать подражание единственным двигателем массовых движений до такой степени невозможно, что всякие оговорки тут излишни. И, конечно, никто прямо такой нелепости не скажет», — писал Михайловский (Михайловский, 1909, т. 2, стб. 131). Однако через несколько лет Г. Тард скажет именно такую «нелепость» и, откликаясь на публикацию французского ученого, Михайловский напишет, что, «непомерно расширяя область подражания, Тард топит в этом принципе явления не подходящие и устраняет задачу определения условий, при которых настоящее подражание проявляется с большей или меньшей силой» (там же, стб. 400).

Михайловский замечал, что положить в основу социологических обобщений подражание в массовых движениях, как это делают Тард, Сигеле и другие, и неправильно и невыгодно, к одному подражанию дело не может быть сведено. «Психологическую сторону массовых увлечений Тард понимает грубо, односторонне, а со стороны социологической, можно сказать, совсем даже не касается» (стб. 441). Михайловский критиковал ошибки современных ему западноевропейских ученых — о реакционных взглядах итальянского социолога, психиатра и криминалиста Ломброзо он писал, что они «довольно произвольны» и «недостаточно обоснованы», и не соглашался с утверждением патологичности массовых движений, биологической обусловленности некоторых социальных явлений (в частности, преступности), а также связи преступности, гениальности и помешательства.

Михайловский критиковал теорию Сигеле и не соглашался с его мнением, что собрание индивидов всегда ниже отдельно взятых составляющих его членов,

не находил всякую толпу преступной. Он считал заблуждением отказываться учитывать общественно-экономические причины и условия, влияющие на положение и движение народных масс.

Толпа как единое целое состоит из людей, каждый человек индивидуален. Что же их объединяет? Сознание общих нужд. Из общности нужд возникает общая направленность сознания людей, связанная с психическим состоянием масс в каждый данный момент, получающая выражение в общественном настроении. Общественное настроение является тем фактором, который с необходимостью должен учитывать герой, чтобы массы шли за ним. Функция героя в том, чтобы управлять настроением толпы и быть способным использовать его для достижения поставленных целей. При этом чем больше герой выражает стремление масс, тем лучше он использует настроение толпы. Военные деятели, агитаторы, ораторы, проповедники, педагоги отчасти инстинктивно, отчасти сознательно владели секретом влиять на толпу и пользовались им. Но это были, как указывал Михайловский, только практика, искусство, ловкость, личное умение, а не наука.

В условиях подцензурной печати героями у Михайловского были самозванец, царь, вождь, кликуша и т. д. Однако под самозванцами угадывались, и читатели это понимали, революционеры-разночинцы. Так, в одной из статей он отмечал: «самозванец как орудие политической интриги и самозванец, опирающийся на убеждения или чувства масс, — это две совсем разные фигуры. Без сомнения, фактически они могут соединяться в одном лице.» (стб. 224). Те, кого Михайловский называл самозванцами, становятся выразителями настроения народных масс, обусловленного общественными условиями жизни. «Где в чувствах, понятиях, нравах и материальной обстановке людей заложены условия, благоприятные для

самозванства, — там за поводом дело не станет» (стб. 228). Н. И. Кареев, высоко оценивая социологические труды Михайловского, видел в них попытку построить общественно-психологическую теорию.

Развивая психологическое направление в социологии, Кареев в качестве главных принципов русской социологии выделял признание психической основы общественных явлений и их психологическое объяснение. Психологический принцип, по его убеждению, особенно важен. Для того чтобы психологическое объяснение стало возможным, «обычная индивидуальная психология должна быть дополнена психологией коллективной», писал он, «и необходимо, чтобы эта последняя изучала процессы и результаты психического взаимодействия между людьми по всем трем категориям — ума, чувства и воли» (Кареев, 1913, с. 110).

Коллективная, или интерментальная, психология должна занять важнейшее место в психологическом обосновании общественных явлений. «Вся общественная жизнь состоит из внешних проявлений человека в слове и деле, и в основе всех культурных и социальных отношений, наблюдаемых нами вокруг нас, находится психическое взаимодействие, интерментальная психическая жизнь. Она, эта жизнь, оно, это взаимодействие, и вообще вся эта психика человеческих коллективов должна быть так же предметом научного исследования, как и внутренняя духовная жизнь отдельной человеческой личности, психика интраментальная» (Кареев, 1912, с. 83).

Коллективная психология, по мнению Кареева, должна разрабатываться как самостоятельная дисциплина, хотя ее проблемы включаются в такие науки, как педагогика, криминалистика, психиатрия, поскольку все эти науки сталкиваются с действиями человека по отношению к другим людям. «Действие

человека на человека проявляется в столь разнообразных формах и играет столь постоянную роль в создании общественных явлений, что лишь очень немного из этого действия может быть разработано в таких специальных дисциплинах с прикладным характером, каковы педагогика, криминалистика и психиатрия. Одним словом, педагог, криминалист и психиатр могут возделывать лишь маленькие клочки громадного поля коллективной психологии» (Кареев, 1913, с. 117).

Коллективная психология представлялась Карееву тем спасительным звеном, которое позволяет снять критику с попыток объяснения общественных явлений из данных индивидуальной психологии. «Существование между людьми общественной связи порождает взаимодействие экономическое, предполагающее уже существование взаимодействия психического. Последнее в свою очередь представляет собою совокупность великого множества явлений, происходящих в коллективной жизни. Изучение подобного рода процессов и составляет главнейшую задачу коллективной психологии» (там же, с. 115). «Самым основным явлением, из которого развивается все разнообразие явлений коллективной психологии, нам должно представляться психическое действие человека на человека, будет ли то действие единицы на единицу, или единицы на массу, или, наконец, массы на единицу» (с. 116).

«Коллективная психология должна быть непосредственной основой социологии, ибо общественная организация возникает только на почве психического взаимодействия особей» (Кареев, 1883, т. 1, с. 172). Психическое взаимодействие в обществе — обмен мыслями, передача ощущений, навыков, знаний, традиций — является областью коллективной психологии. «Пока не будет исследована вся эта область

психических явлений, происходящих в коллективной жизни людей, — писал Кареев, — до тех пор не будет прочных оснований для решения многих социологических вопросов» (там же, с. 350).

Кареев не признавал классовой борьбы, что вытекало из признания первичным психологического фактора. «Коллективная психология должна показать, что и народный дух, и всякая культурная среда, и какое бы то ни было групповое и классовое самосознание суть не что иное, как результаты психического взаимодействия между отдельными индивидуумами, держащиеся в пространстве и времени силами внушения и подражания» (Кареев, 1913, с. 120). В XIX в., указывал он, в науках искания шли в сторону историзма. В XX в. в науках «обнаруживаются новые искания, главным образом в сторону психологизма. Самый историзм не только не может ничего иметь против этого, но должен всячески содействовать психологизму, потому что и сама-то наука история — вся в психологии» (Кареев, 1912, с. 87).

В 1912 г. на торжественном годовом акте Психоневрологического института в Петербурге Н. И. Кареев, преподававший там, выступил с речью о значении психологии для общественных наук. Психология, говорил он, примыкает одной своей стороной к наукам биологическим, другой — к наукам социальным, изучающим организацию практических отношений между людьми. «Можно, не будучи пророком, предсказать, что именно социологии, основанной на интерментальной психологии, принадлежит будущее, тогда как другие направления, ищущие источники для основного понимания социальных явлений вне психологии, обречены на вымирание, а если и могут рассчитывать на какую-нибудь будущность, то лишь под условием усвоения в той или иной мере того, что для краткости я назову

психологизмом» (там же, с. 84). По убеждению Кареева, чем дальше, тем все более и более будет сознаваться важность психологии для социологии и интерментальная психология все более будет привлекать к себе внимание социологов. Но неверно думать, что социальная психология и есть, в сущности, сама социология. Социальная психология должна заниматься изучением процессов интерментальной психической жизни, от которых следует отличать, так сказать, их объективированный результат в образе общественной культуры (религии, философии, литературы, искусства, науки и т. д.). Эта культура, состоящая из идейных элементов, также подлежит ведению психологии, ибо всякое идейное содержание культуры не имеет иного пребывания, как во внутреннем мире отдельных лиц. На почве общественной жизни и волевого взаимодействия между людьми, вызываемого их потребностями в пище, жилище, одежде и т. п., возникают практические отношения, складывающиеся в организме, т. е. в некоторые объективные системы. Объективно данные общественные формы и составляют предмет социологии как науки об общественной организации. В последнем анализе все вещи и формы социальной организации сводятся к отношениям между людьми, к их волевым взаимодействиям.

Кареев ошибку марксистов видел в том, что «явления духовного характера, происходящие в обществе, т. е. всю культурную жизнь общества, его религию, мораль, философию, литературу, искусство, равно как политические и юридические воззрения они хотят вывести из экономики общества, иначе говоря, хотят объяснить факты коллективной психологии принципами политической экономии, как будто не существует индивидуальной психологии, которая в эволюционном и логическом порядке предшествует и

коллективной психологии, и самой политической экономии» (Кареев, 1913, с. 95). Он представлял дело так, что, как только марксисты заговаривают о психологических элементах, они вступают в противоречие с принятой ими теорией. Марксистская теория, писал он, отвергавшая в самом своем начале какой бы то ни было психологизм, не ушла от необходимости воспринимать кое-что из отвергнутого начала. Экономический материализм, строивший социологию на экономике, при самом своем возникновении был даже объявлен реакцией против интеллектуалистического объяснения социального развития: не идеи, не мнения лежат в основе общественных учреждений, а производственные отношения. Но ведь и производственные отношения сами по себе, замечал Кареев, возможны лишь на почве психического взаимодействия, они создаются путем взаимодействия волевых актов, обуславливающих общее направление поведения людей.

Взаимоотношение социологии и психологии представлялось существенным для развития науки и другому видному русскому социологу Е. В. де Роберти. Об этом он неоднократно писал в своих трудах по социологии, начиная с 80-х годов XIX века. В 1908 г. в речи о задачах социологии на торжественном открытии Психоневрологического института в Петербурге де Роберти говорил о зависимости психологии от социологии. Если Н. И. Кареев социологию возводил на основе психологии, то де Роберти социологию считал основой психологии. «Психология должна опереться на социологию как на прочное, незыблемое основание, должна исходить из данных, предварительно добытых социологическими наблюдениями и исследованиями» (Роберти, 1909, с. 37).

Де Роберти, развивая свою, как он называл, биосоциальную теорию, писал: «Психология питается

двумя параллельными корнями, черпает все свое содержание из двух основных, наук: из биологии и социологии» (там же, с. 39). И одна из задач социологии — создание основы научной психологии. Де Роберти выделял понятие общественности как покрывающее длинный ряд явлений, психологическое взаимодействие он относил к наиболее поздней и окончательной форме взаимодействия, обнаруживающейся через посредство «этико-коллективного психизма». Коллективный опыт он понимал как психический и в конечном итоге выводил общественное бытие из сознания людей. Достаточно туманное объяснение им задач социологии сводится к тому, чтобы сочетать явления общественной коллективной психики с органическими факторами.

Психологизм в буржуазной социологии был направлен против марксизма. Главным аргументом противников марксизма стало обвинение его в том, что новая теория отрицает психологические факторы в общественном развитии и является экономическим материализмом. Марксистскому утверждению объективной закономерности общественно-исторического развития буржуазные идеологи противопоставляли субъективную социологию. Психологические факторы оказывались важнейшим объяснительным принципом в анализе исторического процесса общественного развития. Психическими мотивами поведения людей (как конечной причиной) подменялась истинная причина революционного движения масс. Марксистскому основополагающему принципу производственных отношений (как исходной причине общественного развития) буржуазные идеологи противопоставляли психологические факторы общественного развития. Обращаясь к психологическим объяснениям, они уходили от анализа классовой структуры общества, вопросов о классовых противоречиях. Действительные основания социальной

дифференциации общества — производственные отношения, отношения к средствам производства — заменялись психологизацией социальных процессов.

Примечательно, что деятели легального марксизма П. Б. Струве и другие, первоначально критикуя социологию народничества и выдавая себя за марксистов, извращая марксизм, уверяли, что марксистское учение об общественном развитии исчерпывается экономическими отношениями. Однако, перейдя к идеализму и начав открытую борьбу с философскими основами марксистской социологии, они незамедлительно себе на помощь привлекли психологические доводы. П. Струве, Н. Бердяев, С. Булгаков пришли к разного рода социологическим построениям, применяя психологические понятия.

Бердяев пытался истолковать марксизм в социально-психологических категориях. Во всех общественных учреждениях он видел объективированную психику людей. Одним из приемов психологизации общественных явлений у него стало отождествление общественного бытия и общественного сознания. В 1901 г. вышла книга Н. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии». В подзаголовке Бердяев указывал, что его книга — «критический этюд о Н. К. Михайловском», отмечал, что направление, представленное Михайловским, уже отживающее, а потому его можно подвергнуть исторической оценке, с тем чтобы сохранить «живые корни». Один из таких «живых корней» Бердяев видел в субъективном методе. Подчеркивая, что Михайловский понимал этот метод как психологический, он считал важным способствовать его росту в новых условиях. «Мы желали бы, — писал Бердяев, — чтобы великая социологическая доктрина, проливающая яркий свет на исторический процесс, протянула руку психологии, которая должна оказать ей большие услуги» (Бердяев,

1901, с. 87). «Великой социологической доктриной» в то время автор называл учение Маркса, а в психологии для него не имели значения различия тех или иных научных школ, он имел в виду современную ему западноевропейскую идеалистическую психологию в целом — Вундта, Бэна, Гёфдинга и др. «Любой курс современной психологии начинается рассуждениями о психологическом методе, и только философски необразованные натуралисты способны утверждать, что психология есть часть физиологии мозга» (там же, с. 83). Сеченовская психологическая теория, провозглашавшая объективный метод и утверждавшая, что психика — функция мозга, оказывалась, после того как Бердяев искажал ее, учением «философски необразованного натуралиста».

Бердяев отрицал возможность применения материализма к познанию общества на том основании, что «социальный процесс есть прежде всего психическое взаимодействие людей» (с. 195). Монизм в социологии Бердяев видел в отождествлении общественного бытия с общественным сознанием и давал идеалистическое толкование марксистскому пониманию истории. «Исторический материализм, монистический по своему духу, не должен видеть внутри исторического процесса дуализм духа и материи, психического и физического, для него есть только единое социальное, и это единое с философской точки зрения есть психическое» (с. 87–88). Он приходил к выводу, что социальное развитие проникнуто социально-психологической причинностью. «Для нас социальная причинность насквозь психическая, и одно психическое, например, идеологические построения, объясняется другим — психическим же.» (с. 88).

От легального марксизма Н. А. Бердяев перешел к богоискательству. В этот период он видел решение задач общественного развития в выработке нового

религиозного сознания, которое вносится в общественное сознание и бытие. Деятельность религиозно понимаемой личности трактуется как мистическое общение с богом и через него с другими личностями. От психологических категорий Бердяев перешел к мистико-религиозным понятиям, а далее к обоснованию христианского экзистенциализма. Эмигрировав в первые годы Советской власти, он уже за рубежом развивал свое религиозное учение, которое использовалось и используется для антикоммунистической и антисоветской пропаганды.

Психологизм сказался в эволюции философских взглядов А. А. Богданова, который с 1896 г. был социал-демократом, при подготовке первой русской революции примыкал к большевикам и отошел от них в годы реакции. Ошибочное толкование проблем психологии в их отношении к марксистским взглядам на общественное бытие и общественное сознание включалось в предпринятую им философскую ревизию марксизма с махистских позиций. Богданов, не раз резко критиковавший Бердяева, оказался вместе с ним в утверждении тождественности общественного сознания и общественного бытия. Он совершал это отождествление на том основании, что производственные отношения есть «группа первично организующих идеологических комбинаций» (Богданов, 1906, кн. 3, с. 54). Принцип монизма в социологии он формулировал таким образом: «Без сознания нет общения. Поэтому социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно-психическая. Социальность нераздельна с сознательностью. Общественное бытие и общественное сознание в точном смысле этих слов тождественны» (там же, с. 57). «Техника», которая, по определению Богданова, составляет базис идеологии, также имеет «психический характер». Он писал, что идеология — «определенная

частная сфера социальной психологии, а экономия — это другая область той же социальной психологии» (там же). Он полагал, что современная ему социальная психология достигла в своем развитии степени «сравнительно точной науки», а потому «старая формулировка исторического монизма, не переставая быть верною в своей основе, уже не вполне нас удовлетворяет» (там же, с. 40).

Психологизм в социологии во всех его разновидностях подвергся уничтожающей критике Г. В. Плеханова и В. И. Ленина, утверждавших диалектико-материалистическое понимание роли и значения психологического фактора в развитии общества, обосновывавших марксистский подход к социально-психологическим явлениям и дававших их анализ для возможно полного учета и выяснения всех особенностей психологии разных слоев общества в массовом революционном движении.

Проблемы социальной психологии в социологии марксизма ставились и решались в условиях идейной борьбы с противниками марксистской теории и в революционной практике. В 1890-е годы вопрос о психологических и экономических факторах исторического процесса, о роли личности в истории стал предметом ожесточенных споров. Вопрос этот обсуждался в журнальных статьях, научных монографиях, научно-популярной литературе. В полемике принимали участие Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев, Г. В. Плеханов и др.^[5] В этом аспекте шло и обсуждение социально-психологических проблем, поскольку важным было выяснение роли народных масс в революционном движении и места общественной психологии в социальной жизни.

В 1895 г. В. Плеханов выпустил под псевдонимом Н. Бельтов свою ставшую широко известной книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на

историю». Перед Плехановым стояла задача пропаганды марксизма, его социологической концепции и критики как субъективистских взглядов и связанной с ними психологизации социологии, так и вульгарно-экономических воззрений. Книга Плеханова была ответом «гг. Михайловскому, Карееву и компании», как указывал автор в подзаголовке. Ответ Карееву был вызван его статьей об экономическом материализме, помещенной в «Вестнике Европы» за 1894 г., затем воспроизведенной в книге «Старые и новые этюды об экономическом материализме» (1896 г.). Там критика работы Плеханова была дана отдельной главой, в которой Кареев повторил свои соображения о психологических основах общественного развития.

На книгу Плеханова немедленно откликнулся его главный противник Н. К. Михайловский. В «Русском богатстве» (1895, № 1) была помещена его статья «Литература и жизнь». Плеханов ответил ему статьей «Несколько слов нашим противникам»^[6]. В 1898 г. в журнале «Научное обозрение» была опубликована статья Плеханова «К вопросу о роли личности в истории».

Плеханову, одному из первых пропагандистов марксизма в России, надо было ответить и тем, кто, как Михайловский и Кареев, считали личность субъектом истории, ратовали за психологическое объяснение общественного развития, и тем, кто отказывался от признания роли и значения деятельности личности. Плеханов наносил удары не только народничеству, но и легальному марксизму, деятели которого, в первую очередь П. Б. Струве, критикуя субъективную школу в социологии, извращали марксизм, заявляя, что концепция марксизма в отношении общественного развития исчерпывается экономическими отношениями. «Социологическое учение „экономический материализм“ диаметрально противоположно „субъективному

идеализму“, — писал Струве. — Оно просто игнорирует личность как социологическую величину» (Струве, 1894, с 30). В этой обстановке выступление Плеханова вносило новый смысл в противостояние субъективной социологии и экономического материализма, которым подменялся марксизм.

После выхода книги Кареева «Старые и новые этюды об экономическом материализме» Плеханов в статье «О материалистическом понимании истории» снова обратился к теории марксизма.

Главным в полемике был вопрос об объективных закономерностях исторического развития. Плеханов раскрывал объективный характер общественного развития, оценивал роль личности и народных масс в истории, противопоставлял марксистское учение народническим взглядам на «героев и толпу». Существенным было объяснение того, как марксизм относится к социально-психологическим проблемам, поскольку и противники марксизма, и его мнимые последователи — те, кто, прикрываясь марксизмом, извращали его, уверяли, что признание объективных законов общественного развития не совместимо с признанием значения психологического фактора в общественном развитии. Плеханов отстаивал признание марксизмом роли психологии людей в общественной жизни и с этим связывал решение марксизмом вопроса о детерминации психологии людей той или иной общности, той или иной исторической эпохи условиями их жизни.

Лаврову, Михайловскому и другим народникам, отказывавшимся признавать роль народных масс, классов в истории, считавших народные массы неспособными к сознательным и организованным действиям и полагавшим, что только герои, «критически мыслящие личности», могут привести в действие народные массы, Плеханов противопоставил

марксистский взгляд на народные массы как двигатель истории.

Доказывая несостоятельность теории героев и толпы, Плеханов писал, что «критически мыслящие личности» выделяются в особую разновидность человеческого рода. «Этой высшей разновидности противостоит чуждая критической мысли масса, способная лишь играть роль глины в творческих руках „критически мыслящих“ личностей — „героям“ противостоит „толпа“. Как ни любит герой толпу, как ни полон он сочувствия к ее вековой нужде, к ее непрерывным страданиям, — он не может не смотреть на нее сверху вниз, не может не сознавать, что все дело в нем, в герое, между тем как толпа есть чуждая всякого творческого элемента масса, что-то вроде огромного количества нулей, получающих благотворное значение только в том случае, когда во главе их снисходительно становится добрая, „критически мыслящая“ единица» (Плеханов, 1956, т. 1, с. 604–605).

Марксистская теория была далека от того, чтобы переоценивать значение «героев» в революционной борьбе и недооценивать народные массы. «Пока существуют „герои“, воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из глины, все, что им вздумается, — царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама „толпа“ станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой „толпе“ разовьется соответствующее этому самосознание. Субъективная философия кажется нам вредной именно потому, что она мешает интеллигенции содействовать развитию этого самосознания, противопоставляя толпу героям, воображая, что толпа есть не более, как совокупность

нулей, значение которых зависит лишь от идеалов становящегося во главе ее героя» (там же, с. 693).

Плеханов следующим образом раскрывает связь личности и массы в рабочем движении. «Чем сильнее становится в рабочем недовольство зависимостью от капиталистов, тем сильнее укрепляется в нем сознание того, что ему необходимо действовать согласно с другими рабочими, что ему нужно возбудить во всей их массе чувство солидарности. Его тяготение к массе прямо пропорционально его стремлению к независимости, его сознанию собственного достоинства, словом — развитию его индивидуальности» (там же, с. 511).

Выступая против недооценки психологии масс и диалектики во взаимоотношениях личности и массы в революционном движении, Плеханов писал: «Освободительная борьба пролетариата есть массовое движение. Потому и психология этого движения есть психология массы. Разумеется масса состоит из отдельных лиц, а отдельные лица не тождественны между собою. В массовом движении участвуют и худые и полные, и низкие и высокорослые, и русые и черноволосые, и робкие и смелые, и слабые и сильные, и мягкие и жесткие индивидуумы. Но индивидуумы, являющиеся созданием массы, плотью от ее плоти и костью от ее костей, они не противопоставляют себя ей, как любят противопоставлять себя толпе герои из буржуазной среды, а признают себя ее частью и чувствуют себя тем лучше, чем явственнее ощущается ими тесная связь, соединяющая их с нею» (с. 510).

Плеханов разъяснял положение марксизма: «человек познан как сущность, как базис всей человеческой деятельности и всех человеческих отношений.» (Маркс, Энгельс, 1955, т. 2, с. 102). «Строго говоря, существует только один фактор исторического развития, именно — общественный человек», — писал Плеханов (Плеханов,

1956, т. 5, с. 363). Поэтому несостоятельны заявления о том, что общество является саморазвивающейся системой форм производства и обмена. Общество развивается деятельностью людей. Несостоятельны и положения сторонников субъективной социологии. Признание роли психологии людей никак не должно означать психологизации истории. Существенным является, во-первых, открытие марксизмом объективных законов общественного развития и, во-вторых, материалистическое объяснение психологии людей, которое дается марксизмом.

Плеханов подчеркивал, что все сказанное критиками Маркса о мнимой односторонности марксизма, об его будто бы пренебрежении ко всем другим факторам общественного развития, кроме экономического, подсказывалось простым непониманием той роли, какая отводится в данном учении взаимодействию между базисом и надстройкой. Развивая материалистическое объяснение истории, Плеханов выявлял роль и место «психологического фактора» в развитии общества, раскрывал детерминацию социально-психологических явлений. Он приводил разнообразные факты, демонстрирующие взаимодействие базиса и надстройки, постоянно обращался к психологическим и социально-психологическим факторам, полагая, что «разнообразие „факторов“ нимало не нарушает единства коренной причины» (Плеханов, 1957, с. 167). «Если идейный „фактор“ играет важную роль в развитии общества, то он сам предварительно создается этим развитием», — писал Плеханов (там же).

Плеханов отвергал кареевскую программу «синтетического взгляда на общественную жизнь», указывая, что точка зрения взаимодействия факторов бесплодна, эклектична. Факт взаимодействия между различными общественными силами еще не решает

вопроса об их происхождении. Марксизм же дает «монистическую формулу» (там же, с. 180). Ответ Карееву был и опровержением всех попыток психологизации общественных наук. Речь должна идти о диалектико-материалистическом понимании общественного человека и его деятельности как фактора исторического развития.

В психологическом факторе «синтезируется» (Плеханов нарочито употреблял терминологию Кареева) вся структура человеческой деятельности и человеческих отношений. Поэтому анализ всех видов материальной и духовной деятельности общества должен завершаться исследованием психологии людей этого общества, выражая их «синтетическое единство». Тенденция к «синтетическому» анализу социальных явлений и тенденция к исследованию психологии «общественного человека» должны быть взаимосвязаны, и поэтому научное исследование социальных явлений должно иметь социально-психологический аспект.

В трудах Плеханова выясняются место общественной психологии в структуре общественной жизни, ее взаимоотношение с идеологией, дается ее определение, обосновываются методологические принципы марксистского подхода к социально-психологическим явлениям^[7].

В структуре общественной жизни, считал Плеханов, социальная психология занимает место между политической формой общества и другими формами общественного сознания (религией, философией, литературой, искусством и др.). В 1896 г. в работе «Очерки по истории материализма» Плеханов дал следующую пятичленную «формулу» (употребляем его выражение): «Данная степень развития производительных сил; взаимоотношение людей в процессе общественного развития; форма общества, выражающая эти отношения людей; определенное

состояние духа и нравов, соответствующее этой форме общества; религия, философия, литература, искусство, соответствующие способностям, направлениям вкуса и склонностям, порождаемым этим состоянием» (Плеханов, 1957, с. 171). По разъяснению Плеханова, эта «формула» выражает причинную связь, существующую между различными членами ряда. Психологическая характеристика — определенное состояние духа и нравов — предшествует таким формам общественного сознания, как религия, философия и др.

Несколько позже, в 1907 г., в работе «Основные вопросы марксизма» Плеханов писал: «Если бы мы захотели кратко выразить взгляд Маркса — Энгельса на отношение знаменитого теперь „основания“ к не менее знаменитой „надстройке“, то у нас получилось бы вот что: состояние производительных сил; обусловленные им экономические отношения; социально-политический строй, выросший на данной экономической „основе“; определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека; различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики» (там же, с. 179–180).

Плехановская «формула» вызывала и вызывает разные толкования и замечания (см.: Маслин, 1957; Самсонов, 1970; Уледов, 1968). Что касается общественной психологии, остается неясным ее отношение к идеологии. В последнем изложении речь идет об отражении идеологией психики общественного человека, хотя для марксизма разные формы идеологии как системы взглядов, идей представляют отражение общественного бытия и выражают интересы того или другого класса. Важно, однако, то, что Плеханов считал необходимым поставить общественную психологию в причинную связь с другими формами общественной жизни, составляющими в своей совокупности

общественную систему определенной исторической эпохи. Общественная психология выделена как одна из сторон общественной жизни, подлежащая научному изучению, которое сделалось возможным благодаря объективному методу исторического материализма. «Формулу» взаимосвязи разных сторон общественной жизни Плеханов считал достаточно широкой, чтобы дать место всем формам или факторам исторического развития.

У Плеханова имеется характеристика общественной психологии как переходной ступени от экономических отношений к разным формам общественного сознания. «Все идеологии имеют один общий корень — психологию данной эпохи» (Плеханов, 1957, с. 180). Поэтому «чтобы понять историю научной мысли или историю искусства в данной стране, недостаточно знать ее экономию. Надо от экономии уметь перейти к общественной психологии, без внимательного изучения и понимания которой невозможно материалистическое объяснение истории идеологий» (там же, т. 2, с. 247).

Приходится учитывать, что у Плеханова мы читаем и такое высказывание: «Экономия общества и его психология представляют две стороны одного и того же явления производства жизни людей, их борьбы за существование, в которой они группируются известным образом, благодаря данному состоянию производительных сил. Борьба за существование создает их экономию, на ее же почве вырастает и их психология. Экономия сама есть нечто производное, как психология» (там же, т. 1, с. 645). Экономия, таким образом, есть следствие производительных сил, так же как и психология, представляя две стороны одного и того же явления «производства жизни» людей. Размышления о том, что общественная психология представляет одну из сторон общественной жизни, мы встречаем и в других произведениях Плеханова. Это

заставляет предполагать, что линейный причинный ряд его не всегда удовлетворял, тем более что он отмечает воздействие конечных звеньев на предыдущие.

Главный методологический принцип исследования социально-психологических явлений, который утверждал Плеханов, это положение о том, что основой развития общественной психологии являются общественные отношения. «Всякая данная ступень развития производительных сил необходимо ведет за собою определенную группировку людей в общественном производственном процессе, т. е. определенные отношения производства, определенную структуру всего общества. А раз дана структура общества, нетрудно понять, что ее характер отразится на всей психологии людей, на всех их привычках, нравах, чувствах, взглядах, стремлениях и идеалах. Привычки, нравы, взгляды, стремления и идеалы необходимо должны приспособиться к образу жизни людей. Психология общества всегда целесообразна по отношению к его экономике, всегда соответствует ей, всегда определяется ею» (с. 644).

В производственных отношениях Плеханов видит социально-экономические корни социально-психологических явлений. Он подчеркивает активную роль общественной психологии. Задача социальной психологии — исследовать диалектику взаимодействия социально-психологических явлений и общественно-экономической структуры общества. В предмете общественной психологии Плеханов наиболее важным считал настроения различных социальных групп, общностей, классов. Поэтому общественную психологию он характеризует как преобладающее настроение чувств и умов в данном классе данной страны в данное время. В некоторых работах он ограничивается тем, что определяет социальную психологию только как «преобладающее общественное настроение».

В общественной психологии Плеханов различает изменчивые и устойчивые элементы. К первым он относит настроение. Ко вторым — традиции, социальные привычки, обычаи, национальные, родовые и религиозные чувства. Устойчивые элементы сохраняются и передаются от поколения к поколению, создавая преемственность в психологии общественных групп. «Сила традиции есть сила инерции», — писал Плеханов (Плеханов, 1956, с. 262). Объяснение традиций следует искать в общественной психологии прошлого, в породивших эти традиции общественных порядках. В разного рода обычаях выполняются те или иные символические действия, которые «становятся понятными только тогда, когда мы понимаем смысл и происхождение знаменуемых ими отношений. Происхождение символического обычая обрезывания косы на могиле брата объясняется историей семьи, и объяснение истории семьи надо искать в истории экономического развития» (там же, с. 261–262).

Общественная психология в классовом обществе выражает классовые интересы, интересы тех или иных социальных групп, слоев. «Структура цивилизованных обществ настолько сложна, что, в строгом смысле слова, нельзя даже говорить о состоянии духа и нравов, соответствующем данной форме общества. Состояние духа и нравов горожан часто существенно отличается от состояния духа и нравов крестьян, а дух и нравы дворянства очень мало похожи на дух и нравы пролетариата» (с. 172).

Плеханов подвергал анализу многочисленные социально-психологические явления, приводил исторические примеры и настойчиво доказывал, что в классовом обществе социальная психология носит классовый характер, психология каждой социальной общности определяется местом, которое она занимает в обществе.

Классовый принцип анализа социально-психологических явлений Плеханов применял и к оценке такого общего механизма социально-психологических процессов, как подражание. Чему и как подражает группа людей или отдельные члены этой группы, зависит от положения в системе общественных отношений данной группы. На основании марксистского подхода к явлениям подражания Плеханов критиковал взгляды Тарда. «Тард, — замечал он, — написавший о законах подражания очень интересное исследование, видит в нем как бы душу общества. По его определению, всякая социальная группа есть совокупность существ, частью подражающих друг другу в данное время, частью подражавших прежде одному и тому же образцу. Что подражание играло очень большую роль в истории всех наших идей, вкусов, моды и обычаев, это не подлежит ни малейшему сомнению. На его огромное значение указывали еще материалисты прошлого века. Но так же мало может подлежать сомнению и то обстоятельство, что Тард поставил исследование законов подражания на ложную основу» (там же, т. 5, с. 294–295).

Плеханов обосновывал мысль о том, что в общественной психологии имеется и другой противоположный подражанию механизм — противоречие или контрподражание. Его действие проявляется в формировании общественных взглядов, нравов, эстетических воззрений. «С появлением классов противоречие становится не только двигающим, но и формирующим началом» (там же, т. 1, с. 666). Плеханов приводил пример из истории Англии периода реставрации. Когда к власти временно пришло старое дворянство, то оно не только не стремилось подражать крайним представителям революционной мелкой буржуазии — пуританам, но и следовало прямо противоположным правилам жизни. Такая реакция

явилась результатом классовой борьбы. В основе сложной диалектики психических явлений лежали факты общественного порядка.

Общественная психология оказалась первой из психологических наук, к которой была применена марксистская методология. На ее основе в трудах В. И. Ленина проблемы социальной психологии ставились и решались в условиях теоретической борьбы с противниками марксизма и в революционной практике^[8]. В. И. Ленин последовательно отстаивал диалектико-материалистические методологические принципы социологии марксизма, обличал тех, кто выдавал исторический материализм за экономическую теорию, кто заявлял о недооценке марксизмом психологического фактора.

В. И. Ленин, выступая против всяческих извращений исторического материализма, отвергал всякого рода психологизацию марксизма, неизменно отмечая при этом роль и значение психологического фактора в развитии общества.

Ленин критически разобрал социологические, экономические и политические взгляды либерального народничества. Опровергая народническую социологию, он резко возражал против всех попыток перенести на общественное сознание категории индивидуального сознания. Столь же резко он отвергал противоречащее марксизму отождествление общественного бытия и общественного сознания. Он утверждал как основу марксизма положение о том, что общественное сознание отражает общественное бытие.

В годы реакции во время острой борьбы на идеологическом фронте Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» выступил против философских ревизионистов, которые стремились подменить философско-теоретические основы марксизма — диалектический и исторический материализм —

буржуазной идеалистической философией эмпириокритицизма. Он показал идеалистическую сущность учений Р. Авенариуса и Э. Маха, философских учителей ревизионистов, обличил их русских последователей в отступлении от марксизма. В. И. Ленин многократно обращался к сборнику статей А. Богданова, выпущенному под заглавием «Из психологии общества», и его «Эмпириомонизму», выясняя богдановские ошибки, отход от основных положений марксизма, совершаемую им подмену материалистической точки зрения в философии идеалистической.

В разделе «Как Богданов исправляет и „развивает“ Маркса», включенном в «Материализм и эмпириокритицизм», Ленин опровергал богдановскую теорию тождества общественного бытия и общественного сознания. Критикуя Богданова, Ленин писал: «Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него как сознательные существа, никоим образом не следует, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — не сознают того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д... Общественное сознание отражает общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо» (Ленин, т. 18, с. 343).

Далее Ленин, указывая, что нельзя не видеть прямой и неразрывной связи положения исторического материализма об отражении общественным сознанием общественного бытия с общим положением всего материализма об отражении сознанием бытия, заключал, что «теория тождества общественного бытия

и общественного сознания есть сплошной вздор, есть безусловно реакционная теория» (с. 344). Приводя высказывания Богданова о психологическом и биологическом выражении прогресса, Ленин писал: «Нечего и говорить, что во всей этой игре в биологию и социологию нет ни грана марксизма» (с. 347). Ленинский вывод в этом разделе «Материализма и эмпириокритицизма» был таков: «Все более тонкая фальсификация марксизма, все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, — вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в философии вообще, как в гносеологии, так и в социологии» (с. 351).

Столь же беспощадно Ленин высмеивал богдановские построения «познавательного социализма», выведение им физической природы из «социально организованного опыта живых существ».

Отстаивая марксистский взгляд на роль народных масс в революционном движении, Ленин с негодованием писал о том, как Бердяев, Струве и Булгаков дошли до того, что «обливали помоями и грязью борьбу масс за свободу, причем демократические массы рабочих и крестьян изображались в качестве стада, ведомого „интеллигенцией“, — избитый прием всех черносотенцев» (там же, т. 23, с. 110), они учили рабочий класс и крестьянство «рабской морали и рабской политике» (с. 194).

Буржуазной социологии Ленин противопоставлял марксистскую теорию, утверждавшую объективные закономерности исторического развития. Материалистическое понимание истории опровергало идею о самобытном пути России, разбивало надежды обойтись без классовой борьбы пролетариата. Учение о классах и классовой борьбе снимало попытки буржуазных социологов ввести понятие социальной

группы, которое несло идеалистическое содержание — члены группы объединялись психологической связью.

Классовый подход изменял представление о народной массе, давал объективный критерий ее дифференциации. Народническая теория толпы и героев оказывалась несостоятельной перед марксистским учением. Материалистическое понимание роли личности и народных масс в истории, признание того, что трудящаяся масса — творец и решающая сила истории, определяло постановку и решение Лениным социально-психологических проблем. Для Ленина нет безликой толпы, толпы вообще. Из теории классов и классовой борьбы вытекали классовый подход к народной массе, ее дифференциация, выявление и учет специфических черт психологии рабочего класса, крестьянства, буржуазии и различных слоев населения. Ленин подчеркивал отличие своей позиции по отношению к психологии масс трудящихся: «Поклонники Лаврова и Михайловского должны считаться с психологией забитой массы, а не с объективными условиями, преобразующими психологию борющейся массы» (там же, т. 13, с. 404). Массы трудящихся — это активная сила в общественной борьбе.

Диалектико-материалистический метод давал объективный критерий для познания закономерностей общественного развития, позволял применить к общественным явлениям общенаучные принципы. Разрабатывая материалистическую методологию объективного анализа общественных явлений, Ленин подвергал изучению объективные данные о поведении, настроении революционных масс. Обращаясь к революционной практике, он различал объективные основы деятельности классов и то, как они сами осознают свои интересы и задачи.

В. И. Ленин, блестяще применяя в революционной практике социально-психологический анализ, ставил

социальную психологию на службу революционному делу. Социально-психологические характеристики пролетариата, крестьянства и буржуазии он связывал с их объективным положением в системе общественного производства и определяемыми этим положением коренными потребностями и интересами классов. Психологические наблюдения его запечатлевают разные общественные слои — чиновничества, военных, духовенства.

Стратегический план революции и тактика революционной борьбы требовали анализа общественной психологии всех классов русского общества. Проблема изучения психологии народных масс, встававшая в связи с задачей пропаганды марксизма и борьбой с либеральным народничеством, препятствовавшим распространению идей научного социализма, приобретала в условиях подготовки первой русской революции огромное практическое значение. Легальные марксисты и социал-демократы меньшевики уверяли, что в народе нет достаточных социально-психологических предпосылок для немедленного революционного переворота. Усилия партии направляются на то, чтобы воспитать массу трудящихся для сознательной революционной борьбы. «Рабочая партия все надежды возлагает на массу, но на массу не запуганную, не пассивно подчиняющуюся, не покорно несущую ярмо, а массу сознательную, требовательную, борющуюся» (там же, т. 14, с. 230).

Ленинский ответ на вопрос, что делать, был таков: революционные марксисты могут обрести силы, неся теорию в стихийно пробуждающиеся массы. Необходимо для революционного действия, чтобы научная теория вступила в связь с чувствами протеста и возмущения народных масс. Психологическую помеху революционному действию трудящихся масс Ленин видел в покорности, привычке к угнетенному

положению. Поэтому столь большое значение Ленин придавал борьбе с религиозным сознанием. Он вел последовательную линию критики религиозного мировоззрения.

Теоретическим анализом Ленин раскрыл гносеологические и социальные корни религии, дал социально-психологическую характеристику религиозного сознания и определил социальную роль религии. В 1905 г. в первой легальной большевистской газете «Новая жизнь», в последнем ее номере, вышедшем уже после официального ее закрытия, была помещена статья В. И. Ленина «Социализм и религия». В ней излагались взгляды марксизма на религию, давалась характеристика положения церкви в России и были выражены требования, которые должен предъявить пролетариат в отношении к церкви и которые предстоит осуществить революции. Предельно краткие и четкие ленинские формулировки отличались высоким теоретическим обобщением и одновременно поразительной конкретностью в разборе исторических условий деятельности церкви, в определении социально-психологической роли религии и задач революционной борьбы. Именно в этой статье Ленин писал, что экономическое угнетение рабочих неизбежно вызывает и порождает всякие виды угнетения политического, принижения социального, огрубления и затемнения духовной и нравственной жизни масс. «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством» (там же, т. 12, с. 142). Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь: «того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим

трудом, религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплуататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие» (с. 143).

Разоблачая социальный смысл религиозного учения, Ленин писал, что социализм «освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что сплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь» (там же). Необходимой составной частью политической свободы является требование полного отделения церкви от государства. В той же статье Лениным была определена исходная позиция марксизма в отношении религии: «гнет религии над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнета внутри общества» (с. 146).

Спустя несколько лет в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин, рассматривая вопрос об отношении махизма к религии, писал о том, как буржуазная реакция использует модную философскую теорию в своих целях, «а фидеизм с каждого такого увлечения берет себе добычу, на тысячи ладов видоизменяя свои ухищрения в пользу философского идеализма» (там же, т. 18, с. 364). В обстановке реформаторских замыслов наиболее дальновидных православных теологов и внецерковных защитников религии ленинский анализ того, как «наши истребители диалектического материализма безбоязненно договариваются до прямого фидеизма» (с. 10), давал программу теоретической борьбы с фидеизмом, «который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли» (с. 380).

Ленин непрерывно следил за состоянием и динамикой общественной психологии классов и партий в

обстановке нарастания революционного подъема накануне первой русской революции и революционных действий в 1905 г. Внимание его привлекают стихийное недовольство, возмущение и протест трудящихся, их тяга к революции и социализму. Эти бессознательно проявляющиеся черты общественной психологии рабочих и крестьян Ленин считал благоприятной почвой для формирования их революционного сознания. Изменчивость и динамика общественных настроений интересует Ленина прежде всего. Его цель — слияние в один поток революционных настроений и преодоление настроений, тормозящих революцию. Важно как можно полнее учесть и соединить силы, которые могли бы прямо или косвенно способствовать наступлению революции. Психологическую сторону задачи Ленин определил так: «.. собрать, если можно так выразиться, и концентрировать все те капли и струйки народного возбуждения, которые высачиваются русской жизнью в количестве неизмеримо большем, чем все мы себе представляем и думаем, но которые надо именно соединить в один гигантский поток» (там же, т. 6, с. 77).

Призыв к формированию сознательности революционных масс опирался на ленинское решение вопроса о взаимосвязи общественной психологии и идеологии. Ленин учил соединению научного социализма с рабочим движением и воспитанию массового сознания трудящихся, развитие которого определяется изменением объективных материальных условий, экономического положения, собственным опытом политической борьбы и целенаправленным влиянием со стороны политических партий. Сама жизнь, политический опыт, преломляясь в сознании пролетариев, обуславливают прогрессивные стороны его психологии, более или менее верно выражающие объективное положение и интересы рабочего класса. Прогрессивные моменты в общественной психологии

пролетариата и создают почву для соединения рабочего класса с научным социализмом. Трудящиеся массы способны, по убеждению Ленина, правильно осознавать ближайшие и отдаленные задачи революции и бороться за их осуществление. Лениным были даны программа воздействия на рабочие массы, формы пропаганды и агитации, которые придадут общественной психологии социал-демократическую направленность. Всестороннее разоблачение самодержавия социал-демократами будет служить воспитанию политического сознания и революционной активности рабочего класса, сплочению вокруг него всех угнетенных, недовольных существующим строем. Перед пропагандистами Ленин ставит психологические задачи — «использовать все и всякие проявления недовольства, собрать и подвергнуть обработке все крупички хотя бы зародышевого протеста» (с. 88).

Перед социал-демократией стояла задача вооружить народное движение «беззаветной решимостью и энергией» (с. 28). Речь идет о подготовке атаки. Для этого необходимы самая широкая работа в массах и самый точный учет настроений масс, на каждом этапе движения важно знать, что думает и чувствует масса. Время атаки должно быть соотнесено с ростом политического недовольства, с силой брожения и озлобления в рабочем классе.

В революционной деятельности Ленин считал необходимым самым точным образом учитывать объективные и субъективные условия, способствующие творческой инициативе миллионных масс. Ленин писал, что руководители масс «должны жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроение массы, ее действительные потребности, стремления, мысли, уметь определить, без тени фальшивой идеализации, степень ее сознательности и

силу влияния тех или иных предрассудков.» (там же, т. 44, с. 348). Знание психологии масс, обобщение ее прогрессивных черт, опыта практической деятельности трудящихся необходимы для развития революционной теории.

Психология крестьянства, так же как и психология рабочего класса, рассматривалась В. И. Лениным в свете задач революционной борьбы. Психологические особенности русского крестьянства Ленин объяснял его экономическим и социальным положением. Противоречия крестьянской психологии, столь явственно проявившиеся накануне первой русской революции, коренились в том, что крестьянин — и труженик, и собственник. Вовлечь крестьянство в революционную борьбу социал-демократия могла, только учитывая его помыслы о земле, именно этим путем возбуждая и поддерживая его революционное настроение. Ленин, считая необходимым союз рабочего класса и крестьянства, видел классовые различия их психологии и считал нужным по-разному руководить их революционной деятельностью, формированием их классового сознания, хотя единым оставался принцип воспитания в революционной борьбе.

Успехи распространения марксизма в России были обусловлены его действенной связью с революционным движением, и эта связь определяла решение социально-психологических проблем, встававших перед большевистской партией в ее практической работе с народными массами и в теоретической борьбе с русской буржуазной социологией, которая использовала психологизм как орудие борьбы с марксистской социологией. Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла новую эпоху. После установления Советской власти социально-психологические проблемы решались в условиях

построения нового общества и приобретали новое содержание.

Заключение

Изучение социально-психологических проблем в русской науке открыло новую область истории отечественной психологии, ее многообразные связи с разными отраслями знания и общественной практики. На конкретном материале постановки и решения проблем социальной психологии в России XIX и начала XX в. становятся очевидными многоплановость и многомерность исторического процесса развития психологической науки, необходимость всестороннего исследования ее истории.

В русской науке самоопределение психологии, ее выход из круга философских дисциплин совершался в условиях создания сеченовской материалистической психологической теории и борьбы с господствующим идеалистическим направлением. Победы материалистического направления в психологии заставили считаться с новой наукой. Одновременно с созданием сеченовского материалистического направления в психологии возникли отраслевые психологии, связанные с практикой, тогда зарождалась и социальная психология. Материалистический детерминизм учения И. М. Сеченова, его мысль о том, что действия человека безусловно подчинены закону причинности, идеи о человеке как деятеле, об общении как факторе его развития, о мотивации его поступков стали основой гуманистических воззрений в области социальной психологии, образовали систему взглядов, проводимых в разных областях науки.

Историческая обстановка начального развития социальной психологии обусловила многие особые ее черты. Социально-психологические проблемы в пореформенной России, в годы роста революционного

движения и распространения марксизма на рубеже двух веков, в годы первой русской революции, последовавшей затем реакции и нового нарастания революционных настроений народных масс вплетались в общественную жизнь страны, равным образом привлекая к себе внимание и передовой общественности, и реакционных кругов. Их решение связывалось с представлением о путях развития страны и о роли народных масс в этом развитии, а тем самым и с революционным движением.

Первые связи психологии с марксизмом в русской общественной мысли устанавливаются на уровне социальной психологии, психологии народных масс и общественно-исторической детерминации психики людей. Таким образом, проблемы социальной психологии оказались теми сквозными проблемами, которые входили и в общую психологию, и во все только еще возникающие отрасли психологии, связанные с практикой.

В то же время определение предмета и задач социальной психологии как особой отрасли психологической науки произошло значительно позже, чем изучение и описание социально-психологических явлений.

Проблемы социальной психологии неизменно обнаруживают зависимость психологии людей от условий их жизни, от принадлежности к тому или иному общественному классу и от рода деятельности, которой они занимаются, от того, к какой этнической общности относятся. Поэтому вместе с вопросами о социальной детерминации индивидуальной психики возникают вопросы психологии малых и больших групп, психологии народных масс, соотношения индивидуального и общественного сознания, что приводит к исходной теоретической проблеме общественной мысли конца прошлого века — о законах общественного развития. С

этой важнейшей проблемой была связана полемика о роли психологического фактора в истории и социологии. В центре идейной борьбы стал марксизм. Марксистская методология была применена В. И. Лениным к анализу расстановки классовых сил в стране и их социальной психологии.

Исследование социально-психологических проблем в русской науке обогатило психологию многими фактами, свидетельствующими о многообразии тех социально-психологических отношений, которые проявлялись в общественной практике и которые обусловили возникновение социальной психологии как особой дисциплины. Анализ новых историко-психологических данных показывает, с одной стороны, общность главных социально-психологических проблем, которые подымались, и общность социально-психологических явлений, которые привлекали внимание и описывались в разных источниках. С другой стороны, поражают многообразие форм, в которых выступают социально-психологические явления, их изменчивость, зависимость от условий жизни людей, от рода их деятельности, от общественных отношений, в которые они вступают, и от целого ряда других обстоятельств.

В России была хорошо известна зарубежная психологическая литература, в том числе и социально-психологическая. Труды Г. Тарда, Г. Леббока, В. Вундта и других авторов быстро переводились на русский язык и издавались, удовлетворяя тот спрос, который был на книги по психологии. Признавая значение этих работ, русские деятели, занимавшиеся проблемами социальной психологии, критически относились к ним. В критических замечаниях В. М. Бехтерева, В. Х. Кандинского, А. А. Токарского, Н. К. Михайловского и других авторов по поводу зарубежных работ по социальной психологии надо прежде всего отметить возражения против попыток упрощенного,

одностороннего объяснения социально-психологических явлений. Из отношения к зарубежным социально-психологическим теориям явствует самостоятельность русской социальной психологии.

Богатство социально-психологических вопросов, поднятых русскими исследователями, своеобразие принимавшихся ими решений, уникальность социально-психологического материала, собранного исследованиями, наблюдениями, экспериментами, изменяют представление об истории социальной психологии, о том, что ее истоки восходят к западноевропейской науке. Есть основание для вывода о том, что социальная психология имеет в нашей стране самобытную историю. Можно утверждать, что русская наука внесла весомый вклад во всеобщую историю психологической науки.

Литература

Авсенов П. С. (архимандрит Феофан). Из записок по психологии. Киев, 1869.

Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1963.

Баженов Н. Н. Габриель Тард: Личность, идеи, творчество. М., 1905.

Балинский И. М. Лекции по психиатрии. Л., 1958.

Басов М. Я. Творческие думы А. Ф. Лазурского о социальной жизни человека (по неизданным материалам) // Вопросы изучения и воспитания личности. 1922. № 4/5.

Безсонов Д. Д. Массовые преступления в общем и уголовном праве. СПб., 1907.

Бердяев Н. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. СПб., 1901.

Беседа преосвященного Никанора архиепископа Херсонского о вымирании религиозного духа // Странник. 1887. № 12. С. 638.

Бехтерев В. М. Роль внушения в общественной жизни // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1898. № 1-3.

Бехтерев В. М. Предисловие // Краинский Н. В. Порча, кликушество и бесноватые, как явление русской жизни. Новгород, 1900.

Бехтерев В. М. Задачи и метод объективной психологии. СПб., 1909.

Бехтерев В. М. Личность и условия ее развития. 2-е изд. СПб., 1905.

Бехтерев В. М. Объективная психология. СПб., 1907.

Бехтерев В. М. Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки. СПб., 1911а.

Бехтерев В. М. Вопросы нервно-психического оздоровления населения в России. СПб., 1911б.

Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921а.

Бехтерев В. М. Об основных законах мира при объективном рассмотрении соотнесительной деятельности человека и его социальной жизни с точки зрения рефлексологии // Вопросы изучения и воспитания личности. 1921б. № 2-3.

Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии человека. 2-е изд. М.-Пг., 1923.

Бехтерев В. М. Данные эксперимента в области коллективной рефлексологии // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. М.-Л., 1925.

Бехтерев В. М. Автобиография. М., 1928.

Бехтерев В. М., Ланге М. В. Влияние коллектива на личность // Педология и воспитание. М., 1925.

Бобрищев-Пушкин А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896.

Богданов А. Из психологии общества. 2-е изд. СПб., 1906а.

Богданов А. Эмпириомонизм. СПб., 1906б.

Болтунов А. П. О судебной психологии // Юридический вестник. 1916. Книга XIII (1).

Будилова Е. А. Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке. М., 1960.

Бэр К. М. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности // Записки Русского географического общества. 2-е изд. СПб., 1849.

Введенский А. И. Психология веры (религиозная вера как биогенетический принцип в психологии). Сергиев Посад, 1899.

Введенский А. И. Религиозное сознание язычества. М., 1902.

Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1912. Вып. 1.

Владимиров Л. Е. Суд присяжных: Условия действия института присяжных и меры разработки доказательств. Харьков, 1873.

Владимиров Л. Е. Психические особенности преступников по новейшим исследованиям. Харьков, 1877.

Владимиров Л. Е. Психологическое исследование в уголовном суде. М., 1901.

Военная психология: Указатель отечественной и переводной литературы / Сост. В. А. Каращан. Ред. — сост. К. К. Платонов. М., 1973.

Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1907-1923. Т. 1-7.

Гаджиев А. Х. Проблемы марксистской этнической психологии. Ростов-н/Д., 1982.

Ганнушкин П. Б. Постановка вопроса о границах душевного здоровья // Современная психиатрия. 1908. № 2.

Ганнушкин П. Б. Психиатрия, ее задачи, объем, преподавание // П. Б. Ганнушкин. Избранные труды. М., 1964.

Герцен А. И. Полное собрание сочинений: В 30 т. М., 1954-1966.

Гинцбург В. Я. Учение Л. И. Петражицкого о праве и его предпосылки. М., 1909.

Глубоковский М. Н. Естествознание и материализм // Вера и разум. 1899. Кн. 10.

Гогоцкий С. С. Программа психологии. Киев, 1881.

Головин Н. Н. Исследование боя: Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб., 1907.

Гренков А. Вынужденное слово // Православный собеседник. 1873. № 1. С. 155.

Дмитриевский А. Насилие над психологией (опыт критики) // Военный сборник. 1911. № 12.

Драголи А. Л. Неопубликованные рукописи Н. Н. Ланге // Вопросы психологии. 1968. № 1. С. 105.

Драгомиров М. И. «„Война и мир“ гр. Л. Н. Толстого с военной точки зрения» // Оружейный сборник. 1868. № 4. 1869. № 1.

Драгомиров М. И. Подготовка войск в мирное время (воспитание и образование). Киев, 1906а.

Драгомиров М. И. Учебник тактики. 3-е изд. Киев, 1906б.

Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей. СПб., 1881, 1895, 1909.

Дриль Д. А. Малолетние преступники. М., 1884 (вып. 1), 1886 (вып. 2).

Дриль Д. Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями: Частная психология преступности. М., 1890.

Дриль Д. А. Антропологическая школа и ее критики // Юридический вестник. 1891.

Дриль Д. Преступность и преступники: Уголовно-психологические этюды. СПб., 1895.

Дриль Д. А. Общественные способы возбуждения и развития преступности // Судебное обозрение. 1904а. № 20.

Дриль Д. А. Уголовная антропология, ее предмет и задачи // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904б. Вып. 1.

Дружинин К. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904-1905 гг. Составлено по анкете, разосланной участникам Русско-японской войны отделом военной психологии Общества ревнителей военных знаний в 1909-1910 гг. СПб., 1910.

Душков Б. А. Актуальные проблемы этнической психологии // Психологический журнал. 1981. № 5.

Дьяченко Г. Христианские утешения несчастных и скорбящих. М., 1898.

Живое слово преосвященного Амвросия. Харьков, 1892.

Закреевский И. Об учениях уголовно-антропологической школы: Критический очерк. Харьков, 1893.

Записки по нравственному православному богословию, составленные протоиереем П. Солярским. СПб., 1860 (т. 1), 1864 (т. 3).

Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества. Пг., 1914-1916.

Зыков А. Как и чем управляются люди: Опыт военной психологии. СПб., 1898.

Иванченко А. «Когда я работаю, я свободен». Новое о Н. Н. Миклухо-Маклае // Дружба народов. 1976. № 7.

Измestъев П. И. Из области военной психологии. 3-е доп. изд. Варшава, 1911.

Исаева З. П. Психологические взгляды В. М. Бехтерева в дорефлексологический период его деятельности: Дис... канд. филос. наук. М., 1952.

Кавелин К. Д. Собрание сочинений: В 4 т. СПб., 1899 (т. 3), 1900 (т. 4). *Кандинский В. Х.* Нервно-психический контагий и душевные эпидемии. М., 1876.

Кандинский В. Х. Нервно-психический контагий и душевные эпидемии // Общепонятные психологические этюды Виктора Кандинского. М., 1881.

Кандинский В. Х. К вопросу о невменяемости. М., 1890.

Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. М., 1883.

Кареев Н. И. Теория личности П. Л. Лаврова. СПб., 1901.

Кареев Н. И. О значении психологии для общественных наук // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1912. Вып. 1.

Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. 3-е изд. СПб., 1913.

Кистяковский Б. А. Реальность объективного права. СПб., 1910.

- Ковалевский М.* Современные социологи. СПб., 1905.
- Колбановский В. Н. В. И. Ленин и проблемы социальной психологии // Проблемы общественной психологии. М., 1965.*
- Кольцова В. А.* Проблемы социальной психологии в трудах Г. В. Плеханова // Психологический журнал. 1981. № 5.
- Кони А. Ф.* Психология свидетельских показаний // Проблемы психологии. Вып. 1. Ложь и свидетельские показания. М., 1909.
- Кони А. Ф.* Психология свидетельских показаний: Практические заметки // Новые идеи в философии. 1913. № 9.
- Кони А. Ф.* Собрание сочинений: В 8 т. М., 1966–1968.
- Королев С. И.* Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. М., 1970.
- Королев С. И.* Элементы духовной культуры в этнической психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
- Королев С. И.* Психологическая ориентация в этнопсихологии // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979.
- Корсаков С. С.* К психологии микроцефалов // Вопросы философии и психологии. 1894. № 1 (21). Спец. отд., с. 67.
- Корсаков С. С.* Курс психиатрии. 2-е изд. М., 1901.
- Краинский Н. В.* Порча, кликушество и бесноватые как явление русской жизни. Новгород, 1900.
- Лавров П. Л. Г. Кавелин как психолог // Отечественные записки. 1872. № 8, 10, 11 [без подписи автора].*
- Лавров П. Л.* Философия и социология. Избранные произведения: В 2 т. М., 1947.
- Лазурский А. Ф.* Очерк науки о характерах. 2-е доп. изд. СПб., 1908.

Лазурский А. Ф. Об естественном эксперименте // Труды I Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике. СПб., 1911.

Лазурский А. Ф. Личность и воспитание // Естественный эксперимент и его школьное применение / Под ред. А. Ф. Лазурского. Пг., 1918.

Лазурский А. Ф. Классификация личностей. Пг., 1922.

Лацарус М., Штейнталь Г. Мысли о народной психологии // Филологические записки: Журнал исследований, рассуждений, наблюдений и критики по русскому языку и словесности, издаваемый А. Хованским. Вып. 1-2. Воронеж, 1864.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. М.: Изд-во политической литературы, 1967-1975.

Малиновский П. П. Помешательство, описанное так, как оно является врачу в практике. М., 1960.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 39 т. Издание второе. М.: Изд-во политической литературы, 1955-1974.

Маслин А. Вступительная статья // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956 (т. 1), 1957 (т. 3).

Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений: В 10 т. СПб., 1909.

Мицкевич С. И. Мэнерик и эмирячение: Формы истерии в Колымском крае. Л., 1929.

Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического общества. СПб., 1847.

Научное наследство. Т. 3. Иван Михайлович Сеченов. М., 1956.

Несмелов В. И. Наука о человеке. Казань, 1898.

Новгородцев П. Е. Психологическая теория права и философия естественного права // Юридический вестник. 1913. Кн. 3.

Новиков В. В., Зотова О. И., Шорохова Е. В. Вопросы психологии крестьянства в трудах В. И. Ленина //

Психологический журнал. 1980. № 3.

Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология национальности. Пг., 1922.

Парыгин Б. Д. В. И. Ленин об общественных настроениях // Вестник ЛГУ 1959. № 17. Вып. 3. Сер. экономики, философии, права.

Парыгин Б. Д. Вопросы социальной психологии в работах Г. В. Плеханова // Проблемы общественной психологии. М., 1965.

Парыгин Б. Д., Рудаков Л. И. Н. К. Михайловский о психологическом факторе в историческом процессе // История и психология. М., 1971.

Парыгин Б. Д., Флегонтова С. М. Г. В. Плеханов о роли психологического фактора в истории // Социальная психология и философия. Л., 1973.

Петражицкий Л. И. О мотивах человеческих поступков. СПб., 1904.

Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности: Эмоциональная психология. СПб., 1905.

Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теориями нравственности. СПб., 1907.

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956 (т. 1), 1957 (т. 3).

Полянский В. Моральный элемент в области фортификации. СПб., 1910.

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966.

Потебня А. Мысль и язык. 3-е изд. Харьков, 1913.

Предтеченский А. Что разумнее: вера или неверие? СПб., 1864.

Протоколы заседания Общества психиатров в С.-Петербурге за 1883 год.

СПб., 1884, с. 22.

Пыпин А. Н. История русской этнографии: В 4 т. Т 2. СПб., 1891.

Райнов Т. Психология творчества Д. Н. Овсяннико-Куликовского // Вопросы теории и психологии творчества. Т 5.

Резанов А. С. Армия и толпа: Опыт военной психологии. Варшава, 1910а.

Резанов А. С. Паника // Военный сборник. 1910б. № 7. С. 158.

Рейснер М. А. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908.

Рейснер М. А. Государство. СПб., 1911-1912. Ч. 1-2.

Рейснер М. А. Проблемы психологии в теории исторического материализма // Вестник Социалистической академии. 1923. № 3. С. 211.

Рейснер М. А. Рефлексы академика Павлова и идеология в учении Маркса // Октябрь мысли. 1924. № 5/6. С. 5.

Рейснер М. А. Проблемы социальной психологии. Ростов-н/Д., 1925а.

Рейснер М. А. Социальная психология и марксизм // Психология и марксизм. М., 1925б.

Речи и приветствия на торжественном открытии Психологического института им. Щукиной при императорском Московском университете. М., 1914.

Роберти Е. В., де Задачи социологии // Де Роберти Новая постановка основных вопросов социологии. СПб., 1909.

Рохлин Л. Л. Очерки психиатрии. М., 1967.

Рохлин Л. Л. Жизнь и творчество выдающегося русского психиатра В. Х. Кандинского (1849-1889). М., 1975.

Рохлин Л. Л. К истории отношения отечественной психиатрии и социальной психологии // Психологический журнал. 1981. № 3.

Рудаков Л. И. К вопросу об оценке социально-психологических воззрений Н. К. Михайловского // Проблемы философии и социологии. Л., 1968.

Самсонов Р. Социальная психология и идеология. Ереван, 1970.

Сергеевич В. И. Новое учение о праве и нравственности // Журнал Министерства юстиции. 1909. февраль.

Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947.

Смирнов К. Л. Имманентная философия христианства. Пг., 1914.

Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита московского и коломенского, по учебным и учебно-государственным делам. М., 1886 (т. 4), 1887 (т. 5).

Струве Г. Е. Самостоятельное начало душевных явлений. М., 1870.

Струве П. Б. Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894.

Тард Г. Социальные этюды. СПб., 1896.

Тард Г. Личность и толпа. СПб., 1903.

Тареев М. М. Основы христианства. Сергиев Посад, 1908.

Тареев М. М. Философия жизни. Сергиев Посад, 1916.

Токарский А. А. Мерячение и болезнь судорожных подергиваний. М., 1890.

Токарский А. А. Психические эпидемии. М., 1893.

Толстой Л. Н. Письмо Н. Н. Миклухо-Маклаю. 1886. 25 сентября // Полное собрание сочинений. М.—Л., 1934. Т. 63.

Троицкий М. М. Немецкая психология в текущем столетии. М., 1867.

Троицкий М. М. Наука о духе: Общие свойства и законы человеческого духа. М., 1882.

Троицкий М. Учебник логики с подробными указаниями на историю и современное состояние этой науки в России и других странах. М., 1888.

Труды I съезда отечественных психиатров. Москва, 5-11 января 1887 г. СПб., 1887.

Уледов А. К. Структура общественного сознания. М., 1968.

Умозрительная психология: Чтения покойного профессора Московской духовной академии протоиерея Ф. А. Голубинского. М., 1871.

Ухач-Огорович Н. А. Военная психология. Киев, 1911а.

Ухач-Огорович Н. А. Психология толпы и армии. Киев, 1911б.

Фрезе А. У. Очерки судебной психологии. Казань, 1871.

Челпанов Г. И. Мозг и душа: Критика материализма и очерк современных учений о душе. 5-е изд. М., 1912.

Челпанов Г. И. Социальная психология или «условные рефлексy»? М.—Л., 1926.

Чистович М. Курс опытной психологии. 2-е изд. СПб., 1876.

Чичерин Б. Н. Наука и религия. М., 1879.

Чичерин Б. Н. Психологическая теория права // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. V (55).

Шпет Г. Г. Профессор Г. Челпанов. Мозг и душа // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. 4 (69).

Шпет Г. Г. Сознание и его собственник. М., 1916.

Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. М., 1927.

Штрейтерфельд К. Военное дело и психология // Варшавский военный журнал. 1904. № 6. С. 469.

Шумков Г. Е. Рассказы и наблюдения из настоящей Русско-японской войны (военно-психологические этюды). Киев, 1905.

Шумков Г. Е. «За» и «против» военной психологии // Военный сборник. 1912. № 8.

Шумков Г. Е. Душевное состояние воинов в ожидании боя (по наблюдениям офицеров): Военно-психологический этюд // Военный сборник. 1913а. № 5.

Шумков Г. Е. Душевное состояние воинов в ожидании боя (по наблюдениям врачей): Военно-психологический этюд // Военный сборник. 1913б. № 6.

Шумков Г. Роль чувства тревоги в психологии масс как начала, нивелирующего индивидуальности // Военный сборник. 1914а. № 9.

Шумков Г. Е. Эмоции страха, печали, радости и гнева в период ожидания боя // Военный сборник. 1914б. № 2.

Шумков Г. Е. О выделении чувства тревоги в самостоятельное чувство // Военный сборник. 1914 в. № 4.

Шумков Г. Е. Влияние артиллерийского огня на психику (военно-психологический этюд) // Военный сборник. 1914 г. № 5.

Шумков Г. Е. Военные доблести: неутомимость, инициатива, глазомер и самообладание // Военный сборник. 1914д. № 10.

Шумков Г. Е. Душевное состояние воинов в период затишья — тревожное состояние (военно-психологический этюд) // Военный сборник. 1914е. № 6.

Шумков Г. Е. Психика бойцов под первым артиллерийским обстрелом (военно-психологический этюд) // Военный сборник. 1914ж. № 7.

Шумков Г. Е. Душевное состояние воинов после боя (военно-психологическое исследование) // Военный сборник. 1914з. № 11.

Шумков Г. Е. «Вздрагивание» людей при действии артиллерийского огня (военно-психологические этюды) // Военный сборник. 1914и. № 12.

Шумков Г. Е. Психика бойцов во время сражения. СПб., б. г. Этнографический сборник. СПб., 1853 (т. 1), 1854 (т. 2), 1858 (т. 3). *Юдин Т. И.* Очерки истории отечественной психиатрии. М., 1951. *Ядринцев Н. М.* Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.

Якобий П. И. Религиозно-психические эпидемии // Вестник Европы. 1908. № 10-11.

**Избранные статьи
Е. А. Будиловой**

Проблема личности в русской психологии второй половины XIX-начала XX в. [9]

Проблема личности ставилась общественной мыслью в России в конце XIX и начале XX в. в связи с вопросом о закономерностях общественного развития. Предметом споров был вопрос о роли личности в истории, о детерминации действий человека и о свободе воли. В русской психологической науке того времени в условиях острой борьбы ее двух основных направлений — одного сеченовского, утверждавшего материалистическую программу развития психологии, и другого, отстаивавшего устои идеалистической психологии в ее разнообразных видах — от богословских построений, опирающихся на учение православной церкви о душе, до экспериментальной психологии в вундтовской интерпретации, — вопросы личности были связаны с решением философских проблем психологии. Речь шла о том, «кому и как разрабатывать психологию». Поставленный И. М. Сеченовым, этот вопрос был стержнем борьбы, поскольку тот или иной ответ на него определял пути развития психологической науки.

Материалистическая программа развития психологии как экспериментальной науки, предложенная Сеченовым, опиралась на созданную им рефлекторную теорию психики, которая определила характер связи психики с мозгом и обусловленность ее объективным миром. В этой программе получила своеобразие толкование и проблема личности. Русскими психологами-идеалистами понятие личности выводилось из религиозно-философских догм православной церкви.

Категория личности в русской идеалистической психологии

Для психологов идеалистического направления, расходившихся во взглядах по частным вопросам, общим было признание у человека души как самостоятельного начала психических явлений. Душа человека, полагали приверженцы этого направления, независима от законов материального мира, выражает себя в психических явлениях и управляет человеческими действиями. Носителем души считалась личность, обычно обозначавшаяся как *Я*. В этом *Я* видели причину всех многообразных действий человека. Так понимали личность ведущие психологи Петербургского и Московского университетов — М. И. Владиславлев, М. М. Троицкий, Н. Я. Грот, не говоря о тех богословах, которые преподавали психологию в духовных академиях и семинариях. Показательно, что Н. Я. Грот, руководитель Московского психологического общества, определял личность как «сверхвременное существо души».

Внесенное в психологическую науку, тогда еще только выделявшуюся из философии в самостоятельную область знания, такое понятие личности заключало в себе противоречие, потому что снимало научное объяснение проблемы личности отнесением ее к области религиозных учений: ведь личность была проявлением бессмертной души, данной богом, и временно связанной со своей земной жизнью, с материей.

Более других русских психологов идеалистического направления теоретические вопросы психологии личности интересовали М. М. Троицкого. В своем обширном труде «Наука о духе» он изложил развитую им психологическую теорию и полнее других русских психологов второй половины XIX в. разработал проблему личности (Троицкий, 1882).

Михаил Матвеевич Троицкий был представителем того течения в русской психологии, которое соединяло позитивистские установки с религиозно-философскими учениями православной церкви. Предметом психологии он считал явления духа и находил возможным их научное исследование, а учение о нефеноменальной сущности души и ее существовании вне связи с телом относил к области веры (Троицкий, 1888, с. 77 и др.). Только ощущения он связывал с внешними воздействиями материального мира и с деятельностью нервной системы, все другие психические факты (он обычно употреблял это выражение) подчинялись лишь законам духа и в совокупности выступали в качестве проявления личности, которая понималась им как «определенное, индивидуальное последствие определенной суммы условий или причин, данных в психических фактах собственного существования каждого человека» (Троицкий, 1882, т. 1, с. 86).

С этих позиций Троицкий исследует детерминацию психического развития человека. Он выделяет три рода зависимостей, действующих в психической жизни, или, следуя его терминологии, условностей психических образований: внутреннюю, внешнюю и органическую. Внутренняя условность — история развития отдельных лиц; внешняя условность — общественно-историческая, или история развития человеческих обществ; и наконец, органическая, или биологическая, условность — история развития человека как животного организма. В сложной системе взаимоотношений всех этих условностей (пользуемся его терминологией), которую Троицкий подробно прослеживает, особо выделяются им явления личности. Понятие личности он связывает с внутренней условностью, но считает его коррелятивным понятию общественности, внешним условиям, заключающимся в общественных отношениях. Эта связь личностных и общественных отношений осуществляется в

психических фактах, где личностная и общественная зависимости перекрещиваются, поскольку психические образования детерминируются не только внутренними, но и внешними условиями.

Третья условность — органическая — не имеет характера ни личностного, ни общественного. Психические факты, обусловленные этой зависимостью, Троицкий называл нейтральными. К ним он относил родовые явления, связанные с темпераментом человека.

Отмечая общественную зависимость психики, Троицкий указывал, что *«история общности людей есть главнейший источник культуры их личности»* (там же, с. 38). Как же он понимал общественность? Определял он ее следующим образом. *«Общественность людей означает их психическую зависимость друг от друга, наблюдаемую в их обществах или связывающую их в общества»* (там же, с. 46, 47). Троицкий поясняет: *«Так как общественность людей заключается в известного рода внешней психической зависимости их друг от друга, то ясно, что последними условиями общности служат психические влияния людей друг на друга»* (там же, с. 41).

О таком и только таком понимании общности приходится все время помнить, читая Троицкого. Психические влияния людей друг на друга осуществляются посредством особых форм психических отношений, отличающих человека от животных. Эти специальные формы обязаны своим происхождением истории общности и являются культурными формами человеческого духа. Одной из таких форм является общественная символика, к которой относятся прежде всего язык, затем обычаи, обряды, игры и разные символические действия. Психологический анализ приводит Троицкого к выводам о том, что развитие символизма ведет к существенным переменам во всех классах психических фактов: речь идет о

культурных формах человеческого мышления, об образовании новых порядков идей, формировании культуры умственных операций и т. д.

Взаимоотношение личности и общественности — предмет многих размышлений Троицкого. Он соотносит внешнюю и внутреннюю психическую зависимость, выражаемую личностью и общественностью, и приходит к заключению: «Личность как известная внутренняя психическая зависимость включает в себе отрицание известной внешней зависимости, психическую *самостоятельность* человека, живущего в обществе, следовательно, его индивидуальную психическую *свободу* относительно последнего, свободу от всякого общественного насилия или принуждения. Общественность как известная внешняя психическая зависимость людей есть отрицание некоторой доли их психической *самостоятельности*, есть область определенной *психической связанности* их, следовательно, *необходимость* некоторых психических отношений или *обязательность* их. Люди суть лица, насколько они, составляя общества, сохраняют известную индивидуальную психическую *самостоятельность*, и суть *общества*, или *члены обществ*, насколько они находятся в известной психической зависимости друг от друга» (там же, с. 40).

Заметим, что в определении личности Троицкий всегда подчеркивал соотнесенность ее с обществом. Система отношений личности и общества входит в характеристику категории личности, которая занимает в психологической теории Троицкого одно из главных мест. Отношения личности и общественности противоречивы. «Общественность и личность людей суть два вида их психического существования, прямо противоположные друг другу или взаимоисключающие: насколько в нем содержится общественности, настолько же нет личности, и наоборот» (с. 39). Однако

утверждение о подобной противоположности означает не что иное, как двустороннюю психическую зависимость личности, поскольку общественная связь в понимании Троицкого — это психическая связь, так же как и личность для него чисто психическая субстанция, он далек от мысли рассматривать личность как реальное социальное существо.

Если раскрыть мысль Троицкого согласно принятой им трактовке личности и общественности, то их взаимоотношение понимается, во-первых, как взаимодействие индивидуальных сознаний между собой и, во-вторых, как взаимодействие индивидуального и общественного сознания в разных формах исторических образований. В этом взаимодействии происходит ограничение психической самостоятельности человека его психической зависимостью от других людей.

Результат внешних влияний всегда является результатом их взаимодействия с внутренними, т. е. личностными, условиями. Внешние влияния бывают недействительными (используем выражение Троицкого), «когда в реагенте, или человеке, на которого простирается влияние, нет внутренних условий для внешнего в нем действия и произведения» (с. 43). Внешние психические влияния остаются без психических последствий и тогда, когда они «встречают в реагенте *отрицательные* внутренние условия — *противодействие*, или *борьбу* против себя» (там же).

Развитие личности происходит во взаимодействии внешней и внутренней условности. «Мы сказали, — пишет Троицкий, — что развитие личности и ее борьба с вторичными законами общественности ведут к отмене и преобразованию таких законов, которые находятся в противоречии с требованиями личности. С другой стороны, развитие общественности человека и ее борьба с его личностью ведут к культуре личности, согласно с принципом сохранения общественности, — культуре,

достигаемой именно образованием специальных форм и законов человеческого духа. Потому что все специальные формы и законы человеческого духа, несмотря на величайшую разницу между ними, поразительно сходны в одной черте: все они благоприятствуют общественности или устроены по принципу ее сохранения» (с. 53).

Двойственность развития личности состоит в процессе сохранения собственной личности в течение жизни, так называемого тождества, т. е. постоянства и неизменности, психических явлений, представляющих все формы образовавшейся личности, и вместе с тем непрерывного изменения психических явлений. Каждая из форм человеческой личности сосуществует со всеми другими ее формами. И этим определяется устройство, или конституция, личности. «Эти крайне сходные черты повторяющихся явлений личности и суть существенные черты ее *устройства*, или *конституции*. Тождество личности людей и устройство их личности выражают, таким образом, одни и те же факты, хотя и с различных точек зрения» (с. 83).

Законы личности разделяются на первичные — законы ее образования — и вторичные — законы ее продолжения, постоянства ее явлений или представляемых ими форм личности. И те, и другие опираются на действие законов ассоциации. Троицкий принимал законы ассоциации в качестве основополагающих, первичных, которым подчиняются все психические факты.

Полное развитие личности достигается длинным рядом психических превращений: преобразованием и развитием внутренних личностных форм и путем психического влияния других лиц на данную личность. «Превращения образовавшейся личности наступают, во-первых, с некоторыми изменениями внутренних условий психического существования человека, во-вторых, с

переменами общественными, как скоро последние вызывают изменения во внутренних условиях личного существования людей» (с. 86, 89). Превращения личности при определенных внутренних и внешних условиях ведут не только к ее обогащению, к приобретению ею новых форм, но и к утратам, которые вызываются, например, старением, душевными болезнями, изменениями общественного быта и другими причинами.

Троицкий, как мы видим, давал описание реальной проблематики психологии личности, выделял важные для психологической теории личности зависимости, и в первую очередь — общественную зависимость. Проблему социальной обусловленности психики он ставил как главную в подходе к личности. Но идеалистическое понимание общественных отношений пресекало возможность научного исследования этих действительно определяющих личность отношений. Общественное раскрывается у него только как психическое взаимодействие. И понятна безуспешность его попыток подойти к решению проблемы социальной обусловленности психического, несостоятельность непосредственного соотнесения психического с социальностью, выступающей для него лишь в пределах общения людей, вне материального бытия общества. Однако поднятые им вопросы о социальной характеристике психического, о значении общения человека с другими людьми, об историко-культурном развитии были теми вопросами, на которые предстояло ответить психологии при решении проблемы личности в ее психологическом аспекте. В психической зависимости и влиянии людей друг на друга Троицким, конечно, в пределах его философских взглядов, намечаются вопросы, которые только в современной психологической науке завоевывают свое место. Постановка вопроса о внутренних и внешних условиях

развития личности и их взаимодействии была столь же существенна. Как показала дальнейшая история науки, этот вопрос стал одним из центральных для теории личности в советской психологии.

Проблема личности в сеченовской материалистической психологии

Пониманию личности как некоего единства, объединяющего в человеке все проявления духа, подчиняющего материю, поборники материалистической психологии во главе с Сеченовым противопоставляли свое представление о единстве человека, о подчинении всей его жизнедеятельности, в том числе и психики, закономерностям материального мира.

Главный философский принцип рефлексорной теории — материалистический принцип детерминизма — был несовместим с понятием души как самостоятельного начала, с понятием личности как носителя души и свободной воли. «Обособление духовного человека от всего материального — самообман, упорно поддерживающийся в людях яркой характерностью самоощущений», — писал Сеченов (Сеченов, 1947, с. 285). Он писал о нелепости представления о том, что человек состоит из двух начал — души и тела: «как существо телесное *он* подчинен законам материального мира, как существо духовное *он* стоит вне их. Телесною стороною *он* раб материи, духовною — *он* властелин ее. В этом смысле человек есть существо свободное, определяющее действия из самого себя» (там же, с. 248–249).

Содержание, заключавшееся в понятии личности у психологов-идеалистов, было равнозначно для Сеченова понятию души, которое отвергало все его психологическое учение. Он материалистически объяснял те особенности психики человека, которые

обычно рассматривались в качестве свойств личности, понимаемой как совокупность проявлений нематериального духа. К этим свойствам в первую очередь относились активность и волевая деятельность человека, его самосознание. Сеченов, связывая в единое целое рефлекторную природу психики и активность человека, следовал своему общему методологическому принципу: человек — это деятель, и объяснять его активность надо исходя из того, что вся человеческая жизнь является взаимодействием людей с окружающим объективным миром. Для Сеченова человек никак не является «пассивным носителем совершающихся внутри его нервно-психических переворотов», на него нельзя смотреть «как на пассивную почву, возделываемую внешними влияниями». «Человек является не воспринимателем, а деятелем» (Сеченов, 1947, с. 611).

Сеченов развернул систему доказательств детерминации действий человека условиями жизни через его нервно-психическую организацию (пользуемся сеченовской терминологией) и решительно отказался от идеалистических представлений о личности как о духовном деятеле. «Действия наши управляются не призраками вроде разнообразных форм Я, а мыслью и чувством», — писал Сеченов, давая материалистическое объяснение и мысли, и чувству (там же, с. 308). Такое признание означало опровержение пресловутого Я как причины человеческих действий. Сеченов с иронией писал: «знаменитая по наивности и распространенности игра в Я» (там же, с. 250). Рефлекторный принцип был применен к объяснению управления действиями всех уровней, начиная от произвольных движений и кончая поступками человека, определяемыми идейными мотивами, нравственными принципами.

Он специально останавливался на материалистическом объяснении самосознания, поскольку самосознание считалось главным признаком Я

как духовного начала. В основе самосознания, утверждал Сеченов, лежат присущие человеку «темные ощущения», которые представляют собою ощущения состояний собственного тела, иначе говоря, самоощущения. Они неопределенны, но имеют ясно выраженный субъективный характер. Уже у ребенка этот «субъективный придаток» прикрывается, как отмечает Сеченов, родовым знаком Я и, соединяясь с ощущениями, идущими от внешнего мира, приводит к тому, что развивается «психический акт отделения собственной особы от всего окружающего» (с. 132). Ребенок выучивается отличать зрительные, слуховые и осязательные ощущения, получаемые им от собственного тела, от ощущений, получаемых от внешнего мира, и преимущественно от других людей. Так возникают первые представления ребенка о себе — он начинает отделять себя от окружающего мира и от собственных действий. На определенном психическом уровне возникает у ребенка его Я, в котором в дальнейшем человек усматривает причину своих действий, делая ошибку, которая «заключается в том, что началом, источником акта он считает себя, а не внешний импульс, вызвавший желание» (с. 305). «Мы приучаемся вкладывать в Я не только причину и возможность как совершающихся в данную минуту, так и всех вообще знакомых нам действий, но относим к Я, как к причине, даже самое бездействие» (с. 306). И всякое ощущение, связываясь с самоощущениями, «получает возможность проявляться в сознании в двойной форме: без придатка Я и с ним». Тогда психические акты получают характер личного чувствования.

Системные чувства, или самоощущения, Сеченов называет «личными чувственными рядами» (с. 503)^[10]. С личными рядами он связывает и действия. С детских лег

у человека развиваются две формы Я: я чувствую, я действую. Появляются «ряды личного действия».

Надо заметить, что, выступая против концепции личности, принятой психологами идеалистического направления, Сеченов в своих психологических работах явно избегал пользоваться понятием личности. Поэтому особый интерес представляет статья Сеченова «Учение о несвободе воли с практической стороны» (Сеченов, 1881), которая была им написана против нападков на рефлекторную теорию тех, кто проповедовал учение о свободе воли. В этой статье Сеченов протестовал против обвинения его в пропаганде «безнравственных» взглядов, «угрожающих общественному порядку». Примечательно, что только в ней одной Сеченов употребляет понятие «личность». Автор сравнивает учение о свободе воли с учением о несвободе воли, вытекающим из материалистического принципа детерминации воли, и опровергает домыслы своих врагов. Вот тут при сравнении, «для большей наглядности доказательств», как указывает он, параллельно приводя положения двух разных концепций, Сеченов и обращается к понятию личности. При этом он сразу отмечает, что эти учения касаются межчеловеческих отношений «частных и общественных», а далее рассматривает мотивацию поступков человека.

Какие же положения Сеченов выделяет, какие отвергает и какие утверждает? «Все умственные и нравственные данные личности, равно как все внешние условия, предшествующие совершению поступка, играют роль и побудителей, и *определителей* действия», — писал он. Эти побудители «резюмируют собой всю его умственную и нравственную личность в данную минуту» потому, что, по учению о несвободе воли, «всякое душевное движение, как бы просто оно ни было, представляет собою результат всего

предшествующего и настоящего развития человека, поступок, должен приписываться всей личности как целому» (Сеченов, 1947, с. 311).

Учение о свободе воли приписывает поступки человека совокупному действию всех душевных сил. Причем умственные и нравственные побудители к поступку, по словам Сеченова, «составляют лишь часть его духовной личности, другую часть, пополняющую личность до целого, представляет воля» (там же). Выбор действия приписывается воле, стоящей вне законов земли, представляющей верховную инстанцию. Учение о несвободе воли «действительно урезывает у человека некоторый придаток, навязанный ему теоретически, но такой, который, не будучи необходимым для произведения действий, ставит человека вне законов земли, т. е. той среды, где он действует» (там же, с. 318).

Статья развивает мысль о детерминации деятельности человека условиями его жизни, доказывает «роковую зависимость человеческих поступков от условий внешней и внутренней среды» (с. 327). Положение о зависимости действий человека от совокупности внешних и внутренних условий последовательно доказывалось Сеченовым в его психологических трудах. Вопрос о взаимодействии внешних и внутренних условий был поставлен и решен им в рамках рефлекторной теории. Троицкий писал о внешних и внутренних условиях развития психики уже после Сеченова и, как мы видели, решал этот вопрос в ином плане, полностью отрывая психическое от материального и в отношении души и тела, и в отношении условий материальной жизни человека, и в отношении детерминации его действий. Сеченов, следуя идее единства человека, под внутренними условиями подразумевал, как он указывал, «нервно-психическую организацию». Внешние условия он понимал очень

широко, но главенствующее значение придавал материальной жизни.

В статье о несвободе воли проблема детерминации рассматривается в соотнесении с личностью и с мотивацией ее поступков. Сеченов при этом делает методологически важное примечание: «...строго говоря, внешние условия не следовало бы отделять от умственных и нравственных данных личности, потому что они действуют не иначе, как через посредство последних» (с. 311). Значит, на личностном уровне к внутренним условиям относятся все умственные и нравственные данные личности, которые представляют собою результат всего предшествующего и настоящего развития человека (там же). Если к этому добавить определение личности как целого, взгляд Сеченова на личность свяжется с одним из основных методологических принципов современной советской психологической науки — с диалектико-материалистическим принципом детерминизма, формулируемым применительно к психологии как действие внешних причин через внутренние условия.

При личностном подходе к внутренним условиям, выраженном в сравнении двух учений о воле, Сеченов вводит в качестве нового детерминирующего внешнего фактора общение людей и связывает его с развитием личности. Он останавливается на моральном чувстве, определяет его как «тот комплекс соответственных душевных состояний, который рождается из общения людей друг с другом» (с. 315). По его убеждению, «моральное чувство составляет основу и регулятор всякого общежития» (там же). Воспитание этого чувства в человеке «требуется непременно наглядного обучения по образцам и практических упражнений. конечной целью обучения может быть только развитие вкуса к внутренней красоте человека вообще или, в частности, вкуса к красоте человеческих поступков, выражающихся

такими словами, как мужество, верность, кротость, доброта и пр.» (с. 315–316).

В своеобразной терминологии, которой пользуется Сеченов, выражается мысль о том, что воспитание определенного морального чувства должно выработать «вкус» к моральному (т. е. к моральным поступкам), сделать его свойством личности. «Если воспитателю удалось развить в питомце вкус к добру, уважение к мужеству и правде (не одно только понимание, что все это значит, потому что одно понимание не делает еще человека моральным), это значит, что он сумел ассоциировать в его душе представление о всех этих качествах с трепетным чувством не то радости, не то удовлетворения, которое сопровождает у нравственного человека вид доброго, справедливого и мужественного поступка или совершение такового им самим» (там же).

Рефлекторная теория соединила принцип активности сознания с материалистическим принципом отражения и с предметной деятельностью человека, но соединение это происходит без учета общественно-исторических закономерностей жизни людей как особого рода закономерностей общественного бытия. Соотношение «личность и общество» включено в соотношение «индивид и мир».

Для Сеченова было очевидным, что в психической жизни человека осуществляется взаимосвязь природного и общественного. Он показывал, как природная рефлекторная деятельность мозга получает через речь общественную обусловленность и человек приобщается ко всей человеческой культуре. Более того, Сеченов выделяет в качестве детерминирующего фактора развития личности общение человека с другими людьми, воспитание его нравственных качеств на его собственных поступках, т. е. поступках в отношении других людей. В детерминацию психики Сеченовым включаются общественные условия жизни человека, но

закономерности самих этих условий остаются для него неизвестными, а потому и общественно-историческая обусловленность психики не выделяется им в качественно новую детерминанту. Важнейшее положение о соотношении индивидуального и общественного в жизнедеятельности человека, разработанное марксизмом, стало достоянием марксистской психологии.

Учение И. М. Сеченова оказало огромное влияние на научное и культурное развитие России второй половины прошлого века, на борьбу передовых и реакционных идей. Тезис единства человека (отрицание его двух начал — тела и духа) был главным в материалистической психологии. Его развивали передовые русские психиатры С. С. Корсаков, В. Х. Кандинский, В. М. Бехтерев. Сторонники сеченовского учения употребляли понятие «личность» как равнозначное понятию «человек», но не в отношении к человеку вообще, а к индивиду, подчеркивая природную его сущность.

Именно такое содержание понятия «личность» мы находим в трудах В. М. Бехтерева. «Первый и существенный просвет в изучении человеческой личности, — писал он, — был положен нашим физиологом и общественным деятелем И. М. Сеченовым. Подведение всех высших проявлений человеческой личности под понятие рефлексов головного мозга, сводящихся к движению, — это такой гигантский полет человеческой мысли по сравнению с пережевыванием субъективных переживаний на все лады, что нельзя не отдать должное этому русскому ученому, положившему первый камень в научное изучение человеческой личности» (Исаева, 1952, с. 148).

Личность определяется, согласно Корсакову, сознанием человека, которое обеспечивает связность, организованность и преемственность психической

деятельности, представляющей собою рефлекторную деятельность мозга. В основе сознания лежит различие человеком того, что принадлежит к его Я и Не-Я, которое варьирует от смутного чувствования своего существования до того уровня сознания, когда человек отличает себя от внешнего мира. Существенным признаком сознания предстает субъективный оттенок и объективирование собственных психических актов, где сознание выступает как познание собственных психических процессов, как самосознание.

Корсаков считал, что для сознания важны и «направляющая сила ума», и деятельность воли в форме внимания (см.: Корсаков, 1893, 1901). Направляющую деятельность ума он рассматривал как особую психическую функцию, связанную с мышлением, и полагал, что нет нужды для объяснения творческой деятельности прибегать к понятию независимой от тела души. Тем самым отвергался и один из главных аргументов в пользу идеалистического понимания личности.

К положению о единстве человека обращались и передовые русские педагоги — П. Ф. Каптерев, П. Ф. Лесгафт и др.

Полемика о свободе воли

В концепции личности, развиваемой психологами-идеалистами, особое место занимала идея свободы воли. В представлении свободы воли и в учении о несвободе воли в русской психологии второй половины XIX в. получила выражение проблема социальной необходимости и принуждения, или, иначе говоря, проблема общественно-исторической необходимости.

Представление о свободе личности снимало вопрос о ее детерминации социальными условиями. Воля принималась как выражение свободы личности,

ответственной за свои действия лишь перед богом. Общепринятым было признание воли внутренним деятелем, воплощающим активность духа. Действия людей свободны потому, что они исходят из природы души, являются результатом развития внутреннего, вложенного богом содержания души. Владиславлев, Грот, Челпанов, Лосский и другие психологи идеалистического направления с волей связывали решение проблемы мотивации и творческой активности.

Учение о несвободе воли исходило из постулата о том, что определяющими являются условия жизни, а детерминированность поступков рассматривалась в плане способов психического отражения окружающей человека действительности и регуляции действий соответственно условиям внешнего мира.

В полемике о воле, которая проходила в Московском психологическом обществе в 1887–1889 гг., столкнулись материалистические и идеалистические взгляды на проблему воли, активности сознания и деятельности человека. Сеченов не участвовал в ней: в Москву он приехал лишь в конце 1889 г.

Председатель Московского психологического общества Н. Я. Грот поставил на обсуждение ряд докладов. В своем докладе, положившем начало дискуссии (Грот, 1889), ученый утверждал, что в области психических явлений действует особого рода причинность: они сменяют друг друга вследствие их собственной причинной взаимозависимости, но не из-за зависимости от материальных явлений. Свободу воли Грот соединял с божьим предопределением личности. «Условная свобода каждой индивидуальной воли есть как бы свободный дар единой изначальной воли — бога» (там же, с. 69; см. также 70, 85, XXXI, XXXVI, 94, 96). Дары бога распределены различно, и эта богом изливаемая благодать определяет уровень личности, по которому люди разделяются на высших и низших.

Л. М. Лопатин вопрос о воле связывал с творческой активностью личности. По его мнению, наше Я принадлежит к числу изначальных творческих сил, способных вмешиваться в мир физических явлений, изменять его законы. «Весь вопрос о свободе воли сводится к следующему: присутствует ли в нашей личности творческая сила и в каком смысле присутствует?» — заявлял он (там же, с. 135). Воля, полагал Лопатин, будучи творческой силой личности, беспричинна и свободна.

Учение о свободе воли использовалось как один из аргументов против материалистической теории в психологии. Г. И. Челпанов писал: «На вопрос, свободна ли человеческая воля или же нет, я отвечаю в утвердительном смысле. По моему мнению, человеческая воля свободна, но не в том популярном значении слова, что она беспричинна, а в том, что наше Я само является причиной перед судом нашего самосознания; мы, или наше Я, есть истинная причина нашего действия. Вполне свободен только тот человек, который действует согласно идеалу, согласно идее своей личности» (Челпанов, 1897).

«Все сознательные процессы, — утверждал Н. О. Лосский, — поскольку мы относим их на основании непосредственного чувства к своему Я, заключают в себе все элементы волевого акта и причиняются „моими“ стремлениями» (Лосский, 1903, с. 69). Волюнтаризм Лосский противопоставлял материалистическому детерминизму рефлেকторной теории. Сознательные процессы он относил к Я, т. е. к личности, а воля, по его определению, «есть не что иное, как причинность сознания» (там же, с. 47–48).

Сторонники материалистических взглядов опровергали взгляды Грота, Лопатина и других психологов-идеалистов. Они доказывали детерминацию

действий человека материальными причинами и отказывались признавать свободу воли.

Дважды выступал на собраниях Московского психологического общества С. С. Корсаков. Противопоставляя идеалистическим воззрениям на личность материалистическое понимание рефлекторной природы психики, он указывал: «Воля в смысле наиболее употребительном есть выражение потребности данной личности и должна выражать свойства именно этой личности как цельного и психического организма» (Труды., 1889, с. 244). Свобода воли невозможна уже хотя бы потому, что действовать или бездействовать по своему почину она не может. В смысле самопричинности свободы воли нет, а есть только самообман. «Правда, производя выбор между двумя поступками, я чувствую, что именно я произвожу выбор, но я ошибаюсь при этом, потому что не могу чувствовать, что мое собственное Я есть результат целого ряда мотивов, — следовательно, само вполне обусловлено, а не составляет причину самого себя» (там же, с. 248).

В положениях о воле, представленных на обсуждение А. А. Токарским, сотрудником С. С. Корсакова по психиатрической клинике Московского университета, был наиболее полно выражен взгляд на волевые акты личности с точки зрения рефлекторной теории. Токарский прямо повторял сеченовские формулировки о том, что отрицание свободы воли не только не умаляет нравственных качеств личности, но, напротив, придает новое значение идеям истины, добра, красоты.

Изучение личности в педагогической психологии

Педагогическая психология, которая возникла в России в конце прошлого века, с первых своих шагов

столкнулась с индивидуальными различиями детей и с задачей формирования личности. Личностные особенности школьников привлекли внимание в связи с практическими задачами воспитания и обучения детей. Один из зачинателей педагогической психологии в России, П. Ф. Каптерев, следуя за Сеченовым в защите материалистического монизма в понимании природы психического, видел в личности выражение единства духа и тела, воплощение связи психических и физиологических явлений. «Хотя эти явления по своему характеру и различны, но так тесно и неразрывно связаны между собою, что образуют одно органическое целое, душа и тело объединяются в человеке, в его единой личности», — писал он (Каптерев, 1877, с. 25). Свой методологический принцип Каптерев определял так: «человек есть органически целое существо и противоположности духа и тела примиряются и объединяются в нем, как в одной живой личности» (там же, с. 5).

Понятие личности употребляется Каптеревым как интегральное понятие, включающее самосознание, представление о своем Я, весь комплекс чувствований, относимых человеком к самому себе, мотивацию собственных действий и связь всей психики человека с его действиями. Самосознание, по Каптереву, возникает как сознание единства наших психических действий и отнесение их к нашему Я. Для этого нужно отличать себя от внешнего мира, сознавать свои особенности. Первоначально самосознание заключается в сознании особенностей своего тела, затем рождается сознание себя как занимающего известное положение и место, а далее возникает представление о себе как духовной личности с известными умственными и нравственными свойствами. Высший пункт развития самосознания — сознание тождества собственной личности среди всех

изменений психической и физической жизни, которые пережиты.

Все представления человека Каптерев делит на две группы: «на представления, относящиеся к нам самим, имеющие своим предметом нашу личность, наше Я, наши потребности, склонности, желания и вообще все, нас касающееся, затрагивающее наши интересы, и на представления, относящиеся ко всему, что не мы сами, имеющие своим предметом других людей и природу» (с. 409–410).

Представления человека о своей личности Каптерев называет эгоистическими чувствами, поясняя, что употребляет это понятие как психологическое, а не нравственное, обозначая им чувствования, имеющие предметом нас самих, наше Я, нашу личность. Эгоистические чувствования — это показатели нашего личного благосостояния. Понятие о своем Я у человека восходит к органическим ощущениям. «Нельзя не обратить внимания на значение органических ощущений для определения нашего собственного Я. — пишет Каптерев, — представление о свойствах тела неизбежно входит в представление нашего Я, есть, так сказать, часть этого представления» (с. 112).

Каптерев не останавливается специально на соотношении понятий личности и характера. Но определение, которое он дает характеру, выделяет присущую этому психическому проявлению особенность, важную для интегративной функции личности: «характер обозначает силу, крепость связи между представлениями, чувствованиями, склонностями и убеждениями, с одной стороны, и действиями — с другой, степень стремительности и упорства, с которой мы осуществляем свои цели и планы, удовлетворяем свои страсти и желания, степень стойкости и мужества, с которой мы выдерживаем препятствия и затруднения, идем навстречу опасностям» (с. 591–592).

Характер, по Каптереву, есть, во-первых, результат врожденных физических и психических особенностей и, во-вторых, результат того или другого способа физического и психического воспитания человека. Семья и школа — это только приготовление к жизни, но «при вступлении в жизнь все существенные элементы для образования характера будут уже даны, личность в своих глубочайших основах уже сформировалась» (с. 613). Что же даст жизнь? На этот вопрос Каптерев отвечает: «Жизнь — последняя школа, которую проходит человек, венец всяческого развития. Прошед эту последнюю школу, характер и вместе с тем весь человек является в своей последней законченной форме, так что, зная характер известного человека и те обстоятельства, среди которых он будет поставлен, мы можем наперед предсказывать его мысли, намерения, действия; тогда человек явится вполне законченной, цельною личностью» (там же).

Великая задача воспитания состоит в том, чтобы оно соответствовало природе ребенка, поскольку каждый ребенок представляет своеобразную личность, отличающуюся и с психической, и с физической стороны от всех других личностей. Отсюда Каптерев выводит основное требование для воспитателя: «Изучи данного ребенка не только со стороны его сходства с другими детьми, но и его особенности и поступай сообразно с его качествами» (с. 631).

Известный русский педагог, анатом и врач П. Ф. Лесгафт стремился создать единую теорию психического и физического развития ребенка, воспитания его сознания, чувства, воли — личности в целом. Он разработал систему всестороннего воспитания ребенка, которая руководствовалась принципом единства физических и психических явлений. Лесгафт шел дальше Каптерева в характеристике формирования личности: он вводил столь существенный

фактор, как взаимоотношение ребенка с членами семьи, с близкими людьми, т. е. социальные отношения как отношения специфически человеческие и необходимые для воспитания. В этих взаимоотношениях особо важен процесс постоянного общения ребенка со взрослыми. Другой столь же важный фактор для формирования полноценной личности — развитие активности ребенка.

Формированию личности ребенка в семейной жизни необходимо уделять постоянное внимание, отмечал Лесгафт. «Признание личности ребенка постоянным обращением с ним как с человеком и полным признанием за ним права личной неприкосновенности» составляет, по Лесгафту, одно из главных оснований воспитания ребенка (Лесгафт, 1951, с. 211). Какое же содержание вкладывается им в понятие «личность»? Прежде всего имеется в виду признание за ребенком определенного «лица» в семейных отношениях, признание его «личной неприкосновенности». Обыкновенно родители полагают, указывал Лесгафт, что ребенок — их достояние, их собственность, с которой они могут поступать безотчетно, как с вещью. «Но такое отношение к ребенку совершенно неправильно, и ничего подобного допустить нельзя, раз только родители обязаны содействовать развитию человека» (там же, с. 217).

С воспитанием гуманности у человека связано признание его личности; к этому он приучается только в молодости. «Как к нему относились и какое отношение он видел к другим, так и он будет относиться к окружающим», — считал Лесгафт (там же). Возникающие отношения ребенка к людям, с одной стороны, и взрослых к нему — с другой формируют его как личность. Именно это социальное условие воспитания ребенка всемерно подчеркивается Лесгафтом. Но социальные отношения рассматриваются

им в основном в семейной и школьной жизни, более широких социальных связей личности он не затрагивал.

Неизбежный вопрос о роли наследственности, среды и воспитания Лесгафт решал так: наследственности принадлежит одна только основная форма, а все типичные и индивидуальные свойства, а также проявления характера приобретаются под влиянием воспитания и тех условий среды, в которых ребенок живет и развивается. Передача способностей от родителей к детям невозможна.

С признанием личности ребенка Лесгафт связывал и признание его активности, самостоятельности. «Вся тайна семейного воспитания в том и состоит, чтобы дать ребенку возможность самому развертываться, делать все самому», — писал Лесгафт. Взрослые должны «всегда относиться к ребенку, с первого дня его появления на свет, как к человеку, с полным признанием его личности и неприкосновенности этой личности» (с. 218).

Педагог, проникнутый идеями гуманизма, тонкий наблюдатель, психолог, Лесгафт составил оригинальную типологию детства. Тип ребенка складывается в зависимости от влияния окружающей среды, решающее значение в формировании личности принадлежит воспитанию. Индивидуальные различия объясняются прежде всего условиями воспитания. Различные типы детей развиваются в различных условиях их семейной жизни и воспитания. На основании наблюдения детей в школе и выяснения условий семейной жизни Лесгафт выделил шесть характерных школьных типов: 1) лицемерный, 2) честолюбивый, 3) добродушный, 4) мягко-забитый, 5) злобно-забитый и 6) угнетенный (см.: Лесгафт, 1884, 1890). Он живо и ярко описал типы школьников и связал их с определенными отношениями, которые складывались в семьях, принадлежавших к разным социальным слоям старой России. Сочетание

черт личности, объединяемое в те или иные типы, можно наблюдать и у современных школьников. А это заставляет задуматься над тем, что же порождает подобное сочетание, какая связь существует между этими чертами и какова почва для их возникновения в новых социальных условиях?

Для нас интересна трактовка Лесгафтом темперамента и характера. По его мнению, только темперамент наследствен, а характер является результатом влияния среды, воспитания и самодеятельности ребенка в окружающих его условиях жизни и труда. Характер — продукт зародившейся мысли ребенка и проявляется в его самостоятельных действиях. «Характер человека развивается только тогда, когда он имеет возможность самостоятельно рассуждать и действовать или когда он сам это себе завоевывает» (Лесгафт, 1951, с. 116). Различая воспитание и образование, Лесгафт к первому относил нравственные качества человека и его волевые проявления, ко второму — умственное, эстетическое и физическое развитие. Нравственное воспитание личности зависит от приобретения и усвоения понятия о значении человеческой личности, которое позволяет научиться ограничивать произвол своих поступков и действовать в соответствии с выработанными идеалами.

Цель воспитания и образования — развитие мудрого, по терминологии Лесгафта, человека, который в состоянии «предвидеть последствия своих действий и отношений к другому лицу, выяснять себе причинную связь наблюдаемых им явлений и творчески предсказывать и проявляться, в чем именно и выражается человеческая мудрость» (там же, с. 211). Но не только это составляет содержание понятия мудрости, вводимого Лесгафтом в черты личности. «Мудрость человека должна показать ему узость личной жизни и указать на значение общественного проявления, чтобы

подсказать ему его долг содействовать совершенствованию общества, в котором он находится» (там же).

Настойчиво развивает Лесгафт идею о значении общения ребенка со взрослыми, прежде всего общения с матерью или другим наиболее близким ему лицом. В этом общении ребенок узнает связь между словом и делом (связь, о которой много говорил Сеченов), видит свойства и поступки другого человека и по ним относится к себе и к собственным свойствам и поступкам. Никак и ни в какой мере нельзя подавлять активность восприятия и мысли ребенка, необходимо вырабатывать у него активное отношение к своим впечатлениям и действиям. Иначе ребенок не может видоизменить свои действия — «у него нет личного характера, для развития нравственного характера нет условий» (там же, с. 116).

Развитие экспериментальных исследований личности и их теоретическое обобщение

Последняя четверть XIX в. ознаменована в психологии введением эксперимента. Первая русская экспериментальная психологическая лаборатория была создана в 1885 г. В. М. Бехтеревым при клинике душевных и нервных болезней Казанского университета. Вслед за ней начали работать другие психологические лаборатории в Харькове, Петербурге, Юрьеве (Тарту), Москве. Экспериментальные психологические исследования (главным образом в области ощущений и восприятий) велись в комплексе с анатомическим и физиологическим изучением мозга. Изучались, как правило, отдельные реакции на разнообразные внешние раздражители. Результаты экспериментов вскоре разочаровали психологов: применявшийся психометрический метод не давал возможности

исследовать сложные проявления психической жизни. Обнаруженные в экспериментальных исследованиях индивидуальные различия испытуемых заставляли задуматься. «Если мы будем подвергать несколько лиц определенным экспериментам, — писал Бехтерев, — то окажется, что каждое лицо даст свои особые результаты, вытекающие из особенностей его личности. Иначе говоря, при совершенно одинаковых внешних условиях различные лица будут испытывать неодинаковые переживания, что с некоторым сожалением отмечается психологами как обстоятельство, затрудняющее перенесение результатов, полученных при исследовании одного лица, на другое» (Бехтерев, 1907, с. 515). Надо было искать экспериментальные методы изучения личности.

В поисках способов экспериментального изучения личности при большом интересе к педагогической психологии на первый план выступают массовые исследования школьников. В Петербургской лаборатории экспериментальной педагогической психологии под руководством А. П. Нечаева была создана программа массовых школьных экспериментов. Нечаев и его сотрудники считали целью своих исследований изучение личности школьника. Однако они отождествляли понятие личности и индивида и на самом деле хотели выявить индивидуальные различия детей. Методологическую основу их исследований составила биогенетическая концепция развития, заимствованная из зарубежной педологии. Педология вводила новые представления о том, что определяющими психическое развитие человека являются внутренние закономерности роста организма, обусловленные его наследственностью. Соответственно изменился и взгляд на личность, приобрели силу биологизаторские тенденции. Биогенетическая концепция выдвинула положение о том, что личность

ребенка обусловлена его врожденными свойствами и развитие его совершается стихийно, независимо от воспитания и обучения. Пределы саморазвития заранее даны каждому человеку, воспитание же и обучение должны только способствовать проявлению врожденных свойств.

Н. Е. Румянцев, сотрудник нечаевской лаборатории, в докладе на II Всероссийском съезде по педагогической психологии говорил: «Какой бы идеал мы ни поставили воспитанию, его осуществление обуславливается природными задатками человека вообще и воспитываемого ребенка в частности. Как нельзя из семени сосны вырастить березу или пальму, так невозможно устанавливать идеалы воспитания без отношения к природе объекта воспитания — ребенка» (Румянцев, 1970, с. 105).

Из положения о предопределенности психического развития личности следовало, что дело учителя — выяснить врожденные задатки ребенка, отделить одаренных детей и предоставить им возможность развивать их природные способности, а к остальным предъявлять требования, согласующиеся с прогнозом их развития, сделанным на основе данных психологических экспериментов.

В экспериментах Нечаев и его единомышленники применяли тесты, опросы, анкеты. Предельно упрощенный эксперимент должен был служить массовой проверке школьников и быть доступным каждому учителю. Хотя целью эксперимента было установление индивидуальных особенностей каждого школьника, условия его делали эту цель недостижимой. Стандартность задания, однократность опыта и большое число испытуемых не позволяли выяснить особенности каждого ученика, не говоря уже о том, что изучение процесса формирования личности вовсе и не

предполагалось (см.: Методы., 1908; Труды., 1905-1912; Ежегодник., 1909-1914).

Известный московский психиатр Г. И. Россолимо предлагал для изучения личности метод психологических профилей. Он выделял и оценивал по десятибалльной шкале следующие элементы личности: внимание, волю, точность воспроизведения, запоминание, комбинационные способности, мышление, сметливость, воображение и наблюдательность. По каждому из этих элементов измерялась степень развития, а потом из этих показателей вычислялась средняя высота психологического профиля. Считалось, что каждый отдельный профиль отражает особенности личности, выраженные в интеллекте. Чем ниже интеллект, тем меньше и средняя высота.

Позиции экспериментального направления в педагогической психологии и результаты массовых школьных экспериментов вызвали много споров на первых психологических съездах в нашей стране (первый и второй съезды по педагогической психологии состоялись в 1906 и 1909 гг., следующие съезды, посвященные экспериментальной педагогике, — в 1910, 1913 и 1916 гг.). Несмотря на широкий размах движения за школьный психологический эксперимент, научные результаты его были незначительны. Данные массовых экспериментов были малодостоверны, а статистическая обработка анкет приводила к средним величинам, которые уже никак не показывали личностных особенностей того или другого испытуемого.

Доклады Нечаева и его сотрудников на съездах по педагогической психологии подверглись резкой критике и со стороны противников эксперимента в психологии, и со стороны психологов, работавших в клинических и университетских лабораториях, таких как В. М. Бехтерев, А. Ф. Лазурский, Н. Н. Ланге.

Известный своими экспериментальными исследованиями процессов восприятия, Н. Н. Ланге возражал против «глупых экспериментов нечаевского типа», критиковал их теоретическую основу. Нельзя в поисках психогенеза, считал он, учитывать только факторы органического развития и психологической наследственности. Существуют два ряда факторов, влияющих на развитие ребенка: природные и культурные, биологические и исторические, органические, наследственные и воспитательные.

А. Ф. Лазурский также критиковал экспериментальные исследования нечаевской лаборатории. Ему принадлежит заслуга в разработке метода изучения личности, который вошел в экспериментальную практику под названием естественного эксперимента. «Мы исследуем личность самой жизнью, — говорил Лазурский в докладе на съезде по экспериментальной педагогике, — и потому становятся доступными обследованию все влияния как личности на среду, так и среды на личность. Здесь эксперимент входит в жизнь. Мы исследуем не отдельные психические процессы, как это обычно делается, а исследуем и психические функции, и личность в целом» (Лазурский, 1911, с. 150).

Новый метод, по замыслу Лазурского, должен был совместить эксперимент с естественными условиями протекания психических процессов. Для этого использовались обычные школьные занятия детей, их игры, гимнастические упражнения. Были составлены экспериментальные уроки по разным предметам и сводная методика школьного экспериментального дня. Для экспериментальных уроков избирался материал, при усвоении которого особенно ярко должны были проявляться индивидуальные особенности ученика, те или иные черты его характера.

Естественный эксперимент отвечал требованиям объективности, что для Лазурского было главным критерием научного экспериментального метода, а также позволял осуществлять объективное вмешательство в течение психических процессов, а это представляло отличительную черту подлинного эксперимента. Поясняя свой метод, Лазурский писал: «Здесь, как и во всяком другом эксперименте, мы имеем преднамеренное, могущее неоднократно повторяться вмешательство исследователя в душевную жизнь испытуемых, причем вмешательство это производится при помощи определенных заранее разработанных приемов и имеет всякий раз определенную цель — исследовать ту или иную заранее намеченную группу психических процессов» (Лазурский, 1918, с. 3). Очень важным был новый теоретический принцип психологического исследования, который вводил естественный эксперимент: испытуемый изучался в процессе его деятельности, ребенок — в игре, школьник — в учении и игре.

А. Ф. Лазурский более всех других психологов предреволюционной России занимался проблемой личности. Главную задачу психологии он видел в изучении личности, понимая под этим индивидуальную психологию. В 1904 г. Лазурский составил программу исследования личности, которая легла в основу его конкретных исследований. Программа эта состояла из двух частей: первой, руководящей, заключавшей перечень основных качеств или сторон личности, и второй, объяснительной, которая состояла из описания ряда конкретных проявлений, соответствующих качествам, перечисленным в первой части. Это был подробный и многосторонний перечень индивидуальных особенностей человека. Руководствуясь этой программой, исследователь наблюдал испытуемых и составлял обобщающие характеристики [\[11\]](#).

Результаты исследований Лазурского были им изложены и теоретически обобщены в получивших широкую известность книгах: «Очерк науки о характерах» (1-ое изд. 1906 г.), «Школьные характеристики» (1913 г.) и «Классификация личностей» (1922 г.)^[12].

Конкретные психологические исследования личности А. Ф. Лазурского, его сотрудников и учеников опирались на теоретическую концепцию, разработка которой исходила из определенного понимания соотношения физиологического и психического, внешнего и внутреннего, биологического и социального в психическом развитии человека.

А. Ф. Лазурский считал, что психические особенности личности нельзя изучать, не учитывая их физиологической основы, так как психическое неотделимо от своего материального субстрата. «Учение о личности, — писал он о своей теории, — отличается от старого учения о способностях тем, что эти отдельные функции нашего психического организма теснейшим образом связаны с физиологической стороной, с чисто мозговыми функциями. Все наши психические процессы соответствуют мозговым процессам, следовательно, все психические функции также имеют свою физиологическую сторону. Этим. наше учение о личности отличается от учения о способностях, так как там душа рассматривалась как нематериальная, не имеющая ничего общего с мозгом, ее способности также рассматривались вне всякой связи с физической организацией и ее деятельностью» (Лазурский, 1925, с. 88).

В основу теории личности Лазурского положен принцип активного приспособления личности к окружающей среде. В понятие среды им включаются не только вещи, природа, люди и человеческие

взаимоотношения, но также идеи, духовные блага, эстетические, моральные и религиозные ценности.

Приспособление человека к окружающей среде, степень и объем этого приспособления определяются, с одной стороны, благоприятными или неблагоприятными внешними условиями, с другой (важность этого Лазурский особо подчеркивает) — «тем природным запасом физических и духовных сил, который в общей своей совокупности носит название „степени одаренности“» (Лазурский, 1923, с. 13). И наконец, неизменным элементом развития личности выступает рост активности человека в отношениях со средой. Классифицируя личности, Лазурский вводит их деление 1) по психическому уровню и 2) по психическому содержанию. Такое двойственное деление соответствует, по его мнению, способам роста и духовного развития каждой отдельной человеческой личности.

Деление по психическим уровням выражает степень активного приспособления человека к среде; на высшем уровне это переходит в степень приспособления среды к его собственным запросам. Само приспособление идет различными путями в зависимости от качественных различий между людьми. В чем же заключаются эти различия? Ни у одного человека нельзя встретить одинакового развития всех психических функций или способностей, потому что условия наследственности создают предрасположение к возникновению того, а не иного темперамента, к преобладанию тех, а не иных инстинктов или идейных влечений. С другой стороны, семейная обстановка и воспитание накладывают свой резкий отпечаток на психику ребенка. Речь, следовательно, идет о социальном факторе и о том, как оценивать сравнительное значение двух факторов — биологического и социального.

Существенными в теории Лазурского являются его представления о двух группах элементов личности: эндопсихических и экзопсихических. В эндопсихику, выражающую внутренний механизм личности, входят темперамент, характер, умственная одаренность, а также совокупность таких основных психических функций, как восприимчивость, память, внимание, комбинирующая деятельность мышления и воображения, аффективная возбудимость, способность к волевому усилию, импульсивность или обдуманность волевых актов, быстрота, сила движений. «Эндопсихику, — пишет Лазурский, — мы вполне отождествляем с нервно-психической организацией человека, рассматривая эту последнюю как сложный, организованный, непрерывно действующий двусторонний (психофизиологический) процесс, причем отдельные психические функции составляют части или стороны этого процесса» (там же, с. 15). Эндопсихика составляет ядро человеческой личности.

Содержание экзопсихики определяется отношением личности к внешним объектам, к среде, к тому, что противостоит личности, к чему личность может так или иначе относиться. Заметим это определение, поскольку здесь впервые в психологии личности появляется категория отношения, которую разовьет уже в советской психологии В. Н. Мясищев, ученик А. Ф. Лазурского, в качестве основной категории разрабатываемой им теории личности. У Лазурского речь идет об отношении человека к природе, вещам, другим людям, социальным группам, духовным благам.

Психические уровни, которые Лазурский вводит в характеристику личности, определяются потенциальным запасом нервно-психической энергии человека или присущей ему психической активностью. Предельные границы психического уровня зависят от богатства прирожденных способностей и от внешних условий,

способствующих или препятствующих выявлению природных дарований. Высокий психический уровень характеризуется: 1) богатством личности; 2) силой и интенсивностью психических проявлений; 3) сознательностью и идейностью; 4) возрастающей координацией психических элементов. Последняя приводит к тому, что происходит концентрация личности, сосредоточение важнейших психических функций вокруг одного какого-нибудь рода деятельности, устанавливается душевное единство, что определяет гармоническое развитие личности, органическую связь присущих данному человеку способностей.

На разных уровнях отношение между личностью и окружающей ее средой, а значит и отношение между эндо- и экзопсихическими элементами личности различно. На низшем уровне преобладает влияние внешней среды, поэтому ценность личности в социальной жизни незначительна, а саму личность можно охарактеризовать как недостаточно приспособленную. Среда насильственно приспособляет психику малоодаренного человека, и он не может выявить свои эндоспособности. Лазурский отказывает представителям низшего уровня, отличающимся бедностью и разрозненностью психики, в цельном мирозерцании. На среднем уровне люди выбирают себе род занятий, соответствующий их склонности. Их можно назвать приспособившимися. Этому уровню соответствует несамостоятельное мышление. Только высший уровень психики позволяет выработать собственное мировоззрение. Высокоодаренные представители его могут переделывать, видоизменять среду. Их Лазурский называет приспособляющими.

Биологизаторские тенденции в учении Лазурского о личности скрещивались с попытками социального

подхода, поскольку он считал, что личность не может развиваться и проявляться вне общества, что развитие ее происходит только в обществе и через общество (Лазурский, 1918, с. 183). Однако социальный подход к личности у него был подчинен биологическому. Признав основой личности ее врожденные особенности, разделяя людей по природной одаренности на три уровня, он определял согласно этим уровням их общественное положение. Из неравенства одаренности людей следует их неравенство в общественном положении. «Неизбежность социального подчинения прямо вытекает из основных особенностей низшего уровня», — полагал Лазурский, 1923, с. 52).

Принадлежность к уровню, по Лазурскому, тем не менее не определяет типа личности. Основные типы, т. е. совокупности определенных черт, встречаются на всех уровнях, меняются лишь проявления данного типа. Основу деления личностей на типы составляет преобладание той или иной группы связанных между собой психических функций, что накладывает отпечаток на всю личность.

* * *

В середине XIX в., когда психология утверждалась в качестве самостоятельной научной дисциплины, ее важной задачей было не только определение своего предмета и методов, но и содержания основных понятий, а также главных проблем. Одной из таких проблем была проблема личности, но она занимала особое положение среди других проблем психологии.

Идеалистическая психология вводила в круг своих проблем проблему личности, но принимала философское учение о личности, которое выражало концепцию православной церкви. Сращение религиозного

мировоззрения с официальной идеалистической психологией, т. е. психологией, преподававшейся по утвержденным программам в высших и средних учебных заведениях, было характерной чертой истории отечественной психологии и являлось следствием того, что в России церковь не была отделена от государства и представляла собою оплот самодержавно-крепостнической идеологии.

Попытка подойти к созданию собственно психологической теории личности, сохраняя религиозно-философскую трактовку категории личности, столкнулась с непреодолимыми трудностями. В христианском учении личность была поставлена в систему отношений «бог — душа — личность» и рассматривалась как носитель или выразитель бессмертной души, лишь временно связанной с телом в ее земном пребывании. Если личность объявлялась подчиненной богу и стоящей вне законов материального мира, считалась независимой и свободной от них, если она изымалась из сферы научного познания и относилась к области веры, что же оставалось тогда делать психологии?

Позитивистская установка, принятая, как мы видели, Троицким, позволяла считать предметом психологического изучения проявления личности и оставлять за верой ее сущность. Такая постановка проблемы в психологической теории не снимала ограничений христианской концепции личности, но открывала некоторые возможности для психологического исследования. Возникает вопрос о связи личности и общества, о межличностных отношениях, о страдательной и деятельной форме существования личности, о самосознании и произвольности поступков. Естественным был вопрос и о развитии личности, о сохранении тождества личности при ее непрерывном изменении. Но тут приходилось в

первую очередь отвергать представление о неизменной сущности души, данной человеку богом, и признавать зависимость развития личности и от условий существования, и от состояния организма человека — роста ребенка, зрелости и старения. Способ ответить на вопрос о связи личности и общества Троицкий находит в том, что сводит общественность к корреляту личности, а межличностные отношения ограничивает психическим влиянием одного человека на другого.

Для материалистической психологии, принявшей рефлексорную теорию психики, главной была борьба за единство человека, против двойного подчинения человека, деления его на душу и тело. Тезис единства человека реализовался объяснением сознания и самосознания, произвольных действий, личностных свойств человека с позиций рефлексорной теории. Индивидуальный опыт познания, сочетающегося с действиями, хранимый памятью, создает те личностные ряды, о которых говорит Сеченов, объединяет их в непрерывное целое.

В этой связи взятое понятие личности приводит к отождествлению конкретного человека, индивида, личности. Соотношение человека и общества в целом и взаимоотношения между людьми выпадают из содержания категории личности. Иначе говоря, выпадают важнейшие отношения, определяющие личность.

В таком содержании понятие личности входит и в русскую педагогическую психологию, и в экспериментальные исследования, которые начинают развиваться на рубеже двух столетий. Проблема психологии личности сужается до вопроса об индивидуальных особенностях детей и взрослых людей, подменяется индивидуальной психологией и вопросами типологии. Результатом признания биогенетической теории развития психики является поворот к

утверждению врожденности психических свойств личности. Все эти особенности отличают учение о личности А. Ф. Лазурского.

И вместе с тем он разорвал рамки индивидуальной психологии разработкой нового общего теоретического принципа психологического исследования. Он предложил изучать личность в условиях деятельности человека и создал новый экспериментальный метод, так называемый метод естественного эксперимента. Установление связи между личностью и деятельностью было фактом первостепенной важности в психологической теории личности. Мысль Лазурского об активном приспособлении личности к среде и требовании психологического изучения личности в естественных условиях деятельности человека была воспринята и разработана в первые годы советской психологии его учеником и сотрудником М. Я. Басовым.

В своем учении Лазурский наметил подход к социальным связям личности, но его ошибка состояла в том, что он индивидуальными природными различиями стремился объяснить общественные явления. Неравенство общественного положения и социальное подчинение ставились им в зависимость от неравенства природных данных, а отсюда делался вывод о зависимости общественного строя от психологических особенностей входящих в общество разных человеческих групп. Учение Лазурского о личности внесло новые идеи в психологию и вместе с тем обнаружило методологическую слабость русской психологической науки в годы, предшествующие Великой Октябрьской социалистической революции.

Новый период в истории отечественной психологии — развитие советской психологии на основе марксизма — открыл новые возможности в разработке проблемы личности. Поиск новых путей и утверждение

марксистского подхода к теории личности относятся уже к истории советской психологии.

Литература

Бехтерев В. М. Объективное исследование нервно-психической деятельности // Обозрение психиатрии и неврологии. 1907. № 9.

Грот Н. Я. Критика понятия свободы воли в связи с понятием причинности // Труды Московского психологического общества. 1889. Вып. 3. Ежегодник экспериментальной педагогики. Вып. 1-6. СПб., 1909-1914.

Исаева З. П. Психологические взгляды В. М. Бехтерева в дорефлексологический период его деятельности: Дис... канд. филос. наук. М., 1952.

Каптерев П. Ф. Педагогическая психология для народных учителей, воспитателей и воспитательниц. СПб., 1877.

Корсаков С. С. Выступление по реферату Л. М. Лопатина «Подвижные ассоциации представлений» // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 5 (20). Спец. отдел.

Корсаков С. С. Курс психиатрии. М., 1901.

Лазурский А. Ф. Об естественном эксперименте // Труды I Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике. СПб., 1911.

Лазурский А. Ф. Личность и воспитание // Естественный эксперимент и его школьное применение / Под ред. А. Ф. Лазурского. Пг., 1918.

Лазурский А. Ф. Классификация личностей. Изд. 2. М. — Пг., 1923.

Лазурский А. Ф. Психология общая и экспериментальная. Изд. 2. Л., 1925. *Лесгафт Я. Ф.* Избранные педагогические сочинения. Т 1. М., 1951.

Лесгафт Я. Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение. СПб., 1890.

Лесгафт Я. Ф. Школьные типы. СПб., 1884.

Лосский Я. Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма. СПб., 1903.

Методы экспериментального исследования личности. СПб., 1908.

Румянцев Я. Е. Экспериментальный метод в педагогической психологии // Труды Второго Всероссийского съезда по педагогической психологии и С.-Петербурге в 1909 г. СПб., 1970.

Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947.

Сеченов И. М. Учение о несвободе воли с практической стороны // Вестник Европы. 1881. № 1.

Троицкий М. М. Наука о духе. Общие свойства и законы человеческого духа. Т I-II. М., 1882.

Троицкий М. М. Учебник логики с подробными указаниями на историю и современное состояние этой науки в России и других странах. Кн. 3. Логика геометрии и наук о духе. Вып. 1. М., 1888.

Труды Московского психологического общества. 1889. Вып. 3.

Труды по экспериментальной педагогической психологии. Вып. 1-11. СПб., 1905-1912.

Челпанов Г. И. О свободе воли // Мир Божий. 1897. № 12.

100-летие первой русской экспериментальной психологической лаборатории [\[13\]](#)

Одним из важных этапов становления научной психологии как самостоятельной отрасли знания было введение в нее эксперимента. В своей программной статье «Кому и как разрабатывать психологию?», помещенной в 1873 г. в «Вестнике Европы», И. М. Сеченов впервые в отечественной психологии выдвинул задачу развития психологической науки как самостоятельной отрасли знания, опирающейся на экспериментальные методы исследования. «Наиболее верным аналитическим и вместе с тем проверочным орудием является опыт», — писал он (Сеченов, 1947, с. 210). Именно с дальнейшим развитием материалистического естественнонаучного направления в психологии и реализацией указанной программы И. М. Сеченова была связана разработка путей и принципов экспериментального психологического исследования в первых отечественных психологических лабораториях. Создателями их были врачи-психиатры В. М. Бехтерев, П. И. Ковалевский, В. Ф. Чиж, С. С. Корсаков и А. А. Токарский.

Успехи, достигнутые в XIX в. естествознанием, и прежде всего развитием физиологии органов чувств и психофизики, способствовали возникновению экспериментальной психологии. Ее зарождение отражало также потребности общественной практики, в первую очередь быстро развивающейся в то время медицины, особенно ее новой отрасли — психиатрии, стремившейся к созданию базирующихся на результатах экспериментальных психологических исследований

методов диагноза, анализа психопатологических явлений и определения эффективности терапии.

Поэтому первые экспериментальные психологические лаборатории, возникнув в России в конце XIX в. в психиатрических клиниках, имели целью прежде всего решение практических задач.

Первой и одной из наиболее крупных лабораторий, сыгравшей исключительно важную роль в разработке и утверждении принципов экспериментирования в психологии, стала психологическая лаборатория, созданная в 1885 г. в Казани выдающимся ученым-невропатологом, психиатром и психологом Владимиром Михайловичем Бехтеревым.

Защитив в 1881 г. докторскую диссертацию, В. М. Бехтерев в 1884 г. был послан от Петербургской военно-медицинской академии в длительную заграничную командировку, во время которой он работал в клиниках и лабораториях крупнейших европейских физиологов и психиатров. Особый интерес у него вызвали исследования В. Вундта и его последователей, проводившиеся в Лейпцигской психологической лаборатории. В 1884–1885 гг. Бехтерев слушал в Лейпциге курс лекций Вундта по экспериментальной психологии и занимался в его лаборатории.

Интерес молодого ученого к экспериментальной психологии был связан с той идейной борьбой, которая шла в России между передовыми учеными, сторонниками сеченовского учения, и представителями официальной психологии. Философы-идеалисты и богословы, преподававшие психологию в университетах и духовных академиях в 1870–1880-х годов, выступали против применения в психологии объективного метода и введения в нее эксперимента.

По возвращении из-за границы в 1885 г. В. М. Бехтерев был назначен профессором Казанского

университета по кафедре психиатрии. Ему было тогда 28 лет. Одним из требований молодого ученого при вступлении на кафедру университета была организация при нем экспериментальной психологической лаборатории. Это требование было принято, и осенью 1885 г. в Казанском университете при клинике душевных и нервных болезней создается первая русская экспериментальная психологическая лаборатория.

В то время в Казанском университете еще хорошо помнили разгоревшуюся там дискуссию, начало которой положила речь профессора физиологии Н. О. Ковалевского на торжественном годовом собрании в 1876 г. Назвав свою речь «Как смотрит физиология на жизнь вообще и психическую в особенности», он посвятил ее материалистическому объяснению психических явлений, критике идеализма и дуализма в психологии (Ковалевский, 1892). Ковалевский поддерживал положения о психике как функции мозга и об обусловленности работы мозга внешними воздействиями. Он по-сеченовски отвечал на вопрос, «кому и как разрабатывать психологию».

Студенты горячо, бурными овациями встретили выступление передового профессора-физиолога. Против него в защиту идеализма и религиозного учения о душе выступил университетский профессор философии и психологии А. И. Смирнов (Смирнов, 1877). Он отвергал центральное положение материалистической психологии о том, что психическая жизнь подчинена объективным законам и должна исследоваться объективными методами. Ответом А. И. Смирнову была книга И. Шумкова (Шумков, 1877), в которой он высмеивал Смирнова и подчеркивал детерминацию психических явлений объективным миром.

Открытие Бехтеревым в Казанском университете первой в стране экспериментальной психологической лаборатории означало победу сеченовских идей.

Бехтерев пришел в психологию как их последователь. Начало научной психологии, считал он, было положено И. М. Сеченовым. «Первый и существенный просвет в изучении человеческой личности, — писал он, — был положен нашим физиологом и общественным деятелем И. М. Сеченовым, книга которого, изданная в 60-х гг. под заглавием „Рефлексы головного мозга“, давала общую схему так называемых психических процессов, ставя их в связь с внешними воздействиями и сводя их в окончательном итоге к движению». Бехтерев приводил далее известное место из «Рефлексов головного мозга» о внешних проявлениях мозговой деятельности — мышечном движении и вслед за тем писал: «Подведение всех высших проявлений человеческой личности под понятие рефлексов головного мозга, сводящихся к движению, — это такой гигантский полет человеческой мысли по сравнению с пережевыванием субъективных переживаний на все лады, что нельзя не отдать должное этому русскому ученому, положившему первый камень в научном изучении человеческой личности. Мы теперь говорим уже не об одном мышечном движении, которое является окончательным продуктом высших проявлений человеческой личности, но и о сосудисто-сердечных и вообще соматических явлениях, и о секреторных явлениях, и даже о гальванических явлениях на кожной поверхности, которые могут быть внешними проявлениями рефлексов головного мозга, но это все только дополнение к той основной схеме, которая впервые была дана Сеченовым»^[14]. Все, что им делалось, Бехтерев рассматривал как дополнение к схеме Сеченова.

Период казанской деятельности Бехтерева характеризовался исключительной плодотворностью и явился важным этапом не только в развитии отечественной психологической науки, но и в научном творчестве самого Бехтерева. С первых же шагов своей

работы в Казанском университете В. М. Бехтерев проявил себя как прогрессивно, демократически мыслящий общественный деятель. Во вступительной лекции «О причинах распространения душевных расстройств в современном обществе» в клинической аудитории университета он указывал на тяжелые экономические условия жизни трудящихся в России в капиталистическом обществе как на одну из основных причин психических расстройств (Бехтерев, 1885).

В Казани В. М. Бехтерев разворачивает широкие клинические исследования и ведет большую научную работу в области невропатологии, создает Общество невропатологов и психиатров и руководит им. Это общество объединило исследователей и врачей, работавших в области анатомии и физиологии нервной системы, психологии, невропатологии, психиатрии. В. М. Бехтерев приступает к изданию журнала общества «Неврологический вестник» и возглавляет его. В журнале публикуются первые экспериментальные психологические исследования.

В Казани Бехтерев сложился как крупный, многогранный ученый с широкими научными взглядами, разнообразными интересами, способный творчески решать новые задачи. Многие планы будущих трудов были задуманы им именно здесь ^[15]. Характеризуя позднее казанский период своей деятельности, Бехтерев писал: «Девять лет, проведенных мною в Казанском университете, сослужили мне большую службу, в научном отношении» (Бехтерев, 1928, с. 18).

Новая лаборатория требовала оснащения ее необходимыми приборами и оборудованием. Осенью 1885 г. Бехтереву было выделено около одной тысячи рублей на первые расходы по созданию лаборатории. Сперва лаборатории отвели лишь одну комнату в помещении бывшей фармацевтической лаборатории. Через пять лет, в 1890 г., когда университет построил

новое большое здание, лаборатории предоставили три большие комнаты. Министерство народного образования ежегодно выделяло лаборатории дотации, университет выдавал на оборудование и инструменты специальные субсидии — около 500 руб. в год.

Для своего времени лаборатория была оснащена весьма неплохо. Кроме обычного лабораторного оборудования (энцефалометр, хроноскоп, реактивы, микроскопы и т. д.) в ней имелась также аппаратура, изобретенная и сконструированная самим В. М. Бехтеревым и сотрудниками^[16].

Конечно, небольшой срок существования лаборатории и относительно скромные субсидии, выделяемые на ее оборудование, не позволяли в полной мере удовлетворить все потребности в экспериментальной инструментари, однако даже то, чем располагала лаборатория, позволило провести ряд интереснейших экспериментальных исследований.

В лаборатории под руководством В. М. Бехтерева работали врачи, физиологи, психологи: В. И. Васильев, М. К. Валицкая, Б. И. Воротынский, В. Н. Васяткин, А. В. Диомидов, Н. Н. Реформатский, И. К. Мейер, П. А. Останков и другие. Активное участие в деятельности лаборатории принимали также студенты и сотрудники Казанского университета.

Как показывают материалы доклада В. М. Бехтерева на состоявшемся в 1893 г. Международном конгрессе по антропологии, доисторической археологии и зоологии (Bekterev, 1893), сотрудниками лаборатории за годы ее существования было подготовлено и опубликовано более 34 научных работ. Собственно психологические исследования занимали еще относительно небольшой объем в общем числе работ, однако значение их состояло в том, что по сути это были первые экспериментальные психологические исследования, в которых опробовались и на основе которых

складывались, отрабатывались принципы и методы экспериментально-психологического исследования, принесшие впоследствии В. М. Бехтереву и его школе заслуженную славу.

Экспериментально-психологические исследования Казанской лаборатории были представлены работами М. К. Валицкой, содержащей данные психометрических исследований больных, страдающих нервными расстройствами, работой Е. А. Геника и Б. И. Воротынского, в которой приводятся данные психометрических исследований людей, находящихся в состоянии гипноза, а также работой, выполненной под руководством Бехтерева П. А. Останковым и М. М. Граном — в то время студентами Казанского университета — по измерению скорости психических процессов у людей в различное время дня. Таким образом, первые экспериментально-психологические исследования относились главным образом к области психометрики и были выполнены в основном на клиническом материале (Валицкая, 1889; Геник, Воротынский, 1891).

В 1888 г. В. М. Бехтереву поручили произнести речь на торжественном годовом акте Казанского университета. Обычно для таких выступлений избиралась актуальная общая проблема, связанная со специальностью выступающего. Речь В. М. Бехтерева «Сознание и его границы» содержала обобщение результатов психологических исследований, проведенных в экспериментальной лаборатории. Сам факт выбора этой темы подчеркивал важность проводившейся работы в области экспериментальной психологии. Кроме того, избранная тема являлась как бы продолжением и дальнейшим развитием основных идей, содержащихся в памятной речи Н. О. Ковалевского.

В своей речи В. М. Бехтерев впервые четко и определенно выдвинул тезис о необходимости

использования для изучения психических процессов объективных экспериментальных методов исследования. «Было бы совершенно бесплодно, — говорил он, — еще раз обращаться в этом вопросе к методу самонаблюдения. Только экспериментальным путем можно достичь возможно точного и обстоятельного решения вопроса» (Бехтерев, 1888, с. 15).

Последовательная ориентация В. М. Бехтерева на объективные экспериментальные методы исследования в психологии уже тогда отличала его позицию от взглядов В. Вундта, следовавшего интроспективной концепции сознания и привлекавшего объективные физиологические средства исследования лишь для создания наилучших условий интроспекции.

В этой речи В. М. Бехтерев впервые изложил получившие развитие в его последующей научной деятельности принципы организации экспериментального психологического исследования: комплексный подход к изучению психики человека, его сознанию как к сложным, многоуровневым, полиструктурным образованиям, предполагающий использование различных методов в рамках разных наук о человеке; связь теории, эксперимента и практики, экспериментальной и клинической деятельности, а также личностный подход в экспериментально-психологическом исследовании.

Последовательно материалистический подход к оценке сознания как отражения внешнего объективного мира, объективных отношений и связей сочетается у Бехтерева с анализом сознания в единстве его структуры, уровней и функций. Определяя сознание и его границы, ученый анализирует результаты экспериментальных исследований мнемических, перцептивных процессов, рассматривает факторы, детерминирующие их содержательные и динамические

характеристики. К числу таких факторов он относит как объективные характеристики воспринимаемых и запоминаемых сигналов, так и личностные характеристики испытуемых. «Наблюдение показывает, что процесс введения представлений в сферу ясного сознания зависит только частично от внешних условий, иначе говоря, от объективных качеств подействовавшего на нас внешнего впечатления, главнейшим же образом — от внутренних условий» (там же, с. 26).

Среди объективных факторов, определяющих объем памяти (количество запоминаемого материала), им выделяются скорость следования звуковых сигналов друг за другом, величина и качество групп стимулов или содержательные характеристики стимула, резкость и новизна, сила раздражителя. В результате исследований обнаружено, что наиболее благоприятной для запоминания как отдельных стимулов, так и групп звуковых сигналов является скорость их следования друг за другом, равная одной трети секунды. Изменение скорости предъявления сигналов в том или другом направлении приводит к уменьшению объема запоминаемого материала. Объем запоминания зависит также от состава воспринимаемых стимулов: «Чем больше величина воспринимаемых групп, иначе говоря, чем сложнее представления, тем меньшее их количество может одновременно помещаться в сознании; наоборот, чем меньше величина воспринимаемых групп, иначе говоря, чем менее сложны отдельные представления, тем большее их количество зараз помещается в нашем сознании» (с. 24).

Особенно большой интерес представляют выводы В. М. Бехтерева относительно личностного опосредствования результатов психической деятельности человека. Так, анализируя экспериментальные результаты, он указывает на

зависимости характера восприятия и запоминания материала от психического состояния человека, степени его утомления, отношения субъекта к воспринимаемому и запоминаемому материалу, наличия или отсутствия интереса к нему, соответствия данного материала нравственным позициям и установкам испытуемого.

Убедительным подтверждением данного положения являются приводимые Бехтеревым результаты запоминания экспериментального материала в зависимости от состояния утомления испытуемого: «в одном случае после одночасового занятия психофизическими исследованиями человек, группируя по два звуковые впечатления, следующие друг за другом со скоростью 1 с, дал при восприятии четырех групп 0,7 верных суждений; при восприятии пяти групп 0,6; при восприятии шести групп 0,55; тогда как до занятий тот же субъект при подобном же группировании звуковых впечатлений одинаковой скорости дал при восприятии четырех групп 0,8 верных суждений; при восприятии пяти групп также 0,8 верных суждений; при восприятии шести и семи групп 0,75; при восприятии восьми групп 0,6 верных суждений» (с. 25). Данное положение доказывается Бехтеревым также тем, что «по утрам результаты исследования объема сознания в общем оказываются заметно более благоприятными, нежели вечерами» (там же).

Особенно хорошо запоминаются, согласно данным В. М. Бехтерева, те воздействия, которые теми или иными характеристиками привлекают к себе внимание человека, заинтересовывают его. В качестве таких характеристик, способных привлечь внимание субъекта, Бехтерев выделяет новизну стимула, резкое отличие его от других, действующих одновременно с ним. Глубоко и полно запоминаются воздействия, которые благодаря ассоциативным связям вызывают у человека глубокие чувства и переживания. «Из ряда одновременно

воспринимаемых впечатлений, независимо от объективных свойств самого впечатления, в сферу ясного сознания с большей вероятностью будет введено то, которое сопряжено с наиболее сильным чувствованием» (с. 26).

Уровень восприятия и запоминания материала определяется, таким образом, индивидуальным опытом человека, тем багажом впечатлений и переживаний, который накоплен им в процессе жизнедеятельности. Те психические переживания, которые уже имели место в индивидуальном опыте человека, «имеют больше шансов возбудить наше внимание», лучше и полнее воспринимаются, переживаются и запоминаются индивидом (там же).

Чрезвычайно интересным представляется также указание В. М. Бехтерева на значение личностных характеристик человека как факторов детерминации результатов психических процессов, в частности, его мысль о том, что «впечатления, находящиеся в более или менее тесном соотношении с содержанием сознания в данное время, а также и с укоренившимися в сознании представлениями (в особенности с теми, которые составляют так называемое нравственное ядро), обычно с особенной легкостью вводятся в сферу ясного сознания» (с. 28).

Опираясь на экспериментальные данные, В. М. Бехтерев вскрывает также роль установки, ожидания в акте восприятия.

Таким образом, уже в ранних экспериментальных работах В. М. Бехтерева вырисовывается пока еще не оформленная окончательно, но уже четко определившаяся идея личностной опосредованности психики человека, зависимости психических проявлений индивида от его личностных, индивидуальных характеристик, состояний, установок, отношений, особенностей нравственной сферы.

Такое выделение личностных детерминант психической деятельности в ранних трудах В. М. Бехтерева, в разрабатываемых им принципах организации психологического эксперимента являлось чрезвычайно важным, имеющим большое значение для разработки экспериментальных основ психологической теории. В этих трудах мы находим начала развития личностного подхода в психологии — одного из важнейших принципов современной советской психологической науки.

Рассматривая психические явления как отражение внешнего мира, анализируя их внешние объективные и субъективно-личностные детерминанты, Бехтерев подчеркивал регуляторные функции психического отражения в жизни человека.

Принципиально важным представляется положение ученого о необходимости тесного взаимодействия экспериментальной психологии с другими науками, занимающимися исследованием человека. Бехтерев последовательно утверждал комплексный подход к изучению человека, постоянно подчеркивал многогранность и многоаспектность объекта своего исследования — человека и его внутреннего мира, считал единственно правильным осуществление его целостного изучения разными науками, каждая из которых исследует лишь отдельные стороны этого многогранного объекта (Бехтерев, 1893).

Актуально звучат в наше время положения Бехтерева о необходимости реализовать в научных исследованиях принцип единства теории, практики и эксперимента. «То, что вырабатывается в кабинетах и лабораториях, — писал Бехтерев, — применяется затем у кровати больного, и, с другой стороны, то, что наблюдается у кровати больного, служит предметом лабораторных исследований» (там же, с. 11). Он отмечал необходимость практической ориентации

экспериментальных психологических исследований, потребность в создании и использовании экспериментальных методов и приемов, позволяющих выявить глубинные механизмы психики человека, которые не могут быть обнаружены клиническим наблюдением.

Вслед за Казанской экспериментальной лабораторией были созданы психологические лаборатории в других университетах: Харьковском, Юрьевском, или Дерптском (ныне Тартуском), Московском, Новороссийском (в Одессе).

В 1895 г. В. М. Бехтерев был избран профессором Военно-медицинской академии в Петербурге. Там при академической клинике он создал новую экспериментальную психологическую лабораторию и привлек к работе в ней многих врачей-психиатров и студентов. Теоретические принципы и методы психологического эксперимента, разработанные в Казанской лаборатории, развивались и применялись В. М. Бехтеревым в Петербургской лаборатории, где у него работал большой коллектив неврологов и психиатров, совмещавших психологические исследования с врачебной практикой в клинике.

В 1906 г. на Первом Всероссийском съезде по педагогической психологии, работа которого вышла далеко за пределы педагогической психологии, были представлены доклады многих сотрудников психологических лабораторий и клиник. Председательствовавший на съезде В. М. Бехтерев внес предложение создать специальное научное и вместе с тем учебное заведение — психологический или психоневрологический институт. Осуществляя свою программу экспериментальных неврологических и психологических исследований, Бехтерев представил свой план работы института широкого профиля, который был бы связан с разными областями практики —

медициной, педагогикой, криминалистикой и другими, охватил бы своими исследованиями как индивидуальную, так и общественную психологию.

Главная цель нового института, говорил Бехтерев, должна состоять в том, чтобы «всесторонне изучить и научиться понимать человеческую личность и выяснить более совершенным образом, чем это было до сих пор, способы наилучшего ее совершенствования и, где нужно, врачевания» (Труды., 1906, с. 246).

Психоневрологический институт в Петербурге был открыт в 1907 г. Экспериментальной психологической лабораторией в институте заведовал А. Ф. Лазурский, ученик В. М. Бехтерева. Он же читал там курс общей и экспериментальной психологии.

Созданный В. М. Бехтеревым Психоневрологический институт — первое в нашей стране высшее психологическое научно-исследовательское и учебное заведение. На Втором Всероссийском съезде по педагогической психологии в 1909 г. речь шла уже о его работе (Труды., 1910).

Литература

Бехтерев В. М. Автобиография (посмертная). М.: Библиотека «Огонек» № 316, 1928.

Бехтерев В. М. О причинах распространения душевных расстройств в современном обществе. Казань, 1885.

Бехтерев В. М. О современном развитии неврологических знаний и значении в этом развитии научных обществ // Неврологический вестник. 1893. Т 1. С. 1-13.

Бехтерев В. М. Сознание и его границы (отд. оттиск). Казань, 1888.

Валицкая М. К. Психометрические исследования, произведенные над лицами, страдающими

прогрессивным параличом помешанных // Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии. 1889. Вып. 2. С. 136–441.

Геник Е., Воротынский Б. И. Психометрические исследования над лицами, приведенными в состояние гипноза. Врач, 1891.

Исаева З. П. Психологические взгляды В. М. Бехтерева в дорефлексологический период его деятельности: Дис... канд. филос. наук. М., 1952.

Ковалевский Н. О. Публичные лекции и речи. Казань, 1892.

Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947.

Смирнов А. И. Механическое мировоззрение и психическая жизнь: По поводу речи Н. О. Ковалевского «Как смотрит физиология на жизнь вообще и психическую в особенности». Казань, 1877.

Труды Второго Всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1909 г. (1–5 июня): Отчет, составленный секретарем съезда М. И. Коновым. СПб., 1910.

Труды Первого Всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1906 г. (31 мая—4 июня): Отчет, составленный секретарем съезда М. И. Коновым. СПб., 1906.

Шумков И. К вопросу о психической жизни (по поводу критической заметки «Механическое мировоззрение и психическая жизнь» А. Смирнова). Казань, 1877.

Bekterev W. M. Le laboratoire psychophysiologique de l'Universite Imperiale de Kazan, fonde par le professeur W. Bekterev // Congress internationaux d'Antropologie et de Zoologie a Moskou le 10/22–18/20, 1893. Pt. 1.

Полемика о психологическом эксперименте на всероссийских съездах по педагогической психологии [\[17\]](#)

Важным событием в развитии экспериментально-психологических исследований в нашей стране явились первые съезды по педагогической психологии, где вопросы теории и практики организации психологического эксперимента стали предметом специального научного обсуждения.

Первый Всероссийский съезд по педагогической психологии состоялся в 1906 г., второй — в 1909 г. (Труды., 1906, 1910). Их организаторами были сотрудники первой в России Петербургской лаборатории экспериментальной педагогической психологии, созданной А. П. Нечаевым в 1901 г. Здесь было положено начало экспериментальным исследованиям в детской и педагогической психологии. Широкая связь с педагогической практикой принесла Нечаеву успех и известность. Ему удалось привлечь к психологическим экспериментам большое число учителей, он возглавил работу по созданию школьных психологических лабораторий в столице и в ряде других городов России.

По замыслу организаторов, съезды должны были объединить психологов, педагогов и врачей и направить их усилия на развитие педагогической психологии — новой тогда отрасли науки, открыть возможности для широкого обмена опытом воспитания детей. Однако работа съездов — доклады и обсуждения — вышла далеко за пределы педагогической психологии. По сути, это были первые в нашей стране психологические съезды.

За год до открытия Первого съезда по педагогической психологии (в ноябре 1905 г.) умер И. М. Сеченов — основоположник отечественной научной психологии, разработавший программу ее развития как экспериментальной научной дисциплины. В организационном комитете съезда состоял ученик И. М. Сеченова, известный физиолог, профессор Петербургского университета Н. Е. Введенский. Им была подготовлена речь, посвященная памяти великого ученого. «Он был, — говорилось в речи, — не только великий работник в своей специальной области физиологии, это был вместе с тем один из самых могучих в нашем отечестве провозвестников и глашатаев психологии как науки опытной, науки, долженствующей сойти с трансцендентальных высот умозрения и стать в тесную связь с другими науками, и прежде всего с физиологией. Голос его раздавался громко по всей России, будил и направлял мысль русского общества начиная с великой эпохи 60-х годов. Едва ли в этой зале найдется хоть одно лицо, которое бы прямо или косвенно не испытало на себе влияния этого мыслителя-ученого» (Труды., 1906, с. 143).

И. М. Сеченов в 1873 г., когда еще не существовало ни одной психологической лаборатории, поставил вопрос: кому и как разрабатывать психологию? Он считал, что она должна стать экспериментальной наукой, использующей объективный метод и опирающейся на союз с физиологией. Поставленная Сеченовым проблема вызвала широкую полемику о путях развития психологической науки. Представители официальной психологии в России, профессора философских кафедр университетов, в ведении которых находилась психология, отвергли сеченовскую программу, включавшую психологический эксперимент и объективный метод. Однако уже в середине 80-х годов начали работать психологические лаборатории,

созданные врачами-психиатрами при психиатрических клиниках. В 90-х годах эксперимент в психологии стал фактом, с которым уже нельзя было не считаться.

Вопрос об эксперименте в психологии вызвал в 1894 г. острую дискуссию на защите в Московском университете докторской диссертации Н. Н. Ланге. Получивший философское образование в Петербургском университете, Н. Н. Ланге был оставлен при кафедре философии. Во время заграничной командировки он начал заниматься психологическими экспериментами в лаборатории В. Вундта. Защитив магистерскую диссертацию по истории нравственных идей, он занял кафедру философии в университете в Одессе, преподавал философию и психологию, продолжая экспериментальные исследования, организовав там психологическую лабораторию. Диссертация явилась результатом экспериментальных исследований процессов восприятия и внимания.

Оппонентами Н. Н. Ланге были Л. М. Лопатин, профессор кафедры философии Московского университета, и С. С. Корсаков, известный психиатр, организатор психологической лаборатории при клинике медицинского факультета Московского университета. На защите между оппонентами возникла дискуссия (Отчет., 1894). Они с разных точек зрения оценивали диссертацию: Лопатин был противником психологических экспериментов, а Корсаков видел главное достоинство работы диссертанта именно в разработке экспериментальных методов. После диспута были опубликованы статьи А. А. Токарского, Н. Я. Грота, Г. И. Челпанова, отразившие их отношение к эксперименту в психологии (Грот, 1896; Токарский, 1896; Челпанов, 1896).

Токарский доказывал решающее значение эксперимента в психологии, причем такого, который опирается на методы естествознания, т. е. на

объективные методы. Другого взгляда придерживался Грот. Психологический эксперимент, по его мнению, должен быть принципиально иным, чем эксперимент в естествознании, поскольку предметом психологического исследования является внутренний опыт, благодаря которому психические факты доступны наблюдению. Г. И. Челпанов, в то время энергично завоевывавший себе ведущее место в психологической науке, считал, что эксперимент в психологии может найти применение, но его надо подчинить интроспективной психологии, что, по сути, означало исключение из него объективного метода и сохранение субъективного. Введение Сеченовым объективного метода в психологию, полагал Челпанов, «имело роковое значение для судьбы психологии в России: многие еще и теперь при словах „эмпирическая, физиологическая, экспериментальная психология“ думают, что дело идет о сеченовских рефлексах головного мозга, об отрицании самонаблюдения и т. п., а с этим, конечно, ни один психолог не согласится» (Челпанов, 1896, с. 147).

Введение эксперимента в психологию явилось одним из важнейших итогов ее развития в XIX в. в России (так же, как и в Западной Европе, и в Америке). Однако началась идейная борьба за методологические основы эксперимента. Особую остроту она приобрела на первых Всероссийских психологических съездах, где развернулась полемика по вопросу о путях развития психологической науки. Впервые он был поднят на Первом съезде в связи с постановкой Челпановым вопроса, который в свое время задавал Сеченов: кому и как разрабатывать психологию, на Втором съезде — в связи с программным докладом Челпанова о задачах психологии.

Это было столкновение разных взглядов на роль эксперимента в развитии психологической науки, на соотношение теории и эксперимента, на

экспериментальные методы — объективный и субъективный. В отличие от прежних дискуссий, теперь речь шла уже не о том, быть или не быть эксперименту в психологии, а о том месте, какое он должен занять в психологической науке, о его значении, должен ли быть экспериментальный метод подобным естественнонаучным или в психологии будет сохранен субъективный метод, присущая ей интроспекция.

Представителей педагогической психологии (организаторов съездов) возглавлял А. П. Нечаев. Психиатры и невропатологи, занимавшиеся экспериментальными психологическими исследованиями в психологических лабораториях психиатрических клиник Казанского, Харьковского, Московского университетов, Петербургской Военно-медицинской академии, сгруппировались вокруг В. М. Бехтерева. Университетских психологов кафедр философии на историко-филологических факультетах представляли от Петербурга А. И. Введенский, от Киевского на Первом съезде, а потом от Московского университета — Г. И. Челпанов, от Одессы — Н. Н. Ланге, от Казани — В. Н. Ивановский. Особую группу составляли представители духовных академий и семинарий.

Первый съезд по педагогической психологии открыл В. М. Бехтерев. К этому времени он уже более 20 лет занимался экспериментальной психологией, создав в 1885 г. первую в России психологическую лабораторию в Казани. В казанской, позже в петербургской, лабораториях Бехтерева специализировались по психологии многие врачи-психиатры. Бехтерев вслед за Сеченовым единственно верный путь психологии видел в использовании объективного метода в психологическом эксперименте, в широком развертывании экспериментальных исследований, распространении их на изучение личности и социальных групп. Он ставил перед психологией практические

задачи и выразил (как все поняли, по адресу Г. И. Челпанова и других профессоров университетских кафедр философии) пожелание, чтобы наука не загонялась в привилегированные палаты университетов, а пошла бы по широкому и открытому пути практического применения в жизни. Отвечая на вопрос, кому и как разрабатывать психологию, Бехтерев стоял за выделение в университетах самостоятельных кафедр психологии с экспериментальными лабораториями.

А. П. Нечаев и его последователи считали, что психологический эксперимент, основываясь на объективном методе, должен служить прежде всего практике школьного обучения. Педагогам предлагалось проводить эксперименты в школах и использовать полученные данные на школьных занятиях. Педагогическая теория объявлялась несостоятельной, так же как и общая психологическая теория. В основе этих взглядов лежало представление о том, что психическое развитие ребенка спонтанно и определяется внутренними причинами, а воспитание и обучение должны способствовать проявлению врожденных психических свойств.

Сотрудник нечаевской лаборатории Н. Е. Румянцев в докладе «Экспериментальный метод в педагогической психологии» (Труды., 1910) утверждал, что педагогическая наука должна слиться с педагогической психологией. В экспериментах надо выяснить, что может учитель требовать от каждого ученика, и соответственно строить занятия. В центр обучения надо ставить не методы и программы (схолоцентризм), а запросы и потребности ученика (педоцентризм), считал Румянцев. Поэтому большинство психологических экспериментов в школах имело целью определение уровней психического развития детей. Предполагалось, что степень развития, установленная на одной стадии, позволяет судить о возможности и пределах

дальнейшего развития каждого ребенка, поскольку отрицалась возможность его перехода на другой уровень развития в результате обучения и воспитания. Главным Нечаев считал создание методик массовых школьных экспериментов. По его мнению, наиболее ценные результаты могут дать однократные наблюдения в групповых опытах. Для того чтобы эксперименты могли проводиться в школах силами учителей, он предлагал всемерно упростить их и обходиться без специальной аппаратуры, поскольку преследовалась прежде всего практическая цель — помощь школе.

Программа Нечаева имела большой успех у педагогов. Психологические кабинеты и лаборатории были организованы в гимназиях, в кадетских корпусах, в реальных и коммерческих училищах ряда городов: Одессы, Нижнего Новгорода, Екатеринославля и др. На съездах было доложено о результатах многочисленных школьных экспериментальных исследований. Однако нечаевская программа вызывала много возражений. Критике подверглись и условия школьных экспериментов, и их результаты. Вступая в противоречие с поставленной задачей выяснения одаренности каждого ребенка, всем детям предъявлялись одинаковые стандартные задания. Нечаев и его последователи не хотели видеть того очевидного факта, что стандартность заданий, однократность опыта и большое число испытуемых не позволяли адекватно определять индивидуальные особенности учащихся. Задания, предъявляемые ученикам, не были связаны со школьными программами и были одними и теми же для учеников всех классов. Затем экспериментаторы выводили средние результаты для некоего среднего ученика.

На съезде обсуждались также результаты психологических экспериментов, полученные в

лаборатории В. М. Бехтерева и в других психологических лабораториях психиатрических клиник.

А. Ф. Лазурский, ученик Бехтерева, работая в психологической лаборатории Военно-медицинской академии, начал экспериментальное изучение личности и сделал важный шаг в разработке новых методов. Руководствуясь принципом объективности как главным критерием научности метода и принципом изучения личности в деятельности — ребенка в игре, школьника в учении и игре, взрослого в труде и общественных взаимоотношениях, — Лазурский впервые ввел в отечественную психологию так называемый естественный эксперимент. Предложенный им метод совмещал эксперимент с естественностью условий протекания психических процессов, что давало возможность изучать и отдельные психические функции, и личность в целом. Лазурский предложил использовать для эксперимента обычные школьные занятия, подбирая ученикам такие учебные задания, гимнастические упражнения и игры, которые с необходимостью вызывали проявление особенностей личности, черт характера, интересующих исследователя.

В условиях естественного эксперимента ребенок, не подозревая, что над ним производится опыт, ведет себя как обычно. Таким путем удастся избежать той подсказанности ответов, которая зачастую возникает в условиях эксперимента.

Первоначально А. Ф. Лазурский, сотрудники лаборатории и учителя — участники организованного им кружка, проводили наблюдения над школьниками во время уроков и на переменах, чтобы выяснить психологическое значение различных предметов обучения, их влияние на развитие и проявление тех или иных психических функций, определить, какие психические способности проявляются особенно сильно

в занятиях тем или иным учебным предметом и как следует составлять экспериментальную методику.

Все эти наблюдения были собраны в «Программы индивидуальных проявлений» по разным учебным предметам. Затем были разработаны экспериментальные уроки по этим предметам и свободная методика школьного экспериментального дня. Объясняя специфику метода естественного эксперимента, Лазурский писал: «Здесь, как и во всяком другом эксперименте, мы имеем преднамеренное, могущее неоднократно повторяться вмешательство исследователя в душевную жизнь испытуемых, причем вмешательство это производится при помощи определенных, заранее разработанных приемов и имеет всякий раз определенную цель — исследовать ту или иную, заранее намеченную группу психических процессов» (Лазурский, 1918, с. 3).

При всем различии экспериментальных направлений А. П. Нечаева и А. Ф. Лазурского у них были общие черты: во-первых, стремление сблизить психологические исследования с педагогической практикой и, во-вторых, установка на массовый групповой эксперимент.

Челпанов критиковал Лазурского и говорил, что не видит принципиального различия между методом естественного эксперимента и наблюдением. Весьма резко Челпанов выступил и против Нечаева. Он утверждал, что там, где нет самонаблюдения, не может быть и речи о научной ценности экспериментальных данных. Педагоги и психологи, не владеющие интроспективным методом, по его мнению, не могут проводить полезные экспериментально-психологические исследования. Факты, полученные в массовых школьных экспериментах, Челпанов назвал экспериментальным хламом, а их собирание — плачевным результатом плодящегося дилетантизма в психологии.

Челпанов, казалось бы, противоречил сам себе, когда в 90-х годах выступал за эксперимент, а на психологических съездах в столкновении с нечаевским движением активно ратовал за прекращение школьных экспериментов. Но на самом деле он последовательно вел свою линию: выступал за эксперимент, когда в него вводили интроспекцию, и был против него, когда применяли объективный метод. Челпанов считал, что следует пересмотреть отношение психологии к естествознанию и нет нужды поддерживать связь между ними. Призвав к обсуждению вопроса о пути развития психологии, он отверг сеченовский ответ на вопрос «Кому и как разрабатывать психологию?» и выступил против объективного экспериментального метода — за сохранение субъективного, присущего интроспективной психологии. На Втором съезде в своем программном докладе о задачах психологии Челпанов утверждал, что настало время, когда надо отвечать на сеченовский вопрос иначе, чем это сделал сам Сеченов.

Свою философскую платформу Челпанов сформулировал во вступительной лекции по курсу психологии в Московском университете, когда он занял кафедру философии после умершего князя С. Н. Трубецкого (Челпанов, 1912). Челпанов призывал к утверждению души как главного объяснительного принципа в психологии. «Понятие души есть такое понятие, которое мы необходимо примышляем, когда думаем о тех или иных психических явлениях», — отмечал Челпанов (там же, с. 76). Он полагал, что экспериментальную психологию надо подчинить философской психологии, которая как учение о душе исследует общие законы духа.

Г. И. Челпанов с полным удовлетворением встретил доклад А. А. Крогиуса на Первом съезде, в котором отрицалась необходимость связи психологии с естествознанием. Отметив, что «психология отделяется

от естествознания резкою гранью как в смысле объекта, так в смысле исходной точки и метода исследования» (Труды., 1906, с. 39), стремясь утвердить пошатнувшиеся принципы интроспекционизма, докладчик вернулся к старым призывам отмежевать психологию как науку о душе от наук о природе и признать основным ее методом интроспекцию. Полностью одоблив предложения Крогиуса, Челпанов противопоставил их сеченовской программе развития психологии.

В докладе «Задачи современной психологии» на Втором съезде по педагогической психологии Челпанов рассматривал ценность различных методов для психологии, определяя это как программный вопрос жизненной важности. Он утверждал, что применение экспериментальных методов ничего не отвергает из прежних воззрений и не исключает способов исследования, которые издавна были приняты в психологии. Не существует коренного различия между экспериментальным исследованием и самонаблюдением. Если экспериментом называть наблюдение произвольно вызванного явления в произвольно изменяемых условиях, то эксперимент может применяться в самонаблюдении, так как «мы можем вызывать искусственно те или иные состояния» сознания и изменять их по произволу (Труды., 1909, с. 59). Все изменения можно производить во внутреннем опыте без какого-либо воздействия извне. Так, выбрасывая из понятия эксперимента все его действительное содержание, утверждая существование внутреннего опыта и отказываясь от признания детерминированности психического внешним миром, Челпанов заключал, что в психологии самонаблюдения тоже применялся эксперимент.

«Нельзя самонаблюдение устранить из психологии, — говорил Челпанов. — Оно всегда лежит в

основе и экспериментального и так называемого объективного изучения психических явлений» (там же, с. 61). Он заявлял, что не видит принципиальной разницы между двумя способами исследования: один, использующий объективный метод, применяемый экспериментальной психологией, можно назвать «внешним экспериментом», другой, опирающийся на субъективный метод, можно назвать «внутренним экспериментом».

Челпанов ссылаясь на недавно появившиеся экспериментальные исследования мышления Вюрцбургской лаборатории, в которых главную роль играет самонаблюдение. Эти исследования он считал особо важными в методологическом отношении. В статье, опубликованной незадолго до съезда в журнале «Вопросы философии и психологии», Челпанов писал, что эти исследования показали «возможность мышления, не зависящего от представлений и ощущений, а так как ощущения и представления получаются через посредство тела, то возможность мышления, не зависящего от представлений и ощущений, может быть, служит подтверждением того взгляда, что душа может не только действовать, но и существовать независимо от тела» (Челпанов, 1909в, с. 29–30). Доклад Челпанова был воспринят участниками съезда как выступление против экспериментальной психологии.

В защиту объективного метода с большой речью выступил Н. Н. Ланге, единственный из университетских профессоров историко-филологических факультетов создавший экспериментальную психологическую лабораторию. Он указал на реакционную сущность челпановской программы и выразил несогласие с его характеристикой психологического эксперимента и субъективного метода. «Внутренний эксперимент отличается, по мнению профессора Челпанова, от

внешнего не по существу, — сказал Ланге, — а лишь количественно, по степени. Что самонаблюдение пользуется таким внутренним экспериментом, с этим должно согласиться, но что внешний (т. е. действительный) эксперимент отличается от внутреннего лишь количественно, совершенно ложно. <...> Сравнительно с действительным опытом, в котором даются реальные внешние впечатления, строго методически подобранные с целью вызвать строго определенные психические состояния, так называемый внутренний опыт является лишь игрою воображения, которая почти так же далека от действительного исследования, как воображаемая охота на воображаемых львов в воображаемой Сахаре — от действительной охоты» (Труды., 1909, с. 70–71].

Ланге возражал Челпанову и в оценке работ Вюрцбургской психологической лаборатории. Он говорил, что ему понятно, почему Челпанов считает эти исследования особенно ценными и типичными для настоящего эксперимента: они сильно уклоняются от требований, обязательных для психологического эксперимента. В этих опытах нет именно того, что «должно ценить в научном эксперименте, а именно: 1) нет объекта, с которым можно было бы сравнить психическое явление и тем обнаружить его качества, недостатки и состав; 2) объекты, вызывающие психическое явление. представляют хаотическую, нерасчлененную сложность, отдельные элементы которой не подлежат поэтому систематической вариации, которая обнаружила бы систематически и последовательно и состав психического явления. Таким образом, образцом психологического эксперимента исследования Вюрцбургской школы никак служить не могут. В методологическом отношении они представляют не шаг вперед, а назад сравнительно с типическими психологическими экспериментами» (там

же, с. 72). Ланге квалифицировал Челпанова и как противника экспериментального направления.

В условиях размежевания и противопоставления объективного и субъективного методов Ланге поддержал идею массовых школьных психологических экспериментов, хотя осуждал нечаевские экспериментальные методики и их теоретическую основу — представление о спонтанном развитии ребенка. Он допускал существование двух рядов факторов, влияющих на развитие ребенка: природного и культурного; биологического и исторического; наследственного и воспитательного.

В то же время Челпанов поднял на съезде важный вопрос об отношении теории и эксперимента, усматривая здесь опасную тенденцию к отрыву психологического эксперимента от теории и стремление выделить экспериментальные исследования в особую дисциплину — экспериментальную психологию. Считая вредным такой разрыв, он указывал, что представление о независимости эксперимента от теории ошибочно, собственно экспериментальной психологии не существует, есть только экспериментальные методы исследования. «Надо покончить, — подчеркивал он, — с противопоставлением психологии экспериментальной психологии теоретической» (там же, с. 65). Отсюда он делал вывод, что нельзя заводить лаборатории там, где нет специалистов-психологов. Имелись в виду, конечно, школьные лаборатории, организованные учителями. Отсутствие теоретической подготовки у учителей сделает их работу бесплодной, приведет к собиранию никому не нужного материала.

Большинство участников съезда высказывались за объективный метод в психологическом исследовании и отвергли предложения Челпанова о прекращении экспериментов в педагогической психологии. Один из участников Первого съезда В. Е. Игнатъев назвал вопрос

об эксперименте краугольным для съезда и сказал, что лишь объективный метод позволяет подойти к исследованию ребенка, поскольку самонаблюдение тут невозможно. А. Н. Бернштейн, возглавивший после смерти А. А. Токарского психологическую лабораторию при психиатрической клинике Московского университета, выражая мнение врачей-клиницистов, отмечал, что единственно возможным в клинике является объективный метод, так как ни к больным, ни к детям самонаблюдение не может быть применено.

Выступления Челпанова в полемике на съездах были восприняты участниками дискуссии как защита традиционной официальной психологической науки. Ц. П. Балталон, возражая Г. И. Челпанову, заявил, что за его словами скрывается не беспокойство о судьбах экспериментальной психологии, а желание связать тесными узами ее с философией, со старинной философской психологией, а с этой главной идеей докладчика согласиться никак нельзя. А. Н. Кремлев выразил убеждение, что «вражда между экспериментальной и теоретической психологией есть только яркое и цветное отражение широкой и общей борьбы между идеализмом и материализмом в науке» (Труды., 1906, с. 43).

Большинство участников съезда поддержали нечаевцев. Несмотря на свои методические ошибки, последние отстаивали экспериментальную психологию, объективные методы. Их преимущество заключалось в том, что они шли навстречу жизни, практике, запросам времени. Поэтому вместе с нечаевцами против интроспекцио-низма и челпановского требования блюсти интересы чистой науки выступили такие психологи-экспериментаторы, как В. М. Бехтерев и А. Ф. Лазурский.

Спор между Челпановым и Нечаевым не закончился и на Втором съезде по педагогической психологии.

Публикуя свой доклад в журнале «Вопросы философии и психологии», Челпанов снабдил его обширными примечаниями, касающимися этой полемики (Челпанов, 1909а). Нечаев ответил на его критику школьных экспериментов (Нечаев, 1909) и вызвал новые возражения Челпанова (Челпанов, 1909б). Челпанов в дальнейшем продолжал критику массовых экспериментов в школе, выступая против связи психологии с практикой: «Научная психология должна быть прежде всего теоретической, она должна быть чистой, а не прикладной», ее надо разрабатывать «совершенно независимо от того, присущи ей какие-нибудь практические задачи или нет». В увлечении практическими задачами педагогическая психология, по словам Челпанова, сбилась с правильного пути (Челпанов, 1912, с. 124-125).

На Первом съезде В. М. Бехтерев внес предложение создать специальное научное и вместе с тем учебное заведение — психологический или психоневрологический институт. Упорно продолжая осуществлять свою программу комплексных экспериментальных неврологических и психологических исследований, Бехтерев изложил план создания института широкого профиля, где велась бы научная работа и проходили учебные занятия, который был бы связан с разными областями практики — криминалистской, медицинской, педагогической и др., — и охватил бы своими исследованиями как индивидуальную, так и общественную психологию.

Главная цель психологического института, по словам Бехтерева, должна состоять в том, чтобы «всесторонне изучить и научиться понимать человеческую личность и выяснить более совершенным образом, чем это было до сих пор, способы наилучшего ее развития, совершенствования и, где нужно, врачевания» (Труды., 1906, с. 246). На Втором психологическом съезде речь

уже шла о работе организованного В. М. Бехтеревым Психоневрологического института. Экспериментальной психологической лабораторией в этом институте заведовал А. Ф. Лазурский, читавший курс общей и экспериментальной психологии. Открытый в 1907 г. институт был первым в нашей стране высшим психологическим научно-исследовательским и учебным заведением.

А. П. Нечаев, докладывая на съезде о состоянии педагогической психологии, сообщил, что за три года, истекшие со времени Первого съезда, была создана Педагогическая академия, ставшая базой для работы по педагогической психологии.

Таким образом, происходило организационное укрепление экспериментальной психологии. В 1912 г. при историко-филологическом факультете Московского университета был открыт Психологический институт, который возглавил Г. И. Челпанов, оборудовав его для начавшихся там экспериментальных исследований. Так завершилась полемика о развитии экспериментальной психологии в России.

Литература

Грот Н. Я. Основания экспериментальной психологии. М., 1896.

Лазурский А. Ф. Естественный эксперимент и его школьное применение. Пг., 1918.

Нечаев А. П. К вопросу о съезде по педагогической психологии и комментариях Г. И. Челпанова // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 5 (100). С. 805-810.

Отчет о докторском диспуте Н. Н. Ланге // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 4 (24). С. 564-616.

Токарский А. А. О методах психологического исследования // Записки психологической лаборатории

Психиатрической клиники Императорского Московского университета. М., 1896. Вып. 1. С. 7–19.

Труды Второго Всероссийского съезда по педагогической психологии в Санкт-Петербурге в 1909 г. (1–5 июня): Отчет, составленный секретарем съезда М. И. Коновым. СПб., 1910.

Труды Первого Всероссийского съезда по педагогической психологии в Санкт-Петербурге в 1906 г. (31 мая—4 июня): Отчет, составленный секретарем съезда М. И. Коновым. СПб., 1906.

Челпанов Г. И. Указатель новейшей литературы по вопросу о материализме // Университетские известия. 1896. № 9. С. 133–172.

Челпанов Г. И. Задачи современной психологии // Вопросы философии и психологии. 1909а. Кн. 4 (99). С. 285–308.

Челпанов Г. И. Нужны ли психологические лаборатории для самостоятельных исследований при средних учебных заведениях (ответ А. П. Нечаеву) // Вопросы философии и психологии. 1909б. Кн. 5 (100). С. 811–814.

Челпанов Г. И. Об экспериментальном исследовании высших умственных процессов // Вопросы философии и психологии. 1909 в. Кн. 1 (96). С. 1–30.

Челпанов Г. И. По поводу статей Н. Н. Ланге // Вопросы философии и психологии. 1909 г. Кн. 3 (98). С. 92–98.

Челпанов Г. И. Психология и школа: Сборник статей. М., 1912.

На рубеже двух веков (к 100-летию журнала «Вопросы философии и психологии») [\[18\]](#)

Сто лет назад, в октябре 1889 г., вышла первая книга журнала «Вопросы философии и психологии» (ВФиП), выпущенного Психологическим обществом, созданным в 1885 г. при Московском университете. Психологическое общество объединило ученых, которые по окончании университетского курса историко-филологического факультета были оставлены при кафедре философии для подготовки к научной работе и специализировались в психологии. Молодые ученые защищали магистерские и докторские диссертации на психологические темы, а во время зарубежных командировок устанавливали личные связи с западноевропейскими психологами. Членами Общества были многие профессора других факультетов университета. Незначительную часть Общества составляли врачи-психиатры, преподававшие на медицинском факультете. Новый журнал привлек внимание общественности к философским вопросам психологии, к психологическим теориям, психологическим проблемам искусства, литературы, нравственности, морали. Московское психологическое общество устраивало юбилейные вечера, открытые диспуты, конкурсы. В журнале публиковались речи, доклады, полемические выступления. Заседания Психологического общества посещали широкие круги московской профессуры.

Редактором журнала был Николай Яковлевич Грот. В 1888 г. он сменил первого председателя Московского психологического общества М. М. Троицкого и энергично взялся за сплочение психологов и философов. Н. Я. Грот

был первым выпускником-философом Петербургского университета, специализировавшимся по психологии. Он придавал психологии первостепенное значение, полагая, что она призвана обосновать решение философских проблем. Психология, которая должна была служить основанием философии, заняла в журнале соответствующее такому взгляду место.

В первом номере нового журнала в передовой статье «О задачах журнала» редактор писал, что считает себя обязанным прежде всего объяснить, какие основания руководили его организаторами. «В основание этого нового печатного предприятия положены не только личные потребности, но и совершенно объективные и тщательно проверенные побуждения» (ВФиП, 1889, кн. 1, с. VI). Смысл их в том, что, «признавая бесспорный успех положительных наук в последние 50 лет, победу в этой области человеческого духа, надо направить силы познания на познание источников добра и разумение жизни. Десятилетиями человечество направляло свое внимание на познание внешнего мира. Другая же обширная область познания действительности, путем внутреннего чувства и опыта, чрез которые, может быть, и открывается нам жизнь в ее истинном корне, в ее внутреннем содержании и значении, оставлена была в некотором небрежении» (там же, с. VII). В интересах человечества, утверждал Грот, прежде всего его нравственной жизни, нельзя далее откладывать разработку проблем внутреннего опыта, а психология и есть наука, изучающая явления жизни с их внутренней стороны, открывающейся в самосознании. Для психологии внешний опыт является вспомогательным орудием для познания, истолкования самосознания.

Излагая программу журнала, редактор писал, что в нем будут обсуждаться не только вопросы философско-психологические, но и специальные — научной жизни, критики и библиографии.

В первую книгу вошли философские статьи В. С. Соловьева, С. Н. Трубецкого, психологические исследования Н. И. Шишкина, Н. Н. Ланге. В специальном разделе напечатаны отчеты Н. Я. Грота о Международном психологическом конгрессе в Париже и С. С. Корсакова о проходившем там же Международном конгрессе по психиатрии. Кроме обзора иностранных журналов были представлены и русские духовные журналы: «Православное обозрение», «Вера и разум», «Христианское чтение», рецензии на книгу Г. Фехнера «Элементы психофизики» и журнал В. Вундта «Философские этюды». В последующих книгах сохранялась та же структура. Отдельная рубрика отводилась полемике, а в приложение включались библиографический листок и списки книг для домашнего чтения. В каждой книге давалась информация о работе Московского психологического общества: протоколы заседаний, рефераты докладов.

В обращении к читателям в начале второго года издания ВФиП Грот отметил, что иностранные журналы (немецкие, французские, английские, американские) поместили отчеты о вышедших книгах ВФиП. Он выразил намерение примирить все направления мысли в одном «высшем, синтетическом мировоззрении», сделать журнал «органом мыслителей различных направлений». На упреки критиков этого курса Грот отвечал: «Стремление примирить все направления мысли, не есть отречение от одной общей руководящей задачи. идеи же свои мы выражаем достаточно ясно» (там же, 1890, кн. 3, с. VII). Обращаясь к читателям, он писал: «Напрасно упрекали наш журнал в отсутствии „знамени“. Мы не вывешиваем флага только потому, что не свойственно философам дорожить внешними символами более, нежели идеями. Идеи же свои мы выразили достаточно ясно» (там же, кн. 4, с. VII).

Статья главного редактора о задачах журнала была оценена некоторыми психологами как «миролюбивая философская нота», т. е. как дипломатический ход. Откровеннее Грот был в письме к отцу, которому признавался, что не хотел огорошивать публику готовой программой: «Я задумал журнал, чтобы отрезвить общество, направить его к высшим духовным идеалам, отвлечь его от пустой политической борьбы и повседневных дразг, помочь примирению интеллигенции с национальными началами жизни, возвратить его к родной религии и здоровым государственным идеалам, насколько такое примирение и возвращение вытекают из утверждения философской веры в личного бога, бессмертие души, свободу воли, в абсолютную красоту, добро и истину» (Николай Яковлевич Грот в очерках., 1911, с 332).

К 10-летию журнала (ВФиП, 1899, кн. 50), а затем к 20-летию отдельным изданием были напечатаны указатели опубликованных за истекшее время статей, отчетов, рецензий. По этим указателям видно, какое место занимали в журнале материалы по психологии, сколь последовательно освещалась деятельность Московского психологического общества. Постоянными авторами журнала были психологи философской кафедры Московского университета: Н. Я. Грот, Л. М. Лопатин, принявший впоследствии на себя редактирование журнала, Г. И. Челпанов, молодой тогда ученый, из номера в номер дававший рецензии на новые книги, помещавший в журнале свои первые теоретические статьи, Н. Н. Ланге, присылавший статьи из Одессы. Постоянным автором журнала был философ В. С. Соловьев, вокруг которого сплотилась группа московских философов — Е. Н. Трубецкой и С. Н. Трубецкой, Н. О. Лосский и др. Печатали свои статьи и сотрудники психологической лаборатории

психиатрической клиники Московского университета, руководимой С. С. Корсаковым.

Журнал информировал своих читателей о событиях научной жизни — съездах, международных конгрессах по психологии, психиатрии, антропологии, о новинках литературы; печатались тематические списки книг для чтения по психологии и философии. Ряд статей был посвящен психологическому анализу творчества классиков русской литературы — Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского. Л. Н. Толстой, неоднократно бывавший на заседаниях Московского психологического общества, предоставил журналу свои статьи «К вопросу о свободе воли» и «Что такое искусство?».

К концу века позитивизм, распространившийся в 60-е годы прошлого века, уже не находил себе новых почитателей, к нему охладели и те, кто ранее находился под его влиянием. В это время внимание привлекли идеи энергетизма. Восприняв эти идеи, Грот, обращаясь к вопросу об отношении психики к мозгу, ставил его деятельность в зависимость от нематериальной психической энергии, ссылаясь при этом на закон сохранения и превращения энергии. На конгрессе по психологии, который состоялся в 1889 г. в Париже (это был первый Международный съезд психологов), Грот в докладе «Причинность и сохранение энергии в области духовной деятельности» уверял, что психическая энергия обуславливает физиологическую деятельность. Корреспонденция о съезде была помещена в ВФиП (1889, кн. 1).

В. Розанов в «Заметках о важнейших течениях русской философской мысли в связи с нашей переводной литературой по философии» (ВФиП, 1890, кн. 3), доказывая, сколь слаб и несостоятелен позитивизм, и отмечая русских сторонников позитивизма (М. М. Троицкого и К. Д. Кавелина), писал, что теперь

позитивизм явление отживающее. Он с похвалой отзывается о работе В. Соловьева «Кризис западной философии. Против позитивизма». Это рассуждение, как писал обозреватель, вызвало большое движение в нашей литературе.

Понять роль и значение журнала ВФиП для психологической науки в последнее десятилетие XIX и первые годы XX в. для культуры того времени в целом можно, лишь выяснив состояние психологической науки в России и отношение к ней не только тех, кто непосредственно занимался этой наукой, но и общественности — представителей других наук, литературы, искусства, широких кругов интеллигенции.

В середине XIX в. психология объявляется самостоятельной наукой, до тех пор ее причисляли к наукам философским. Становление новой науки происходило и в нашей стране, и в Западной Европе. В 60–70-е годы широкий отклик получили выход в свет трактата И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» и его дискуссия с К. Д. Кавелиным о предмете, методе и задачах психологии. Программа развития психологической науки Сеченова вызвала шумную полемику в Казанском, Московском и других университетах и высших учебных заведениях, в периодической печати. В 80-е годы начались экспериментальные психологические исследования. Врачи-психиатры, следуя призыву Сеченова, стали создавать при психиатрических клиниках экспериментальные психологические лаборатории. Первую из них основал в 1885 г. В. М. Бехтерев при Казанском университете, затем открылись лаборатории в Харькове, Петербурге, Юрьеве (Тарту). Экспериментальное изучение психической деятельности проводилось врачами и физиологами в комплексе с анатомическими, морфологическими и физиологическими исследованиями, в тесной связи с

медицинской практикой. В медицинских журналах публиковались материалы психологических исследований.

Сложилось такое положение: в университетах на историко-филологических факультетах психологию преподавали профессора кафедр философии, а на медицинском факультете психология входила в курсы психиатрии и в специальных лабораториях велись экспериментальные психологические исследования.

В 1889 г. Сеченов, заведовавший кафедрой физиологии в Петербургском университете, вышел в отставку и переехал в Москву, оставив за собой право читать лекции. Здесь он возобновил чтение лекций, а затем возглавил кафедру физиологии в Московском университете. Переход Сеченова в Московский университет стал большим событием в культурной жизни города. О его первой лекции, открывшей курс «Физиология чувствования», сообщили все газеты, вкратце изложив ее содержание. Однако, будучи профессором физиологии, Сеченов, по-прежнему находясь вне официальной психологической науки, не имел возможности вести в университете курс психологии, хотя, как и раньше, проблемы психологии занимали первостепенное место в его научной деятельности. Работы Сеченова этого периода были блестящим ответом его противникам, тем, кого он называл «патентованными психологами», философам, уверявшим, что его теория не дает возможности решать вопросы психологии.

В ноябре 1889 г. Сеченов начал читать публичные лекции по психологии в клубе врачей. Эти лекции собирали многочисленную и разнообразную аудиторию. С большим успехом прошла его лекция «Впечатления и действительность». Вскоре он опубликовал статью «Предметная мысль и действительность». Психологическую тему Сеченов избрал для речи на IX

съезде русских естествоиспытателей и врачей. Председательствовавший на съезде К. А. Тимирязев во вступительном слове в числе замечательных ученых, которые «стяжали русскому имени прочную славу и за пределами отечества», назвал И. М. Сеченова. Ему предоставили первое слово для доклада. Встреченный овациями участников съезда, Сеченов говорил «О предметном мышлении с физиологической точки зрения».

Через все эти психологические работы проходит одна идея — доказательство отражательной сущности психики и ее роли в регулировании движений и действий человека.

Московское психологическое общество отдало дань уважения ученому, избрав его почетным членом. Однако Сеченов ни разу не был на его заседаниях, не вступал в полемику с авторами статей ВФиП, даже когда они явно направлялись против его учения. Напомним, что, заканчивая в свое время полемику с Кавелиным, он зарекся от каких бы то ни было дискуссий в будущем.

В такой обстановке развертывалась деятельность журнала ВФиП, определялись основные линии его содержания. Становление экспериментальной психологии повлекло дискуссию о ее развитии, об экспериментальных методах. Эта тема становится ведущей. Чтобы придать журналу репутацию «органа мыслителей разных направлений», на его страницах печатались исследования врачей-психиатров, членов Психологического общества, сотрудников психологической лаборатории при психиатрической клинике Московского университета, созданной Корсаковым и руководимой А. А. Токарским. Из переписки Грота с членом редакционного комитета философом С. Н. Трубецким видно, каково было отношение редакции к этим публикациям. Трубецкой писал Гроту, что необходимо сократить эти публикации:

«Токарский не должен превышать указанной нормы, а он скоро займет весь журнал, на что я решительно не согласен. Это совершенно меняет весь характер журнала, заменяя его приложением, не имеющим ничего общего с философией и даже с психологией» (Николай Яковлевич Грот в очерках., 1911, с. 313).

Общим основанием исследований лаборатории Токарского, как он сам писал, были представления о психической жизни как совокупности рефлексов головного мозга. Значение психологической теории Сеченова заключалось в том, что в рефлекторной деятельности мозга был открыт способ детерминации психики объективным миром. Установление причинной связи между внешним воздействием и ответными действиями стало основой для признания познаваемости психической деятельности. Эксперименты в лаборатории Токарского, опиравшиеся на объективный метод, свидетельствовали о зависимости психики от внешних воздействий, доказывали предметность восприятия. Эти выводы и вызвали возражения Трубецкого и других сторонников интроспективной психологии и субъективного метода.

Издатели ВФиП брали на себя руководство психологической наукой страны. Грот в статье «Жизненные задачи психологии» (ВФиП, 1890, кн. 4), напоминая о споре Сеченова и Кавелина, сетовал, что духовное существование человека не стало источником учений психологов. «Не арена житейских отношений, не поприще литературы и исторически пройденного человеком пути мышления, творчества и вообще духовного существования являются источниками вдохновения для учений психологов, а физиологические и психофизиологические лаборатории, клиники врачей-психиатров, — наконец, тюрьмы и колонии преступников, где экспериментируют те же врачи» (там же, с. 179). Задача психологии, утверждал автор, —

изучение целого существования личности путем изучения собственного внутреннего опыта и сравнения с опытом других, выясненным через биографии разных личностей.

Грот не отрицал эксперимента в психологии, как это ранее делали М. М. Троицкий, М. И. Владиславлев и другие университетские профессора философских кафедр. Они относились с большим равнодушием к экспериментальной психологии в Западной Европе, вводимой Вундтом и быстро набравшей силу, а к эксперименту, выдвинутому Сеченовым в его программе развития психологической науки, проявляли открытую враждебность.

Известность экспериментальной психологической лаборатории Вундта, деятельность психологических лабораторий в медицинских клиниках России заставили все же признать открытие новой области психологических исследований. Проблема заключалась в том, каким должен быть этот эксперимент и экспериментальный метод, какие разделы психологии подлежат экспериментальному изучению. В статье «Основания экспериментальной психологии» (ВФиП, 1895, кн. 30) Грот утверждал, что эксперимент сулит переворот в судьбах психологии, но речь может идти лишь о чисто психических отношениях, связях между психическими явлениями, законами и процессами. Он писал: «чистая экспериментальная психология, как и вообще психология, есть поэтому та наука, которая изучает законы и связи душевных явлений, состояний, фактов, — совершенно независимо от значения и характера физических и физиологических явлений и процессов, сопровождающих психическую деятельность и психическое взаимодействие субъектов» (там же, с. 597). И далее: «главную роль играет самонаблюдение, или внутренний опыт, а внешний имеет значение

совершенно побочное. Недостаточное сознание этого факта было роковой ошибкой Вундта» (с. 597–598).

Теоретические установки в экспериментальной психологии были разными. Экспериментальная программа Вундта опиралась на самонаблюдение. Основой этого метода являлось представление о двух родах опыта — внешнего и внутреннего. К первому относился объективный мир, и ему соответствовал объективный метод, ко второму — внутренний мир, который изучался методом самонаблюдения. Сотрудники психологических лабораторий врачи-психиатры и невропатологи единственно возможным считали объективный метод. Они ставили своей целью изучение психики как функции мозга в ее зависимости от объективного мира. Исходным для них был отказ от представления о двух опытах. Поборником и ревностным пропагандистом объективного метода был Бехтерев — организатор первой психологической лаборатории в России.

Вопрос о психологических экспериментальных методах в ВФиП обсуждался многократно. В журнале публиковался подробнейший отчет о защите Н. Н. Ланге докторской диссертации, в которой были обобщены его экспериментальные психологические исследования (ВФиП, 1894, кн. 24). Ланге, получивший философское образование в Петербургском университете, был оставлен Владиславлевым при кафедре философии. Во время зарубежной командировки он начал заниматься экспериментальными психологическими исследованиями в лаборатории Вундта. Защитив магистерскую диссертацию об истории нравственных идей, Ланге возглавил кафедру философии в Одесском университете. Но он продолжал свои психологические эксперименты и в качестве докторской диссертации представил в Московский университет на защиту книгу «Психологические исследования. Закон перцепции.

Теория волевого внимания» (Одесса, 1898). Ранее материалы исследований были опубликованы в ВФиП (1892, кн. 13–15; 1893, кн. 16). Краткое изложение книги было также помещено в «Философском ежегоднике» Я. Н. Колубовского, печатавшемся в разделе приложений ВФиП. Работы Ланге были хорошо известны и вызывали большой интерес. Защита превратилась в диспут об экспериментальной психологии.

Исследования Ланге продемонстрировали двойственность психологического эксперимента и противоречия, с которыми столкнулись психологи. Во вступительной речи «О значении эксперимента в психологии» Ланге изложил свои теоретические принципы. Он сказал, «что к изучению психологических проблем необходимо приложить тот точный эксперимент, который дал столь блестящие результаты в области естествознания, и что, сделав это, применив в психологии эксперимент, мы можем вывести ее к такому совершенству, обратив ее в столь положительную науку, какой она еще никогда не была» (ВФиП, 1894, кн. 24, с. 565).

Психологический эксперимент Ланге понимал как 1) улучшенный метод самонаблюдения, 2) особый логический прием, открывающий зависимость между психическими явлениями, 3) метод измерения этих явлений и 4) способ исследования психической жизни по ее нынешним проявлениям — движениям и словам. Он предлагал создать в университетах самостоятельные кафедры психологии, а также учредить самостоятельные экспериментальные психологические лаборатории для учебной и исследовательской работы.

Эта речь вызвала горячий спор, поскольку Ланге в диссертации не следовал тем принципам, которые провозгласил в своей речи. В теории он подчинял объективный метод субъективному, а в практике эксперимента отбрасывал интроспекцию и предпочитал

объективные данные. Основываясь на экспериментальных данных, он делал выводы об отражении психикой объективного мира, противоречащие утверждениям Вундта. Ланге прослеживал зависимость между внешними предметами и образами восприятия, используя измерение времени двигательных реакций как объективный метод для изучения процессов ощущения, восприятия и внимания. Измеряя время реакций на разных стадиях восприятия, он выяснил, что дифференцированное отражение воспринимаемого объекта, его все более тонкое различение требуют больше времени. Из смены фаз восприятия он вывел закон, названный им законом перцепции, согласно которому чувственный образ предмета формируется постепенно — от общего недифференцированного впечатления к подробному различению свойств предмета, а далее к целостному образу. Целостность образа предмета Ланге объясняет тем, что его содержанием является объективно существующая вещь. Результаты, полученные Ланге экспериментальным путем, подтвердили положение Сеченова о формировании «целостного расчлененного образа». Утверждение предметности восприятия противоречило учению Вундта, отрицавшего зависимость психики от объективного мира. В ходе экспериментов были получены данные, противоречащие кантовским воззрениям на априорные формы восприятия.

Опыты Ланге по изучению внимания привели его к моторной теории внимания, которая также не соответствовала установкам вундтовской теории апперцепции. Ланге-теоретик вступал в противоречие с Ланге-экспериментатором. Поэтому на диспуте возник ожесточенный спор. Оппоненты диссертанта философ Лопатин и психиатр Корсаков, приверженцы противоположных взглядов на психологический

эксперимент, каждый по-своему поддерживали Ланге, соглашаясь с одной частью его рассуждений и критикуя другую. Корсаков, так же как и Токарский, считал, что развитие психологической науки целиком зависит от введения в нее точного эксперимента. Корсаков утверждал, что экспериментальные исследования Ланге в большей степени, чем теоретические рассуждения, служат доказательством необходимости экспериментального метода. «При помощи этого метода вам, — обращался он к Ланге, — удалось получить такие ценные результаты, которые всякого читателя убедят в том, что этот метод должен быть не заброшен, а, наоборот, культивирован» (там же, с. 598). Лопатин защищал «несправедливо осуждаемый метод психологической интроспекции» (там же, с. 588). В науке о духе, говорил Лопатин, эксперимент не имеет твердой почвы, так как не позволяет вывести бесспорные заключения о процессах души.

Отчет о диспуте, помещенный в ВФиП, вызвал отклики. Руководитель психологической лаборатории в Юрьеве (Тарту) В. Ф. Чиж прислал в редакцию письмо с протестом против пренебрежительного отношения к работе русских невропатологов в области экспериментальной психологии: «Едва ли можно отрицать систематическое нежелание наших философов признать заслуги русских невропатологов. Мало того: видно стремление скрыть эти заслуги и от читающей публики» (ВФиП, 1894, кн. 25, с. 728). Со статьей о решающем значении эксперимента в психологии выступил Токарский. Статья была опубликована в «Записках психологической лаборатории психиатрической клиники Московского университета» (1896, вып. 1), помещенных затем в приложении к ВФиП.

Злободневная проблема в 90-е годы — проблема времени и пространства — была порождена влиянием неокантианства, затронувшим не только философские

круги, но и естествоиспытателей. Против неокантианских воззрений выступил в своих публичных лекциях Сеченов. Он считал, что восприятие пространственных и временных связей неотделимо от восприятия предметного мира, что пространственные и временные отношения отражают отношения предметного мира, реальную действительность. В журнале появились статьи, которые развивали учение о времени и пространстве как субъективных продуктах духа. Грот в статье «О времени» (1894, кн. 23-24) писал, что мысль как творческая сила создает время. Со статьями о времени и пространстве выступили Г. И. Челпанов «О природе времени» (1893, кн. 19), «К вопросу о восприятии пространства» (1896, кн. 38), «Об априорных элементах познания. (Понятие времени, причинности, пространства)» (1901, кн. 59, 60); Д. Н. Цертелев «Пространство и время как формы явлений. Реферат и прения на заседании Московского общества психологов» (1894, кн. 23, 25; 1895, кн. 26); В. Ф. Чиж «Почему воззрения пространства и времени постоянны и непременны?» (1896, кн. 33).

Широко обсуждалась в журнале в то время еще одна философско-психологическая проблема — свобода воли. Рассматриваемая в философии в связи с вопросом о свободе и необходимости в природе и человеческом обществе, а в религиозных учениях как нравственно-этическая, в психологии она связывалась с активностью сознания и мотивацией деятельности человека. Пропаганду взглядов о свободе воли вели Грот, Челпанов, Лосский, Лопатин, а также религиозные деятели. Внимание к этой проблеме было привлечено и обстоятельствами, связанными с учением Сеченова. Отрицание Сеченовым свободы воли было одной из причин, по которой цензура запретила печатать «Рефлексы головного мозга» в журнале «Современник», а затем стало поводом к аресту отдельного издания этой

работы. Интерес к психологической стороне данной проблемы долго не остывал среди самых широких кругов интеллигенции.

Вопрос о свободе воли стал предметом открытой полемики в Московском психологическом обществе в 1887–1889 гг. С докладами о воле выступали Н. Я. Грот, Н. В. Бугаев, Л. М. Лопатин, Н. А. Зверев, П. Я. Астафьев. В прениях участвовали представители разных наук. На одном из собраний выступил Л. Н. Толстой. Доклады и выступления публиковались в ВФиП, а также в специальном выпуске Трудов Московского психологического общества (Труды., 1889).

В ВФиП было напечатано экспериментальное исследование Ланге «Элементы воли» (1890, кн. 4). Ученый следовал ведущей для него идее о том, что всякий психический процесс возникает в деятельности человека и включает двигательный компонент. Решение вопроса о воле он сводил к двум положениям: волевые явления протекают вне сознания, а сознательные волевые решения — второстепенное ощущение, сопровождающее уже совершенное действие. Челпанов резко возражал Ланге (1891, кн. 7), который не менее резко ответил ему (1891, кн. 8). Затем Челпанов поместил «Возражение на предыдущую заметку» (там же). Он был не согласен с выводами Ланге и ссылался на учение Вундта об апперцепции, которое отвергал Ланге. Решая проблемы деятельности и развивая свою теорию воли, Ланге объективно оказывался на стороне Сеченова, хотя в своих трудах не упоминал о нем.

Психологические работы Сеченова, посвященные доказательству отражательной сущности ощущений, подверглись критике. Философ Э. Л. Радлов в статье «Натуралистическая теория познания (по поводу статей проф. И. М. Сеченова)» (ВФиП, 1894, кн. 25) стремился посеять недоверие к философским заключениям ученого. В те годы даже противникам Сеченова было

ясно, что поколебать его авторитет как крупнейшего физиолога невозможно, поэтому оставалось только уверять, что натурализм «бессилен в гносеологии», а «значение рассуждений проф. Сеченова, умаляется в значительной мере тем обстоятельством, что он. исходит из догматических предположений». Под «догматическими предположениями» подразумевались материалистические взгляды Сеченова.

Десятилетия на рубеже двух столетий — время деятельности журнала ВФиП — отмечены стремлением университетской психологии подчинить своему влиянию экспериментальное направление в психологии, пресечь его развитие в русле естествознания и отстранить от него врачей-психиатров, следующих за Сеченовым. Руководители философских кафедр заявляли, что надо передать психологические лаборатории медицинских факультетов в ведение философов, и считали, что экспериментальное направление Вундта более соответствует новому времени, нежели линия лабораторий Бехтерева.

В первые годы нового века русская психологическая наука лишилась Н. Я. Грота, потеряла С. С. Корсакова и А. А. Токарского — создателей психологической лаборатории при Психиатрической клинике Московского университета. В 1905 г. умер И. М. Сеченов. После смерти С. Н. Трубецкого кафедра философии в Московском университете перешла к Г. И. Челпанову, занявшему ведущее положение среди университетских психологов. Редактором ВФиП стал Л. М. Лопатин.

Лопатин, признавая внутреннее тождество духа и материи, делал вывод об универсальной духовности бытия, приписывал предметам и их отношениям субъективные состояния, подобные психическим фактам. Он утверждал положение о всеобщей одушевленности и полагал, что в нашем сознании раскрывается то, что присутствует во всем остальном

мире. И в этом смысле он, подобно Гроту, понимал психологию как главную философскую науку. В статье «Спиритуализм как психологическая гипотеза» Лопатин писал: «Что мешает предположить, что внутренняя суть материального переживает ряды субъективных состояний, аналогичных тем психическим фактам, которые мы наблюдаем в самих себе? Отчего не думать, что эти субъективные состояния являются даже основой и для внешних отношений между предметами? В предположении такой всеобщей одушевленности нет ничего противоречащего логике. Между тем, куда тогда денется загадочность перехода от физического к психическому? Тогда никакого перехода и нет: в нашем сознании раскрывается то самое, что присутствует и во всем остальном мире» (1897, кн. 38, с. 500). Такое психологизирование действительности обуславливало его интерес к умозрительной психологии. Отсюда и его толкование восприятия мира. Человек воспринимает не физические явления, а их психические знаки в своих субъективных определениях, их чувственные символы, писал Лопатин в статье «Спиритуализм как монистическая гипотеза» (1912, кн. 115, с. 467). Сущность материальных вещей остается лишь предметом догадок, говорил он в статье «Параллелистическая теория душевной жизни» (1895, кн. 28). Соответственно такому взгляду на психологию, Лопатин продолжал линию Грота в редактируемом им журнале, обращая особое внимание на эту науку. Лишь в последние годы выхода журнала психология стала занимать в нем все меньшее место.

В начале века в отечественной психологической науке сосуществовали две линии развития. С одной стороны, блок интроспективной психологии с идеалистической философией, находившейся под влиянием неокантианства, а потом махизма, и с периферической рецепторной физиологией И. Мюллера

и Г. Гельмгольца. Первоначальный ее позитивистский вариант опирался на ассоциативную теорию, потом возобладало вундтовское учение с его теорией апперцепции, делением на экспериментальную физиологическую психологию, психологию высших психических процессов и завершающую все построение психологию народов.

С другой стороны, развертывались исследования психологических лабораторий, начатые под влиянием рефлексорной теории Сеченова. Okрепла научная школа Бехтерева, который продолжал руководить психологической лабораторией в Военно-медицинской академии, а в 1907 г. в Петербурге открылся созданный им научно-исследовательский и вместе с тем учебный Психоневрологический институт. А. П. Нечаев организовал первую в России экспериментальную лабораторию по педагогической психологии, которая взяла на себя руководство массовыми школьными психологическими экспериментами, проводимыми учителями.

Вопрос об эксперименте в психологии и об экспериментальных методах остался ведущим для психологии. Проблема эта не сходит со страниц ВФиП. После опубликования статьи Челпанова «Об экспериментальном исследовании умственных процессов» (1909, кн. 96) началось обсуждение новых экспериментальных фактов — исследований вюрцбургской школы. Эти эксперименты, как известно, заключались в исследовании мышления путем самонаблюдения испытуемых, подвергающихся «выспрашиванию». Данные исследования Челпанов считал особенно важными в методологическом отношении, так как они, по его словам, знаменуют целый переворот в методах психологического исследования. Эксперименты вюрцбургской школы, доказывал он, важны для решения вопроса о природе

души: они показали возможность мышления, не зависящего от представлений и ощущений, и это служит подтверждением того взгляда, что «душа может не только действовать, но и существовать независимо от тела» (там же, с. 29–30). Цель Челпанова была ясна: исключить из эксперимента объективный метод и заменить его субъективным, согласовать психологический эксперимент с принципом самостоятельности духа, его независимости от материи.

В статье А. М. Щербины «Возможна ли психология без самонаблюдения?» (ВФиП, 1908, кн. 94) вновь ставился старый и все же требующий ответа вопрос. Статья была откликом на выпуск труда Бехтерева «Объективная психология» (Бехтерев, 1907) и на ряд его статей, помещенных в разных журналах. Щербина повторял давно известные доводы о методе самонаблюдения как единственно возможном в психологии. В то же время он правильно указывал на то, что попытки Бехтерева отказаться от психологических понятий несостоятельны, а неизбежное обращение к ним рождает противоречия в его рассуждениях. «Для объективной психологии, — писал Щербина, — возникает трудная дилемма: либо, пользуясь методами, заимствованными в физике и физиологии, и сохраняя полную научную объективность, она должна оставить совершенно в стороне психические процессы, либо, признавая действительность этих последних, но заранее отвергнув самонаблюдение как не обладающее желательной объективностью, она не находит метода для изучения этих фактов. В. Бехтерев склоняется то к одному, то к другому решению вопроса» (ВФиП, 1908, кн. 94, с. 543).

Обычно не выступавший в ВФиП Бехтерев ответил на критику статьей «Что такое объективная психология. Ответ А. М. Щербине» (1908, кн. 95), в которой подчеркивал важность для психологии объективного

метода. К этому времени Бехтерев успешно разработал и ввел в свои исследования метод сочетательных рефлексов.

А. Ф. Лазурский, ученик Бехтерева, сотрудник его лаборатории в Военно-медицинской академии, возглавивший затем психологическую лабораторию в Психоневрологическом институте, от психометрических опытов перешел к экспериментам, позволяющим выявлять свойства личности. Свои данные он изложил в статье «О взаимной связи душевных свойств и способах их изучения» (1900, кн. 53). Лазурский, поставив своей целью изучение личности в целом, стремился создать метод, опирающийся на объективные данные. Объективность была для него главным критерием научности эксперимента. Поэтому он критиковал работу Института экспериментальной психологии Вундта и исследования вюрцбургской школы. Результатом его поисков явился метод, получивший название естественного эксперимента (1916, кн. 134). «Мы исследуем личность самой жизнью, — говорил Лазурский в докладе на съезде по экспериментальной педагогике, — и потому становятся доступными обследованию все влияния как личности на среду, так и среды на личность. Здесь эксперимент входит в жизнь. Мы исследуем не отдельные психические процессы, как это обычно делается, а исследуем и психические функции, и личность в целом» (Труды., 1911, с. 150). Лазурский изучал испытуемых в условиях их деятельности: ребенка — в игре, школьника — в учении и игре, взрослого — в труде и общественных взаимоотношениях. Он искал в деятельности проявление врожденных свойств человека, но не ставил задачу изучать то, как эти свойства формируются в деятельности и ею обуславливаются.

Широкое распространение получили нечаевские массовые школьные эксперименты. На книгу Нечаева

«Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения», посвященную введению психологического эксперимента в педагогику и применению его к решению дидактических проблем, Ю. Айхенвальдом была написана отрицательная рецензия (ВФиП, 1901, кн. 59). На нее отозвался автор книги (ВФиП, 1901, кн. 60).

Споры об эксперименте в психологии выносятся на трибуну первых психологических съездов, состоявшихся в 1906 и 1909 гг. Здесь столкнулись взгляды Ланге и Челпанова, в дискуссию вступила научная школа Бехтерева и представители педагогической психологии, руководимые Нечаевым. Университетские профессора психологии критиковали нечаевскую группу экспериментаторов и использовали все недостатки экспериментальных психологических исследований, проведенных со школьниками, как аргумент против экспериментального направления в целом. Факты, полученные в массовых школьных экспериментах, Челпанов назвал «экспериментальным хламом», а их собрание — результатом плодящегося дилетантизма в психологии.

После съездов полемика снова перешла на страницы ВФиП. Программный доклад Челпанова «Задачи современной психологии», сделанный им на II съезде психологов, был напечатан затем в ВФиП (1909, кн. 99). Челпанов усмотрел существенный недостаток экспериментаторов в том, что они мало задумываются над методологией и отрывают экспериментальную практику от теории. Его программа сводилась к тому, что надо подчинить экспериментальную психологию философской, которая и должна исследовать общие законы духа; необходимо устранить разрыв между теорией и экспериментальной практикой. В своем докладе он ссылался на исследования вюрцбургской школы. При публикации доклада в ВФиП Челпанов

сделал много дополнений и подвел итоги работы съезда. Его оценка отличалась от той, которая была сделана председательствовавшим на съезде Бехтеревым. Челпанов считал, что нельзя говорить о победе экспериментальной психологии, как утверждали большинство участников съезда. Это покажет дальнейшее развитие науки. Нечаев же на замечания Челпанова ответил статьей «К вопросу о съезде по педагогической психологии и комментариях Г. И. Челпанова» (1909, кн. 100). Там же была напечатана новая статья Челпанова «Нужны ли психологические лаборатории для самостоятельных исследований при средних учебных заведениях? Ответ А. П. Нечаеву». В ней вновь повторялись возражения против школьных психологических лабораторий и массовых экспериментов, проводимых учителями, не имеющими специальной подготовки.

Утверждая важность философских основ психологической теории, Челпанов с легкостью менял свои философские позиции, переходя от неокантианства к махизму. В статье «О предмете психологии», напечатанной в ВФиП (1908, кн. 98), он давал махистскую трактовку двух опытов — внешнего и внутреннего — и определял предмет психологии, создавая видимость согласия с естествознанием. Челпанов говорил о неких первоначальных содержаниях, которые приводятся в соответствие с представлениями субъекта или с вещами, не зависящими от субъекта. В первом случае получается предмет психологический, а во втором — представление вещей. Махистские идеи Челпанов пропагандировал в университетском курсе психологии. Несколько лет спустя он стал защитником идей Гуссерля и разработал аналитический метод, сущность которого, по его мнению, заключалась в априорности, позволяющей непосредственно и неопровержимо раскрывать данные

внутреннего опыта и отношения между переживаниями. Аналитический метод должен составлять основу всех видов психологического исследования, в том числе экспериментального.

Экспериментальная психология получала в России все большее развитие. Стремясь подчинить ее провозглашаемым принципам, Челпанов приступил к организации собственного института. Он добился у московского купца С. И. Щукина пожертвования средств в пользу этого дела и приложил много стараний, чтобы создать институт по образцу лучших зарубежных научно-исследовательских учреждений. В 1912 г. в специально выстроенном и оборудованном здании открылся возглавляемый Челпановым Институт психологии при кафедре философии Московского университета (ныне Институт общей и педагогической психологии АПН СССР).

В статье «О прикладной психологии в Германии и Америке» (1912, кн. 115) Челпанов писал об организации там исследовательской работы и о подготовке кадров психологов. На заседании Московского психологического общества он выступил с докладом «О положении психологии в русских университетах». Доклад был опубликован в ВФиП (1912, кн. 114). Развитие психологии, ее новые отрасли — экспериментальная психология, детская, педагогическая, этнологическая, зоопсихология, патопсихология — нуждаются в специально подготовленных кадрах психологов, утверждал он. Поэтому в университетах должны быть организованы самостоятельные кафедры психологии, которые объединяли бы оба направления — гуманитарное и естественнонаучное.

«Если XIX век принято называть „веком естествознания“, — писал Челпанов, — то несомненно, что текущее столетие будет называться „веком психологии“. Огромные практические задачи, которые

должна будет разрешить психология и которые по своей жизненной важности значительно превосходят технические задачи, разрешаемые естествознанием, несомненно сделают психологию центром научной работы» (там же, с. 211).

Новый институт психологии начал издание выпусков своих трудов. Журнал ВФиП постепенно отходил от проблем психологии. Его редактор Лопатин, руководивший деятельностью Московского психологического общества, в годы Первой мировой войны заполнял журнал религиозно-мистическими статьями. Открывая первую книгу журнала в 1917 г., в передовой статье «Неотложные задачи современной мысли» (1917, кн. 136) Лопатин писал, что земные эмпирические пути человеческой истории обманывают, что истина или в спиритуализме, или ее нигде нет. Бессмертие души — теоретически и морально необходимый постулат.

В 1916 г. журнал ВФиП оповестил, что с 1 января 1917 г. начнет выходить новый журнал «Психологическое обозрение» под редакцией Г. Челпанова и Г. Шпета. Первый для нового журнала 1917 год стал последним. В этом же году прекратилось издание журнала «Вопросы философии и психологии». Закончился досоветский период истории психологической науки в России.

Новый период психологической науки в нашей стране начался с признания построения новой, советской психологии и отрицания научного наследия прошлого. Восстанавливая историю психологии советского времени, мы видим и то, как рвались ее связи с дореволюционной наукой, и то, как трудно и медленно они возрождаются, и то, как многое мы можем оценить только теперь.

Литература

Бехтерев В. М. Объективная психология. СПб., 1907.

Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах: Сборник. СПб., 1911.

Труды Московского психологического общества. М., 1889. Вып. 3.

Труды первого Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике. СПб., 1911.

Материалы к биографии

Годы учения у С. Л. Рубинштейна [\[19\]](#) Е. А. Будилова

В начале лета 1947 г. Институт философии Академии наук СССР объявил прием в аспирантуру по психологии, она впервые была там открыта в числе других специальностей. Чтобы выяснить подробности, я пошла в институт, где и увидела Сергея Леонидовича Рубинштейна, возглавлявшего недавно им созданный сектор психологии.

Сергей Леонидович сидел за небольшим столом у окна в узкой длинной комнате, которая была отведена сектору. Отдельного кабинета у него не было. В комнату входили сотрудники, разговаривали между собой. Среди шума и бестолковой суеты окружающих он был удивительно спокоен и сосредоточен. Мне показалось, что Сергей Леонидович с некоторым любопытством посмотрел на меня и стал выяснять, по какому делу я пришла, какие у меня намерения и каковы данные, чтобы заниматься психологией.

А данных, по правде сказать, было маловато. Но время тогда было особое для всех: мы жили радостью Победы, конец войны открывал новые дали мирного труда, такого желанного. И казалось, что жизнь начинается вновь, что сил хватит на все, если уж кончилась война. Была полна радостных надежд и я, хотя первые послевоенные годы были нелегкими. Я вернулась в Москву из заброшенного уральского рудничного поселка, где жила в эвакуации с маленьким сыном. Там приходилось выполнять всякую работу, нужную для фронта и для тыла. Там я научилась не бояться никакого дела, приобрела уверенность в своих силах.

В Москве до войны я работала в газете, теперь, после войны — в одной из редакций Радиокomiteта. После длинных темных уральских зимних вечеров особенно тянуло к книгам. Прекрасный Пашков дом звал в свои тихие залы. Казалось непонятным, почему терялись годы, когда была возможность заниматься там, а об аспирантуре и не думалось. Как и многие вернувшиеся в столицу москвичи, я испытывала безмерную радость, получив книги в этой главной библиотеке страны и занимая место за столом в читальном зале, как в давние годы учения в Московском университете.

И вот я перед Сергеем Леонидовичем и робко и храбро говорю о том, как хотела бы учиться в аспирантуре, что понимаю, сколько еще придется заниматься. «Я никогда не занималась психологией, — сразу сказала я. — Но я умею работать». Сергей Леонидович еще раз внимательно посмотрел на неведомую ему претендентку и сказал: «Ну, это уже хорошо, что вы умеете работать». Очень мне хотелось как-то убедить его. «Может быть, я могла бы доказать это», — продолжала я, сама удивляясь своей настойчивости, — хотелось наверстать годы, отнятые войной. Сергей Леонидович внушал такое доверие и очень хотелось, чтобы он меня понял: пришла я сюда не зря, зная, что это будет для меня радость свободного труда.

Через несколько дней я принесла в институт все нужные документы. Сергей Леонидович, ознакомившись с ними, вздохнул, как мне показалось, с некоторым сожалением. «Вот на будущий год к нам придут подготовленные психологи, первые выпускники психологического отделения философского факультета Московского университета», — сказал он. «Да, — подумала я, — значит, мне надо поступать именно теперь, пока новая смена еще не пришла». С

подготовкой молодых психологов связывались большие надежды. Сектор психологии в Институте философии был создан лишь в 1945 г. и явился первым подразделением психологии в системе Академии наук СССР. Предполагалось, что он станет основой будущего академического института психологии и для него надо готовить кадры.

Известно, что в силу ряда обстоятельств в 30-х годах подготовка психологов была прекращена. Только в 1943–1944 гг. в Московском, Ленинградском университетах и некоторых других учебных заведениях страны открылись отделения психологии, было введено преподавание психологии и в средних школах. Московский университет еще не подготовил первый выпуск. Потому-то и был столь труден набор в аспирантуру по психологии. Исключительные условия послевоенного времени сняли даже порог возрастного ограничения. Мне оставалось только одно — собрать все силы и готовиться к экзаменам по специальности и философии, писать реферат. При подготовке к экзамену по психологии Сергей Леонидович предложил мне проблему мышления для более полного разбора, а в ней — исследования Вюрцбургской школы.

Подошли экзамены, и снова я увидела Сергея Леонидовича, столь же спокойного и серьезного. Экзамен по специальности — психологии — сдавался комиссии в секторе, а по философии — вместе со всеми поступающими в аспирантуру по философским дисциплинам. Снова я почувствовала в секторе психологии доброжелательность, заинтересованность и вместе с тем требовательность, обстоятельность, с какой Сергей Леонидович выяснял подготовленность будущего аспиранта. Что касается заданной мне проблемы мышления, то здесь Сергей Леонидович прежде всего хотел убедиться в том, как я смогла

разобраться в прочитанном материале, что поняла, как ко всему отнеслась и какие вопросы у меня возникли.

Набор аспирантов в сектор психологии был закончен. Аспиранты в то время представляли пеструю группу и по образованию, и по возрасту, и по своим интересам. Достаточно сказать, что психологической подготовки не только у меня — ни у кого не было. Прекрасно понимая обстановку, сложившуюся в психологической науке, С. Л. Рубинштейн с нетерпением ждал первых молодых выпускников-психологов, но вместе с тем он, не жалея сил, взял на себя труд готовить принятую Институтом философии группу аспирантов.

В первый год обучения, помимо общей подготовки к кандидатским экзаменам, аспирантам предстояло, по замыслу руководителя сектором, пополнить свои знания, прослушав в Московском университете курс высшей нервной деятельности, который читал П. К. Анохин, и спецкурс по психологии мышления, который вел С. Л. Рубинштейн, поработать в созданном для аспирантов семинаре по экспериментальной психологии и выполнить курсовую работу — провести эксперименты.

Аспиранты принимали участие в обсуждении всех работ сектора, готовящихся к печати, теоретических докладов и в других очередных делах. Выступать на обсуждениях должны были все. На заседаниях сектора даже и речи не могло быть об отказе от выступления. Сергей Леонидович неумолимо предоставлял слово всем аспирантам. Нас терпеливо слушали члены сектора, среди которых были такие видные ученые, как Н. Н. Ладыгина-Котс, С. В. Кравков, Н. А. Гарбузов, а также участвовавшие в разработке некоторых тем Б. М. Теплов и Ф. Н. Шемакин. В секторе работали сотрудники С. В. Кравкова — Г. В. Гуртовой и Л. И. Селецкая; группа ленинградских сотрудников С. Л. Рубинштейна, переехавших в Москву, — Л. А. Шифман, А. Г. Комм, Д. И. Красильщикова,

М. Г. Ярошевский; начавший работать в секторе А. Г. Спиркин.

Сергей Леонидович скоро составил представление о каждом аспиранте, оцепил его возможности, старание и настойчивость. Уже к концу первого учебного года всем стало ясно: надежды на легкую жизнь не оправдались, требуется напряженная работа, и некоторые аспиранты ушли из Института.

Общая психология была основным направлением исследований. В работе коллектива сектора, объединенного общим теоретическим подходом, общими методологическими принципами, центральное место занимали философские, методологические, теоретические проблемы психологической науки. Исследование этих проблем связывалось с критическим анализом данных зарубежной науки.

Работа сектора осложнялась тем, что экспериментальные исследования в Институте философии никогда не проводились, для них не было соответствующей базы, и они не встречали поддержки. Между тем С. Л. Рубинштейн считал необходимым психологический эксперимент и стремился к его развитию. Еще в Ленинграде, где он с 1930 по 1942 г. руководил кафедрой психологии в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, его сотрудники и аспиранты проводили экспериментальные исследования, связанные с педагогической практикой. В секторе психологии С. Л. Рубинштейн предполагал со временем заняться экспериментальными исследованиями. Изначально он видел в нем первое психологическое подразделение Академии наук СССР, основу будущего академического Института психологии. Надстройка четвертого этажа здания на Волхонке, 14 велась именно для будущего института по плану, согласованному с С. Л. Рубинштейном, для экспериментов были отведены специальные комнаты —

звуконепроницаемые камеры. Однако, как показали дальнейшие события, до создания нового института было еще очень далеко.

Как первоочередную Сергей Леонидович выделял проблему экспериментального изучения мышления. Об этом он и повел разговор, когда обсуждалась тема моей диссертации. С сожалением он говорил о том, что в секторе нет условий для экспериментальных исследований, да и аспиранты к этому не подготовлены. И все же он был склонен уже сейчас начать экспериментальное психологическое изучение мышления. Я робела и не решалась взять такую тему. «Вам только надо начать, а дальше вас поведет сам эксперимент», — говорил Сергей Леонидович.

Как показало будущее, у него уже созрел замысел таких исследований, но пока не было исполнителей. Спустя несколько лет он осуществил свои намерения с выпускниками отделения психологии Московского университета, прослушавшими специальный курс, написавшими под его руководством дипломные работы и начавшими исследования мышления по его плану. Результатом была монография С. Л. Рубинштейна «О мышлении и путях его исследования» (М., 1958) и сборник экспериментальных работ «Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения» (М., 1960), выполненных его учениками.

В конце 1940-х годов в секторе психологии впервые было начато изучение истории русской психологии. Раньше этим делом никто не занимался. Более того, бытовало мнение, что отечественных исследований в этой области не было и речь может идти лишь о заимствованиях извне. Но в 1947 г. под редакцией Рубинштейна вышла книга Б. Г. Ананьева «Очерки истории русской психологии XVII–XIX веков» — первый труд по истории русской психологической науки. В том же году вышли подготовленные Институтом философии

АН СССР «Избранные философские и психологические произведения И. М. Сеченова» со вступительной статьей В. М. Каганова, в которой особое внимание было обращено на психологические труды великого ученого. В 1946 г. в «Физиологическом журнале СССР» была опубликована статья С. Л. Рубинштейна «Физиология и психология в научной деятельности И. М. Сеченова» — его выступление на состоявшейся в 1945 г. конференции, посвященной развитию рефлекторной концепции. Привлеченный к сотрудничеству в секторе Б. М. Теплов провел исследование психологических воззрений Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена и В. Г. Белинского. Он же представил в журнал «Большевик» (ныне «Коммунист») рецензию на сборник трудов И. М. Сеченова. В ходе обсуждения предмета диссертации остановились на теме «Учение И. М. Сеченова об ощущении и мышлении». Однако на этом дело не кончилось. В то время началась борьба с «космополитизмом», и на этом основании дирекция Института философии АН СССР уволила С. Л. Рубинштейна.

Всем аспирантам дирекция предложила проконсультироваться у Б. М. Теплова по поводу своих работ. Когда я назвала Борису Михайловичу свою тему, то он, к моему великому удивлению, сказал: «А стоит ли браться за эту тему? Ведь у Сеченова статья „Кому и как разрабатывать психологию?“ — каких-нибудь двадцать страниц. Что вы об этом напишете?» Я никак не ожидала такого отношения к сеченовской теме. Ведь Борис Михайлович тогда только что написал одобрительную рецензию на сборник трудов И. М. Сеченова, составленный В. М. Кагановым. Мне, начавшей заниматься событиями в психологической науке сеченовского периода, открылась такая бурная борьба идей, что я лишь изумлялась обилию материалов, страстностью споров, возникших вокруг учения

И. М. Сеченова. Мне не хотелось отречься от намеченной темы. Однако через месяц Президиум Академии наук СССР восстановил С. Л. Рубинштейна на работе. Он взял на себя руководство моей диссертацией. Так началось мое учение у Сергея Леонидовича, продолжавшееся до конца его дней. И вот уже окончена аспирантура, прошла защита, подготовлена моя первая книга под редакцией Сергея Леонидовича, затем — вторая.

Сколько же сил, времени тратил, не щадя себя, С. Л. Рубинштейн на своих учеников! Он был требователен и порой беспощаден, отвергая, если не был удовлетворен, представленные главы, статьи, тезисы. Но вместе с тем он мог без конца читать варианты введений, заключений диссертации, книги, статьи.

Ни к чему было повторять известное. Новизна в содержании: факты, их трактовка, аспект, угол зрения, внешние и внутренние связи. Еще на экзаменах я столкнулась с той особенностью Сергея Леонидовича, с которой всегда встречалась и во время занятий в аспирантуре, и потом, когда он неуклонно продолжал направлять мою работу. Будучи руководителем аспиранта, он регулярно вызывал к себе своего подопечного с очередными его делами — планом диссертации, отдельными главами, используемым материалом. И обычно я слышала: «Какие возникли вопросы?» Признаюсь, это было самое сложное. Поначалу и вопросов-то не возникало. Потом, что тут скрывать, я стала готовить вопросы. Конечно, по тому, как я училась ставить их, мой руководитель видел, сколь медленно и трудно преодолевалось первое побуждение: не задумываясь, найти какой-либо вопрос, лишь бы было что сказать. От придумывания вопросов дело пошло к их возникновению при анализе материалов, которых скапливалось все больше. Отбирая и разъясняя

наиболее важные для моей работы проблемы, Сергей Леонидович вел меня к умению выделять и доказывать главное.

Не надо думать, что он только порицал или отвергал работу, проведенную аспирантом. Он умел так похвалить, что его одобрение доставляло истинную радость и придавало силы для дальнейшей работы. Я запомнила навсегда тот день, когда после многих неудач услышала от Сергея Леонидовича, возвращающего мне очередную главу: «Блистательно!». Так он оценил находки новых материалов о сеченовском времени, восстановление картины борьбы идей, участия в ней разных сил русского общества.

Сергей Леонидович прекрасно владел искусством беседы. Ему не был свойствен тон поучения, нет, это были размышления. Выделяя мысль своего собеседника-ученика или из контекста прочитанной его работы, или из только что высказанного им соображения, Сергей Леонидович развивал ее, задавал вопросы — и постепенно мысль углублялась. Наконец, в формулировке Сергея Леонидовича эта мысль возвращалась аспиранту, который узнавал и не узнавал ее — так она обогащалась. Ободренный успехом аспирант обретал уверенность, которая рождала порыв к творческой работе.

В отношении к историческому материалу — к изучаемым теориям, к трудам ученых, к фактам — он был очень щепетилен. Сергей Леонидович преследовал всякую модернизацию прошлого. Тщательность и доказательность обязательны в историческом исследовании, — это я запомнила навсегда. Сам Сергей Леонидович великолепно владел умением кратко обобщать излагаемый им в лекциях, статьях, книгах материал. Когда подошло время заканчивать мою первую, а потом следующие книги, я всегда вспоминала замечания об уровнях обобщения, которым пыталась

следовать. Запомнила я и также пыталась следовать другому совету: пока готовишь книгу, не использовать ее материал в статьях, чтобы сохранить интерес читателей к новой работе.

Обстоятельства сложились так, что по окончании аспирантуры в Институте философии оставить меня не было возможности. Я пошла работать в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина. Однако независимо от того, какие обязанности на меня возлагала библиотека, моим руководителем в научной работе по-прежнему оставался Сергей Леонидович — я на основе своей диссертации готовила книгу о проблеме ощущения и мышления в трудах И. М. Сеченова, собирала материал о понимании научных и научно-популярных текстов, выполняла и другие его задания. Как только в 1956 г. возникла возможность, я вернулась в сектор психологии уже научным сотрудником.

В 1950 г. на Павловской сессии АН СССР и АМН СССР, а также в последующих дискуссиях в печати очень остро ставился вопрос о взаимоотношении психологии и физиологии высшей нервной деятельности. Многие участники сессии и последующих дискуссий отрицали возможность объективного изучения психических процессов, а потому отрицали и психологическую науку, считая, что ее нужно заменить физиологией высшей нервной деятельности. Психологическая наука столкнулась с угрозой со стороны физиологии высшей нервной деятельности, норовившей подчинить, вернее, растворить ее в своей науке. Призывая к этому, некоторые последователи И. П. Павлова неверно толковали отношение психологии к физиологии, отрицали предмет и метод психологии, ее самостоятельность и место среди других наук.

Много было сессий, совещаний, собраний, на которых шла речь об отказе психологии от своих методов исследования и переходе к методу условных

рефлексов. Сергею Леонидовичу долго и трудно с неизменным достоинством и убеждением приходилось разъяснять предмет, метод и задачи психологии, раскрывать в ленинской теории отражения ее философскую основу.

Теперь, когда оглядываешься назад, становится яснее значение той деятельности, которую столь горячо вел С. Л. Рубинштейн в защиту психологической науки в годы, когда решать судьбы психологии брались чуждые ей люди. Сергей Леонидович подчеркивал, что И. П. Павлов свою задачу видел в изучении физиологических закономерностей, оставаясь на точке зрения физиолога, в то время как И. М. Сеченов выступал не только в качестве физиолога, но и как психолог. Установление связи психологии и физиологии высшей нервной деятельности Сергей Леонидович определил как одну из главных в то время задач развития этих наук.

Решение проблемы психического и физиологического, а также методологических вопросов стало в ту пору одной из важнейших направлений работы сектора психологии. Сектору была поручена организация Всесоюзного совещания по философским вопросам высшей нервной деятельности и психологии. Подготовка его была начата Сергеем Леонидовичем, но состоялось оно в 1962 г., уже после его смерти.

В 1956 г. был восстановлен сектор психологии в Институте философии, куда пришли работать выпускники-психологи из Московского университета А. В. Брушлинский и К. А. Славская (Абульханова), которые писали дипломные работы под руководством С. Л. Рубинштейна; Л. И. Анцыферова и Ф. А. Сохин, написавшие под его руководством кандидатские диссертации. Все они занимались мышлением. К ним примкнула и я, вернувшись в сектор.

В эти годы напряженной работы Сергея Леонидовича заинтересовала проблема понимания научного текста и научно-популярной литературы. На обсуждении книги «Основы общей психологии» ее автора упрекали в том, что он трудно пишет. Сергей Леонидович поручил мне собрать данные о понимании разных текстов. Я начала эту работу, и он написал для меня некоторые исходные положения. Впоследствии его заметка «О понимании» была опубликована в выпущенной посмертно книге С. Л. Рубинштейна «Проблемы общей психологии» (М., 1973).

Работая над рукописью «Бытия и сознания», Сергей Леонидович обычно давал мне прочесть варианты глав и выяснял, насколько понятно изложение и построение. Он искал возможно понятную форму изложения своих мыслей, ни в какой мере не поступаясь содержанием, наоборот, постепенно развивая и углубляя свои размышления.

В этой заметке понимание рассматривалось как результат познавательной деятельности читателя, как процесс, в котором на основании данных в тексте отправных точек мысль читателя открывает новые качества этого текста. Тем самым понимание отличается от объяснения. Книги, в которых все объяснено и которые не требуют от читателя его собственной мыслительной деятельности, — это банальные, неинтересные книги, снимающие, как говорил Сергей Леонидович, всякую необходимость в какой-либо работе мысли.

По мере накопления материала по вопросу о понимании меня все более тянуло к себе конкретное исследование — изучение психологии читателя. Сергей Леонидович поощрял такое направление, все еще полагая возможным воспитать из меня экспериментатора. Книга о И. М. Сеченове, написанная мною на основе диссертации, вышла под редакцией

С. Л. Рубинштейна в 1954 г. Казалось бы, дело завершено, можно переходить к новому замыслу. Сектор составлял план своих изданий. Сергей Леонидович закончил «Бытие и сознание», готовил книги «О мышлении» и «Принципы и пути развития психологии». В план изданий вошел сборник «И. М. Сеченов и материалистическая психология», который вышел в свет в 1957 г. и включал впервые публикуемые, обнаруженные в архивах материалы о научной деятельности великого ученого — программы его публичных лекций, записи этих лекций и другие документы, а также статьи. Статья С. Л. Рубинштейна «Психологические воззрения И. М. Сеченова и советская психологическая наука», подготовленная в те годы, когда продолжались под флагом борьбы за павловское учение нападки на психологию, раскрывала рефлекторное понимание психической деятельности, предполагающее ее детерминацию объективным миром, и представляла эту деятельность как отражение внешнего мира. Внутренняя логика рефлекторной концепции психической деятельности необходимо ведет к теории отражения, — доказывал автор статьи, открывавшей сборник.

Так, начиная с издания уже упоминавшейся книги Б. Г. Ананьева и статей Б. М. Теплова, сектор психологии прокладывал путь исследованию истории психологической науки в нашей стране. Пока я готовила диссертацию, потом книгу, а затем статью о И. М. Сеченове для нашего сборника, у меня накапливались факты и события, связанные с идейной борьбой между сторонниками и противниками сеченовской психологической теории, с дискуссиями 70–90-х годов прошлого века о том, кому и как разрабатывать психологию, начатыми К. Д. Кавелиным и И. М. Сеченовым. Спор между ними был хорошо известен, но последующие дискуссии, происходившие в

Московском и Казанском университетах, отклики на них позволяли восстановить историю русской психологической науки и ее развития. Я попросила включить в план книгу об истории русской науки — борьбе за материалистическую психологию во второй половине XIX — начале XX вв. Мне казалось, что будет достаточно для этого одного года, и я надеялась потом включиться в исследование проблемы мышления, заняться психологическими экспериментами.

Сергею Леонидовичу, видимо, тоже не хотелось поступиться собранными мною новыми материалами. «Ну, что же, — согласился он, — готовьте монографию, поставим ее в план сектора».

И снова отодвинулось на будущее исследование понимания.

С. Л. Рубинштейн стал редактором моей новой книги. В то время он готовил свой труд «Принципы и пути развития психологии», опубликованный в 1959 г., вторая часть которого была посвящена вопросам истории. Прочитав мою рукопись, он спросил: «Вы ничего не имеете против, если я напишу о результатах Вашего исследования — о борьбе вокруг рефлексорной теории И. М. Сеченова в истории русской психологии?». Для меня это была высшая оценка моей работы.

Впоследствии один из читателей моей книги задал вопрос, как я отношусь к тому, что Сергей Леонидович в своем труде использовал мой материал. Я ответила, что посчитала это большой для меня честью.

Когда в 1960 г. моя новая книга вышла в свет, Сергей Леонидович ее уже не увидел. В январе того года его не стало.

Мою книгу «Борьба материализма и идеализма в русской психологии (конец XIX — начало XX в.)», ответственным редактором которой был Сергей Леонидович, я послала Б. М. Теплову. Ведь он в свое время выражал сомнение, стоит ли заниматься

психологическим учением И. М. Сеченова. Письмо, полученное мною от Б. М. Теплова, доставило мне большую радость и удовлетворение: он высоко оценил работу и поздравлял с большой удачей. И я горевала, что мой руководитель С. Л. Рубинштейн не узнал о том, что было написано в отзыве на книгу тем, кто сомневался когда-то в сеченовской тематике.

За два дня до внезапной кончины С. Л. Рубинштейн вызвал меня для того, чтобы наметить план работы на ближайшее время. «Я занят своей новой работой и не могу от нее отвлекаться, мне еще много надо сделать, — сказал он. — Но нельзя откладывать и другое дело. Речь идет о моих „Основах общей психологии“. Их надо дополнить для переиздания новым материалом: собрать и обобщить то, что сделано в нашей психологии за последние годы. Я хотел бы поручить это своим ученикам, распределить между ними добавления к каждому разделу. Надо дополнить главу об истории психологии новыми сведениями о развитии отечественной психологии, о новых экспериментальных данных по восприятию, мышлению и другими», — говорил Сергей Леонидович. Я записывала план дополнения. Так он определил задание на ближайший год мне и другим его ученикам. Он предполагал поговорить с каждым и рассказать о своем замысле.

Это была моя последняя встреча с Сергеем Леонидовичем. И дополнения к «Основам общей психологии», и все откладываемые экспериментальные исследования не были начаты. Мне не было суждено стать экспериментатором, научиться этому тонкому умению у Сергея Леонидовича. Осталось продолжить начатые под руководством С. Л. Рубинштейна историко-теоретические исследования, неукоснительно помнить его требования доказательности изложения, обогащения новыми фактами и верности исходным методологическим принципам, перейти от досоветского

периода становления русской психологической науки к послереволюционному времени в истории советской психологии, ее философским проблемам, разработке которых Сергей Леонидович посвятил свою жизнь.

К 80-летию Елены Александровны Будиловой (интервью)^[20]

В марте этого года исполняется 80 лет со дня рождения Елены Александровны Будиловой — крупного специалиста по истории отечественной психологии, автора хорошо известных монографий: «Учение И. М. Сеченова об ощущении и мышлении» (М., 1954), «Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (вторая половина XIX — начало XX вв.)» (М., 1960), «Философские проблемы в советской психологии» (М., 1972), «Социально-психологические проблемы в русской науке» (М., 1983).

Е. А. Будилова принадлежит к числу учеников С. Л. Рубинштейна. Работая под его руководством, она написала и успешно защитила кандидатскую диссертацию «Проблемы ощущения и мышления в трудах И. М. Сеченова».

Ученые-психологи горячо поздравляют Елену Александровну с большим юбилеем и желают ей новых творческих успехов. Редколлегия и редакция «Психологического журнала» присоединяются к этим поздравлениям.

Мы обратились к Елене Александровне с просьбой ответить на ряд вопросов о ее творческом пути в науке и о современном состоянии истории психологии.

— *Что послужило отправной точкой в Ваших исследованиях истории отечественной психологической науки?*

— В 1945 г. в Институте философии Академии наук СССР был создан сектор психологии, который возглавил Сергей Леонидович Рубинштейн. Это первое подразделение психологов в Академии наук СССР.

Предполагалось, что оно положит начало развитию психологической науки в системе АН СССР и подготовит условия для создания нового института. К этому времени стало очевидным, сколь губительными оказались для развития теории и практики психологической науки последствия принятого в 1936 г. постановления о педологии. Фактически были разгромлены педология, педагогическая психология и психотехника, подорвана практическая работа психологов. Одни психологи подверглись репрессиям, другие погибли на фронте. Прекратилась и подготовка молодых кадров. Решение об открытии психологических отделений в университетах и педагогических институтах, а также создание в послевоенные годы аспирантуры по психологии позволяло надеяться, что со временем урон, нанесенный психологии, будет восполнен.

Сектор психологии Института философии АН СССР в 1947 г. объявил прием в аспирантуру по психологии. Тогда я и стала аспиранткой С. Л. Рубинштейна. В тот год все мы, поступавшие в аспирантуру, не имели специальной психологической подготовки. Только потом я поняла, на какой огромный труд обрекал себя руководитель сектора, взявшись за наше обучение, и как велико было его стремление помочь психологической науке.

Мне предстояло определить направление моей работы. У меня не было опыта психологических исследований, и я, испытывая почтение перед экспериментальной психологией, в то же время не решалась заниматься экспериментами, хотела углубить свои знания и обратилась к истории. В годы войны и сразу после нее особенно обострено было чувство родины, отсюда и желание обратиться прежде всего к прошлому отечественной науки. Сергей Леонидович согласился с тем, что на первых порах я займусь

исторической темой, а потом экспериментами. Но история меня целиком захватила. Накапливался все новый и новый материал, возникали новые задачи. Так я все больше углублялась в историко-теоретические исследования.

По замыслу С. Л. Рубинштейна структура сектора предвосхищала последующее его преобразование в Институт психологии. В секторе были представлены психологи-специалисты разных направлений. С. В. Кравков занимался органами чувств и восприятием, Н. Н. Ладыгина-Котс — зоопсихологией, Н. А. Гарбузов — слуховыми ощущениями. Предполагались и исторические исследования. В 1947 г. вышла первая книга по истории русской психологии. Ее написал Б. Г. Ананьев. Были подготовлены для публикации статьи Б. М. Теплова о психологических взглядах революционных демократов. В трудах С. Л. Рубинштейна неотделимы проблемы истории психологической науки от решения им философских и теоретических проблем.

Однако в конце 40-х и начале 50-х годов для науки наступили тяжелые времена. Несостоятельные обвинения были предъявлены С. Л. Рубинштейну при обсуждении второго издания «Основ общей психологии». Его обвинили в космополитизме и сняли со всех постов (он был восстановлен в правах лишь после смерти И. В. Сталина). После так называемой павловской сессии 1950 г. встал вопрос о том, чтобы вовсе отвергнуть психологию. С. Л. Рубинштейна лишили созданной им кафедры психологии в Московском университете, рассыпали набор его новой книги «Философские корни психологии», изъяли из библиотек его труды. Прекратили прием аспирантов в сектор. Можно было только поражаться стойкости и непреклонности С. Л. Рубинштейна. Он продолжал защищать свои взгляды и в целом психологическую науку от яростных попыток подчинить ее чуждым

догмам, проявляя прежние принципиальность, последовательность и доказательность в своих выступлениях. В частности, он отстаивал единство психологической науки, не умаляя при этом достижений западноевропейских и американских ученых. В то же время он, как и прежде, критиковал их философские и теоретические положения, исходя из марксистской трактовки психологических проблем. С особенным вниманием относился он к исследованиям отечественной психологии, не допуская упрощения и модернизации прошлого, односторонности оценок. Например, он возвращал написанные мною главы диссертации, а потом и книг с горестными для меня оценками «тривиально», «нельзя бездоказательно писать». Но в то же время он ценил новые факты, поощрял их поиск и анализ, находил время для своих учеников и неотступно следил за их работой. Многому мы научились у него — требовательности к себе, ответственности за свое дело, признанию ценности фактов и умению их обобщать, а не коллекционировать.

— *Какие события в истории отечественной психологии Вы считаете важнейшими, как определилась тематика ваших исследований?*

— Два события в истории психологической науки в нашей стране определили ход ее развития. Первое: выделение ее из области философии в самостоятельную экспериментальную науку. Особенностью отечественной психологической науки было возникновение сеченовского психологического учения, создание им программы развития психологии, определение ее предмета и метода. Это направило работу первых русских экспериментальных психологических лабораторий. Второе: зарождение после Октябрьской революции советской психологической науки на марксистской философской основе. Два этих события

важны не только для развития отечественной психологической науки, но и для мировой истории психологии. Становление и развитие психологической науки в России и явилось главной темой моих исследований.

У меня была цель показать пути развития психологической науки начиная со второй половины XIX в. и до Октябрьской революции, выявить значение идейной борьбы вокруг проблем психологии в общественной жизни пореформенной России. Размах этой борьбы и ее ход позволяет понять, как и почему сложилась в русской психологии та кризисная ситуация, которая определяла расстановку сил в отечественной психологии в 20-е годы.

Дальнейшее развитие отечественной психологии приходится на советский период. Для него первейшее значение имело решение философских проблем психологической науки. Изучением того, как это происходило, я и занялась, завершив таким образом задуманное исследование философских проблем русской дореволюционной и советской психологии. Вместе с тем очевидным стало, что исследование философских проблем психологии имеет методологическое значение для изучения исторического пути развития психологической науки. Они обуславливали решение узловых теоретических вопросов и оказывались в центре идейной борьбы.

— *Что сегодня больше всего вызывает Ваш интерес?*

— Занимаясь проблемами социальной психологии в русской науке (этим вопросам была посвящена моя последняя книга), я столкнулась с тем, что данные проблемы возникали и в той или иной мере разрабатывались в XIX в. в разных областях практической деятельности: судебной, врачебной, военной и др. Определение же предмета социальной

психологии как отрасли психологии, или, иначе говоря, как одной из психологических наук, было дано значительно позже. В 1911 г. В. М. Бехтерев определил предмет и задачи социальной психологии и предложил программу ее развития. Практическая деятельность приобрела большую значимость для науки.

История отечественной психологической науки XVIII — первой половины XIX вв. изучена еще мало. Поэтому в наши дни, когда прошлое столь настойчиво требует к себе внимания и когда проблемам истории культуры в нашей стране отводится все больше места, необходимо изучить роль психологических знаний в жизни общества, а также истоки русской психологической науки и ее предысторию.

С. Л. Рубинштейн в статье «Философские корни экспериментальной психологии», написанной в 1940 г., высказал мысль о том, что «переход от простой совокупности еще не оформившихся в науку знаний к науке является для каждой области знаний, в том числе и для психологии, крупным событием, подлинные источники и движущие силы которого очень важно уяснить себе для того, чтобы правильно понять ее дальнейшие пути и перспективы»^[21]. Знания, еще не оформившиеся в науку на рубеже перехода к ней, свидетельствуют о роли практики в ее возникновении. В разных областях практической деятельности мы находим истоки отраслей психологии, возникших уже после самоопределения психологии.

Переход от психологических знаний к науке в условиях России остается еще не изученным. Тут открываются перед нами каналы практики, которые действовали не только в донаучный период, но и в конце XIX — начале XX вв.

Особое значение имела деятельность церкви, которую до сих пор обходили вниманием. Церковь была в досоветское время частью государственного аппарата,

деятельность ее охватывала массы верующих, психологические знания священнослужители получали в духовных учебных заведениях, широкая сеть которых охватывала всю страну. При обучении многим специальным дисциплинам предусматривалась психологическая подготовка будущих церковных служителей.

Не исследовалось еще, в каком соотношении находились между собой психология как теоретическая ветвь философии, с одной стороны, и практический опыт, рождавший психологические знания, — с другой. Философская психология развивалась в основном в Западной Европе и доходила до русских учебников оттуда. Степень этой связи и эволюция отдельных идей на русской почве до конца не выяснены.

— Как Вы оцениваете современное состояние историко-психологических исследований и каковы, по Вашему мнению, главные направления их развития?

— После того как конец 1950-х и 1960-е годы были отмечены рядом историко-психологических исследований, наступило время упадка, и лишь в последние годы открылась возможность активизировать работу: возобновились доклады по истории на психологических съездах, прошли две историко-теоретические конференции — в Институте психологии АН СССР и в МГУ; уделяется внимание исторической проблематике в психологических журналах, идет подготовка книг, происходит организационное укрепление этого участка работы.

В обстановке общего интереса к проблемам отечественной истории и к изучению ранее закрытых вопросов, восполнению вынужденных пробелов, перед историками психологии встают новые задачи в разработке истории нашей науки досоветского и советского периодов. И в первую очередь надо

пополнить оскудевший в годы застоя приток исторических фактов, документальных материалов. Необходимо создание базы для научных исследований. Сделать это можно двумя путями. Возместить тот урон, который потерпел книжный фонд, когда стали редкостью многие дореволюционные издания, были изъяты книги в условиях гонений сталинской эпохи. Психология должна получить свое научное наследие в серии публикаций, в созданном библиографическом фонде, без которого не может существовать ни одна наука.

И наконец, еще об одном существенном моменте для истории нашей науки — разработке историографических проблем, создании архивов, собрании, хранении и использовании документов и всех материалов о деятельности психологов. Начало такому собирательству положено в нашем институте небольшой группой, ведущей работу по истории психологии. У нас уже хранятся переданные нам архивы ряда психологов, ведется поиск столь нужных сведений о том, где, в каких архивных учреждениях имеются материалы, относящиеся к психологии. Подобное обеспечение, создание источниковедческой базы поможет приблизить прошлое к настоящему. А впереди, конечно, историков психологии ждет работа и по дореволюционному периоду (расширение и углубление поля исследований), и по тщательному изучению и восстановлению истории развития советской психологической науки.

Интервью с Людмилой Ивановой Анцыферовой^[22]

— *Какие личностные качества отличали Е. А. Будилову?*

Анцыферова Л. И.: Елена Александровна была человеком твердых убеждений. В ее внешности, манере поведения, в речи, интонациях голоса чувствовалась врожденная интеллигентность.

Она была человеком прямолинейным, принципами не поступалась. Отличалась ответственностью и исполнительностью.

Е. А. Будилова была очень гостеприимна, любила, когда к ней приезжали близкие ей люди, у нее часто останавливалась наша общая знакомая Нина Ливановна. Любила путешествовать. Когда в Институте философии АН СССР организовывались экскурсии, она всегда принимала в них участие; очень интересовалась историческими памятниками нашей страны.

— *Какие профессиональные качества отличали Е. А. Будилову?*

Анцыферова Л. И.: Елена Александровна тщательнейшим образом обрабатывала каждую страницу, каждое слово, порой даже «дотошно». С коллегами держалась приветливо. Елена Александровна была легкой и всегда уравновешенной в общении. Несмотря на большие заслуги, огромный запас знаний и многочисленные работы по истории психологии, при общении с ней не ощущалось ее превосходства. Елена Александровна была внимательна и приветлива. Сразу появлялась раскованность, раскрепощенность, исчезала напряженность, и уже можно было не бояться сказать что-то ошибочное, недодуманное или просто невпопад.

Она никогда не повышала голос, даже когда отстаивала свою позицию или высказывала критические замечания по обсуждаемым работам на заседаниях сектора, лаборатории, Ученого Совета.

— Можете ли Вы охарактеризовать стиль научной деятельности, назвать ее научные приоритеты и выделить характерные черты научного творчества Е. А. Будиловой?

Анцыферова Л. И.: Характерной чертой Елены Александровны Будиловой является строгая научность, не было тяги к художественному. В своем творчестве не допускала новых понятий, легко писала статьи. Не допускала ничего, что не было доказательно, не научно. Ее отличала так называемая «научная чистота». Она является примером научной честности. К ее трудам в области истории психологии еще долго будут обращаться психологи разных поколений. Своими книгами «Философские проблемы в советской психологии», «Социально-психологические проблемы в русской науке» она заложила основы для целого научно-исследовательского направления.

— Какие события с участием Е. А. Будиловой Вам больше всего запомнились?

Мы вместе с ней ездили на все международные конференции в Латвию, Армению. В Тбилиси всегда останавливались у княжны Нины Ливановны. Она нас хорошо привечала. Запомнилась международная конференция в Минске. Когда мы выступали, забежал молодой человек и прокричал, что Гагарин в космос полетел. В свободное время от работы много гуляли, Елену Александровну интересовали исторические места.

— Какое место Е. А. Будилова занимает в истории психологии, ее методологии?

Анцыферова Л. И.: Елена Александровна принесла в нашу науку много имен, неизвестных в то время, она все творчество посвятила изучению историко-психологической мысли в отечественной науке. Ее главная заслуга для психологической науки — это введение в оборот методологического принципа развития. Она доказала его значение для психологической науки.

Библиография печатных трудов Е. А. Будиловой

1) Великий русский ученый И. П. Павлов. М.: Госкультпросвет, 1949. 24 с.

2) Великий русский ученый И. П. Павлов // Пропаганда естественно-научных знаний. М.: Госкультпросветиздат, 1951.

3) Марксизм-ленинизм о религии и путях ее преодоления // Библиотекарь. 1951. № 4.

4) Проблема анализаторов в трудах И. М. Сеченова // Учение И. П. Павлова и философские вопросы психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1952.

5) *И. М. Сеченов*. Избранные произведения. Том первый. Физиология и психология (Новое издание работ И. М. Сеченова) // Новый мир. 1953. № 9. С. 246.

6) Что читать по вопросам научно-атеистической пропаганды // Партийная жизнь. 1954. № 12.

7) Как наука объясняет психическую деятельность человека. М.: Государственная библиотека им. В. И. Ленина, 1954. 44 с. (в соавторстве с С. С. Левиной).

8) Библиографические пособия по естествознанию // Библиотекарь. 1954. № 11.

9) И. М. Сеченов и И. П. Павлов в борьбе за материализм. М., 1954. 123 с.

10) Учение И. М. Сеченова об ощущении и мышлении. М.: АН СССР, 1954. 207 с.

11) Борьба И. М. Сеченова за материалистическую психологию // Вопросы философии. 1955. № 1. С. 29.

12) Борьба И. М. Сеченова против идеализма в психологии // Вопросы психологии. 1955. № 5. С. 5-16.

13) Борьба церкви против рефлекторной теории И. М. Сеченова // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 152-183.

14) Марксизм-ленинизм о религии и путях ее преодоления: Краткий рекомед. указатель. М., 1955. 68 с. (В помощь лектору / М-во культуры РСФСР. Гос. ордена Ленина б-ка СССР им. В. И. Ленина).

15) Популяризация действительная и мнимая // Партийная жизнь.

1956. № 9 (в соавторстве с В. Наседкиной).

16) Вопросы психологии познания // Вестник Академии наук. 1957. № 8.

17) Развитие И. М. Сеченовым материалистической психологии в годы его работы в Московском университете // И. М. Сеченов и материалистическая психология. М., Изд-во АН СССР, 1957. С. 110-172.

18) Вопросы психологии познания // Вестник Академии наук. 1957. № 8.

19) В помощь научно-атеистической пропаганды. М.: Государственная библиотека им. В. И. Ленина, 1959.

20) К 70-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1959. № 3. С. 143-146.

21) Полемика об эксперименте и об экспериментальных методах в русской психологии в конце XIX века // Тезисы докладов на I съезде Общества психологов. Вып. 1. М., 1959.

22) Формы борьбы материализма с идеализмом в русской психологической науке во второй половине XIX века // Вопросы психологии: Материалы 2-й Закавказской конференции психологов. Ереван, 1960.

23) Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (вторая половина XIX-начала XX в.). М.: АН СССР, 1960. 348 с.

24) Первые русские экспериментальные психологические лаборатории // Из истории русской психологии / Под ред. М. В. Соколова... М.: Академия пед. наук РСФСР, 1961. С. 296-357.

25) Русская и советская психологическая наука в западноевропейских и американских работах по истории

психологии // Тезисы докладов на II съезде психологов. М., 1961.

26) На совещании по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии // Вопросы философии. 1962. № 7.

27) Русская и советская психологическая наука в зарубежных работах по истории психологии // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. М.: АПН РСФСР, 1963.

28) Рефлекторная теория мышления И. М. Сеченова // Исследования мышления в советской психологии / Отв. ред Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1966. С. 296-357.

29) Развитие теоретических принципов советской психологии и проблема мышления // Исследования мышления в советской психологии / Отв. ред Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1966.

30) Вопросы мышления в ассоциативной психологии // Основные направления в исследовании мышления в капиталистических странах. Гл. 2 / Под ред. Е. В. Шороховой. М., 1966.

31) О некоторых методологических вопросах истории психологии // Тезисы докладов на XVIII Международном психологическом конгрессе. М., 1966.

32) Марксистская психологическая теория и история психологии // Материалы III Всесоюзного съезда Общества психологов СССР. Т. I. М., 1968.

33) Важный вклад в историю советской психологии (Рецензия на книгу А. В. Петровского «История советской психологии») // Советская педагогика. 1968. № 2 (в соавторстве с К. К. Платоновым).

34) Взаимосвязь теории и истории // Теоретические и методологические проблемы психологии. М.: Наука, 1969.

35) Проблема личности в трудах С. Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1969. № 5 (в соавторстве с К. А. Славской).

36) К вопросу о периодизации истории советской психологии // Тезисы доклада на IV Всесоюзном съезде психологов. Тбилиси, 1971.

37) Методологические проблемы периодизации истории советской психологии // Материалы IV Всесоюзного съезда в Тбилиси. Тбилиси, 1971.

38) Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972. 336 с.

39) О книге С. Л. Рубинштейна «Проблемы общей психологии» // Советская педагогика. 1973. № 12.

40) Философские проблемы в историко-теоретическом исследовании // Проблемы теории и истории развития психологии (Материалы симпозиума). М., 1973. 336 с.

41) Методологическое значение философских проблем в историкопсихологическом исследовании // Проблемы теории и истории развития психологии. М., 1973.

42) Проблемы общей психологии (Рецензия на книгу С. Л. Рубинштейна „Проблемы общей психологии“) // Советская педагогика. 1973. № 12.

43) Советская психологическая наука в освещении западноевропейского психолога // Вопросы психологии. 1973. № 2 (в соавторстве с К. А. Славской).

44) Проблема личности в русской психологии второй половины XIX— начала XX века // Теоретические проблемы психологии личности. М.: Наука, 1974.

45) Академия наук СССР и развитие психологии К 250-летию АН СССР) // Вопросы психологии 1974. № 2 (в соавторстве с Б. Ф. Ломовым, Е. В. Шороховой).

46) Американский сборник материалов о советской психологии (Рецензия на сборник „Психология в СССР: историческая перспектива“) // Вопросы психологии. 1975. № 5.

47) О периодизации истории психологии в СССР // Актуальные проблемы истории и теории психологии.

Ереван, 1976.

48) В. Х. Кандинский как психиатр и психолог (Рецензия на книгу Л. Л. Рохлина „Жизнь и творчество выдающегося психиатра В. Х. Кандинского“) // Вопросы психологии. 1976. № 3 (в соавторстве с Е. В. Шороховой).

49) Пути развития советской психологии (Рецензия на книгу А. А. Смирнова „Развитие и современное состояние психологической науки в СССР“) // Вопросы психологии. 1977. № 1 (в соавторстве с Л. И. Анцыферовой, А. В. Брушлинским).

50) Н. Г. Чернышевский и материалистическая психология // Вопросы психологии. 1978. № 5.

51) Об актуальных проблемах исследования истории отечественной психологической науки // Вопросы истории общей и прикладной психологии. Ростов-на-Дону, 1978.

52) Методология, теория и эксперимент в научном творчестве С. Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1979. № 3.

53) Психологические труды И. М. Сеченова и русская культура второй половины XIX века // Вопросы психологии. 1979. № 4. С. 108-117.

54) И. М. Сеченов и Н. Г. Чернышевский // Н. Г. Чернышевский и современность. М.: Наука, 1980.

55) И. М. Сеченов и советская психология // Юбилейный сборник Института истории естествознания и техники. М.: Наука, 1980.

56) И. М. Сеченов и Н. Г. Чернышевский // Н. Г. Чернышевский и современность. К 150-летию со дня рождения. М., 1980.

57) Психологическая теория И. М. Сеченова и современная психологическая наука // Психологический журнал. 1980. № 1.

58) И. М. Сеченов и советская психология // Иван Михайлович Сеченов. К 150-летию со дня рождения». М.: Наука, 1980.

59) Проблемы социальной психологии в трудах В. М. Бехтерева // Психологический журнал. 1981. № 6.

60) Из истории социальной психологии в России // Доклад на VI съезде психологов, 1983.

61) История социальной психологии в России // Статья для канадского сборника. 1983.

62) Методологические аспекты исследования проблем социальной психологии в русской науке // Тезисы к VI съезду общества психологов, 1983. Ч. 3.

63) Социально-психологические проблемы в русской науке. М.: Наука, 1983. 231 с.

64) Проблемы общей психологии (Рецензия на книгу С. Л. Рубинштейна «Проблемы общей психологии») // Советская педагогика. 1983. № 12.

65) И. М. Сеченов и советская психология // Труды Института истории естествознания и техники. М.: Наука, 1985.

66) Начало экспериментальной психологии в России // Психологический журнал. 1985. № 4. С. 3-11.

67) Философские проблемы в истории советской психологии // История философии в СССР. В 5 т. М.: Наука, 1985. Т 5. Кн. 1.

68) 100-летие первой русской экспериментальной психологической лаборатории // Вопросы психологии. 1985. № 5 С. 96-102 (в соавторстве с В. А. Кольцовой).

69) Категории исторического и логического в методологии истории психологии // Категории материалистической диалектики в психологии, М., 1988. С. 231-242.

70) Полемика о психологическом эксперименте на всероссийских съездах по педагогической психологии // Материалы конференции, 1988 (см. также в сборнике «История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России». М.: Наука, 1990. С. 76-86).

71) Полемика об эксперименте на всероссийских съездах по педагогической психологии // Психологический журнал. 1988. № 1. С. 125-132.

72) Психологические исследования русского географического общества (40-50 годы XIX века) // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии. М., 1988.

73) История русской психологии XVIII и первой половины XIX века // Тезисы доклада VII съезда Общества психологов. М., 1988.

74) Годы учения у С. Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн. М.: Наука, 1989. С. 296-307.

75) Интервью к 80-летию Е. А. Будиловой // Психологический журнал. 1989. № 2. С. 152-155.

76) На рубеже двух веков (К 100-летию журнала «Вопросы философии и психологии») // Психологический журнал. 1989. № 5. С. 126-137.

77) Психологическая мысль в системе русской культуры: Статья для канадского сборника (на англ. языке) (совместно с В. А. Кольцовой и А. М. Медведевым). 1989.

78) Труды по истории русской психологической мысли. Вторая половина XIX — начало XX века / Отв. ред. Т. И. Артемьева, А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Наука, 2008. 504 с. (Памятники психологической мысли)

79) Труды по истории психологии / Отв. ред. Т. И. Артемьева, А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова: Институт психологии РАН. М.: Наука, 2009. 504 с. (Памятники психологической мысли)

Моя мать ^[23]

М. Л. Гаспаров

По-английски говорят: self-made man. Тургеневский Базаров переводил это: «самоломный человек». Моя мать была self-made man; сказать self-made woman было бы уже неточно.

Я не люблю называть себя интеллигентом, но иногда приходится говорить — «интеллигент во втором поколении». В первом была она. Ее мать, моя бабушка, была из крепких мещан заволжской Шуи; в церкви из их семьи поминали «рабов Божиих Терентия, Лаврентия, Федора, Вассу, Харлампия...». Эту кондовую Шую она ненавидела всей душой. Чтобы выбраться оттуда, она вышла замуж за моего деда — шляпа-котелок, усы колечками, непутевый шолом-алейхемов-ский тип, побывал в Америке, работал гладильщиком в прачечной, не понравилось. До революции служил коммивояжером (дорожные открытки с видами самых захолустных российских городов кипами раздували старый альбом), после революции — аптекарем или провизором по таким же городам, вроде Решмы и Вичуги.

Бабушка не работала, от деда помощи было мало, мать начала зарабатывать в старших классах школы: брала править корректуры. В Москве было два университета, на всякий случай она подала заявления в оба, сдала экзамены и в оба прошла. В 1926 году для человека из нерабочей семьи это было почти невысказано. Филологических факультетов не было, был «факультет общественных наук», там изучали все на свете, в том числе узбекский язык и артиллерию. Потом пошла мелким сотрудником в газету «Безбожник», орган Союза воинствующих безбожников под началом Емельяна Ярославского. Подшивки «Безбожника» я листал в

детстве — о мракобесии и растленных нравах церковников, со свирепыми карикатурами.

Душевных сомнений ни у кого не было: даже бабушка на моей памяти ни разу не вспоминала о церкви. Здесь, в «Безбожнике», мать встретила моего отца.

Семейная жизнь детей часто складывается по образцу родителей: бабушка прогнала своего мужа, мать — своего. Она была замужем за горным инженером Лео Гаспаровым, из Нагорного Карабаха. «Карабах — это вверх по степи от Баку, а потом плоскогорье, как гриб, а на нем, как в осаде, одичалые армяне». Знакомый журналист отыскал даже остатки его деревни, напротив «страшного города Шуши». Гаспаров возил туда мать показывать родным: они не понимали по-русски, она по-армянски. Она сбежала через неделю. Всю жизнь они жили врозь; я не удивлялся: горный инженер — значит, в разъездах. Только в первую зиму войны мы жили у него в Забайкалье, и мать каждую неделю ходила по битой дороге за несколько верст на почту за письмами от моего отца.

После войны она работала редактором на радио и ненавидела его так, что радио дома всегда было выключено. Потом, много лет — редактором в Ленинской библиотеке. Нужно было зарабатывать на бабушку и меня. Днем на службе, вечером под зеленой лампой за пишущей машинкой; каждый вечер я засыпал под ее стук. Я видел ее только работающей. За мною присматривала бабушка. О бабушке я ничего не скажу: она умерла, когда мне было четырнадцать, но на месте памяти о ней у меня сразу осталось белое пятно. Лицо ее я помню не вживе, а по фотографиям: довоенное, круглое и деловитое, над чашкой чая, — и послевоенное, изможденное, волосы клочьями взгляд в пространство. Маленький, над книжкой про летчиков, я спросил ее, что

такое «хладнокровный»? Она ответила: «Вот мать хладнокровная, а я нет».

Мне до сих пор трудно понять, что такое эдиповский комплекс: отец и мать для меня слились в матери. Жизнь сделала ее решительной: она всегда знала, что нужно сделать, а обдумать можно будет потом. Она любила меня, но по поговорке: «застегнись, мне холодно».

Ей было тридцать семь, когда оказалось, что в нашей стране нет науки советской психологии. Учредили Институт психологии и объявили прием в аспирантуру без ограничения возраста. Она пришла и сказала: «Я никогда в жизни не занималась психологией, но я умею работать; попробуйте меня». Институтом заведовал С. Л. Рубинштейн^[24], в молодости философ, учившийся в Марбурге с Пастернаком. Он понял ее, дал пробную работу и принял в аспирантуру. Диссертация была о борьбе физиолога Сеченова в 1860-х гг. за материалистическую психологию. Она вышла книгой, стиль правил мой отец. Потом мать перешла на работу в институт, защитила докторскую, выпустила еще две книги по истории русской психологии. В них все было по-марксистски прямо, материализм против идеализма, идеализм чуть-чуть что не назывался поповщиной и мракобесием. «Иначе уже не могу», — говорила она. Но Рубинштейна она любила безоговорочно всю жизнь. После смерти отца смерть Рубинштейна была для нее самым тяжелым ударом.

Наступала усталость: сын, который молчал, невестка, с которой жили в одном доме, внучка, а потом и правнучка, на которых приходилось кричать (обе потом стали психологами). Я уже не боялся ее, а жалел, но так же молча и бездеятельно. Когда я стал членом-корреспондентом, мне сказали: «Если бы вы знали, какая это радость для вашей матери». Она тяжелела и слабела. Стала изредка говорить о прошлом (но никогда

— об отце): чаще о дедовом семействе, чем о бабушкином. («Жили в городе Бердичеве два брата Ниренберги, оба лавочники, Исай богатый, а Абрам бедный.» — сродни Исаевичам были художник Нюренберг и писатель Шаров, из Абрамовичей вышел только мой дед.) Больше всего врезалось в память, как в десять лет в южном городке Ейске, где было посытнее, но нечего читать, она нарочно читала, держа книгу вверх ногами, чтобы на подольше хватило: это был «Фрегат „Паллада“» Гончарова.

У нее был рак горла. Но к врачам она не хотела. Сперва вспухла шея, потом пропал голос, остался только свистящий шепот, потом стало невозможно дышать. В больнице она металась тяжелым телом по постели, раскрывая красный рот и умоляя об обезболивающем. Когда она умерла, тело ее, как полагалось, выставили в морге, чтобы собравшиеся сослуживцы и родственники сказали добрые слова. Служитель в белом халате спросил: «Партийная?» Я ответил: «Нет». Тогда она, не спрашивая, накрыл ее не красным, а белым покрывалом с вышитыми черными крестами и молитвенной вязью по краям. В газете «Безбожник» это называлось мракобесием, но уже начинались годы, когда на это перестали обращать внимание.

Стихотворные поздравления с юбилеями [\[25\]](#)

Ода Е. А. Будиловой

Ваш юбилей как миг прекрасен,
Такой иметь любой согласен
Из тех, кто в зале здесь сидит,
На Вас с любовью глядит.

Ваша первая любовь —
Университет Московский,
Вспоминаете Вы вновь!..
А может. Маяковский?

Ведь диалектику он знал
Не с Гегеля, а с Маркса,
Как штыком ей управлял
Против декаданса.

Вы Гегеля читали,
Спинозу, Гераклита,
Работать с Марксом начали
В редакциях Главлита.

Проблемным был тогда вопрос —
Есть ли бог на свете?
Его поставить каждый мог
В известной Вам газете.

Называлась она
Магически «Безбожник».
Вы же были в ней тогда
Редактор и художник.

Вас по почерку узнал
Голос Коминтерна
И на Радио позвал
Делу служить верно.

Ваш голос не звучал
На волнах эфира,
Но Вы давали материал,
В этом была сила.

Потом аспирантура,
Уроков жизни изученье,
Спецлитература,
Выводы, внедрение.

Маяковский не забыт:
У Вас новая любовь
На Вас Сеченов глядит,
Идете с Марксом вновь.

Это он ведь Вам сказал:
«Сеченов — отличный парень,
В науке время не терял,
Труженик, не барин».

Его давно уж нет
Живут его идеи.
Их раскрывается секрет,
Они не постарели.

Говорите это Вы
В Ваших монографиях.
И ширится науки мир,
Его география.

О том слышит и Париж
Читают Вас в Германии.
Наш повышается престиж
Также и в Испании.

Борис Федорович угадал:
Изменив структуру,
К себе в сектор Вас позвал,
Как в аспирантуру.

Законов не изменить,
Им должно подчиняться.
Чтобы лучше стало жить —
Надобно сражаться.

Вы, как прежде штык, перо
Держите в руках,
Чтобы нам всегда везло,
Стоите твердо на ногах.

Еще раз Вас поздравляем
С прекрасным юбилеем,
Здоровья доброго желаем,
Вам счастья не жалеем.

Сей были-сказке не конец:
Работайте — старайтесь!
Держитесь, Вы — молодец!
И не унывайте!

1984

Елене Мудрой и Прекрасной [\[26\]](#)

За мыслью легкой ум Еленин
взвьется острою стрелой...
Мы с ней плоды победы делим
и славы кубок золотой.

И снова сонмы фраз, как рати
ахейских юношей, встают.
Труда ее родные братья
покоя Трое не дают.

Пусть психология — меньшая
в ряду заслуженных сестер,
Елена, сна себя лишая,
ведет с грядущей славой спор.

Что нам загадки Мельпомены,
Что нам фортуны поворот,
Когда прекрасная Елена
Нас за собою поведет.

В науки сложные извивы
ее упорный ум проник,
как в поведения мотивы
когда-то Сеченов-старик.

Без ссылок на авторитеты —
продукты плоского ума,
историографов советы
творит историю сама.

Сомненья, вечные терзанья
во лжи и истине свела
она в бесценные изданья
и жар душ им принесла.

Подруга Софьи Ковалевской,

Татьяны пушкинской сестра,
она прекрасных русских женщин
в науке долю пронесла.

Духи, вуали незнакомок,
цветаевский смятенный слог,
нет! Дух ее суров и тонок,
а нрав — иль нежен, или строг.

Универстетских кабинетов,
лабораторий первых дух —
совсем сюжет не для поэтов,
язык науки скуп и сух.

Но дщери стройные трудились,
любя науку, много там,
не в неге к клавишам склонились,
а над столом — к черновикам.

Пускай ромansa поклоненье
не чуждо ей,
но всё ж за стол
она садится с гордым мненьем,
что может все прекрасный пол.

В уединенье кабинета
она с машинкой, как с пером,
и с вдохновением поэта
в труде творит за томом том.

Елена мудрая Будила
в пыли заснувшие тома
эпох единство возродила
искусством тонкого ума.

Как провозвестницы призванье

ей всю дорогу суждено
нести высокий светоч знания
сквозь поколение не одно.

Как Трои стрелы, пав в бессилье,
к ногам Елены молодой,
признанья гимн, расправив крылья,
парит высоко над главой.

12 марта 1984 года

Фотографии

1910 г. С матерью (Марией Алексеевной Будиловой)

1915 г. (6 лет 5 мес.)

1917 г. С отцом (Александром Ниренбергом)

1934 г.

1930-е годы. Редакция журнала «Безбожник»

1938 г. С сыном (Гаспаровым Михаилом Леоновичем)

1947 г.

1947 г.

Начало 1950-х годов. С коллегами по библиотеке им. Ленина

1957 г. С внучкой Аленой (Еленой Михайловной Гаспаровой-Волковой)

1970 г. Второе всесоюзное совещание по философским вопросам современного естествознания

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Личный листок
по учету кадров

Будилова

Имя _____ отчество *Александровна*
 Пол *Жен* 3. Год, число и м-ц рождения *1909, 12 марта*
 Местожительства *г. Москва*
(село, деревня, город, район области)

Национальность *русская* 6. Соц. происхождение *из служащих*
 Дата вступления в партию *8/11* партбилет № _____ канд. карт. № _____
(месяц и год вступления)

Является ли членом ВЛКСМ, с какого времени и № билета _____
 Звание *высшее*

Наименование учебного заведения по местонахождению	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Если не окончил, то с какого курса ушел	Какую специальность получил в результате окончания учебного заведения, указать № диплома или удостоверения
<i>Новосибирский Государственный университет</i>	<i>Историко-филологический факультет</i>	<i>1926</i>	<i>1930</i>		<i>Этнограф</i>
<i>Институт филологии АН СССР</i>	<i>Филологический факультет</i>	<i>1947</i>	<i>1950</i>		<i>Кандидат филологических наук (по психологии) № 100422</i>

На какими иностранными языками и языками народов СССР владеете _____

Немецкий и английский (читаю и перевожу со словарем)
(читаете и переводите со словарем, читаете и можете объяснять, владеете свободно)

Ученая степень, ученое звание *доктор психологических наук, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник*
 Какие имеете научные труды и изобретения _____

*имею 47 научных трудов
и наук 3 монографии*

1972 г. Личный листок учета кадров в Институте психологии АН СССР

1977 г. Сектор философских проблем психологии в Институте психологии АН СССР

1977 г. Пятый всесоюзный съезд психологов

1980 г.

1983 г. С внучкой и правнучкой Машей

1980-е годы

Надгробие Е. А. Будиловой и ее сына М. Л. Гаспарова на Миусском кладбище

---

notes

Примечания

Д. К. Зеленин сообщал в 1914 г. в предисловии к выпускаемому им описанию рукописей Ученого архива Русского географического общества: «Составлением программы вполне удовлетворительной и с точки зрения современной научной этнографии Отделение было обязано главным образом Н. И. Надеждину. Программу эту, не вошедшую в свое время ни в одно из повременных изданий Общества и потому теперь крайне редкую, мы перепечатаем в приложении к последнему выпуску своего „Описания“» (Зеленин, 1914-1916, с. 10). Последний том этого издания не был выпущен. Однако М. К. Азадовский в своей книге «История русской фольклористики» указывает, что инструкция Н. И. Надеждина была опубликована в «Своде инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой Русским Географическим обществом» (СПб., 1852). Разыскать этот «Свод инструкций» не удалось, поэтому инструкция описывается по книге М. К. Азадовского (Азадовский, 1963, т. 2, с. 14-15).

В. Вундт употребляет термин *Gemeinschaft*. В русской досоветской психологии поднимался вопрос о переводе этого термина и его отличии от понятия *Gesellschaft* (общество). Перевод первого термина оставался неустойчивым — общежитие, коммунитет, общность. В наше время наиболее удачным представляется понятие «общность», но ведь в него в современной психологии вкладывается несколько иной смысл, чем в вундтовском контексте. Поэтому целесообразно применять выражение «общежитие», или «коммунитет», которое применяли русские психологи прошлого.

В 1858-1859 гг. в «Журнале Министерства народного просвещения» был напечатан перевод сочинения В. Гумбольдта «О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода». В 1859 г. этот перевод вышел отдельным изданием.

Все документы об отношении царской цензуры к труду И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» см. в кн.: Научное наследство, 1956.

С точки зрения социально-психологических проблем эта полемика была исследована Б. Д. Парыгиным (см.: Парыгин, Рудаков, 1971; Парыгин, Флегонтова, 1973).

Статья Плеханова была помещена в сожженном цензурой сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», а потом напечатана в приложении ко 2-му изданию книги «К развитию монистического взгляда на историю».

Наиболее полно социально-психологические взгляды Г. В. Плеханова рассмотрены Б. Д. Парыгиным (см.: Кольцова, 1981; Парыгин, 1965).

О социально-психологических взглядах В. И. Ленина написан ряд работ (см.: Парыгин, 1959; Колбановский, 1965; Поршневу, 1966; Новиков, Зотова, Шорохова, 1980).

Первое издание статьи: Теоретические проблемы психологии личности. М.: Наука, 1974. С. 250–277.

В первом варианте «Элементов мысли», опубликованном в 1878 г. в «Вестнике Европы», № 3-4, Сеченов останавливался на «личных рядах» и противопоставлял свою позицию идеалистическим концепциям. Во втором варианте, опубликованном в 1903 г., глава VII была значительно изменена, автор сократил те абзацы, в которых, по его мнению, он выходил за пределы задачи изучать логическую сторону мышления. «Вдаваться далее в область самосознания я не стану», — писал он.

Программа исследования личности была впервые напечатана в «Вестнике психологии», 1904, № 9, а затем неоднократно издавалась. В качестве приложения № 1 она помещена в кн.: Лазурский, 1923.

Впервые эта работа печаталась в 1915 г. в «Журнале Министерства народного просвещения». После смерти А. Ф. Лазурского его ученики выпустили ее отдельным изданием в 1922 г.

Первое издание статьи: Вопросы психологии. 1985. № 6. С. 96 — 102 (в соавторстве с В. А. Кольцовой).

Личный архив В. М. Бехтерева, хранящийся в Ленинградском психоневрологическом институте им. Бехтерева (папка XXII, л. 4-5). Цит. по: Исаева, 1952, с. 148.

За цикл работ по анатомии и физиологии нервной системы, выполненных в казанский период и вошедших в капитальный труд «Проводящие пути спинного и головного мозга», В. М. Бехтерев был удостоен Петербургской академией наук Золотой медали им. академика К. М. Бэра.

См.: *Драпкина С. Е., Полякова М. Я.* К истории организации В. М. Бехтеревым психофизиологической лаборатории при Казанском университете (октябрь 1885 г.) // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 123. — *Прим. ред.*

Первое издание статьи: Психологический журнал.
1988. № 1. С. 125-132.

Первое издание статьи: Психологический журнал.
1989. № 5. С. 126–137.

Первое издание: Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы: К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989. С. 296–307.

Интервью было опубликовано в 1989 г. в «Психологическом журнале» (Т 10. № 2. С. 152-155).

Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 70.

Беседу с Л. И. Анцыферовой вела И. С. Алексеенко (*Алексеенко И. С. Роль психологического наследия Е. А. Будиловой в развитии отечественной истории психологии: Дис... канд. психол. наук. Приложение 3. М., 2006*).

Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 71–73.

С 1942 г. С. Л. Рубинштейн был директором Института психологии, в то же время организатором и заведующим кафедрой психологии в Московском университете, с 1945 г. организатором и руководителем сектора философских проблем психологии в Институте философии АН СССР.

25

Научный архив ИП РАН. Личный фонд
Е. А. Будиловой. Оп. 4.2.2. Д. 1 (3).

Научный архив ИП РАН. Личный фонд
Е. А. Будиловой. Оп. 4.2.2. Д. 1 (4). Л. 15-18.